

МАЗЕПА

Матьяна
Шаирова-
Яковлева

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1241

(1041)

Матьяна Маирова-Яковлева

МАЗЕПА

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2007

*Издательство выражает благодарность
Библиотеке украинской литературы (Москва)
за помощь в иллюстрировании этой книги*

ВВЕДЕНИЕ

Иван Мазепа — наряду с Богданом Хмельницким — пожалуй, самый известный для широкого круга читателей деятель Украины XVII века. При этом в России и на Западе о нем знают в основном по поэмам А. С. Пушкина и Д. Байрона (боюсь, что даже многие историки), а в Украине — по изображению на 10-гривенной купюре. «Изменник» или «герой» — других красок, кроме белой и черной, для Мазепы обычно не используют, а в детали и подробности вникают очень редко. Удивительно, как политический спектакль с анафемой, устроенный Мазепе Петром I для достижения совершенно определенных задач, на триста лет укоренился в сознании большинства российских историков. Проклятие «предательства» — обвинение, которое воспринималось современниками лишь как предлог для уничтожения автономии Украины, обрело формы аксиомы и неоспоримого греха.

Мазепу вырывали из сложного и противоречивого периода казацких войн, в течение которого все гетманы Украины, начиная с Богдана Хмельницкого, многократно меняли политических союзников, и рассматривали его договор с Карлом XII как нечто небывалое и позорное.

Нагромождение мифов и штампов настолько плотно окружает фигуру Мазепы, что его негативно оценивали даже самые выдающиеся историки Украины, прославившие в своих трудах эпоху Гетманщины, — Николай Костомаров и Михайло Грушевский. Правда, оба они только поверхностно обращались к гетманству Мазепы, не изучали его серьезно и ограничивались первым тенденциозным впечатлением без глубокого анализа источников.

Парадокс заключается в том, что даже авторы, обессмертившие имя Мазепы — Байрон, Рылеев, Пушкин, Гюго, Словацкий, Чайковский, — создавали романтический, очень далекий от истины образ. Своего, нереального Мазепу

придумывают и ура-патриоты всех толков, для которых знаменитый гетман — лишь предлог, чтобы сеять вражду между Украиной и Россией.

Между тем Иван Степанович Мазепа — личность настолько неординарная и многогранная, что для его изображения нужна вся палитра красок. В его жизни было столько приключений, крутых поворотов, ударов судьбы и неизменного покровительства фортуны, что любой художественный вымысел померкнет на этом фоне. Прирожденный политик, одаренный полководец и дипломат, человек отважный, честолюбивый и целеустремленный — он был олицетворением эпохи украинского духовного возрождения и расцвета казачества. Поэт и философ, прекрасно образованный, сказочно богатый, с прозорливым и насмешливым умом, он двадцать лет успешно лавировал в океане политической борьбы, оставаясь у руля Украины. Как любая выдающаяся личность, он, разумеется, возбуждал зависть и ненависть врагов. Пережив множество предательств и доносов, он практически никому не открывал свою душу. И лишь по немногим дошедшим до нас произведениям Мазепы можно угадать в нем тайного романтика, в сердце которого кипели тщательно скрываемые страсти и мечты.

Именно такого, истинного Мазепу мы постараемся извлечь из-под мишуры окутывающей его мифологии. Объективный портрет, выверенные факты позволят читателю самому решать: осуждать или оправдывать этого человека.

Глава 1

КАЗАЦКАЯ УКРАИНА. СЕМЬЯ МАЗЕП

Люблинская уния 1569 года, объединившая Литву и Польшу, набатом отозвалась в украинских землях. Польша — амбициозная, сильная, с могучей армией, честолюбивой шляхтой, устоявшейся культурой и собственной системой ценностей — очень скоро дала понять, что тихие времена Великого княжества Литовского канули в Лету. Традиции Киевской Руси, на которые опиралась и которые ценила литовская аристократия, рушились на глазах. Вместо русского языка — польский, вместо православия — католицизм. Энергично вводилось фольварочное хозяйство с его жесткой системой выжимания доходов и каторжными условиями для крепостных. Новое административное деление — по польскому образцу (воеводства, староства), новые чиновники, новая власть.

С особым вождением польская шляхта смотрела на украинские земли — плодородные, малозаселенные, граничившие с Диким Полем — огромными территориями, пустовавшими со времен татаро-монгольского нашествия. Там была заманчивая перспектива для обогащения, расширения своих владений в ущерб интересам местной элиты.

Украинские княжеские фамилии, потомки Рюрика, оказались неспособными противостоять этому натиску. Начались смешанные с поляками браки, окатоличивание. Перспектива стать элитой могущественной Речи Посполитой их вполне устраивала. Совершенно в ином положении была украинская шляхта¹. Православная в своем большинстве, разочарованная в последствиях Люблинской унии, она на каждом шагу нарывалась на ущемление своих прав, на насмешки и пренебрежение со стороны польских властей, а зачастую — и на прямое посягательство на свою собственность. Поляки смеялись над малограмотными православными попами, над необразованными шляхетными русинами, над отсталой армией и хозяйством. Самое обидное заключалось в том, что мно-

гое из этого было правдой. Речь Посполитая конца XVI века представляла собой европейское государство, кичащееся своей шляхетской демократией, шеголявшее блестящей латынью, обладавшее прославившейся в Европе армией, крепкими родственными связями при французском дворе и пользовавшееся неизменной благосклонностью и поддержкой папы римского.

В Ватикане уже видели реальную перспективу распространить на украинские земли влияние католической церкви, обещали польскому королю небесные награды за такое благое дело и всячески муссировали планы церковной унии. Почти сразу после Люблинской унии на Украине появляются иезуиты, которые открывают бесплатные школы (преимущественно для детей шляхты) и активно ведут свою пропаганду.

Украинская шляхта не могла не видеть, что многие православные священники и монахи действительно погрязли в лени и распутстве, чревоугодии и мракобесии. Полуграмотные и незнакомые с греческим, они были очень слабы в богословии и ничего не могли противопоставить утонченным трудам своих католических оппонентов. Украинские шляхтичи стали все чаще отдавать в иезуитские колледжи своих детей, не имея достойной православной альтернативы и не желая, чтобы те отставали в образовании по сравнению со своими польскими сверстниками. Казалось, и здесь все пойдет по пути постепенного ополячивания и окатоличивания.

Совершенно неожиданно для католической церкви и польской шляхты эффект на украинских землях вышел противоположный. Одним из лучших учеников иезуитских коллегиумов становится будущий лидер украинского освободительного движения Богдан Хмельницкий. В ответ на насмешки и упреки в богословской беспомощности в Украине появляется целая сеть православных братств, главными действующими лицами которых были украинская шляхта и зарождавшееся казачество. Православные братства, создававшиеся на деньги добровольных пожертвований, учреждали школы, открывали типографии, печатали книги. Первая типография была создана на Украине в 1573 году во Львове. Затем типографии появились в Остроге, в Киево-Печерской лавре и других местах. К середине XVII века в Украине их насчитывалось уже 20. Для сравнения: в Москве в это время имела только одна, под жестким контролем патриарха.

На Волыни возникает прославленный православный кружок Константина Острожского, первоочередной задачей которого стало издание Острожской Библии на церковносла-

вянском языке. Работа острожских ученых была, по сути, историко-филологическим исследованием богословского характера, направленным на исправление ошибок переписчиков. Они сравнивали тексты, переводили с греческого и комментировали восточнохристианскую патристику. В Остроге существовала и школа, в которой преподавали грамматику, арифметику, астрономию, геометрию, музыку, риторику и диалектику, дополненные основами поэтики и философии. Ученики параллельно изучали греческий, латынь и церковнославянский. Среди выпускников Острожской школы были будущие киевский митрополит Иов Борецкий и гетман Петр Сагайдачный.

Конец XVI века становится периодом настоящего украинского возрождения, временем появления блестящих полемических трудов и богословских трактатов. Огромное большинство украинской шляхты видело именно в православии возможность сохранения национальной идентичности и способ противостоять польско-католическому натиску. Традиция братств превращала церковь в Украине в тесную семью, в которой забывались сословные различия, сообща решались материальные и прочие проблемы. Существовала и традиция избрания высшего духовенства (вплоть до митрополита) с участием прихожан-мирян, что еще больше объединяло православные приходы.

Однако церковная уния 1596 года (известная как «Брестская»), достигнутая частично благодаря подкупу ряда православных иерархов, частично благодаря силовому давлению, поставила православную церковь на территории Речи Посполитой вне закона. Отбираются церкви, монастыри, изгоняются священники. Любое сопротивление карается силой. Именно в этих условиях становится ясно, что мирным путем отстоять свою идентичность будет невозможно. Начинается эпоха казацких войн, соединившаяся с украинским возрождением по сути и целям.

Казачество в Украине значительно отличалось от аналогичных явлений на юге России. Правда, начиналось все так же: буйные головы бежали в вольные края в поисках свободы, добычи и приключений. Географическое положение Украины, своеобразного буфера на пути турецко-татарской агрессии в Речь Посполитую и Московское государство, еще больше способствовало быстрому росту казаков. Но были и отличия. Прежде всего то, что казаками зачастую становились люди родовитые, которым не нравились порядки в Речи Посполитой, а сами казаки быстро превращались в политическую оппозицию, защитников православия и соответственно —

национальной идеи. И все чаще украинская шляхта связывала свою судьбу с Войском Запорожским.

Еще более привлекательным для украинской шляхты стало казачество после образования легальных «реестровых» полков на службе у польского короля. Такая служба открывала перспективу карьерного роста «среди своих», получения социальных и материальных льгот и избавления от произвола польских властей. Постепенно реестровые, прежде всего их старшина², начинают претендовать на административные функции в районах, отведенных им для жизни польским правительством в Украине.

Казачество становится грозной силой, не считаться с которой в польском правительстве уже не могли. Все восстания проходят под знаком защиты православия и расширения льгот казачества. В начале XVII века казаки добиваются официального восстановления православия в Речи Посполитой, отстаивают от притязаний униатов Киево-Печерскую лавру и возводят на должность митрополита Иова Борецкого, а после его смерти — Петра Могилу. Настоящим сплавом украинской элиты и казачества становится прославленная Киево-Могилянская академия, первое высшее учебное заведение в Восточной Европе, давшее десятки политических и духовных лидеров Украине и России.

Восстание Богдана Хмельницкого коренным образом меняет всю ситуацию в Речи Посполитой и в Восточной Европе. Поляки терпят сокрушительное поражение. Вся реальная власть на огромных территориях Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств переходит в руки казацкой старшины. Десятки тысяч бывших крепостных становятся свободными и пополняют ряды казацких полков. Крым, Турция, Москва, Трансильвания, Швеция и другие заинтересованные в Восточной Европе страны начинают переговоры с Хмельником.

Уже через несколько месяцев восстания военные победы оформляются в новое политическое образование — Гетманщину. Возникают административная и финансовая системы управления. Создается внешняя политика новой державы, формируется ее элита.

Годы восстания Хмельницкого становятся водоразделом для украинской шляхты. Некоторая ее часть, напуганная размахом восстания, отрешивается от казацких идей и переходит на сторону поляков. Но очень многие шляхтичи всей душой принимают идеи Гетманщины и становятся ее лидерами и вдохновителями. Выговские, Богун, Кричевский, Гоголь, Гуляницкие, Нечай и другие — именно им украинское

казацкое государство было обязано своими успехами в борьбе с сильным и опытным противником. Шляхта занимает в войске Хмельницкого посты писарей, руководит генеральной канцелярией (то есть главным органом управления Гетманщины), выполняет дипломатические поручения.

Конечно, шляхтой руководили прежде всего политические амбиции — возможность получения реальной власти и участия в управлении страной. Очень многих из них толкали к восставшим личные обиды на поляков (это относится и к самому Б. Хмельницкому, и к И. Выговскому, и ко многим другим «шляхетным казакам»), сознание невозможности воплотить свои таланты и честолюбие в рамках польско-католической Речи Посполитой. С другой стороны, украинская шляхта, сделавшая «казацкий» выбор, становилась последовательной и верной носительницей идей Гетманщины. В отличие от «показаченных» бывших крепостных, «терявших только свои цепи», они, по закону Речи Посполитой, теряли очень многое, включая свое шляхетство, имущество и право на жизнь: все шляхтичи — последователи Хмельницкого объявлялись «банитами», то есть приговоренными к смертной казни и лишенными всех привилегий.

Среди тех украинских шляхетских фамилий, которые приняли самое активное участие в восстании Хмельницкого, была и семья Мазеп.

Мазепы происходили из белоцерковских бояр, еще в 1572 году получивших «хутор на Каменице», позднее названный Мазепинцами. В документах конца XVI века упоминается Михаил Мазепа, собственник местечка Каменицы под Белой Церковью — дед нашего героя.

Судьба Мазеп очень схожа с судьбами других православных шляхетных фамилий, тех же Хмельницких или Выговских. Образованные и талантливые, владеющие небольшими, но крепкими хозяйствами, имеющие все основания претендовать на заметную роль в своей стране, они подвергались преследованию польских властей и были не в состоянии реализовать свои возможности. Отсюда — обращение к казачеству и участие в казацких восстаниях.

Биография Ивана Мазепы полна неточностей, мифов и фальсификаций. Даже в самых популярных работах о нем (как, например, монография Н. Костомарова), даже в современных научных украинских справочных изданиях встречаются мистификации и ошибки. Это, в частности, относится к легендарному Федору Мазепе, полковому судье, который якобы участвовал в восстании С. Наливайко в конце XVI века и был казнен поляками в Варшаве. Фигура этого псевдо-

родственника упоминается многими биографами И. Мазепы, в то время как он был всего лишь выдумкой автора «Истории Русов» — литературно-пропагандистского произведения конца XVIII века³.

Тем не менее Мазепы действительно «казаковали». Так, современная событиям летопись Самовидца сообщает, что Мазепы «в войске значительны». Отец Ивана — Адам Степан Мазепа — был вхож в высшие польские круги. Об этом говорит один любопытный факт. Будучи осужденным на инфамию⁴ и смертную казнь за убийство некоего польского шляхтича Я. Зеленского (скорее всего — во время наезда⁵, дела обычного для тех времен), Мазепа-отец сумел получить охранный лист от самого короля за подписью канцлера Речи Посполитой Ежи Оссолинского⁶. Произошло это в 1645 году, примерно в то же время, когда защиты у короля добивался и другой украинский казакующий шляхтич — Богдан Хмельницкий. Владислав IV, как известно, надеялся использовать казаков в борьбе со своевольными магнатами, отсюда и покровительство Мазепе в обход решений трибуналов.

Доподлинно известно, что Мазепы поддержали восстание Хмельницкого и заняли видное положение в родном Белоцерковском полку. В 1654 году там числились Мирон и Юско Мазепа, и оба присягнули на верность русскому царю⁷. Отец Ивана — Адам Степан Мазепа — был белоцерковским атаманом⁸. Сразу после присяги царю в Переяславе в 1654 году он вместе со своими родственниками, тоже украинской шляхтой Белоцерковского полка Трушинскими и Мокиевскими, предпринял беспрецедентную попытку закрепить элитное положение шляхты среди казаков. От лица украинской шляхты они подали русским воеводам проект распределения старых польских воеводств и урядов⁹. Факт сам по себе очень показательный и свидетельствующий, что Мазепам были вовсе не чужды идеи государственности и участия в управлении собственной страной.

Один из расхожих мифов о Мазепе, заложенных еще в петровской антимазепинской пропаганде и подхваченных Н. Костомаровым, — это его якобы «пропольские» и даже «прокатолические» симпатии¹⁰. На наш взгляд, Мазепы, наоборот, — ярко выраженный пример воинствующего украинского православия, в самом лучшем смысле этого слова. Между прочим, даже недолюбливавший по личным причинам Мазепу Самойло Величко в своей летописи характеризовал его как «шляхтича козакоруского»¹¹.

Глубокий интерес Ивана Мазепы к православному богословию, огромные средства, которые он жертвовал на стро-

ительство православных церквей и монастырей, имели серьезную семейную традицию. Самой яркой фигурой здесь была мать Ивана — в девичестве Марина Мокиевская. Вообще, мать Мазепы сыграла очень большую роль в его жизни. Он пережил ее всего лишь на год (она дожила примерно до 90 лет). Марина Мокиевская была выдающейся личностью. В отличие от Московского государства, где женщины высшего общества томились в теремах, в Украине XVII века они зачастую играли видную роль в политике. Некоторые склонны видеть в этом наследие традиций Киевской Руси, другие — польское влияние.

Отец и брат Марины были старшинами у Хмельницкого и погибли в боях с поляками — отец под Чортковым (1655), а брат под Дрыжеполем (1655). Сама она была активным деятелем украинской православной церкви — в частности являлась «сестрой» Луцкого православного братства. О роли братств на Украине мы говорили выше. После смерти мужа (1665) она приняла постриг под именем Марии Магдалены и вскоре стала настоятельницей самого влиятельного женского монастыря — Печерского Киевского Вознесенского. Впоследствии она совмещала этот пост с должностью игуменьи Глуховского Успенского монастыря. Мария Магдалена была женщиной с твердым, решительным и властным характером. До самой смерти она оказывала очень большое влияние на сына, о чем мы еще будем говорить.

Влияние Марии Магдалены видно и в случае с ее дочкой, сестрой Ивана — Александрой. Выйдя замуж после смерти первого мужа за польского аристократа Яна Войнаровского — киевского земского судью, ловчий овруцкого и писаря владимирского, Александра вскоре бросила мужа из-за религиозных разногласий (он был католиком) и удалилась в Печерский монастырь к матери. Мы еще будем говорить, какой шквал недовольства в Польше и какое давление на Мазепу-гетмана вызовет этот поступок его сестры.

В сложный и противоречивый период казачьих войн многие решались защищать свои религиозные убеждения. Поэтому такая последовательность и упорство Мазеп заслуживают уважения.

Об участии Адама Мазепы в войнах Хмельницкого после 1654 года мы ничего не знаем вплоть до момента, когда умершего Богдана Хмельницкого сменяет новый гетман — украинский шляхтич Иван Выговский. В Украине начинается печальный период так называемой Руины. Внутренние неурядицы, борьба за власть различных группировок старшины, недовольство «черни», стремящейся попасть в приви-

легированное казачье сословие, осложняются вмешательством соседних держав. Речь Посполитая и Турция решают, что это подходящий момент подчинить Украину своей власти, а Москва пытается урезать права своевольных гетманов, заигрывая с их политическими оппонентами и чернью. Результат оказывается прямо противоположный планам окружения Алексея Михайловича: в сентябре 1658 года Иван Выговский подписывает с Речью Посполитой Гадячский договор, декларировавший создание триединого государства — Польши, Литвы и Княжества Руського. Украина должна была получить широкую автономию, собственный сейм, монету и прочие привилегии. Среди посланцев Выговского на польский сейм, который должен был утвердить Гадячский договор, значится и Адам Мазепа. Он явно был сторонником «государственной группировки» казацкой старшины, желавшей самим управлять своей страной. Вместе с Выговским Адам Мазепа получает награды от сейма (в частности, подтверждение своих прав на Каменицу, то есть снятие инфамии), но поляки отвергают большую часть условий Гадячского договора и отталкивают от себя Украину.

Теперь уже ничто не могло остановить стремительно нараставшую Руину. После недолгого возвращения «под руку» царя Украина раскололась. Левобережье осталось за Москвой (частично добровольно, частично благодаря длительным военным экспедициям), Правобережье снова признало польского короля. Значительной частью старшины и шляхты овладели апатия и разочарованность.

Именно в это сложное время, в начале 60-х годов XVII века, на политическую арену Речи Посполитой выходит юный, но полный честолюбивых надежд Иван Мазепа.

Глава 2

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ МАЗЕПЫ

Вся биография Ивана Мазепы пронизана множеством легенд и фактических ошибок. Даже своей мировой известности, сохраняющейся по сей день, Мазепа обязан не столько своим подвигам, заслугам и достижениям, сколько двум любовным романам, один из которых вообще плод литературной фантазии, а второй на самом деле был весьма далек от интерпретации Пушкина. Поэтому перед нами стоит очень сложная задача: шаг за шагом отделить зерна от плевел, сохраняя беспристрастность и строго придерживаясь фактов.

Даже в дате рождения Мазепы по-прежнему имеются разночтения. Казалось бы, вполне определенно можно считать, что родился он 20 марта 1639 года в родовом селе Мазепинцы на Правобережной Украине¹. Тем не менее во всех российских справочниках по-прежнему фигурирует ошибочная дата — 1644 год (вслед за Н. Костомаровым), делающая нашего героя на пять лет младше. Детство Мазепы выпало на бурные годы восстания Хмельницкого. Белоцерковский полк, где жила семья Мазепы и в котором, как мы видели, далеко не последнюю роль играл его отец, был одним из центров правобережного казачества.

Из воспоминаний доверенного секретаря и одного из немногих близких гетману людей — Филиппа Орлика (мы еще будем говорить о том, что исторический Орлик не имел ничего общего с пушкинским палачом Кочубея) доподлинно известно, что Мазепа обучался в знаменитой Киево-Могилянской академии, о роли которой в украинском обществе мы говорили выше. Было это, видимо, в начале 50-х годов XVII века. По данным казацкой летописи Самойла Величко (современника Мазепы), он закончил обучение в Академии классом риторики². Отсюда — прекрасное знание языков, поражавшее современников. Мазепа, кроме украинского, русского и польского, свободно владел латынью (по воспо-

минаниям французского дипломата Жана Балюза, «блестящим знанием этого языка мог соперничать с лучшими нашими отцами-иезуитами»), говорил по-итальянски и по-немецки. Орлик свидетельствует, что очень хорошо Мазепа знал и татарский, которым в те времена владели многие из казачьей старшины.

Академия давала и неплохое знание древних авторов — Платона, Аристотеля. В различные минуты своей жизни Мазепа цитировал по памяти Горация и Овидия. Любимым его произведением был «Государь» Макиавелли. Не правда ли, не совсем обычный образ для казачьего лидера: уединенно коротающий вечер в своем шатре среди военного стана за томиком латинских стихов... Между тем именно в Киево-Могилянке Мазепе, видимо, привили любовь к поэзии — там студенты изучали литературу от греческой классики до Ренессанса. Впоследствии гетман сам будет писать стихи, которые и сейчас поражают глубиной философским смыслом, трагичностью и верностью формы³.

Ректором Академии в те годы, когда там учился Мазепа, был известный православный деятель Лазарь Баранович. Активный сторонник Хмельницкого, он должен был прививать своим студентам идеалы казачьей вольности. Впоследствии ученик Барановича гетман Мазепа будет жертвовать огромные деньги на строительство храмов в его епархии, всячески способствовать его усилиям по распространению идей просвещения в Украине.

Примерно в 1657—1659 годах молодого Мазепу посылают учиться на Запад⁴. И. Бутич (к сожалению, без ссылки на источник) пишет, что Мазепа изучал артиллерию в Голландии, в городе Девентере⁵. Кроме того, он был в Италии, Германии⁶, в Париже, на юге Франции⁷. Величко говорит, что в этот период Мазепа закончил курс философии — высший этап в системе образования того времени⁸.

Поворотным моментом в жизни Ивана стал выбор его отца — сторонника гетмана И. Выговского и Гадячского договора. В условиях обострения отношений с Москвой идее Княжества Руського были привержены многие выдающиеся деятели Украины — И. Богун, О. Гоголь. Получив вместе с гетманом награды от польского сейма, Степан Мазепа затем в 1659 году разделил и его судьбу изгнанника. Это было сложное время. Сторонников Выговского преследовали, Юрий Немирич был растерзан чернью, как и посланец гетмана, зачитавший на раде статьи Гадячского договора. Выговский вынужден был удалиться от дел и довольствоваться пустым званием воеводы киевского. Так же почетно, под

именем подчашия черниговского, отстранился от политики и Степан Мазепа. Желая уберечь сына, он отправляет его к польскому королю с письмами от Выговского. Поляки в этот период заигрывают со старшиной, стремясь удержать хоть небольшую их часть на своей стороне, и Иван получает должность королевского покоевого — почетный придворный сан, дающий право находиться при особе короля⁹. Факт далеко не исключительный — на польской территории учились дети многих из казачьих старшин, например знаменитого полковника О. Гоголя. Имеются сведения, что при польском короле находился и сын легендарного запорожского атамана Ивана Сирко. Сам будущий гетман объяснял, что отец хотел дать возможность сыну «обучаться обхождению с людьми возле королевской особы, а не где-нибудь в корчмах». Между прочим, в литературе часто ошибочно пишут, что Мазепа был «пажом» (вслед за французом де ла Невиллем). Между тем «покоевый» — это одна из официальных почетных придворных должностей Речи Посполитой, наряду с «конюшим», «кравчим» и другими.

Мазепе было всего двадцать лет, но он был прекрасно образован, имел широкий кругозор и огромные амбиции. До нас дошли воспоминания человека, встречавшего его в этот период его жизни. Француз Жан Балюз писал, что «в молодости видел пана Мазепу, красивого и стройного, при дворе...»¹⁰.

Молодой красавец-казак, владевший европейскими языками, не мог не выделяться в окружении Яна Казимира. Вряд ли сам король — бывший кардинал и фанатичный католик, известный своей грубоватостью и непримиримостью к казакам, мог питать к нему теплые чувства. Однако имеются смутные данные, что королева, француженка Мария Людовика, покровительствовала юному Ивану. Косвенно об этом говорит и тот факт, что Мазепу «хорошо знал» французский посол при варшавском дворе — отец упоминавшегося Жана Балюза. Само по себе близкое знакомство мелкого придворного (к тому же — казака) с иностранным послом вызывает много любопытных предположений. Следующий французский посол, Бонак, позднее писал: «Как я слышал от пани воеводиной Бельской, гетман Мазепа помимо других своих способностей легко привлекает к себе своими чарами женщин, если только хочет этого». Способность эту Мазепа не утратил вплоть до самой старости.

О придворном периоде жизни Мазепы мы знаем достоверно только два эпизода, но весьма показательных. Первый относится к его взаимоотношениям с Яном Пасеком, авто-

ром знаменитого «Памятника», принесшего европейскую известность имени Мазепы, хотя и в далеко не самом выгодном свете. Именно Пасек приписал Ивану эпизод, который впоследствии использовали Байрон и Пушкин — что якобы за любовную интригу с некой замужней шляхтянкой оскорбленный муж пустил его скакать обнаженным на диком коне. Известно, что Пасек приводит в своем произведении много фантазий и литературных вымыслов, так что попробуем разобраться, что же было на самом деле.

В 1661 году Пасек случайно встретился с Мазепой, ехавшим из Варшавы к королю в Гродно. Иван сразу же догадался, что Пасек направлялся к литовским конфедератам в качестве посланника своего командира, воеводы русского, и поспешил сообщить об этом королю. Пасек был арестован, но сумел оправдаться перед сенаторами¹¹. Однако, безусловно, затаил злобу на «нобилитованного казака», как он сам именовал Мазепу. В своем «Памятнике» Пасек приводит очень любопытный и показательный случай их очередного столкновения. Произошло это в «последнем покое, перед тем, где был король», то есть в приемной. Пасек, придя к Яну Казимиру, увидел там Мазепу (тот ведь был «покоевым»). Поляк, по собственному выражению, был «хорошо выпивший» и сразу обменялся с Мазепой несколькими острыми фразами, а затем ударил его по лицу. Иван схватился за саблю, Пасек тоже. Придворные бросились к ним, крича: «Стой, стой! Король здесь за дверью». При этом, как отмечает Пасек, никто не встал на сторону Мазепы. Ситуация очень показательная. Мазепа проявил смекалку и, соблюдая интересы короля, арестовал бунтаря-конфедерата. Теперь он был публично оскорблен своим оппонентом, и все равно симпатии его польских коллег были на стороне пьяного забияки-конфедерата. Самое примечательное, как это объяснял Пасек: «...тот был немного плут и к тому же казак, недавно нобилитированный»¹². Это описание он завершил следующим пассажем: Мазепа «пошел из покоя чуть не плача; не так ему было больно от удара, как от того, что придворные не признавали его за коллегу». Эпизод этот прекрасно характеризует отношение среднего польского шляхтича к украинским казакам, даже к шляхетной старшине. Тут можно вспомнить, как другой поляк-шляхтич, Миколай Емолковский, писал в 1659 году в своем личном дневнике с возмущением, оценивая условия Гадячского договора: «...казаков, простых крестьян 2000 человек званием шляхетства польского награждено»¹³. То есть разницы между «холопом», «крестьянином» и «казак» они не видели.

Король формально примирил Мазепу с Пасеком, заставив их публично обняться, но последний, как считают современные историки, решил по-своему отомстить «казак» и приписал ему в своем «Памятнике» историю адюльтера с пани Фальбовской. Возможно, похожий эпизод и имел место где-то в Речи Посполитой, но явно не с Мазепой (хотя не исключено, что тот и впрямь пользовался благосклонностью польских шляхтянок). Пасек в своем произведении заявляет, что Мазепа «от стыда» поехал вон из Польши и что якобы не знает, что с ним дальше стало. Это явная ложь, так как в 90-е годы XVII века, когда Пасек писал свой «Памятник», о Мазепе, тогда уже гетмане Украины, знали в Речи Посполитой все. Пишет Пасек, что Мазепу «отдали на учебу к французам», но, как мы говорили выше, этот эпизод его биографии, видимо, имел место еще до службы при польском дворе.

Эпизод «с конем» — вымысел Пасека и с хронологической точки зрения. Его столкновение с Мазепой в придворном покое произошло в 1662 году (примерно в начале лета), и соответственно расправа Фальбовского должна была иметь место после этого. Но «уехать с Польши» Иван в конце 1662 года никак не мог, так как в конце января 1663 года король послал его (своего «покоевого») к гетману Правобережной Украины Павлу Тетере¹⁴. Со своим заданием Мазепа справился успешно, и в конце марта Ян Казимир поручает ему необыкновенно торжественную и почетную миссию — отвезти Тетере «клейноды» — символы гетманской власти. При этом многие вопросы для обсуждения с гетманом поручались Мазепе «на словах». Король настолько высоко ценил молодого казака, что считал возможным на следующем этапе его поездку к гетману Левобережной Украины Якиме Сомко, с которым у поляков были крайне напряженные отношения¹⁵. Все это, безусловно, доказывает, что вымысел Пасека о «позорном бегстве» Мазепы из Польши не имеет под собой никакой основы. Если бы на нем действительно стояло «позорное клеймо», он не мог бы получить столь почетного задания от короля. Следует отметить, что Николай Костомаров и ряд других хулителей Мазепы, вопреки очевидности, не подвергали этот эпизод его биографии сомнению.

Миссия Мазепы к правобережному гетману — это второй известный эпизод его «придворной жизни». Встретили Мазепу у Тетери крайне недоброжелательно. Гетман был оскорблен, что клейноды были привезены ему от короля «персоной столь маловажной», и напоминал, что его предшественникам они вручались польскими сенаторами. Королю было написа-

но гневное послание, достаточно ясно иллюстрирующее, что происходило у Тетери. От лица Войска Запорожского заявлялось, что гетману запрещено принимать регалии из рук Мазепы, «как лица вовсе незначительного, своего брата-казака, неизвестного ни там, ни здесь никакой заслугой: он-де не дорос еще до такой чести, и крепко журило его за то, что он, не давши себе отчета в том, кто он такой и какое его звание, отважился возложить на себя ту обязанность...»¹⁶.

В какой-то миг мир Мазепы рухнул, оказываясь воздушным замком, построенным на песке. В дальнейшем ему еще несколько раз предстояло начинать все заново, оказываясь на грани гибели. Каждый раз он мужественно держал удар судьбы и находил в себе силы, чтобы начать сначала. Но, наверно, тогда, в первый раз, в двадцать четыре года, было особенно тяжело. Неожиданно откровенно и жестко ему дали понять, что в Польше он всегда будет только «казаком-схизматиком», человеком второго сорта, без права претендовать на многое. А для казаков он был «ляхом», никому не известным и никому не нужным. Все его знания языков, европейское образование и незаурядный ум ничего не значили. И теперь, в двадцать четыре года, после долгих лет упорных занятий и трудов, надо было начинать все сначала, если его не устраивала роль середнячка, покорно сносящего все удары окружающих.

Мазепа делает непростой, но верный выбор — он остается в Украине. Он понял, что здесь он свой, «казак», хотя и неизвестный. А в Польше — он тоже «казак», и значит — чужой. На всю свою долгую жизнь он сохранит неприязненное отношение к «шляхетской республике», не сумевшей оценить его по достоинству, и будет с тайным удовольствием наблюдать начало падения Речи Посполитой.

После неудачного пребывания у Тетери, во время похода поляков на Левобережье, сообщает летопись С. Величко, Мазепа отклонился от королевской службы и остался при своем отце¹⁷. Тут нельзя забывать о связях Степана Мазепы с Иваном Выговским, который выходит в 1663 году из тени небытия и возглавляет старшинский заговор на Правобережной Украине, направленный против Польши. В этом заговоре принимали участие такие выдающиеся деятели Украины, как Иван Богун (он возглавлял заговор среди казаков, бывших при короле), Петр Дорошенко, Остафий Гоголь, Михаил Ханенко, митрополит Иосиф Тукальский и многие другие. Вполне вероятно, что С. Мазепа тоже не остался в стороне от этих событий, тем более что их эпицентр был в районе Белой Церкви — недалеко от родового гнезда

Мазеп¹⁸. Заговор потерпел неудачу, Выговский и Богун были казнены, многие арестованы. В этой обстановке, в условиях начавшегося восстания на Правобережье, Мазепа и остается в Украине. К тому же в 1665 году умирает его отец. В 1666 году Дорошенко заключает союз с Турцией, направленный против поляков, в 1667 году умирает королева Мария Людовика, а в 1668 году отрекается от престола Ян Казимир. Украина уже никогда добровольно не будет с Польшей, и только на белом коне победителя вступит Мазепа в польские земли.

Делая свой выбор в пользу казаков (что вообще-то было естественным следованием семейным традициям), Мазепа ставил себя в непростую ситуацию. У него были молодость, силы и военные навыки — неплохой багаж, чтобы начинать карьеру в Войске Запорожском. Жан Балюз отмечал его «большую военную отвагу». Но силы и ловкости было явно недостаточно, чтобы добиться желаемого. С его честолюбием и амбициями такой путь был слишком долгим и уязвимым. И Мазепа принял решение, сразу менявшее его статус: примерно в 1668 году он женился на вдове Ганне Фридрикевич, старше его по возрасту, имевшей двух детей. Главным достоинством Ганны были ее родственные связи. Ее отец — Семен Половец, был знаменитым казацким старшиной, полковником белоцерковским еще при Богдане Хмельницком. В конце 60-х годов XVII века он имел звание генерального есаула, а затем и судьи у Петра Дорошенко. Первый муж Ганны (он погиб около 1665 года¹⁹) — Самуил Фридрикевич — был белоцерковским полковником у Тетери, а затем у Опары. Родная сестра Ганны была замужем за Дорошенко²⁰. Таким образом, благодаря своей женитьбе Мазепа сразу становился близким и доверенным человеком в окружении гетмана Дорошенко. Это лишний раз доказывает, что на прошлом Мазепы не было никакого «пятна позора» в стиле рассказней Пасека — можно не сомневаться, что в противном случае ему бы не позволили породниться с казацкой элитой Правобережья.

Конечно, ни о каком «бурном романе» с Фридрикевич, по крайней мере со стороны Мазепы, речи не шло. Налицо — брак по расчету. Поступок, безусловно, свидетельствующий о честолюбии нашего героя и о его страстном желании сделать карьеру. Впрочем, вряд ли в истории были политические или военные деятели, лишённые честолюбия. Но, с другой стороны, брак Мазепы доказывает, что вопреки шаблону, используемому в определенного рода литературе, он совершенно сознательно сделал свой «казацкий» выбор, порвав все нити, связывавшие его с Варшавой.

Следует отметить еще один момент: именно в течение этих нескольких непростых лет Мазепа превратился из вспыльчивого и заносчивого юнца, который хватался за саблю в приемной короля и решался отправиться к гетману с регалиями власти, в того Мазепу, который так и остался для историков загадкой. Скрытного, не доверяющего никому, сдержанного на эмоции и держащего за семью печатями свои мечты и планы. Только обладая огромной силой воли и необыкновенной целеустремленностью, он мог совершить это превращение, позволившее ему стать успешным дипломатом и политиком.

Весьма показательны два независимых отзыва людей, хорошо лично знавших впоследствии Мазепу. Орлик писал: «От покойного Мазепы научился я, что когда в свою очередь нужно высказать свое мнение, то нередко бывает лучше совсем промолчать». А Жан Балюз отмечал, что когда Мазепа «разговаривает, то больше любит молчать и слушать других... Он принадлежит к тем людям, что предпочитают или вообще молчать, или говорить и не сказать». И это при том, что Мазепа оставался надменным гордецом, способным на безудержную страсть, не лишенным тщеславия и не безразличным к внешним атрибутам своей власти. За нарочитым самоуничижением перед российскими временщиками скрывались блестящий ум и сознание собственного превосходства, за холодной расчетливостью карьериста — пылкий романтизм человека, верящего в свои идеалы.

Многие негативно оценивают эту двойственность Мазепы, считая его лицемером. Но разве мог другой человек вырвать Украину из хаоса Руины, находить компромиссы с противоборствующими лагерями, строить и создавать, побеждать и объединять? История отвечает однозначно: сделать это смог только Мазепа.

Его карьера у Петра Дорошенко началась в страшное для Украины время. Руина охватывает всю территорию Гетманщины — в буквальном и переносном смысле этого слова. Как яростные коршуны, дрались за украинские земли Московское государство, Речь Посполитая и Турция. По Андрусовскому договору 1667 года Левобережье осталось за Москвой, а Правобережье — за Польшей. Интересы гетманов и Украины при этом, разумеется, не учитывались. Можно тут отметить, что Речь Посполитая, выбрав путь имперской экспансии, спустя сто лет повторит судьбу разделенной Украины.

В самой Гетманщине, как обычное следствие революционных событий, началась кровавая борьба за власть, в которой каждая группировка жаждала гибели другой. На Право-

бережной Украине гетман Тетеря бежал, бросив булаву. На его место избрали Опару, который вскоре был убит. Гетманом стал Петр Дорошенко, который по примеру Хмельницкого заключил союз с Крымом в декабре 1666 года. Он начинает поход на Левобережье, стремясь вновь объединить Украину. Гетман Левобережной Украины Иван Брюховецкий, проводивший промосковскую политику, своей попыткой провести перепись населения для установления жестких налогов вызвал всеобщее недовольство. В условиях наступления Дорошенко на Левобережной Украине вспыхнуло массовое восстание против Брюховецкого. Он сложил булаву перед Дорошенко, но это не спасло его от гибели. На какое-то недолгое время Гетманщина вновь собралась под булавой единого гетмана. Но воспользоваться моментом Дорошенко не сумел. Он уехал в Чигирин (гетманскую резиденцию на Правобережье), оставив своим заместителем Демьяна Многогрешного. Испытание властью оказалось слишком велико. Многогрешный присягнул на верность Москве в обмен на булаву левобережного гетмана (март 1669 года).

Дорошенко хотя и не признавал «самозванца», но готов был с ним сотрудничать, чтобы добиваться от Москвы уступок, широких автономных прав, на которых он готов был признать власть русского царя. Для того чтобы иметь на переговорах с Москвой более весомые аргументы, Дорошенко заключил договор с Турцией о совместном освобождении правобережных земель Украины от польского владычества. В мае 1672 года султан выступил с огромной армией, взял неприступную твердыню Речи Посполитой — Каменец-Подольский и осадил Львов. Поляки в ужасе подписали 7 октября 1672 года Бучачский договор, по которому отказались от притязаний на Украину. У Москвы теперь были развязаны руки, чтобы принять Дорошенко вместе с Правобережьем.

Но Руина делала свое темное дело. Жажда власти овладела сердцами. Старшина организовала заговор против Многогрешного. По соглашению с московскими воеводами его арестовали и отправили в Москву (март 1672 года). Там бывшего гетмана подвергли пыткам и, не добившись никаких доказательств его вины, вместе с семьей навечно сослали в Сибирь. Левобережным гетманом избрали генерально-го судью Ивана Самойловича, ставленника старшины, полностью лояльного Москве. Самойлович хотя и был сторонником идеи объединенной Гетманщины, но опасался, что единым гетманом мог стать Дорошенко.

Между тем внешняя ситуация тоже меняется. Польский военачальник Ян Собеский одержал блестящую победу над

турками под Хотинном, и вскоре восхищенная шляхта избрала его польским королем на место умершего Михаила Вишневецкого. На Правобережье росло недовольство против Дорошенко из-за грабежей его союзников татар и турок. К тому же ему приходилось воевать еще с одним самозванным «гетманом» — Иваном Ханенко, ориентировавшимся на Польшу. Самойлович всячески настраивал царское правительство против Дорошенко, и в Москве начали охладеть к идее «единой Украины», осуществление которой представлялось все более сложным и далеким.

Вот в такое страшное время Мазепа становится близким к Дорошенко человеком. Удушающая атмосфера Руины — всеобщей подозрительности, недоверия и доноительства должна была оставить неизгладимый след в душе Ивана. Орлик впоследствии писал о Мазепе, что «всем известно, как он никому не верил и как тяжело было заслужить его доверие». В эти годы Мазепа пишет поэму, одну из трех дошедших до нас (точнее — думу), в которой с болью и гневом рассуждает о трагичной судьбе Украины. Жестокий укор он бросает своим соотечественникам:

Мира искренне желают,
Но не вместе все гуж тянут.
Тот направо, тот налево,
А все братья, то-то дело!
Нет любви и нет единства,
Как у Желтых Вод начали биться²¹;
От раздора все пропали
И себя завоевали²².

Он осуждал гетманов, заключающих союз с неверными, продающихся за деньги полякам или прислуживающих Москве. Такая политика, по мнению Мазепы, приводила к огромным бедам на Украине.

Со всех сторон враждуют,
Огнем, мечом воюют.
Кругом несправедливости,
И нет нигде учтивости;
Мужиками называют
И присягой попрекают²³.

На извечный вопрос «что делать?» Мазепа откровенно писал: «Я один, бедный, не одолею» и призывал «без всякой политики» взяться за руки —

А за веру хоть умрите,
Вольность нашу защитите!²⁴

Эта поэма Мазепы, без преувеличения, представляет собой одну из самых верных оценок сущности Руины.

Работать с Дорошенко было непросто. Хотя он был старше Ивана только на двенадцать лет и в свое время тоже учился в Киево-Могилянской академии, но они происходили из разных миров. С юных лет Дорошенко служил в казачьих войсках, пройдя за годы воспитания Хмельницкого путь от рядового до полковника. Суровый, жесткий и мрачный — с ним было сложно находить общий язык. Но позволю себе предположить, что идеалы единой, сильной Гетманщины, в которые так свято и бескорыстно верил Дорошенко, навсегда остались священными и для Мазепы. Свообразным символом этих идей был все тот же Гадячский договор, за который боролся отец Ивана, которого теперь добивался от поляков Дорошенко и к которому снова обратятся старшины Мазепы в тревожном 1707 году.

Дорошенко вполне оценил «расторопность и пытливость» — характеристика летописи С. Величко²⁵ — молодого казака. Правда, занимал он в окружении гетмана весьма своеобразное положение — ему доверяли, его ценили, к нему относились с уважением, но официального звания не давали и держали на некоторой дистанции. Иван принимал участие в военных экспедициях Дорошенко, летом 1672 года возглавлял гарнизон захваченного казаками Крехова (в окрестностях Львова)²⁶. Поляки со злобой писали, что в Крехове Мазепа отдал католический монастырь «врагу святого креста на разграбление»²⁷. В основном же занимался он дипломатической деятельностью.

Биографы Мазепы (даже А. Оглоблин, Д. Эварницкий и др.) полагали, что Мазепа только однажды (или дважды) ездил с поручениями гетмана в Турцию. На самом деле, можно говорить, что Мазепа становится основным связным Дорошенко в его переговорах со своими татарско-турецкими союзниками. Первое упоминание о его поездках относится к весне 1673 года. Русские поймали дорошенковского есаула, который на пытке сообщил, что гетман отправил в Крым казака, «прозвища ему Мазепа», за ордой и что тот уже прислал гонца с известием, что хан выступает из Крыма со всей крымской и ногайской ордой²⁸. В сентябре того же 1673 года Мазепу встречают в Рашкове на границе с Молдавией. Вместе с толмачом²⁹ он ехал из турецкой земли, от султана, куда его отправил Дорошенко³⁰. Самое любопытное, что в обоих случаях Мазепу, возглавлявшего посольства, именуют просто «казаком». Повторюсь, что реальная его роль при гетманском дворе была несравненно выше.

Весной 1674 года в Переяславе назначается всеобщая рада для избрания гетмана единой Украины — «обеих берегов». Это было историческое событие. Ожидалось, что правобережные казаки тоже примут участие в выборах. Ханенко, порвав с поляками, сложил на раде клейноды. Дорошенко все же не поехал и послал своим представителем на раду Ивана Мазепу (!) с заявлением о принятии подданства Москве. Трудно сказать, как Мазепа представился на раде. В царской грамоте к Дорошенко говорилось: «Прислал к ним в Переясловль генерального своего писаря Ивана Мазепу...»³¹ На это Дорошенко возражал: «Послали есмы, хотя не генерального писаря, однако нам верного приятеля, господина Мазепу...»³² Весьма примечательная формулировка! «Верный приятель», но «господин»... Доверительно, уважительно, но подчеркнуто не «генерального писаря» (первый после гетмана пост в Гетманщине).

27 марта 1674 года в Переяславе представители десяти полков Украины избрали единым гетманом Ивана Самойловича. Была принесена присяга на верность царю и заключены очередные пункты соглашения с Москвой. Но по возвращении Мазепы Дорошенко изменил свое решение о подданстве царю и сохранил союз с Турцией. Как утверждал впоследствии Мазепа, правобережного гетмана подбил на это кошевой атаман Иван Сирко. Впрочем, вполне возможно, Иван в данном случае выгораживал Дорошенко и мстил запорожцу. Основания у него для этого, как мы увидим ниже, имелись.

Приближался очередной поворотный момент в судьбе Мазепы. На этот раз — весьма трагический. Дорошенко отправляет его к турецкому визирю. Миссия эта была очень важная и ответственная, учитывая складывавшуюся ситуацию. Многие правобережные полковники перешли к Самойловичу, сын Дорошенко потерпел поражение, и Москва была, как никогда, сильна. Мазепа вез письма гетмана к хану и визирю, 15 пленных казаков — видимо, для подтверждения лояльности Дорошенко турецкому двору. С ним также было девять татар, служивших проводниками и охраной. Мазепа ехал хорошо известным ему маршрутом, через Дикое Поле³³, таящее столько опасностей.

При переправе через реку Ингулу на них напали запорожцы. Сохранилось довольно много, правда, сухих описаний этого происшествия. В результате короткой кровавой стычки часть татар была убита, другие утонули в реке, казаки освобождены. А Мазепа? Мазепа попал в плен к запорожцам.

По всей логике события он не мог остаться живым. В кровавой и жестокой бойне, когда все сопровождавшие его погибли... Однако мы еще не раз сможем убедиться, что сам Бог хранил Мазепу.

Запорожцы — вольные, лихие рыцари «ножа и топора», не признававшие соглашений, присяг и договоров, служившие то королю, то царю, то самому черту, считавшие себя «защитниками христиан», но на деле ставшие одними из главных виновников Руины. Они ненавидели «реестровых» казаков, тем более — шляхетных старшин, не признавали неприкосновенности чужих послов — тем более к «неверным». Ненавидели они и Дорошенко, как подданного султана. Попасть в их руки, только что обогранные кровью, когда в воздухе царила смерть, а освобожденные пленники взывали к мести!

Мазепа позже сухо заявлял: он от них не бежал, боя с ними не чинил и бывшие при нем письма отдал Сирко³⁴. Спротивляться большому отряду запорожцев, равно как и пытаться бежать от них — означало верную смерть. Но и остаться, и добровольно отдать себя им в руки можно было, только не потеряв присутствия духа. Впрочем, надо признать — Мазепа умел быть храбрым, встречать опасность с холодной головой и с достоинством смотреть в лицо смерти. Он поступал так всегда, в самые страшные минуты своей жизни. Точно так же он будет держаться и на смертном одре.

Первым о пленении Мазепы написал польскому магнату подчашию серадскому переяславский полковник Дмитрий Райча. В его словах, что «Иван Мазепа, который вашей милости пану, как понимаю, известен», попал «в руки Ивана Сирко», сквозила ирония. Райча не мог предположить, что его собственная судьба через несколько лет будет находиться в руках этого самого Мазепы, уже — гетмана. Но тогда он был прав — поляки могли торжествовать: бывший «покоевый» должен был бесславно умереть от запорожских пыток.

Источники рознятся в подробностях того, что происходило дальше. Сам Мазепа говорил, что оставался с Сирко в степи почти пять недель³⁵. Сирко позднее упоминал, что запорожское войско «дарило Мазепу душой и здоровьем» — то есть даровало ему жизнь (но не свободу). Значит, как минимум такой вопрос, как стоит ли ему жить, поднимался. Самойло Величко в своей «Летописи» говорит, что на раде запорожцы, услышав показания освобожденных ими казаков и прочитав бывшие с Мазепой письма, тут же хотели его «растерзати и убити». Но сделать этого не дали Сирко и другие «товарищи» (то есть заслуженные казаки). Величко при-

водит полулегендарное сообщение, что там, на раде, кто-то из атаманов (возможно, сам Сирко) якобы сказал запорожцам «пророческие» слова: «Панове братья, просим вас не убивайте сего человека, может он вам и отчизне нашей впред згодится». Войско послушалось, сохранило Мазепе жизнь, но заковало его в «крепкие кандалы»³⁶. Впрочем, дальше Величко приводит явно ложные данные, что якобы Мазепа провел в кандалах «несколько лет» и был отпущен запорожцами только после долгих увещаний Самойловича и после выплаты им откупного. Здесь сказывается та неприязнь, которую Величко испытывал к Мазепе, так как был близким к Василию Кочубею человеком (не раз он с восторгом отзывается о последнем на страницах своей летописи) и не мог простить его казни. Отсюда стремление добавить унижительные для Мазепы детали, а с другой стороны — показать, что тот был всем обязан Самойловичу, которого впоследствии не преминул сменить на гетманстве...

На самом деле все обстояло по-другому. Но можно не сомневаться, что, находясь в руках запорожцев, Мазепа пережил одни из самых страшных и унижительных минут своей жизни. Навсегда он сохранит скрытую ненависть и отвращение к Запорожью. Конечно, Сирко не ожидал, что за его пленника начнется настоящая политическая борьба. 3 августа Иван Самойлович (гетман «обоих берегов» Украины) сообщил царю, что Сирко и запорожцы с целью заслужить царскую милость поймали дорошенковского посла Мазепу и освободили пленных левобережных казаков. Сирко прислал Самойловичу найденные у Мазепы письма, но гетман этим не удовлетворился и начал требовать выдачи самого посланца³⁷. Последовал и царский указ кошевому, чтобы тот прислал Мазепу³⁸. Но Сирко отказывался. Трудно однозначно сказать, что удерживало знаменитого атамана, на собственном опыте знавшего, что такое русская Сибирь. То ли сказывалась запорожская традиция «не выдавать», то ли он не хотел окончательно ссориться с Дорошенко, отсылая его ближайшего помощника на расправу. Сам Мазепа, по-прежнему находясь в плену у запорожцев, вероятно, и не догадывался, на каком уровне самые влиятельные политики боролись за голову его — еще почти никому не известного казака.

Помимо Самойловича в сражение за Мазепу вступил Григорий Григорьевич Ромодановский — знаменитый русский воевода и полководец. Ромодановский прославился своими действиями в Украине еще с 50-х годов XVII века. Воевал с Выговским, Богунном, Юрием Хмельницким, неод-

нократно не без помощи своей армии возвращал Украину к присяге царю. Отличался жесткостью, если не жестокостью, безусловным военным талантом и отличным знанием местной ситуации. Между прочим, сын его учился в Киево-Могилянской академии. Ромодановский лично написал Сирко, требуя выдать Мазепу. Получив отказ, он, не колеблясь, послал в Харьков и арестовал жену Сирко. Зятя атамана велел доставить к себе и сделал соответствующее внушение. После этого зятя отправили к Сирко с устным сообщением. Кошевой атаман сдался и прислал Мазепу в Черкассы, где находились гетман и Ромодановский³⁹. В своем сопроводительном письме к Самойловичу Сирко любезно писал, что «по желанию твоему» посылает Мазепу «для словесного разговора о намерении Дорошенко».

Самое удивительное заключалось в том тайном письмеце, которое знаменитый атаман направил гетману: «...зело и покорно велможности твоей прошение свое приносим о Иване Мазепе... твоя милость, яко отец милосердый, покажи милость свою, чтоб он в неволе не был...» Свою просьбу Сирко объяснял тем, что скажут — «войско дарили его (Мазепу. — Т. Я.) здоровьем и волею», а «Серко засылает в неволю». Письмо заключалось следующими словами: «И повторе велможности твоей, добродея своего, прошу о том человеке»⁴⁰. Могу с уверенностью сказать, что никогда, ни до этого, ни после, Сирко так ни за кого не просил.

Можно предположить, что Мазепа ехал с тяжелым сердцем. Из огня да в полымя. От своевольных запорожцев — во вражеский стан Самойловича, ненавидевшего Дорошенко и все, что с тем было связано. Вот тут-то и следует вспомнить об одном из самых ярких талантов Мазепы. Орлик писал про него: «Никто не мог лучше обойти человека, привлечь его к себе. Не достигнув с первого раза своей цели, он не складывал оружие, не переставал обхаживать человека до тех пор, пока не делал своим». Самойлович стал одним из первых, кто пал перед «чарами» Мазепы (замечу, таких будет много, не исключая самого Петра Первого). Уже через несколько дней после официального допроса в Черкассах гетман писал к «пойманному дорошенкову казаку» (официальное выражение из русских документов того периода): «Мой ласкавый господине Мазепо! Как я говорил вашей милости и дал слово, что при имуществе своем и при здоровье со всем домом своим пребывати будешь, то и повторяю»⁴¹.

Как мы видели выше, русские без колебания применяли пытки к дорошенковским старшинам. Правда, после Переяславского соглашения они стремились привлечь правобе-

режных казаков на свою сторону, а Мазепа, несмотря на свой низкий официальный статус, был человеком непростым. Но недооценивать удивительные способности самого Мазепы, сумевшего крайне неблагоприятные обстоятельства обратить в свою сторону, тоже не приходится.

У грозного Ромодановского тоже, видимо, осталось благоприятное впечатление о первых разговорах с Мазепой⁴². В своем письме к царю он именовал его «Иваном Мазепой», не «Ивашкой», как обычно русские писали об «изменниках», и передавал полученные от него сведения про Дорошенко. В частности, Мазепа рассказал Ромодановскому, что Ян Собеский хочет заключить мирное соглашение с турецким султаном. Это известие должно было стать неприятной неожиданностью для Москвы. Оно поднимало значимость показаний Мазепы. Надо отдать ему должное: ни тогда в Черкассах, ни позже в Москве Мазепа не сказал ничего вредного для Дорошенко — кроме того, что и так было известно из найденных при нем писем, и, наоборот, всячески его выгораживал.

Убедившись, что гетманский посол имеет важные сведения, Ромодановский принимает решение послать его к царю — с русским офицером, неженским писарем и «проводжатыми». Вот уж точно как в сказке: «...и пленник, и не пленник»... События развивались быстро: 16 июля Сирко послал Мазепу в Черкассы, а 25 июля он был уже отправлен в Москву. Отпуская его, Самойлович был настолько заботлив, что в своем письме давал всяческие наставления, как лучше себя держать в российской столице. В частности, советовал рассказать «что ни есть о замыслах Дорошенковых, о договорах Собеского с Турком, о хане, о Сирке... и мало-го не утаив дела». И даже наставлял, чтобы Мазепа в дороге изложил все эти сведения «статьями», чтобы сподручнее было давать отчет в Малороссийском приказе «или где будет надобно». И в заключение: «...подай Бог вам счастливой путь и скорый к нам возврат. Чего желая, Богу вас предаю»⁴³. Один факт обращения «на вы» к пленнику чего стоит!

Но даже этим гетман не ограничился. Он пишет царю сопроводительное письмо, в котором просит Мазепу «во всем дати веру», а затем почти дословно повторяет мольбы Сирко о скорейшем его отпуске, чтобы войско не попрекало, «будто мы людей вашему царскому величеству и нам склонных посылаем на заточение...»⁴⁴.

Мазепа к тому времени давал показания в Москве. Повторив уже сказанное в Черкассах, он не преминул насолить запорожцам и их атаману. Он объяснял решение Дорошен-

ко не признавать Переяславское соглашение тем, что посланцы Сирко отговорили гетмана отсылать булаву — «и чтоб им запорожцам соединиться с ним Дорошенком заодно так, как было при бывшем гетмане Хмельницком, также и с ханом Крымским»⁴⁵. Таким образом, Мазепа в Москве не только защищал своего гетмана, но и сеял недоверие к Сирко. С не меньшим удовольствием раскрывал он и планы поляков. «Сверх словесного приказу, служа великому государю», он поведал о стремлении Собеского, договорившись с Турцией, ударить на Московское государство.

В результате Мазепа произвел на дьяков посольского приказа хорошее впечатление. Ему позволили видеть «царского величества пресветлые очи», царь наградил сопровождавших его казаков и ему самому велел дать пару соболей «в три рубли»⁴⁶, то есть довольно дешевых. Пройдет всего несколько лет, и Мазепа будет получать в Москве награды, равные целому состоянию. Но тогда, для полупленника с неясным положением, это было уже блестящим началом карьеры.

15 августа в столицу прискакал очередной гонец Самойловича с просьбой гетмана отпустить Мазепу. 22 августа царь написал Сирко, что указал ехать Мазепе в Украину и «жить ему велели с женою и с детьми при своих добрах на сей стороне Днепра»⁴⁷.

Так, вопреки своей воле и убеждениям, Мазепа попал на Левобережье, к Ивану Самойловичу. Жизнь снова предстояло начинать заново.

Глава 3

ПУТЬ К ГЕТМАНСКОЙ БУЛАВЕ

В тридцать пять лет Мазепа в третий раз начинал свою жизнь заново. Все прежние успехи и заслуги остались на Правобережной Украине, и теперь нужно было обосновываться во враждебном ему стане старшины, где все смотрели на него как на дорошенковского приближенного, чудом избежавшего Сибири и плахи. Для того чтобы лучше понять всю сложность положения, в котором оказался Мазепа, надо познакомить читателя с теми людьми, кто составлял элиту Левобережной Украины и сосредоточивал в своих руках местную власть.

Иван Самойлович, гетман «обоих берегов», был сыном священника, получившим начальное образование в Киево-Могилянской академии. Вся его «казацкая» карьера, начиная с писаря в Прилуцком полку (в середине 50-х годов, в период восстания Хмельницкого), была связана с Левобережьем. При гетмане Иване Брюховецком он был черниговским полковым есаулом, при Демьяне Многогрешном — генеральным войсковым. Ему принадлежали обширные имения на Левобережье. Его избрание гетманом было выгодно старшине, которая стремилась прекратить своеволие черни, покончить с политической Руиной и экономической разрухой. У него были честолюбивые планы воссоздания единой Гетманщины, распространения своей власти на Слободскую Украину. Для всего этого требовался толковый и знающий помощник. К тому же, что было особенно важно в страшные годы повального предательства, — верный помощник.

Мазепа, как уже говорилось выше, «очаровал» гетмана С. Величко, несмотря на враждебное к нему отношение, признает, что тот служил верно, охотно и хорошо, как человек умный, во всех делах исполнительный и услужливый. К тому же, проявив на допросах лояльность по отношению к Дорошенку, он доказал свою способность быть преданным. Немаловажную роль играл и тот факт, что Мазепа, по

меткому выражению С. Величко, «при нищете своей тогдашней» полностью зависел от Самойловича и не был в состоянии вести «свою игру» в отличие от богатых и влиятельных левобережных старшин.

Генеральная старшина и полковники Левобережья представляли собой тесное сплетение двух десятков фамилий, богатых и влиятельных, породненных браками, кумовством и прочими связями.

Верхушку этой политической пирамиды возглавлял Леонтий Полуботок — генеральный бунчужный, затем есаул и, наконец, полковник переяславский, родственник и друг Самойловича из черниговской элиты. Пальму первенства делил с ним Василий Дунин-Борковский — украинский левобережный шляхтич, полковник черниговский, а затем обозный генеральный. Среди самых влиятельных и богатых полковников были также Яков Лизогуб — полковник черниговский, и Федор Жученко, полтавский полковник, тесть Кочубея. За исключением Лизогуба, все они станут оппозицией и личными врагами Мазепы-гетмана. Впрочем, вплоть до самого последнего момента, пока булава не окажется в руках Ивана, они не будут видеть в нем угрозу своей власти.

Совершенно другие отношения были у Мазепы с миргородским полковником Даниилом Апостолом, еще одним левобережным земельным магнатом. Непросто и негладко они складывались, но в основе объединения лежали общие идеалы, налет «польской», то есть западной культуры, преданность «государственной идее» и широкий кругозор. В свое время отец Апостола служил сотником у польского магната Иеремии Вишневецкого, затем женился на дочери миргородского полковника Лесницкого и с 70-х годов сам возглавил этот полк. Его молодой 28-летний сын Данила (он был на 15 лет младше Мазепы) занял при И. Самойловиче пост полковника, сменив своего престарелого отца. Это был уникальный случай в Гетманщине, и многие недолюбливали богатого юнца, вдобавок женатого на польской панне¹.

Что касается перешедших на Левобережье «дорошенковцев», то тут у Мазепы дела тоже обстояли по-разному. Михайло Воехович, бывший писарем у Дорошенка, а затем генеральный судья у Самойловича, в дальнейшем поддерживал Мазепу и пользовался его покровительством. А вот другой писарь Дорошенка, Василий Кочубей, станет его злейшим врагом. Кочубеи были известным и влиятельным казацким родом на Левобережье. Недаром писал Пушкин: «Богат и знатен Кочубей». В сентябре 1675 года Василий прибыл к Самойловичу, бросив Дорошенка и надеясь на награду², которую

вскоре и получил в виде должности главы генеральной канцелярии, делавшей его вторым после гетмана человеком в Украине. Никогда, несмотря на все усилия Мазепы, Кочубей не сможет смириться с тем, что гетманский уряд достанется не ему — левобережному старшине, добровольно перешедшему на службу царю, а правобережному выскочке, в оковах привезенному запорожцами на левый берег. Эти чувства Кочубея будет разделять и его свояк, Иван Искра, правнук знаменитого казачьего гетмана Якова Остряницы.

На фоне десятков сел и тысяч золотых, имевшихся у крепких левобережных старшинских фамилий, финансовое положение Мазепы было ничтожно. Правда, через родственников жены он имел некое свойство с Самойловичем³, но слишком дальнее, чтобы на него полагаться. Рассчитывать можно было лишь на собственные силы и способности. Все имения его семьи пропали на Правобережье. Долгие годы ему приходилось думать о хлебе насущном, это при его-то амбициях и честолюбии!

Впрочем, он не опускал руки, и ему чуть ли не сразу удалось стать весьма влиятельным человеком гетманского двора, причем — как и в случае с Дорошенко — его реальная роль была гораздо выше официально занимаемого поста. Величко пишет, что Мазепа «скоро дослужился до ласки и респекту» и стал гетманским дворянином. Существует легенда, приведенная в «Истории Русов» и кочующая по многим биографиям Мазепы, что якобы он был воспитателем у гетманских детей. Легенда эта никак не подтверждена источниками; к тому же после 1672 года оба сына Самойловича находились в Москве в качестве заложников, а с 1675 года были там попеременно. При этом с ними были учитель Павел Ясниковский и бывший игумен батуринского монастыря Исакий⁴.

Для содержания семьи, которую царский указ предписывал Мазепе перевести на Левобережье, Самойлович пожаловал ему село Малый Сомбор в Прилуцком полку. Туда переехала Ганна с детьми. Финансовое положение Мазепы было столь сложным, что для обработки земли ему пришлось объединиться с соседом — зажиточным казаком. Жена осталась заниматься хозяйством, а Мазепа был постоянно при гетманском дворе, готовый к любым поручениям. Здесь следует отметить, что Ганна Мазепа и в дальнейшем была лишь тенью своего мужа, никогда не претендовала на значительную роль и практически не упоминается в источниках вплоть до самой своей смерти в 1702 году. При этом надо отдать должное Мазепе — он обеспечил будущее ее детям (собственных детей у Мазепы не было). Сын Криштоф

стал сотником седнивским (когда Иван Степанович стал гетманом), а дочь Мария вышла замуж за сына белоцерковского полковника М. Громыка, сотника смилянського. Вообще, для украинской шляхты и казацкой старшины были типичными тесные семейные связи. Мазепа всегда будет заботиться о своей сестре, племянниках и дальних родственниках. Несмотря на славу покорителя сердец, источники не приводят никаких намеков о романах Мазепы при жизни Ганны. И только после ее смерти у гетмана-вдовца появятся Мотря Кочубей и Анна Дольская.

Видимо, именно в этот, «самойловичевский», период своей жизни Мазепа стал особенно скрытным и осторожным. Глубоко в тайниках души прятал он свои честолюбивые амбиции. Зачастую приходилось скрывать собственное, весьма авторитетное мнение по многим вопросам, кривить душой, а еще больше — молчать. Старшина должна была видеть только толкового, усердного казака. Страсть к философии и искусству, увлечение поэзией и римскими авторами приходилось на время отложить в сторону. Особенно опасно было раскрыться в глазах собственного покровителя — Самойловича. Тот болезненно относился к своему низкому происхождению («попович»). Периодически устраивал «чистки» среди старшины (которые ему потом, при перевороте, припомнили), женил своего сына на внучке гетмана Ивана Сулимы и, идя по стопам Хмельницкого, мечтал о создании правящей династии⁵. Один неверный шаг, заносчивое слово или поступок — и Мазепа мог попрощаться со своей карьерой. Как тут не вспомнить вспльчивого юнца в приемной короля Яна Казимира... «Никому не верил», — напишет Орлик. А как же иначе в обстановке постоянных доносов, ожесточенной борьбы за каждый уряд, не говоря уже про булаву?! А ведь скрывать свой «природный аристократизм», гордыню и незаурядные способности было совсем не просто. Его образование бросалось в глаза — Величко так и писал: «...был придворным, беглым во всяких речах».

Мазепа был достаточно умен, чтобы понимать всю сложность своей ситуации. И именно в эти годы он начинает искать покровителей в других кругах. Там, где его дарования и знания могли оценить по заслугам: в среде украинского духовенства и московской знати.

Мы уже упоминали о том, что семья Мазепы была тесно связана с украинским православием. На каком-то этапе «самойловичевского» периода Иван возобновляет свое знакомство со своим учителем (бывшим ректором Киево-Могилянской академии), а ныне черниговским епископом Лазарем Барановичем. Именно здесь, в Чернигове, он познакомился

и с Дмитрием Туптало, будущим святителем Дмитрием Ростовским. В 1675 году Л. Баранович посвятил Дмитрия в иеромонахи, а с 1679 года он служил в гетманской церкви в Батурине⁶. В гетманство Мазепы при его непосредственной поддержке и участии Дмитрий Ростовский начнет издавать свои знаменитые «Жития святых».

В конце 60-х годов мать Мазепы принимает в Киеве иночество, и ее преданный сын, несомненно, становится частым гостем в киевских монастырях. Отсюда восходит дружба Мазепы с архимандритом Киево-Печерской лавры Варлаамом Ясинским, тоже его бывшим профессором. Иван потом вспоминал о нем: «...отец пастырь и благодетель мой великий». Впоследствии, став гетманом, Мазепа окажет непосредственное влияние на избрание Ясинского киевским митрополитом. Тогда же Иван знакомится еще с одной «восходящей звездой» украинского православия — Стефаном Яворским. Безусловно, поддержка влиятельного и тесно связанного с казачеством высшего духовенства помогала вхождению Мазепы в элиту левобережной старшины. И все же время показало, что к таким контактам его толкало не честолюбие, а скорее веление души. Факт, который признавали даже недоброжелатели Мазепы, — он был человеком глубоко верующим. Но не ограниченным фанатиком, а просвещенным человеком незаурядного ума, для которого определенные христианские ценности были священны. Мазепа живо интересовался и разбирался в богословских вопросах. Как только у него появятся деньги и власть, он будет всячески поддерживать украинское духовное возрождение, делать все возможное и невозможное, чтобы способствовать настоящему расцвету православной мысли в Украине.

«Самойловичевский» период жизни Мазепы — это, безусловно, время, когда создавались все те бесчисленные нити его контактов, которые впоследствии позволили Мазепе-гетману быть в курсе всей внешней политики Центрально-Восточной Европы. Как мы уже отмечали, он умел молчать, но еще лучше он умел слушать. А учитывая его знание языков, в чем он значительно превосходил своих современников и соотечественников, «слышать» он мог гораздо больше других. Именно это обстоятельство делало его незаменимым в глазах Самойловича, который регулярно начинает, несмотря на официально низкое звание Мазепы, поручать ему свои самые сложные и щекотливые миссии. Именно во время таких многочисленных поездок по поручению гетмана в Москву Иван сумел проявить себя перед московской знатью как знающий, полезный и верный человек.

Первая такая поездка, о которой сохранилась информа-

ция, состоялась в феврале 1676 года, то есть всего через полтора года после его вынужденного появления у Самойловича. Гетман отправил Мазепу, уже «товарища войскового»⁷, в Москву вместе с Леонтием Полуботком и еще двумя старшинами⁸. В инструкции Самойлович писал о крайне важном известии, полученном от Мазепы. Тот, будучи у хана, слышал, что татарам теперь не были страшны калмыки, так как хан имеет у них своего человека, Юсуп-мурзу, который обо всем сообщает хану и своими советами отговаривает калмыков от военных походов⁹. Учитывая, что все предыдущие десятилетия Москва использовала калмыков как главную сдерживающую силу против татар, эта информация Мазепы была необычайно важна. Разумеется, получить ее мог только человек, вхожий в крымскую элиту и владевший татарским языком. Не приходится удивляться, что через год Мазепа уже лично возглавляет посольство Самойловича в Москву — в качестве «товарища войскового знатного»¹⁰. Он привез царю подарки и, опережая приезд гетманского сына, докладывал по щекотливому делу — расправе Самойловича над неженским протополом С. Адамовым и стародубским полковником П. Рославцем (первого постригли, второго «отдали за караул»)¹¹. Это был первый случай серьезной «чистки» старшинской оппозиции гетманом, и очень показательно, что, ссылаясь на сложную военную обстановку, тот посылает вместо себя доложить о ней в Москве именно Мазепу.

Военные события между тем и впрямь разворачивались активно. В 1676 году русские войска и Самойлович предпринимает поход к Чигирину, где находился Дорошенко, и тот, желая не допустить кровопролития, 19 сентября вышел из города и сложил клейноды перед Ромодановским. Дорошенко отправили в почетную ссылку в Москву, а затем в Вятку, где он служил воеводой. Ему уже никогда не разрешат вернуться в Украину, он будет жить в своих российских имениях, женится на русской, и правнучка гетмана Дорошенко от этого брака (Наталья Гончарова) станет женой Александра Пушкина, автора поэмы о Мазепе. Воистину, пути Господни неисповедимы...

Мазепа тоже участвовал в чигиринских походах и присутствовал при капитуляции своего бывшего гетмана. Именно в это время он знакомится с человеком, которому было суждено сыграть ключевую роль в его дальнейшей судьбе. Речь идет о Василии Васильевиче Голицыне, родовитом князе, ровеснике Мазепы, который тогда тоже был еще в самом начале своей карьеры. Его роль в истории России явно недооценивается историками, а его значение в истории Украины вообще не отражено в научной литературе. Именно поэтому позволю себе

напомнить читателю некоторые хорошо известные страницы российской истории, тесно связанные с судьбой Мазепы.

Традиционно позитивное отношение к лагерю Петра Первого обычно превращало царевну Софью и всех ее сторонников во главе с Голицыным в антигероев. Только немногие историки¹² признавали, что именно Голицын стал первым просвещенным реформатором Московского государства, непосредственным предшественником Петровской эпохи.

Впрочем, Василий Васильевич действительно был фигурой весьма противоречивой. Он, пожалуй, первым из московской элиты стал открытым сторонником «Запада» — сам хорошо говорил по-латыни, был обходителем с иностранцами, имел огромную библиотеку, в том числе с множеством иностранных изданий, зачастую одевался на западный манер. Его дом в Москве стал первым столичным дворцом, в котором постоянно бывали иностранные послы и гости. Французский посол де ла Невилль, лично знакомый с князем, приписывал ему план преобразования Московского государства — на манер западных держав. Никаких документальных подтверждений планов Голицына не сохранилось, но те реформы, которые он проводил, придя к власти, дают некоторое представление о его намерениях. При этом князь был человеком огромных амбиций, которые возрастали по мере увеличения его влияния при царском дворе.

С Мазепой его объединяла «культурная» близость. Оба были поклонниками Запада и исключительно образованными людьми для своей эпохи. Для Голицына фигура бегло говорящего по-латыни Мазепы должна была стать лучом солнца в темном просторе чуждой ему казацкой среды. Но мы еще будем много говорить о том, как непросто было Мазепе сохранять милость Василия Васильевича.

Судьба распорядилась так, что именно Украина стала краеугольным камнем в карьере Голицына. Впервые здесь он появился в 1675 году, еще в чине стольника, командуя войсками, присланными для охраны городов от татар. Смерть царя Алексея Михайловича и восшествие на престол Федора Алексеевича моментально меняют положение князя, он становится боярином и уже в этом новом звании прибывает на украинскую границу, в Путивль, летом 1676 года. Командующий русскими войсками Г. Г. Ромодановский, гетман Самойлович и все воеводы получают приказ писать о всех «вестях» Голицыну, который, в свою очередь, сообщал о них с «нарочным» царю¹³. Гетманский посланец в Москву Мазепа тоже наверняка не объезжал стороной пограничный Путивль, в нескольких десятках верст от Батурина.

В 1677 году начинается новый чигиринский поход, в ко-

тором войска Ромодановского и Самойловича разгромили татар под Бужином. Голицын, уже «боярин и воевода, наместник черниговский»¹⁴, тоже получил приказание выступить в Украину, причем Самойлович отзывался о нем как о «высоком и знатном царства Московского человеке»¹⁵. Однако в самих сражениях Голицын участия не принимал, и все лавры победителей достались гетману с Ромодановским. Знаменитый шотландский офицер Патрик Гордон (тот самый, что прославился в дальнейшем на службе у Петра Первого), участник чигиринского похода, писал в своем дневнике, что Голицын и Ромодановский «ссорились друг с другом из-за старшинства, а потому и не виделись»¹⁶. Дело дошло до того, что во время одного жаркого спора между боярами Самойлович открыто встал на сторону Ромодановского¹⁷. Голицын этого никогда не забывал, и с этого момента у него устанавливаются неприязненные отношения с гетманом, которому это впоследствии стоило булавы и жизни.

Как же получилось, что Мазепа оказался дальновиднее Самойловича и «поставил» на верного человека из числа московской знати? Этому можно дать разные объяснения. Голицын, в отличие от того же Ромодановского, был человеком другого поколения. Де ла Невилль писал, что во всем Московском государстве было на тот час четыре человека, говоривших по-латыни¹⁸. Он по-иному смотрел на многие вещи, за ним не тянулся шлейф негативного опыта украинской Руины. Разговаривать с ним было проще, равно как и находить объединявшие их цели. Амбициозный прагматик, Голицын рассматривал Украину как плацдарм для своей карьеры. Мазепа, с его знанием польского света и турецко-татарских реалий, показался ему очень подходящей кандидатурой для воплощения собственных планов. Биографы Голицына отмечают, что он был очень наблюдательным человеком и, несомненно, хорошо изучил казацкую старшину. Правда, Голицын, скорее всего, имел не совсем истинное представление о своем союзнике. Мазепа писал ему, проявляя настоящие способности ученика Макиавелли: «...знаешь ваша княжая вельможность мою простую душу и простое сердце»¹⁹. Или театральные постановки в Киево-Могилянской академии научили Ивана так хорошо лицедействовать? «Выразумел ваша княжая вельможность своим премудроразсмотрительным разумом мою плоть и нрав от десятка лет мене зная, что нет такой зависти, чтобы я был на чие здорвье или на чие имение посягатель...»²⁰

Мазепа уверенно продвигался на службе у Самойловича. О его роли при дворе гетмана свидетельствует, например, сообщение воеводы В. Тяпкина про пребывание в Батурина

осенью 1677 года. Самойлович прислал за ним «ближнего своего человека Ивана Мазепу с коретою». Мазепа привез Тяпкина к крыльцу, где их встретила генеральная старшина²¹. Здесь следует отметить, что при Богдане Хмельницком аналогичную роль в церемониале выполнял сам Иван Выговский²² — генеральный писарь, по сути — канцлер Гетманщины. Другой пример особого положения Мазепы: в 1678 году его назначают опекуном над детьми умершего гадячского полковника, вместе с генеральным есаулом Л. Полуботком, генеральным судьей П. Животовским и гадячским полковником М. Василевичем. Самое примечательное, что собственноручная подпись Мазепы стоит на этом документе рядом с фамилией всеильного Полуботка, но без указания какого-либо звания²³.

Очередной чигиринский поход летом 1678 года стал трагичной страницей в истории Гетманщины. Перед лицом наступления многочисленной турецкой армии Ромодановский, вопреки мнению Самойловича, принял решение уничтожить старую гетманскую резиденцию²⁴. Верхний замок Чигирина и его укрепления были взорваны, русско-украинские войска отступили, а турки завершили разорение славного города. Многие из старшин рассматривали это как национальную трагедию и символ уничтожения правобережного казачества. Заключенный в 1681 году Бахчисарайский мир с Портой, по которому между Днепром и Бугом создавалась «буферная зона», а все украинское население было согнано на Левобережье, окончательно разрушал надежды Самойловича воплотить в реальность его титул гетмана «обоих берегов» и ставил крест на завоеваниях Богдана Хмельницкого.

Никаких сведений о том, что по этому поводу думал Мазепа, разумеется, не сохранилось. Мы можем лишь предположить, что превращение родных ему мест в «буфер», уничтожение, как его потом назовет Т. Шевченко, «святого Чигирина» — славной столицы Богдана Хмельницкого и Дорошенко — не могли не ранить его сердце. Думал ли он тогда, что именно ему предстояло попытаться вновь вырвать Правобережье из-под власти поляков? Можно сказать почти наверняка — свое сердце он никому не открывал.

В марте 1679 года Мазепа снова приезжает в Москву по поручению гетмана²⁵. Ему ставилась задача добиться присылки в Украину русских войск для защиты от турецко-татарского наступления. Сохранившиеся записки о переговорах Мазепы с думным дьяком Ларионом Лопухиным характеризуют его как смелого и умного собеседника. В частности, он добивался присылки большого войска — но без бояр и воевод, только с одним командиром. Мазепа пояснял, что «бо-

яре и воеводы станут между собою местами считаться», друг другу полков не дадут. Лопухин отвечал, что такого быть не может. Но Мазепа привел пример недавних событий под Чигирином, когда «от рейтар и городовых дворян только крик был»²⁶. Такие смелые речи «войскового товарища» наводят на многие размышления. Во-первых, он должен был уже хорошо знать Лопухина, чтобы пускаться с ним в столь рискованные откровения. Во-вторых, здесь слышна явная критика русской системы «местничества», столь ненавистной Голицыну. И наконец, Мазепа должен был хорошо ориентироваться в московских настроениях (в частности, знать о недовольстве действиями Ромодановского под Чигирином), чтобы решаться обвинять русских воевод в военной неудаче прошлогоднего похода. Трудно сказать, где проходила грань между поручением Самойловича и собственной инициативой Мазепы. Но эти заявления Лопухину он делал точно не «по наказу» гетмана.

Около двух месяцев продлилось пребывание Мазепы в Москве, и в результате в мае был дан указ о немедленном выступлении к Киеву «бояром и воеводам, со многими полки»²⁷. Можно не сомневаться, что свое пребывание в столице Мазепа использовал для упрочнения своих контактов и установления полезных знакомств.

Зимой 1680 года он снова приезжает в Москву по поручению Самойловича. На этот раз речь шла о распространении власти гетмана на Слободскую Украину. Связано это было с тем, что «согнанное» украинское население Правобережья направилось именно на Слободской регион. Следует отметить, что этот регион давно заселялся беглецами из Украины. Можно вспомнить хотя бы войска Я. Острияницы, которые поселились в Чугуеве в 1638 году и отстроили эту новую крепость. Переговоры Мазепа вел вместе с племянником гетмана, Михайлом Самойловичем. Москва ответила категорическим отказом.

В 1680 году в Украине опять появляется Голицын в качестве командующего русскими войсками. Правда, военных действий ему вести не пришлось, но пребывание войск Голицына сыграло решающую роль на русско-турецких мирных переговорах. 13 января 1681 года был заключен Бахчисарайский договор. Голицын получил награды²⁸, вернулся в Москву, и его карьера стала продвигаться с головокружительной быстротой. Способности, ум, образование и высокая «порода» делают его ведущим боярином в окружении Федора Алексеевича. Царь поручает ему заниматься реформами налогообложения и военно-окружной. При его непосредственном участии в январе 1682 года Земский собор

объявляет об отмене местничества. Это было революционное изменение, открывавшее путь к обновлению Московского государства. Но стоит заметить, что отмена местничества и для самого Голицына устраняла более родовитых конкурентов на дороге к власти.

Царь Федор Алексеевич к этому времени был уже тяжело болен. 27 апреля 1682 года он умирает. Начинается эпоха стрелецких бунтов, вместе с Хованщиной захлестнувших Москву. Она коренным образом меняет судьбу Голицына, равно как Самойловича и Мазепы.

В условиях гибели многих бояр и растерянности среди Нарышкиных правительницей при малолетнем царе Петре и болезненном Иоанне становится Софья Алексеевна. Царевна Софья — это еще один миф традиционной русской историографии²⁹, согласно которому все предшественники Петра чаще всего выставлялись поборниками варварства. На самом деле уже тот факт, что фаворитом Софьи, ее ближайшим сподвижником стал именно Василий Голицын, поклонник «западной идеи», соответственным образом характеризует и саму правительницу.

Софья познакомилась с Голицыным во время болезни Федора Алексеевича: он — его ближайший боярин, автор реформ и проектов, она — любимая сестра, нежно ухаживающая за братом. Правда, царевна была не просто «сестрой». Это была талантливая, честолюбивая молодая женщина, жаждавшая вырваться из «терема» и получить власть. Прекрасный оратор, тонкий политик и мужественный человек³⁰. Считается, что ее учителем был знаменитый белорусский полемист (тесно связанный с украинским духовным возрождением) Симеон Полоцкий, проповедовавший, между прочим, свободное положение женщины. Именно с его легкой руки при дворе Алексея Михайловича появились театр и другие «западные» новшества. Большинство историков, начиная с С. Соловьева, полагают неоспоримым факт любовной связи Голицына с царевной. Современники событий так и писали, что Голицын был «ее голантом» и что про это «все государство ведало»³¹. На наш взгляд, сохранившиеся письма и роль всесильного фаворита, которую играл при дворе Софьи князь, не оставляют в этом сомнений³².

Женщина, вырвавшаяся из терема, сделавшая своим фаворитом женатого мужчину, не потерявшая голову в море крови, пролитой стрельцами, — безусловно, явление выдающееся в допетровской Руси. Бесспорно и то, что звезда Голицына с объявлением Софьи правительницей засияла во всем блеске. Как писал современник событий боярин А. Матвеев, «бо-

ярин князь Василий Васильевич Голицын вступил в великую ее, царевину, и в крайнюю к ней милость»³³. Надо отдать князю должное: именно он осуществил разработку и реализацию плана подавления смуты. Но доставшаяся ему в награду власть была безмерной. Он сразу же получает в управление Посольский приказ, а вместе с ним Малороссийский, Иноземный и Рейтарский, став практически канцлером страны. За «Троицкий поход», положивший конец смуте, Голицыну были также даны огромные пожалования и наконец — самый почетный в те времена титул «Царственные большие печати и государственных великих посольских дел обергегатель, ближайший боярин и наместник Новгородский»³⁴.

Во время кровавой резни 1682 года был убит и давний соперник Голицына — прославленный воевода Г. Г. Ромодановский (между прочим, стрельцы обвинили того в «сдаче» Чигирина³⁵). Теперь влияние князя в Украине должно было стать абсолютным.

Однако события московской смуты не могли не отозваться в Гетманщине. Туда один за другим приходили противоречивые приказы присягать то Петру, то двум братьям, то правительнице. К тому же старший гетманский сын Семен Самойлович, полковник Стародубский, сам оказался в сентябре 1682 года в селе Воздвиженском во время знаменитого «Троицкого похода», в разгар Хованщины³⁶. Его приезд был использован Софьей как предлог, чтобы вызвать Хованских и расправиться с ними³⁷. Семен воочию видел весь хаос, царивший в Москве, то, что власти не контролировали события. Позволю себе высказать предположение, что именно безвластие в Москве заставило Самойловича коренным образом изменить свое поведение.

Сохранилась дума, написанная «кем-то из ближних подручных» Самойловича после его падения (не исключено, что Мазепой)³⁸. В ней весьма ярко описывается, как гетман в начале был «хорошим всем паном», но потом противопоставил себя всем сословиям, давнюю вольность войска стал ломать, игнорируя раду, хотел всех перессорить. Всех людей он стал «за ничто» считать, «подножками» называл и попирал, сыновья его стали несносно гордые, от них были притеснения невыносимые³⁹. Это свидетельство совпадает и с мнением старшины, высказанным в их доносе в 1687 году. Сыновья Самойловича дошли до того, что разъезжали по Украине в золоченой карете, купленной гетманом в Гданьске⁴⁰.

Вероятно, изменения в поведении гетмана задевали и Мазепу. Он продолжал продвигаться по службе, в 1681 году получил звание войскового есаула, официально введившее

его в элиту «генеральной» старшины⁴¹. Можно предположить, что успехи в карьере давались нелегко. Мазепа позднее, в 1693, вспоминал про «суровость» Самойловича⁴². Однако он оставался важнейшим проводником политики гетмана, его доверенным лицом и постоянным гостем в Москве. Самойлович поручал ему наиболее сложные задачи. Так, Мазепа устанавливает торговые связи с московским купеческим двором, транспортируя туда горилку и добываясь высокой цены. Без определенных связей получить на это разрешение царя не мог и сам гетман⁴³.

Особенно важно отметить, что с середины 80-х годов Мазепа становится важным звеном в украинской политике Голицына. В биографиях князя обычно не предпринималось попыток разобраться в его планах по отношению к Украине. Ориентир на Запад — вот основной постулат этих работ. Правда, иногда следует уточнение, что Запад в глазах Голицына представляла Польша (той же латыни, по замечанию де ла Невилля, он учился у польских наставников), то есть Речь Посполитая (а не Голландия, как при Петре). Как уже говорилось выше, в планах Голицына Украина была краеугольным камнем. Его внешняя политика была ориентирована на союз с Польшей. Но для этого нужна была тихая и контролируемая Украина.

У Голицына было верное понимание серьезности турецко-татарской угрозы. В этом он, по сути, продолжал политику Ордина-Нащокина, ведущего российского дипломата эпохи Алексея Михайловича. Порта набирала мощь. После чигиринских походов турки дошли в 1683 году до Вены. Польский король и полководец Ян Собеский разрывался между необходимостью военного союза с Москвой и нежеланием уступить Украину. В голове Голицына мелькали и честолюбивые планы выхода к Черному и Средиземному морям, с опорой на православное движение против турецких завоевателей⁴⁴. Но для этого надо было заставить Польшу уступить и не позволять Украине препятствовать этим планам.

Главным проектом Голицына в отношении Украины, реализованным в период гетманства Самойловича, стала реформа украинской православной церкви, точнее — подчинение киевской митрополии московскому патриарху. Впервые эта идея была высказана московскими властями еще в 1654 году, сразу после принятия Украиной «под высокую руку» царя. Тогда высшее украинское духовенство выступило категорически против и вопрос замяли. В 1659 году Москва попыталась силой навязать свою волю, но Украина в ответ разорвала договор с царем. Теперь, в 1685 году, ситуация изменилась.

Голицын решил воспользоваться смертью киевского митрополита, чтобы решить вопрос о подчинении украинской церкви Москве. В этом вопросе Самойлович оказался его союзником, так как кандидатом на пост митрополита гетман выдвигал своего родственника, Гедеона Святополк-Четвертинского, заранее согласившегося принять благословение от московского, а не константинопольского патриарха.

В украинском православии имела традиция свободного избрания митрополита с участием светских особ. Гетман отправил на выборы Мазепу вместе с четырьмя полковниками, в том числе В. Борковским и Л. Полуботком⁴⁵, причем основное поручение давалось именно нашему герою⁴⁶. Двойственность ситуации заключалась в том, что вторым кандидатом на должность митрополита был Лазарь Баранович, у которого с Самойловичем были нелады. Баранович и сам не поехал в Киев, и не послал никого из черниговской епархии⁴⁷. Мазепа, как мы говорили выше, был близок с Барановичем, а с Четвертинским у него всегда оставались натянутые отношения⁴⁸. Тем не менее именно ему поручил эту непростую миссию Самойлович. Несмотря на противодействие ряда духовных иерархов, 8 июля 1685 года митрополитом избрали Четвертинского.

Совместный успех гетмана и Голицына в деле переподчинения украинской церкви практически сразу был заслонен личной трагедией. У Самойловича умерли дочь, боярыня Шереметева, а также старший сын Семен, полковник Стародубский, с которым он связывал надежды на передачу булавы. Эти обстоятельства попытались использовать противники Мазепы. Особое положение у гетмана, быстрая и успешная карьера вызывали зависть и ненависть. Появляются подметные письма, составленные (как подозревал Иван Степанович) племянником Самойловича Михаилом Галицким. В доносе Мазепу обвиняли в том, что он отравил Шереметеву и Семена. А заодно писали, что и болезнь самого гетмана (у Самойловича были какие-то проблемы с глазами) была вызвана ядом Мазепы⁴⁹. Несмотря на все свои усилия, Иван Степанович оставался на Левобережье «чужим», к тому же слишком «ученым», чтобы не вызывать подозрений.

Мы, наверно, никогда не узнаем, как Мазепе приходилось доказывать свою невиновность. Скорее всего, обвинения были слишком нелепыми, чтобы им поверили. Да к тому же его спасла сложившаяся ситуация, в которой его знания и опыт были нужны гетману. Дело в том, что у Самойловича возникают разногласия с главной линией внешней политики правительства Софьи — он выступает противником Вечного мира с Речью Посполитой.

Идея Голицына заключалась в том, чтобы добиться от поляков окончательного утверждения Андрусовского договора 1667 года, по которому Левобережная Украина оставалась за Москвой, а Правобережная — за Польшей. Голицын рассчитывал использовать тяжелое положение Яна Собеского, чтобы закрепить за собой Киев и получить в единоличное правление Запорожье (по договору 1667 года оно было в совместном правлении двух держав). На большее князь Василий не претендовал, так как своей целью ставил военный союз с Речью Посполитой против Порты.

Именно в этом вопросе он коренным образом расходился с Самойловичем, впрочем, как и со многими другими старшинами. Еще в феврале 1684 года гетман отказался послать своих представителей на переговоры с поляками, заявив, что «послать мне худых людей — ничего по них не будет; а послать добрых — и им непригоже за хребтом стоять»⁵⁰. В ноябре того же года при встрече с думным дьяком Украинцевым Самойлович уже высказался категорически против войны с Портой. На рассуждения о защите православия гетман заявил, что молдаване «люди непостоянные, всякому поддаются». Может случиться, что король польский возьмет их себе: что ж, из-за них с ним ссориться?.. А Крыма никакими мерами не завоеешь и не удержишь⁵¹. Не менее безапелляционно отмахивался он и от рассуждения о союзе с цесарем и «христианскими государями», то есть о европейской Священной лиге, стать союзником которой мечтал Голицын.

В январе 1685 года в Москву был отправлен Кочубей с прошением добиваться сохранения за царями (следовательно, и за гетманом) Правобережья. На это было сухо заявлено, что перемирие с Польшей нарушать нельзя. Через год, 20 февраля 1686 года, в Москву приехал Мазепа вместе с гетманским сыном Григорием⁵². Миссия была тайной. В официальной инструкции Самойловича так и говорилось, что про вечный мир посланцы должны устно говорить при царском дворе «кому належит»⁵³. Гетман в наставлениях своим послам высказывался не столько против самого Вечного мира, сколько против предполагаемой войны с Крымом и против закрепления за Польшей Правобережья. Можно не сомневаться, что Мазепа полностью разделял эту политику Самойловича и пытался донести ее обоснованность до московских воевод.

Мазепа и Григорий были и у московского патриарха Иоакима, который их «любезно принял», но ничего о цели своего визита они ему не сказали⁵⁴. Самойлович позднее (явно греша против истины) уверял патриарха, что его сын

приезжал исключительно с целью выразить благодарность царям — и ничего не утаивал⁵⁵.

Переговоры у Голицына шли трудно: 39 посольских съездов о границе только в 1684 году! Оппозиция имелаась и в Боярской думе. В частности, против договора с Речью Посполитой высказывался Петр Иванович Прозоровский⁵⁶, сторонник Петра. Скорее всего, Нарышкины тоже были на стороне Самойловича.

Окончательные переговоры начались 24 марта 1686 года. С русской стороны их возглавляли В. Голицын и Б. Шереметев. 6 мая договор был подписан. Левобережье, Киев и Запорожье остались за Москвой. Брацлавщина и Киевщина превращались в нейтральную незаселенную зону, Вольнь и Галиция отходили Польше, Подолье попадало под власть Турции. Договоры с Портой аннулировались, и Москва вступала в Священную лигу.

Российские историки обычно оценивают Вечный мир как большой дипломатический успех Голицына, польские — как свое крупное поражение, а современные украинские — как национальную трагедию Украины. Следует задаться вопросом: можно ли было заставить Яна Собеского (который, рыдая, подписал договор во Львове) пойти на еще большие уступки и вырвать хотя бы часть Правобережья, на чем настаивал Самойлович? Ведь Собеский только что потерпел поражение в Молдавии и находился в тяжелом военном положении. Или, может быть, Голицын руководствовался исключительно стремлением стать «западным союзником», войти в Священную лигу и прослыть освободителем христиан? Шаткое положение фаворита, да и самой правительницы требовало выдающихся подвигов...

Самойлович был в ярости. Запретил служить в церквях благодарственные молебны по случаю мира, при всякой возможности высказывался негативно о договоре и о его возможных последствиях. В конечном счете Неплюеву было велено сделать Самойловичу выговор. Гетман испугался и просил прощения, которое формально было прислано, но в действительности Голицын еще больше затаил злобу на Самойловича за противодействие своим планам.

А что же Мазепа? Как относился к перспективе «воевать Крым» он, отлично знавший и польский и турецкий свет, лично общавшийся с местной знатью и знавший их традиции? Если брать во внимание дальнейшую политику Мазепы-гетмана, то он не верил полякам, мечтал о возвращении Правобережья и считал, что Крым завоевать нельзя, но воевать с Турцией и выйти к Черному морю — можно. В этом

его мнение совпадало с мнением другого военного эксперта — Гордона.

Теперь следующим шагом после Вечного мира для Голицына должны были стать военные действия против Порты. Начинается первый Крымский поход. Возглавил его лично князь Василий.

Несмотря на то что некоторые историки склонны считать поход чуть ли не первым успехом русских царей на юге⁵⁷, в большинстве своем историография единодушна в своей негативной оценке. Современникам похода его провал тоже был очевиден. Де ла Невиль скромно упоминал, что Голицын «был более великим государственным мужем, нежели полководцем»⁵⁸. Самойлович в своем отчете прямо писал о неудаче, а старшине говорил о «безрассудной войне московской»⁵⁹.

Прежде всего поход страшно затянули. Только в мае, в начале самого жаркого в степях времени, армия выступила в поход. У Голицына было 100 тысяч человек и еще 50 тысяч казаков присоединились с Самойловичем. Мазепа вместе с генеральной старшиной и полковниками тоже пошел в Крым. Татар так и не встретили, зато начался страшный степной пожар, от которого было невозможно дышать. Не было ни воды, ни травы для лошадей. Голицын был вынужден вернуться.

Ситуация была и без того напряженной. В Москве многие бояре были недовольны непомерным возвышением Голицына. Софья, по выражению Соловьева, была «сильно напугана» и искала возможность «прикрыть» своего фаворита, чтобы тот не возвращался с «позором» в Москву. Главным пунктом в выработанном плане стала попытка обвинить казаков и лично Самойловича в саботаже похода. Гордон писал: «Распространился слух, что казаки сами приказали или по крайней мере с допущения гетманского сами зажгли степи с целью помешать вторжению русских в Крым»⁶⁰. То же самое говорилось и в наказе Софьи, с которым навстречу возвращавшимся войскам был отправлен ее главный поверенный Ф. Шаковитый.

И вот мы подходим к одному из важнейших эпизодов жизни Мазепы: к получению им гетманской булавы. В историографии обстоятельства эти обросли устойчивыми штампами, которые, по мнению их авторов, соответствовали образу «гетмана-изменника». Раз уж изменник, то везде, всегда и во всем. В упрощенном виде штамп этот выглядит следующим образом: предав своего благодетеля Самойловича, Мазепа написал на него донос, подкупил Голицына за «тридцать сребреников» (точнее — за 10 тысяч рублей)⁶¹ и таким образом получил булаву. Эта версия была сформулиро-

вана Костомаровым, а затем благополучно перекочевала в труды многих российских и советских историков.

Что же говорят факты? Мы знаем о роли в Коломацкой раде Голицына и старшины, но мы не можем проследить роль Мазепы⁶². Обычно это объясняют искусством Мазепы вести политические интриги. Но мне кажется, что правда гораздо более прозаична. Несомненно, наш герой мечтал о власти и булаве. Но в коломацкой интриге и он, и Самойлович, и Украина были лишь пешками в игре истинных вершителей судеб зарождавшейся Российской империи — прежде всего Голицына.

Вторая версия событий называет истинную причину свержения Самойловича — его непопулярность среди казаков⁶³.

Недовольство старшины поведением Самойловича и его сыновей, желанием гетмана утвердить наследственную власть, нарушением «казацких вольностей» — бесспорно. Об этом писали сами старшины в своем «доношении» (по сути — доносе), об этом пишут казацкие летописи и, что еще более важно, об этом говорит Гордон⁶⁴. Но то, что Голицын «не нуждался» в оправданиях, выглядит очень спорно. Еще как нуждался! Шведский резидент в Москве фон Кохен прямо писал, что Голицын решил свалить вину за собственные ошибки на Самойловича⁶⁵. Поэтому, скорее всего, первостепенная роль в этих событиях принадлежала именно князю Василию. Историки явно недооценивают роль Голицына, а точнее — тот блестящий план, который был им реализован на Коломацкой раде.

Мы знаем, что Голицын ненавидел Самойловича еще со времен чигиринских походов. Мы знаем, что за годы московской смуты гетман осмелел и стал превращаться в удельного князя, богатого и своевольного. Мы знаем, что Самойлович осмеливался открыто выступать против Вечного мира и Крымской войны — двух основных направлений внешней политики Голицына. Украина вырвалась из Руины, становилась экономически сильной и непокорной частью Московского государства. Это никак не могло устраивать правительство Софьи, в своем шатком положении опасавшееся любой оппозиции. Таким образом, совпали три фактора: желание Голицына свергнуть своевольного гетмана, желание правительства Софьи найти «козла отпущения» за неудачу в Крыму и злость старшины на зарвавшегося «поповича».

Почему, однако, Мазепа? Многие историки совершенно бездоказательно пишут, что заговор был возглавлен именно им⁶⁶. На самом деле его подпись на «доношении», то есть доносе старшины на Самойловича, стоит только четвертой,

после Борковского, Воехевича и писаря Прокоповича, чьей рукой и был написан донос. А венчала все подписи рука Василия Кочубея, внизу листа, отдельно от других, словно визируя документ⁶⁷. Именно Кочубей, как мы увидим ниже, будет играть ключевую роль и при свержении гетмана. Даже враждебно настроенный к Мазепе Величко и тот не называет его среди лидеров заговора. Мы неоднократно подчеркивали, что Мазепа не был и не мог быть лидером левобережной старшины.

Таким образом, все разговоры о «тайной руководящей роли» Мазепы — это, увы, только предположения. Что касается «взятки» Голицыну, то это на самом деле настолько смешно (когда речь идет о всемогущественном «Царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегателе»), что, если бы эта басня не кочевала даже по российским справочным изданиям, вообще не стоило бы о ней говорить. Пока оставим этот эпизод на совести Костомарова и разберем его чуть позже. Так что же, «культурная близость»? То, что оба (Голицын и Мазепа) могли пощеголять в разговоре латынью? Ориентир на Запад? Да, все это. Интеллектуал Мазепа, несомненно, гораздо больше импонировал Голицыну, чем кичливый казачий «попович», среди огромных богатств которого не нашлось и нескольких томов книг. Но позволю себе высказать крамольную мысль, не слишком льстящую моему герою. Вкладывая в руки Мазепы булаву, Голицын собирался не столько использовать его способности и знания (хотя и их в некоторой мере), сколько думал сделать из него своего «марионеточного» гетмана.

Это был дьявольский план. Князь Василий знал, что Мазепа был сравнительно беден, чужд левобережной старшине и не слишком популярен у казаков. Соответственно, став гетманом, он не сможет вести свою игру, а будет вынужден полностью выполнять волю своего благодетеля. Тихая, покорная Украина во главе со «своим человеком», полностью зависящим от него, — вот идеал, который воплощал в жизнь Голицын. Идеал, который был закреплен в Коломакских статьях, принятых на раде. Правда, своего избранника князь Василий все же недооценил.

Разумеется, неверно было бы сводить роль Мазепы к пассивному ожиданию, когда его сделают гетманом. В некотором роде он действительно вел игру «серого кардинала», тайную и скрытную. Главным было убедить старшину, что он является временным и неопасным соперником в борьбе за булаву, а Голицына — в том, что он скромный и благодарный исполнитель его воли.

События переворота развивались молниеносно. 7 июня в казацком обозе возвращавшихся войск над речкой Килчином составляется «доношение», которое отдают «в руки» Голицыну⁶⁸. Он отсылает ее с нарочным в Москву (можно не сомневаться, что с сопроводительным письмом). 16 июля табор встает над рекой Коломак. Туда прибывает гонец с указом от Софьи арестовать Самойловича и избрать нового гетмана. Исполнение поручалось Голицыну, «как Господь Бог вразумит и наставит». Князь окружил двумя московскими полками гетманский походный двор⁶⁹, а Кочубей доложил о готовности заговорщиков. Самойлович догадался, что происходит, провел ночь в молитвах, ожидая свою гибель, а утром, одевшись, по выражению Величко, как положено перед смертью, перешел в походную церковь. Именно туда явилась генеральная старшина с полковниками. Вуйца Волошин⁷⁰ произнес знаменитую фразу: «Пан гетман, тебя требует войско». Гетмана посадили на деревянную телегу и повезли в стан Голицына.

Теперь следовало заняться выборами нового гетмана. Хотели послать за духовенством и казаками в ближайшие полки. Но неожиданно обстановка осложнилась. Стали доходить сведения о бунтах. В Гадячском полку убили полковника. Тянуть с безвластием было нельзя. 24 июля вечером собралась старшина, чтобы выяснить волю Голицына. Он указал на Мазепу. Можно не сомневаться, что и Кочубей, и Борковский были разочарованы. Но спорить было невозможно, вокруг стояли русские стрельцы. 25 июля в присутствии Голицына собралась рада, на которой выкликнули имя Мазепы, а другие предложения были заглушены.

Иван Мазепа был избран гетманом, получил клейноды, подписал Коломакские статьи и присягнул на верность царю и правительнице. Год спустя он так и писал Голицыну: «своею мя возвел на уряд гетманский рукою»⁷¹.

Величко, апологет Самойловича, с укором пишет, что Мазепа стал врагом гетману, «доброееви своему»⁷². Но, бросая вслед за ним этот упрек в «измене патрону», историки грешат против объективности. Вспомним: Самойлович сместил Многогрешного, которого сослали в Сибирь. Многогрешный, прельстившись булавой из рук русских, предал Дорошенко (тут уж факт «предательства» бесспорный). А как быть со всеми другими украинскими гетманами? Дорошенко Опара, Юрий Хмельницкий — Иван Выговский и т. д. и т. п. Борьба за власть, ставшая обычной в Гетманщине. В 1687 году Мазепа был виновен только в одном: он знал и не предупредил. Но, во-первых, как и боль-

шинство старшин, он считал смещение справедливым. А во-вторых, что бы изменилось, предупреди он гетмана? Идти против Голицына с его стотысячным войском было невозможно. Бежать — в условиях окружавшей Самойловича враждебной старшины — нельзя.

Несомненно, как человек глубоко религиозный, Мазепа не мог впоследствии не мучиться этим эпизодом. В 1693 году он мысленно возвратился к свержению Самойловича и, словно оправдываясь, говорил Виниусу, что хотя он вместе со старшиной «били челом» — то только добиваясь отставки гетмана. А «чтоб ево разорять, имение ево пограбить и в ссылку совсем в Сибирь ссылать, о том де нашего челобитья, ни прошения... не бывало»⁷³. Подписывая «челобитную», Мазепа мог иметь в виду судьбу Дорошенко, то есть действительно считать, что Самойлович за былые заслуги получит «почетную ссылку».

Что касается моральной стороны принятия булавы, то тут тоже все обвинения пустые. Если бы Мазепа отказался пойти навстречу недвусмысленно высказанной воле Голицына, он поплатился бы карьерой или головой, а его место тут же занял бы Кочубей (кстати, тоже «облагодетельствованный» Самойловичем) или кто-нибудь еще. Участь Самойловича на самом деле была решена еще тогда, когда он впервые выступил против Голицына. И Мазепа навсегда усвоил этот урок, понял, как опасно открыто высказывать свое мнение сильным мира сего.

Мазепа заплатил за булаву. Я имею в виду не те «тридцать сребреников», о которых уже упоминалось. Он заплатил договором. Коломакские статьи делали гетмана, по сути, марионеточным правителем. Именно этот документ является самой яркой иллюстрацией голицынской политики по отношению к Украине.

Традиционные ссылки на «Статьи Богдана Хмельницкого» в коломакском документе выглядят как насмешка над теми временами, когда Гетманщина находилась лишь под номинальным контролем Москвы. Голицын замахнулся даже на основу казацкой демократии: теперь крестьяне не могли становиться реестровыми казаками, а всех «беглецов» следовало выдавать российским властям. Самого гетмана тоже нельзя было избирать и снимать без царского указа. Но что было коренным отличием Коломакских статей от всех предыдущих, так это то, что они превращали гетмана в совершенно беспомощную фигуру. Ему запрещалось «переменять генеральную старшину», то есть, по сути, он был не волен выбирать себе основных помощников (читатель, который когда-либо имел

дело с кадровым вопросом, должен тут посочувствовать Ивану Степановичу). Старшине и казакам прямо приказывалось «проведывать и писать великим государям» на случай, если гетманы станут «чинити какие ссоры», то есть устанавливалась и поощрялась система доносительства на гетмана. К тому же согласно Коломакским статьям при гетмане в Батурине якобы «для охранения и целости» должен был находиться Московский стрелецкий полк. И наконец, Голицын решил отменить систему «аренд», введенную Самойловичем в марте 1686 года⁷⁴, которые давали гетманской казне огромные доходы⁷⁵. В довершение всех этих реформ князь Василий декларировал в статьях начало процесса «русификации» (в духе деклараций Екатерины II в 60-е годы XVIII века). Гетману предписывалось «народ Малороссийский всякими мерами и способами с Великороссийским народом соединять», при этом следовало не допускать «голосов таких», что Украина является Гетманщиной, а не просто частью «Их Царского Пресветлого Величества Самодержавной Державы». В этом положении статей впервые явно объявлялось стремление царского правительства превратить Украину в область, на обычных правах входящую в состав Российского государства.

Голицын, добившись в Коломакских статьях таких достижений, не лишил себя и щедрой награды. В ответ на просьбу гетмана и старшины передать имущество Самойловичей в войсковой скарб князь Василий решил отдать только половину, а вторую забрал в царскую казну. Учитывая, что речь шла о миллионах (!) (мы еще будем подробно говорить о сокровищах Самойловича и их роли в судьбе Мазепы), можно не сомневаться, что значительная часть «царской доли» попала в руки фаворита. Здесь также можно вспомнить свидетельство И. Желябужского, что, когда по случаю Вечного мира было выдано из царской казны 200 тысяч рублей польским послам, эту сумму «князь Василий Васильевич Голицын с теми польскими послами разделил пополам»⁷⁶. Скорее всего, аналогичная судьба постигла и деньги Самойловича. Невилль так и писал, что при конфискации имущества Голицына было найдено «100 000 червонцев в сундуке», как полагали, взятых «из имущества гетмана Ивана Самойловича»⁷⁷. Во время «Бендерской комиссии»⁷⁸ 1709 года старшина тоже писала, что Голицыну в Москву было передано много имущества Самойловича. В связи с этим приношение Мазепы в 10 тысяч рублей выглядит как очень скромный дар, столь распространенный и принятый на Руси. Многочисленные и более щедрые «подношения» Мазепа будет потом делать и другим русским са-

новникам, включая Меншикова и Шереметева⁷⁹. Это было обычным явлением того времени. Взятки на Руси никто никогда не считал чем-то особенным.

Единственное, чего добились старшины, — это гарантий военной защиты. Факт этот решающий для понимания трагических событий финала гетманства Мазепы, а потому следует его особо подчеркнуть. В статьях говорилось, что, в случае наступления неприятельских или заднепровских войск на Украину, цари должны были посылать на помощь «скорые посылки». Особо подчеркивалось: «...и не так как прежде сего бывало, что войско Запорожское писало, прося себе о скорых посылках», а неприятели тем временем Украину «до последней пагубы привели и изнищали». Эта просьба была полностью удовлетворена, и обещано «войско Запорожское и Малороссийской народ держать в милости своей государской и от неприятеля во всякой обороне».

Именно на этих условиях Мазепа принес свою знаменитую клятву «перед святым Евангелием»: быть у царских величеств «в вечном подданстве верно и постоянно польскому королю и султану турецкому и хану крымскому не изменит»⁸⁰. Странная формулировка. Отметим на будущее, что договор со шведским королем она не предусматривала.

В результате усилий Голицына Мазепа оказался правителем без денег, окруженный внутренними шпионами и к тому же контролируемый русскими войсками. Его попытки получить позволение принимать «присыльные листы от окрестных государей» встретили категорический отказ. А ведь правительство Софьи постоянно будет пользоваться сведениями гетманских «шпионов» в соседних странах, что, по сути, было нарушением статей и создавало прецедент для расправы, если бы такое желание возникло. Прямо на раде Голицын приказал Мазепе сообщать о всех делах (кроме «не подлинных и мелких»)⁸¹, не скрывая своих намерений полностью контролировать каждый шаг гетмана и всю ситуацию в Украине.

Возникает вопрос: как оценить то, что Мазепа пошел на эти условия? Объясняется ли все стремлением к власти любой ценой? Верил ли он в то, что сможет сделать для своей страны больше, чем кто-либо другой? Или не задумывался об этом и просто использовал выпавший на его долю шанс? Честолюбие, карьеризм, беспринципность... Пусть эти камни бросают те, кто считает себя безгрешным. Мало кто отказался бы от булавы, оказись он на месте Мазепы. И пусть назовут хотя бы одного правителя Украины, который сделал для своей страны столько, сколько сделал за свое гетманство Мазепа. Вопреки всем и всему. И прежде всего вопреки условиям Коломакских статей.

Глава 4

НАЧАЛО ГЕТМАНСТВА: МАЗЕПА И ГОЛИЦЫН

Мечта Мазепы осуществилась. В сорок восемь лет он стал гетманом «войска запорожского обеих сторон Днепра». Правда, было очень много «но». На другой стороне Днепра по условиям Вечного мира ему подчинялся только Киев. Власть его, усилиями Голицына, была крайне урезанной, его окружала чуждая ему левобережная старшина, озлобленная тем, что некий пришелец оказался наделенным над ними властью.

Вообще, избрание Мазепы произошло совершенно неожиданно для многих, под давлением Голицына и в обход более сильных претендентов (включая генерального писаря В. Кочубея). Явно не на такой исход рассчитывали старшины, подавая свой донос на Самойловича. Они должны были ненавидеть этого пройдоху, буквально выкравшего у них из рук булаву. Или надеяться, что Мазепа окажется лишь «проходящей», временной фигурой, которая будет заменена при первом удобном случае. А ведь Коломакские статьи давали большой простор для таких «удобных случаев».

И вот в этих сложнейших условиях, когда, казалось, все было против него, Мазепа проявил себя как талантливый государственный деятель и политик, сдержанный, осторожный и неторопливый, как мастер политического компромисса. Не противореча никому, услужливо и предупредительно обходясь с врагами и единомышленниками, он умел настоять на своем, исподволь, но решительно осуществляя свои планы.

Само вхождение во власть оказалось нелегким. По Украине прокатилась волна бунтов. Еще сразу по низложению Самойловича многие казаки разошлись из обоза и стали будоражить людей. Начались расправы над арендаторами, их грабили и убивали¹. Дома многих полковников тоже были разграблены в их отсутствие². Часть старшины оказалась в оппозиции, не соглашалась со смещением гетмана. Иностранцы сообщали, что большая часть Украины не призна-

ла Мазепу³. Он был даже вынужден просить у Голицына 4 тысячи русских войск, которые проводили его до Батурина⁴. Сын Самойловича Григорий вместе с прилуцким полковником Л. Горленко собирался искать поддержки в Крыму.

Бунты распространялись и среди простых казаков, как ответ на жесткую политику гетманской администрации последних лет. В Гадяцком полку убили есаула Кияшку. Затем жертвами стали сам полковник Л. Горленко и его писарь: их, избив, бросили в горящую печь и засыпали землей еще живых. Повсюду избивали старшину, угрожали компанейцам и сердюкам. Все это происходило в тех частях, которые не были в главном обозе, окруженном московскими войсками. Остававшийся на Украине за наказного гетмана П. Апостол писал, что не в силах сдерживать ситуацию. Послал за помощью к севскому воеводе Леонтию Неплюеву. Он окружил бунтовщиков, а старшина выдала Григория Самойловича. Сын гетмана, который еще недавно хвалился, что проедет по всей Украине в золотой карете, униженно кланялся воеводе и положил к его ногам свой полковничий пернач. Это его, однако, не спасло, и вскоре Григорий Самойлович был казнен Неплюевым «за измену». Все его имущество забрала воевода. Бывшего гетмана под сильной охраной отослали в Орел, а затем — в Сибирь.

Заметим, что Григорий был казнен Неплюевым без всякого согласования с Мазепой (еще один пример, насколько ограниченной была гетманская власть). Эти события показали решающую роль, которую играли в Гетманщине русские войска и воеводы. Показали они и ненависть казаков к старшине, а также то, что полагаться гетману следовало только на сердюков и компанейцев. Впрочем, Мазепе опять повезло: в результате бунта естественным путем отменялись положения статей о «не замене» старшины: «изменников» следовало покарать, и Голицын не стал этому противиться.

Отдадим должное Мазепе, он никогда не был сторонником крутых мер. Трудно сказать, что это было: природная осторожность или христианское милосердие. Скорее всего, и то и другое. Но политика Мазепы в первые годы его гетманства — яркий пример сдержанности.

Получив булаву, Иван Степанович столкнулся с таким количеством проблем, что трудно даже предположить, с чего он собирался начать. Мы прежде всего попробуем разобраться в его финансовом положении. От Самойловичей в войсковую казну поступили огромные средства. По подсчетам старшины, их можно было оценить в миллионы⁵. Помимо имений и

богатого хозяйства было конфисковано множество драгоценных вещей, оружия, посуды, одежды и прочего⁶. Именно эти сокровища стали основой будущего фантастического богатства Мазепы. Впрочем, надо признать удивительный факт: при первой же возможности гетман пожертвовал значительные суммы из этих денег опальным наследникам Самойловича. Так, когда дочь последнего выходила замуж за князя Четвертинского, ей была дана тысяча импералов в виде приданого. А когда настала пора венчаться его внучке — та получила от Мазепы тысячу золотых, серебряную посуду и драгоценности. Когда затем зять Самойловича Четвертинский попал в татарский плен, Мазепа заплатил за него три тысячи золотых. Наконец, занимаясь строительством в Киево-Печерской лавре, Мазепа построил там башню с церковью во имя святого Иоанна Кушника, патрона тогда уже покойного Ивана Самойловича. И мало того. Когда в присутствии русских воевод составлялись описи имущества семьи Самойловича, выяснилось, что пропал сундук с собольим кунтушом. Старшина объяснила, что тот сундук был отдан по приказу Ивана Мазепы жене бывшего гетмана. Таким образом, Иван Степанович, рискуя прогневить русских воевод, отдал шубу несчастной женщине, уезжавшей в Сибирь.

Было ли это попыткой загладить свою вину? В любом случае все перечисленные поступки можно оценить как весьма щедрый и благородный жест. Я бы даже сказала — человеческий. Если Мазепа поступал так, мысленно снова и снова обращаясь к событиям Коломацкой рады, то называть его бездушным вряд ли справедливо.

Итак, он стал наконец богат. Впрочем, в первые годы гетманства о богатстве еще вряд ли можно говорить. Отмена аренд больно сказалась на казне. Мазепа постоянно жаловался Голицыну на нехватку денег. «Из небольшой казны войсковой»⁷ «у нас никаких доходов нет, а расходы непрестанные имеем, яко же и сами вы ведаете что ныне аренды нет»⁸. Он писал, что не может отправлять в Москву запорожцев (которые постоянно приезжали в гетманскую столицу, чтобы оттуда их послали к царю за наградами), так как от этого «до конца скарбец войсковой истощитца...»⁹. Вероятно, в этих жалобах была доля лукавства, так как скарбы Самойловича составляли огромный капитал. Но Мазепа был слишком хорошим хозяином, чтобы не знать: деньги имеют свойство быстро заканчиваться. А раз доходов не было, то и расходы следовало всячески ограничить.

Впрочем, это никак не отражалось на тех щедрых наградах, которые он раздавал старшине. Едва став гетманом,

Мазепа просит дать царскую жалованную грамоту на два села Кочубею¹⁰, затем ему же — на мельницу¹¹. Такие же жалованные царские грамоты стараниями Мазепы получил генеральный есаул М. Миклашевский¹², а затем генеральный хорунжий И. Ломиковский¹³, ряд войсковых товарищей и другие старшины. Жан Балюз впоследствии писал, что Мазепа покорила свою старшину «роскошными приемами в своей резиденции»¹⁴. Величко упоминает, что у Мазепы были традиционные «воскресные обеды». Трудно сказать, на каком этапе своего гетманства Иван Степанович ввел эту традицию, но, безусловно, он с первых дней стремился всячески задобрить старшину.

Еще одним направлением гетманских щедрот были монастыри. Десятками исчисляются универсалы Мазепы, подтверждающие старые пожалования и дающие новые. Киевский Братский, Киевский Николо-Пустинский, Лубенский Мгарский, Киевский Златоверхо-Михайловский, Киевский Выдубицкий, Троицкий Кирилловский, Киевский Фроловский, Киевский Межигорский — это только часть монастырей, облагодетельствованных Мазепой в этот период. По его просьбам они получают и царские жалованные грамоты.

Среди монастырей, пользовавшихся покровительством Мазепы, безусловно, был и Вознесенский девичий монастырь, игуменьей которого была его мать, Мария Магдалена. Пожалования матери — это единственный признак в голицынский период использования своей власти в личных целях. Впрочем, вряд ли можно рассматривать как личную корысть пожалования монастырю, даже если учитывать, что игуменьей там была его мать.

Вообще, как уже говорилось выше, Мария Магдалена была женщиной замечательной. Пользуясь покровительством своего сына, она, помимо игуменства Вознесенским киевским монастырем, распространяет свое влияние на Глуховский Преображенский¹⁵, получает право посылать инокинь в Москву «за милостыней» (при этом им царское правительство предоставляло подводы и поденное жалованье)¹⁶. Ее решительность, энергия и целеустремленность были чертами, унаследованными от нее Мазепой. Магдалена, безусловно, гордилась своим сыном-гетманом, несомненно, оказывала на него определенное влияние, а Иван до самой ее кончины оставался преданным и заботливым сыном.

Как мы уже говорили выше, влияние матери прослеживается в тесной связи Мазепы с украинским православием. Хотя все предшествующие гетманы, начиная с Богдана Хмельницкого, тоже жертвовали пожалования монастырям,

но Иван Степанович делал это уже на другом качественном (и количественном) уровне.

Недоброжелатели могут оценить эти щедрые пожертвования исключительно как «замаливание грехов». Однако факты свидетельствуют, что уже в этот период Мазепа становится покровителем украинского православия. В январе 1688 года он добивается от Голицына подтверждения прав Киево-Печерской лавры на типографию¹⁷, а уже в апреле посылает князю новую книгу, напечатанную там, — «Венец Христов»¹⁸. Эту же книгу Мазепа представил и царям¹⁹. Он заступает за архимандрита Ясинского, не угодившего Голицыну²⁰. Усилиями Мазепы были представлены Голицыну «Жития святых», написанные игуменом батуриновского монастыря Дмитрием — будущим святителем Дмитрием Ростовским (Туптало)²¹. Мазепа очень беспокоился о благоприятном для Дмитрия исходе и писал с напоминаниями о нем Голицыну даже из похода на Самару.

Но дело это складывалось весьма непросто. Противником оказался сам патриарх московский Иоаким. Это был человек фанатичный, мстительный и жестокий, он «не терпел никакого проявления свободомыслия... с подозрением относился к любому независимому суждению»²². Именно по его распоряжению были сожжены в пустозерском остроге протопоп Аввакум и его товарищи²³. Разделавшись с Никоном, Иоаким начинает борьбу со всеми «новшествами» в православии. Жестокая борьба разворачивается с его идейными противниками, прежде всего с Сильвестром Медведевым, о чем мы еще будем говорить ниже. Украинское православие тоже казалось Иоакиму не каноничным. Его советник, чудовский монах Евфимий, осенью 1687 года объявил все украинские книги еретическими — начиная от Катехизиса Петра Могилы²⁴ (впоследствии — еще одного канонизированного святого). Иоаким отказался благословить издание «Житий святых» из опасения, «дабы чего в тех книгах не было противного церкви». Мало того, он посылает архимандриту Киево-Печерской лавры Варлааму Ясинскому, где печатались эти книги, письмо с выговором за издание книг без предварительного разрешения²⁵. Ясинский был оскорблен и расстроен²⁶. Он обратился за помощью и советом к Мазепе, который опять использовал все свое влияние на Голицына, чтобы это начинание успешно завершилось.

Постепенно становясь покровителем просвещения, Мазепа разбирался и с другими внутренними проблемами. Главной для него оставались запорожцы. Мы уже отмечали, что Мазепа имел все основания их, мягко говоря, не лю-

бить. В письмах в Москву он не скрывает своего отношения к вольной Сечи: «...они запорожцы в своих речах всегда многословны и непостоянны»²⁷.

Надо здесь напомнить, что только после Вечного мира Запорожье попало под юрисдикцию московского царя. Вольное рыцарство совершенно не освоилось с этой новой ситуацией, а точнее — трактовало ее по-своему. За годы Руины у запорожцев утвердилась практика постоянной смены политической ориентации. В этом же ключе они продолжали действовать и теперь. Политика Мазепы, стремившегося навести порядок в своих владениях, их совершенно не устраивала. Запорожцы постоянно требовали от царя, в лице гетмана, денег за свою «службу», кроме того, при каждом удобном и неудобном случае желали лично ехать в Москву, где надеялись получить дополнительные награды. Чтобы не ссориться с запорожцами открыто, Мазепа был вынужден выдавать приезжавшим деньги²⁸, отсылая их к царю. Кроме того, он отправлял им «хлебные запасы», причем запорожцы, по его словам, даже не желали сами их забирать, а требовали, чтобы подводы доставлялись в Запорожье²⁹. Мазепа часто жаловался, что запорожцы писали ему «зело непотребные слова и выговоры свои...»³⁰.

Вообще гетман не доверял Низовому войску и, как подтвердило время, был в этом совершенно прав. Показательно, что уже в марте 1688 года, когда запорожцы спрашивали его, как будет осуществляться поход на Крым, Мазепа «ничего к ним запорожцом на то не отписал»³¹.

Исполняя решение Коломакских статей, Иван Степанович приступил к строительству порубежной крепости, которая должна была служить преградой татарским набегам, базой для будущих крымских походов, а также форпостом против запорожцев. С задачей Мазепа справился блестяще, впервые проявив свои способности военного стратега. 14 июня 1688 года он с отрядом вышел из Батурина и пришел на реку Самару, где выбрал удобное место — в пяти верстах от Днепра, «с доступом кораблей, запасом дров и трав». Здесь была заложена Новобогородицкая крепость, ставшая основой современного Днепропетровска. Проект был выполнен голландским инженером полковником Вазалем. Это строительство запорожцы не без основания оценили как обиду и «убыток»³². Строительство шло полным ходом. Сам гетман оставался в «таборе под Самарой». В конце июля он уже докладывал, что «в первых числах августа та крепость станет в своем совершенстве»³³.

Запорожцы не сразу полностью осознали всю угрозу своей «вольности», исходящую от новой крепости. В течение

года они только роптали, а в сентябре уже «в безумии своем кричали» на воеводу Г. И. Косагова из-за строительства города³⁴. Мазепа не без злорадства писал: «...учинив к Самаре поспешение прилежным поспехом тот город сделали что запорожцы и осмотретца не могли». Теперь Новобогородицкой город уже «принел свое совершенство»³⁵. В октябре по подробнейшей разработанному Мазепой плану компанейский полковник И. Новицкий совершил удачный поход на Очаков³⁶.

Стоит отметить, что Голицын не наградил Мазепу за эти успешные и своевременные действия. Либо он считал их простым исполнением своих обязанностей, либо хотел все заслуги на южном фронте приписать исключительно себе.

Между тем противостояние гетмана с запорожцами продолжалось и углублялось. Показательным является факт, что, когда был подготовлен донос на гетмана, доносчики собирались, если их не наградят в Москве, идти в Запорожье, где «за теж басни сорные» рассчитывали от атамана кошевого и от Войска Низового получить «особную милость»³⁷. Недовольные политикой гетмана запорожцы обвиняли его во всех смертных грехах, в частности, будто им не были отданы все причитающиеся деньги.

Ситуация обострилась в преддверии подготовки нового Крымского похода. Мазепа опасался со стороны запорожцев какого-либо «вредительства» и не считал, что они смогут оказать помощь в походе³⁸. Накануне похода им были высланы в Дикое Поле сотники для поджога сухих трав. Запорожцы их перехватили, жечь траву не дали, а сотников «взяли за караул»³⁹. Мазепа по этому поводу писал Голицыну: «Запорожских казаков безумству дивлюся», что они монаршую милость и его дружбу забыли, посланцам его в их деле чинили препятствия и «хульные многие слова говорили»⁴⁰. Посланец гетмана на Запорожье был встречен недружественно, выслушал многие (по выражению Мазепы) «враки и плутовские слова», а на раде запорожцы вообще постановили помириться с татарами⁴¹. В своих письмах к Мазепе они язвительно спрашивали, собираются ли идти войска на войну или «для строения городов», намекая на сооружение Новобогородицкой крепости, умалявшей их «вольности». Мазепа отвечал на это, что такими «сорными словами... вам... уши набивают» какие-то легкомысленные и неспокойные головы⁴². Его несколько предвзятое отношение к запорожцам полностью оправдалось. В середине июля 1689 года Мазепа сообщил Голицыну, что в Сечь прибыл от хана некий ага, после чего запорожцы и татары взаимно присягну-

ли о перемирии⁴³. Не дожидаясь указа (это было очень рискованно, зная характер князя Василия), гетман разослал универсалы, чтобы запорожцев не пускали в города, равно как и из городов на Запорожье никого не пропускали⁴⁴, то есть блокировал Сечь. Правительство Софьи в условиях провала похода было крайне раздражено поведением запорожцев, и Мазепе прислали указ под страхом смертной казни никого не пускать и не выпускать из Запорожья⁴⁵, который, по сути, подтвердил его действия.

В этих условиях Мазепа проявил свой талант политического лавирования. Он написал в Запорожье, что до него дошли слухи, будто запорожцы «с неприятелем креста святого» во вред родной земли своей помирились. При этом он заверял, что этому слуху «отнюдь не верит», и объяснял свою блокаду Запорожья опасением занести в Украину распространявшееся в Сечи «моровое повetrie»⁴⁶. Одновременно гетман писал Голицыну, что «безумны запорожцы с крымцами помирились», и, как бы исполняя царский указ, приказывал «под смертною казнию никого на Запорожье не пропускати...»⁴⁷.

Ведя скрытую войну с Низовым войском, Мазепа преследовал сразу несколько целей: наведение порядка в стране, обеспечение безопасности южных рубежей и подготовка военных действий против Крыма. Личные антипатии, перемешиваясь с отличным знанием запорожских реалий, только помогали ему в этом. Не забывал гетман и еще об одной опасности, про которую он редко решался открыто писать Голицыну. Мазепа из собственного опыта, подтвержденно показаниями своих многочисленных шпионов, отлично знал, что в Польше не забыли времена, когда Левобережье было частью Речи Посполитой. Князь Василий, сделав ставку на Священную лигу, слишком верил своим новым «западным союзникам». В свое время Иван Степанович поддерживал Самойловича, выступавшего против Вечного мира. Теперь, сам став гетманом, Мазепа должен был убедиться в своей правоте, столкнувшись с тайными замыслами поляков по отношению к украинским землям. Но, противодействуя этим замыслам, нужно было опасаться оскорбить князя, намекнув, что тот сделал стратегическую ошибку.

Условия Коломакских статей строго запрещали вступление в правобережные земли и контакты с поляками. Мазепе, исполняя приказ, приходилось ограничивать все сношения с другим берегом Днепра, что было непросто из-за обилия у старшины семейных связей на Правобережье. Так, к полковнику миргородскому Апостолу приезжал его тесть,

Василий Искрицкий и пробыл у зятя шесть дней вместо разрешенных трех. Дядя генерального обозного Василия Борковского, приехав из польских земель к племяннику, передал Мазепе в феврале 1688 года письмо польского военачальника С. Яблоновского⁴⁸. Гетман немедленно послал копии письма Голицыну и «царям».

Поляки продолжали внимательно следить за ситуацией на Левобережье. Во время строительства Новобогородицкой крепости в табор Мазепы (где был и русский воевода Л. Неплюев) снова прибывает посланец Яблоновского⁴⁹. Усиление польской активности проходило на фоне начавшихся контактов гетмана правобережных казаков Могилы (на службе у польского короля) с запорожцами. Перехватив одно из писем Могилы, Мазепа сообщал Голицыну, что тот в своем послании обещал низовикам «королевскую отеческую милость»⁵⁰. Осенью 1688 года гетман имел уже предупреждение, что запорожцы ожидали прихода к себе на помощь Могилы и фастовского полковника Палия (Палея). Правда, Мазепа не без злорадства отмечал, что в Сечи нет кормов для лошадей и мало хлеба и правобережным казакам долго по зиме до них добираться. Поэтому он и делал вывод: «...суетная и даровая в том деле надежда запорожцов»⁵¹.

Активность поляков становится особенно понятной, если учесть, что среди правобережных казаков начался очередной раскол и вновьявленный претендент на булаву — Семен Палей — вел переговоры с татарами в надежде на внешнюю поддержку⁵². Одновременно Палей писал к Ивану Степановичу, ссылаясь на ссору с поляками, чтобы тот разрешил поступить к нему на службу и перейти на Левобережье⁵³. Противостояние Мазепа — Палей станет едва ли не основным для Гетманщины в годы Северной войны. Но уже тогда Иван Степанович недолюбливал будущего «народного героя». «Зело предо мною унижаетца», — замечал он с презрением. К тому же гетман подозревал Палея во лжи и с долей высокомерия предупреждал Голицына, что если полковник не захочет «под мой regiment прийти», то «пойдет к противной руке неприятельской», то есть к татарам⁵⁴.

В существовании «пропольского» и «прокрымского» лагерей, по сути, не было ничего нового. Но Мазепа с тревогой следил за событиями на Правобережье. И в тот период, и позже наличие «вольных казаков» у границ его Гетманщины создавало угрозу порядку и дисциплине, которые он так стремился внедрить, вырывая страну из Руины.

Подозрения Мазепы относительно планов поляков были обоснованными. В ноябре 1688 года, не решаясь писать об

этом к Голицыну, гетман представил Шакловитому, прибывшему в тот момент в Батурин, своего шпиона, вернувшегося из Правобережья. Шпион этот привез сведения об имевшемся в Польше плане, согласно которому если не состоится поход на Крым, запланированный на весну 1689 года (который был обещан Голицыным как обязательство перед Священной лигой), то коронные войска пойдут на Левобережье. Поляки открыто рассуждали, что Гетманщину им не захватить, но зато у них будет возможность вернуть согнанное с правого берега украинское население, «которых теперь гетман запорожский (то есть Мазепа. — Т. Я.) не пускает». Поляки мечтали и разрушить Новобогородицкую крепость, причем выяснялось, что к этим действиям их подстрекали запорожцы «через послов своих»⁵⁵.

Посланник Палея тоже рассказал, что, будучи у Замойского, слышал высказанное поляками мнение о Мазепе — тот-де все их хитрости узнал, все их планы ведаёт и может обо всем предостерегать. Иван Степанович не без горькой иронии замечал, что полякам было бы лучше, «когда б тут на гетманстве был человек простой». Учитывая годы, проведенные Мазепой при королевском дворе, и его отличное знание обычаев Речи Посполитой, опасения польских сановников были вовсе не случайны. Мазепа сообщал Голицыну, что поляки собираются приложить все старания, «чтоб меня гетмана отравою умертвить»⁵⁶. Учитывая актерский талант Мазепы, трудно сказать, насколько серьезно он опасался яда. Он писал, что внимательно наблюдает за всеми лекарями, прибывающими из Польши. Но в том, что на его жизнь, а точнее — на его булаву, покушались, в этом он не сомневался. Не прошло и полгода с момента получения им булавы (как писал сам гетман, «когда я на уряде гетманском и не осмотрелся»), а уже был сделан донос путивльским протопопом, по показаниям которого был назначен розыск. Мазепа сразу же обратился к своим покровителям — Голицыну, П. И. Прозоровскому и В. Д. Долгорукому с просьбой о заступничестве⁵⁷. Дело продолжения не имело, но осенью 1688 года был сделан новый донос. На этот раз нити заговора явно вели в среду левобережной старшины. Мазепу обвиняли в связях с поляками, в том, что якобы он имел контакты с ними через приезжавшего Искрицкого (тестя П. Апостола, одного из немногих сторонников гетмана) и собирался купить себе имения на Правобережье. Иван Степанович оправдывался, что Искрицкий был сразу выслан, а покупка имений «и на мысль мою никогда не приходила». Учитывая шаткое и тревожное положение Мазепы, враждебное отно-

Иван Степанович Мазепа
Гетман

Мазепа в юности.

Мария Магдалена,
мать И. Мазепы.
Неизвестный художник XVII в.

Студенты около здания Киево-
Могилянской академии.
*Гравюра И. Щирского.
1697—1701 гг.*

Герб Мазепы.
Евангелие на арабском языке. 1708 г.

IOANNES CASIMIRVS DEI GRATIA REX POLONIE MAG DUX
LITHVANIAE RUSSEIE PRUSSIE MAGNVS SAMOGITIE LITHVONIAE
SMOLNIAE SERRIAE CATHOLICAE ET ALIAE PARTIS REGNI SVB REGNO
FRANCISCAE REGINAE MATRIS SVAE REVERENDISSIMAE

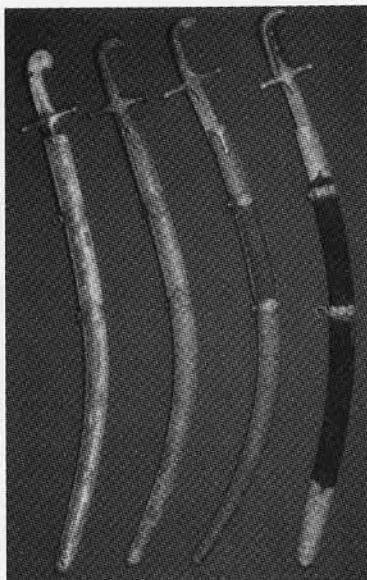
Ян-Казимир II Ваза,
король Польши.

Королевский замок в Вавеле (Краков). *Современное фото.*

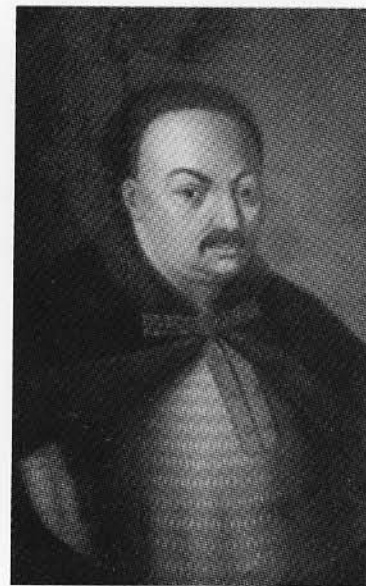
Полковник украинского полка.
Рисунок Т. Калинского.
1778—1782 гг.

Казацкие сабли. XVII в.

Богдан Хмельницкий, гетман
Украины в 1648—1657 годах.
Гравюра В. Гондиуса. 1651 г.

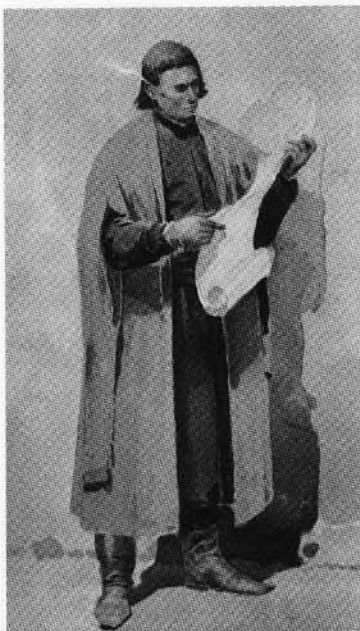
Иван Самойлович, гетман
Украины в 1672—1687 годах.
Неизвестный художник XVIII в.

Прием
польским
королем
Яном-
Казимиром
запорожских
послов
в Ченстохове
в 1661 году.
*Неизвестный
художник
XVII в.*

Казацкий дозор. *С. Васильковский.* 1890 г.

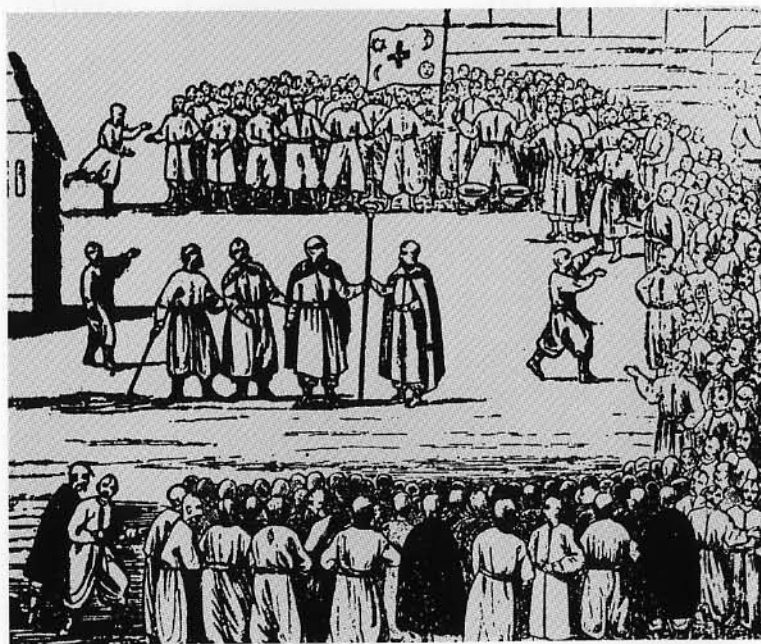

Печать Войска Запорожского.
XVII в.

Войсковой писарь.
Рисунок С. Васильковского. 1900 г.

Выборы кошевого атамана.
Рисунок Т. Калининского.
1778—1782 гг.

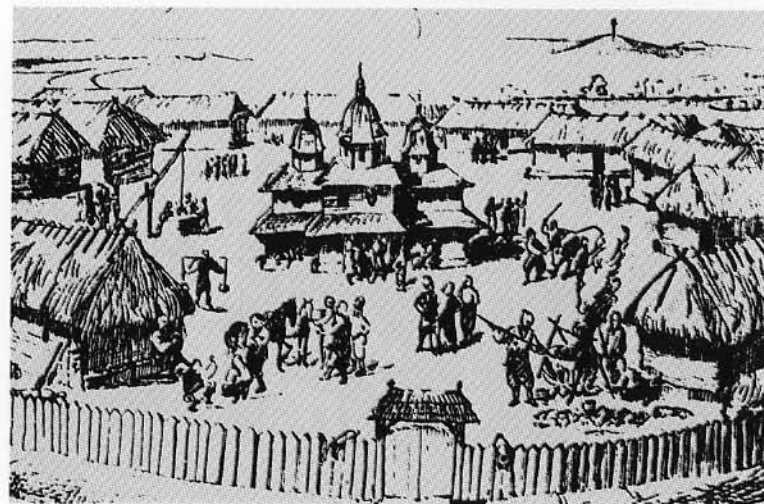

Казацкие пороховница
и трубка. XVII в.

Казак.
Рисунок С. Васильковского.
1900 г.

Запорожская Сечь. Неизвестный художник. 1778—1782 гг.

Боярин князь Хованский.
Западная гравюра около 1670 г.

Царь Федор Алексеевич.
И. Безмин (?). Около 1680 г.

Стрелецкий полковник
и стрелец с бердышом
и пищалью. Рисунки из альбома
Э. Пальмквиста. 1674 г.

Царевна
Софья Алексеевна.
Гравюра XVII в.

Цари Иван
и Петр
Алексеевичи.
Гравюра Жолэна.
1685 г.

Гетманские булава и пернач.
XVII в.

Петр Дорошенко,
гетман Украины в 1665—1676 годах.
Неизвестный художник XVIII в.

Князь
Василий Васильевич Голицын.
Гравюра А. Тарасевича. 1689 г.

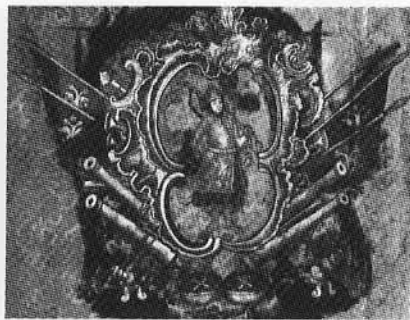
Иван Мазепа — гетман.
Гравюра конца XVII в.

Турецкий всадник. *Рисунок конца XVII в.*

Казачий обоз в степи. *Рисунок XVIII в.*

Знамя Сенчанской сотни
Лубенского полка. *Начало XVIII в.*

Казацкий пушкарь.
Рисунок С. Васильковского.
Конец XIX в.

Осада Азова в 1696 году.
Гравюра А. Шхонебека. 1699—1700 гг.

Печать Малороссийская.
«Титулярник, или Большая
государственная книга».
1672 г.

Царь Петр Алексеевич.
Гравюра конца XVII в.

Вид Москвы
от Каменного моста.
Гравюра П. Пикара
и учеников (фрагмент).
Начало XVIII в.

Турецкий султан.
«Титулярник, или Большая
государственная книга». 1672 г.

Герб Турции.
«Титулярник, или Большая
государственная книга». 1672 г.

Запорожцы пишут письмо турецкому султану.
И. Репин. 1880—1891 гг.

Герб Польши.
«Титулярник, или Большая
государственная книга». 1672 г.

Ян III Собеский,
король Речи Посполитой.

Победа Я. Собесского под Веной в 1683 году. XVII в.

Апофеоз Мазепы. Гравюра И. Мигуры. 1706 г.

шение к нему поляков, строгий контроль Голицына — вряд ли можно предположить, что в тот момент он решился бы купить поместья в Речи Посполитой. Гетман понимал, что его ненавидят, и философски рассуждал, что как за солнцем следует тень, так за честью и славой идет ненависть. Он напоминал князю Василию их давнее знакомство, обещание защищать от напастей, данное на Коломацкой раде, и выражал надежду на дальнейшее покровительство⁵⁸.

Так и получилось. Обвинения «явною лжею оказались», и клеветников — братьев Челеенко — прислали к гетману в Батурин. Царский указ отдавал их на рассмотрение Мазепы, но с ними следовало поступать «без оскорбления». В письме к Голицыну Иван Степанович сообщал, что не приказал их пытаться и вообще намеревался отпустить к женам. Однако Челеенко снова начал клеветать на гетмана, на старшинской раде заявил, что к Мазепе прибыл из Польши королевский покоевый, с которым гетман якобы имел тайный стговор. Об этом же он послал донос Голицыну и другим воеводам. Мазепа надеялся, что «басням того плута» не поверят, но признался, что душа его от злобных наговоров болит «нестерпимо раною». После «легкой пытки» Челеенко сознался, что был в стговоре с племянником полковника Дмитрашки Райчи и батуринским бургомистром⁵⁹.

Мазепа требовал кары доносчику, при этом он напоминал, что при Самойловиче подобный клеветник был повешен⁶⁰. Однако когда пришел царский указ, позволяющий казнить Челеенко, Мазепа лично настоял, чтобы его врага оставили в живых и лишь сослали⁶¹. Ссылки на христианские ценности, учитывавая религиозность Мазепы, скорее всего, не были пустыми словами. Он вообще стремился на протяжении всего своего гетманства обходиться без кровопролития. Всех своих многочисленных доносчиков он прощал — казнил только Кочубея с Искрой, на исходе жизни и гетманства. Весьма показательна просьба Мазепы к воеводе Неплюеву в отношении русских стрельцов, ограбивших войсковую казну. Он просил, чтобы «невинные души на телах своих страдание не терпели и с того страдания же бы не умерли», а потому, чтобы их пытали только каким-нибудь «легким способом»⁶². Эта была жестокая эпоха, когда дыба и кнут запросто применялись на Москве, а осиноый кол — на просторах Речи Посполитой. Возможно, здесь сказывалось и «западное мышление», возмущавшееся против варварства, и идеи гуманизма, привитые в стенах Киево-Могилянской академии. А может быть, Мазепа просто слишком хорошо знал, что истинные его враги были значительно вы-

ше, чем эти мелкие доносчики. Умный и хитрый гетман, располагавший широкой сетью шпионов, прекрасно догадывался, куда шли нити заговоров. А пачкать свои руки кровью несчастных исполнителей он не желал.

Добраться до своих настоящих врагов Мазепа не мог. Во-первых, он не мог предъявить доказательств их «измены», а во-вторых, слишком велика была в этот период его зависимость от старшины, восстанавливать которую против себя он опасался, памятуя о судьбе Самойловича. Как мы упоминали, гетман занимался «задабриванием», то есть скрытым подкупом старшины (включая своих врагов). Кроме того, он всячески поддерживал и «продвигал» по службе своих доброжелателей. Одним из таковых был немолодой генеральный писарь Воехович, с которым они вместе служили еще у Дорошенко. Другим фаворитом становится полковник компанейских войск Илья Новицкий. Мы отмечали крайне важную роль, которую играли компанейцы во внутренней ситуации Гетманщины, поэтому лояльность Новицкого была для Мазепы особенно важна.

Не имея права заменять по своему усмотрению старшину, гетман тем не менее не упускал случая отстранить от власти своих недоброжелателей. Весной 1688 года Мазепа сообщил Леонтию Неплюеву о недовольстве переяславских казаков своим полковником Дмитрашкой Райчей. Он объяснял, что полковника обвиняли во взяточничестве и злобе, именуя его «люцифером». Мазепа осторожно предлагал разрешить избрать полковника «вольными голосами», при этом предлагал («слышу, что думают») Головченко. Царский указ не замедлил прийти: «...обрать себе доброго полковника», при этом гетману поручалось приложить свое старание, чтобы «обран был верной и радательной человек»⁶³. Напомню, что Райча, будучи еще несильным переяславским полковником, во время памятного пленения Мазепы запорожцами весьма недоброжелательно отзывался о нем. То, что при расследовании доносов на Ивана Степановича опять прозвучало имя Райчи, доказывает, что гетман не случайно хотел избавиться от такого старшины в своем окружении. Безусловно, это был личный враг, и дальнейшие события это подтвердили.

После отставки Райча по указу был отправлен в Москву, где, видимо, очень усердно наговаривал на гетмана. По крайней мере Голицын прислал Мазепе указ не чинить утеснений его жене. Иван Степанович был явно уязвлен тем, что его врагу «изволили дать веру». Он напоминал князю, что тот более десяти лет знает его «плоть и нрав»,

что он, Мазепа, ни при каких условиях не посягнет ни на чью жизнь и ни на чьи имена.

Между тем пребывание Райчи в Москве породило в Украине различные слухи. Говорили, в частности, что тот вернется с каким-то боярином «для принятия некоторого чину», видимо, речь шла даже о гетманской булаве. Хотя Иван Степанович называл это «ложной басней», но просил прислать разъяснения, так как «люди простые» любым речам верят⁶⁴. Райчу прислали в Севск, откуда он засыпал гетмана прошениями вернуться в Батурин (Мазепа был тогда в походе у строящейся Новобогородицкой крепости). Гетман весьма ловко поддержал это прошение, указывая при случае, что на Райчу имеются обвинения в измене и во многих «обидах», нанесенных его бывшим подчиненным. Ответный «царский указ» подчеркивал непростое положение гетмана: прислать Райчу в Батурин позволялось, но приказывалось бывшего полковника «в обиду не давать» и лично оберегать⁶⁵. Но талант политика и здесь позволил Мазепе обернуть невыгодную ситуацию в свою пользу. Он посылает прошения, чтобы Дмитрашку не ссылали, а отпустили домой — аргументируя это нежеланием, чтобы «было на мене от войска и народу» за это укора⁶⁶. Таким образом, гетман лишил своего врага полковничьей власти и влияния, оставив его спокойно проживать в своих имениях. Конечно, это было очень рискованно, но оправданно, учитывая ситуацию.

Мы отмечали умение Мазепы молчать. Вот и в дальнейшем мы будем наблюдать, как, прекрасно зная, кто возглавлял заговоры против него, он будет отстранять своих врагов от власти, при этом ни словом не намекая об истинных причинах немилости.

Умение разбираться в людях и плести сложные комбинации помогало Ивану Степановичу и в создании его знаменитой «шпионской сети». Мазепа не был первым гетманом, создавшим внешнюю агентуру, то есть, по сути, разведывательную сеть. Первым успехов на этом поприще добился еще Богдан Хмельницкий. Но, пожалуй, никому не удавалось довести ее до такого совершенства. Не случайно данными мазепинской разведки постоянно пользовался Голицын, а позже — Петр Первый. Например, гетман писал князю Василию, что отправил в Царьград купца «для проведывания тамошних поведеней» и двух переодетых казаков: одного во Львов для сведений о польских замыслах, а другого в Бухарест. Были у него ссылки и с молдавским господарем. Мазепа сообщал, что занят поиском подходящей кандидатуры для посылки в Крым и Кизикирмен. Одним из возможных

вариантов было послать туда толмача — под предлогом выкупа гадячского жителя⁶⁷. Приказ «проведывать всякие новости» был отдан гетманом и пограничному черниговскому полковнику Якову Лизогубу⁶⁸, который входил в узкий круг близких ему людей.

Несмотря на усердие, способности и осторожность, Мазепе нелегко было сохранять расположение своего покровителя. Строжайший контроль — вот основной принцип украинской политики Голицына. За два года своего гетманства Иван Степанович написал князю Василию более 150 писем-отчетов (это только сохранившиеся до наших дней). Для сравнения: за такой же отрезок времени при Петре писем было в четыре раза меньше, несмотря на активно разворачивавшиеся Азовские походы. Кроме того, гетман был вынужден постоянно съезжаться «для государственных разговоров» с севским воеводой Л. Неплюевым, советником и любимцем Голицына, замещавшим его в Украине⁶⁹. Все вестовые новости он посылал через почту государям и государыне (!)⁷⁰. Приходили подобные указы: «Нарекают они запорожцы, на него гетмана, будто он грамоты у себя удерживает, и он бы гетман о том к ним, великим государям, писал, о каких они запорожцы грамотах говорят и кто их и где, и для чего удерживают»⁷¹. С Москвой нужно было согласовывать все, включая случаи мелких убийств и грабежей⁷². При этом Голицын нередко игнорировал мнение гетмана. Так, летом 1689 года «по имянному предложению» князя Василия Мазепа был вынужден назначить переяславским полковником Леонтия Полуботка, своего противника (с которым он затем сумел справиться только в петровский период гетманства)⁷³.

Несмотря на давнее знакомство, явное покровительство Голицына и любезные обмены «подарками», Иван Степанович никогда не позволял себе фамильярности в письмах к нему. Наоборот, со временем обращение становится все более формальным: если после избрания гетманом Мазепа писал: «...ближнему боярину и дворовому воеводе ясновельможному князю...» — то весной 1689 года титул в обращении стал уже по-настоящему громоздким: «...ясновельможный ближний боярин, большого полку дворовый воевода, царственные большие печати и государственных великих и посольских дел оберегатель и наместник новгородский». Многие историки, изучавшие правление Голицына, склонны характеризовать князя как мечтательного и либерального интеллигента. Таков и его образ, запечатленный в великом романе А. Толстого, — нерешительный интеллигент, муча-

ющийся угрызениями совести. Факты показывают, что Голицын был честолюбивым политиком, жаждавшим власти, безусловно талантливым и образованным. Он во многом опережал свое время. Но, как все временщики, получив безграничную власть, он уже не был в силах остановиться и сломя голову летел навстречу своей гибели. То, что Голицын управлял страной «с самовластием», отмечал и Невилль, несмотря на свои дифирамбы в адрес князя.

Еще один очень характерный эпизод. Мазепа имел осторожность писать «по своей обыкновенной любви и дружбе» Неплюеву, спрашивая того, не гневается ли на него в чем Голицын («понеж человек не ангел, чтоб не имел в чем согрешити...»). Князь Василий пришел в ярость, что гетман осмеливался делать что-либо без его ведома. Мазепе пришлось рассыпаться в извинениях («зело и стократно прошу прощения»). Он оправдывался, что все вышло от того, что на своем «хлопотном уряде гетманском пребывая», опасается в чем-нибудь «вашу княжескую милость прогневать»⁷⁴.

Еще больше досталось Мазепе, когда он заикнулся русскому дьяку Жедену про целесообразность похода на Кизикирмен. Голицын, узнав об этом, расценил слова гетмана как критику собственного плана Крымского похода. Мазепе приходилось уверять, что он упомянул Кизикирмен, никоим образом не предлагая отменить поход на Крым. Он умолял, чтобы Голицын услышанное «не ставил мне в лекомыслие» и не расценивал как «неохоту» к Крымской войне, в которой он готов был «последнюю каплю крови» своей пролить⁷⁵. Отметим, что поход на Крым оказался, как и следовало ожидать, провальным. А вот именно атаки Кизикирмена, возглавленные Мазепой во время Азовских походов, принесут блестящие плоды. Голицын, что подчеркивают большинство его современников и биографов, не был силен как полководец. Но, игнорируя мнения специалистов (в данном случае — Мазепы), он проявил себя и как надежный неограниченной властью самоуверенный деспот. Тут вспоминается указ Петра, что подчиненный должен иметь перед начальством «вид лихой и придурковатый». Видимо, именно такой вид зачастую приходилось принимать Мазепе перед Голицыным.

Не считаясь с мнением гетмана относительно внешнеполитической и военной стратегий, князь Василий, однако, не считал зазорным использовать знания и связи Мазепы, когда речь шла об основных проблемах, с которыми столкнулось правительство Софьи. Что же это были за проблемы? Первая — законность самого правления и той власти, на ко-

тору претендовала царевна. В условиях, когда царь Петр Алексеевич неуклонно приближался к своему совершеннолетию, а царь Иоанн Алексеевич все больше болел, этот вопрос становился критическим и для Софьи, и для Голицына. О второй проблеме мы поговорим ниже.

Мы подходим как раз к тому аспекту, который совершенно не был затронут ни в биографиях Мазепы, ни в исследованиях по русской истории этого периода: о роли гетмана в общероссийских событиях.

После заключения Вечного мира имя Софьи начали упоминать во всех официальных правительственных документах рядом с именами обоих царей. Теперь она появлялась на официальных церемониях, приучая народ к своей особе. Невилль пишет, что Голицын якобы собирался жениться на Софье, заставив для этого уйти в монастырь свою жену⁷⁶. Трудно сказать, насколько фаворит действительно был готов на такой поступок (возможно, речь шла только о тайном браке), но в чем нет сомнения — так это в том, что Голицын всячески стремился найти лазейку для провозглашения своей царевны самодержицей.

Одним из главных «пропагандистских» шагов Голицына было изготовление портретов Софьи с определенным содержанием. В Москве не было специалистов ни с соответствующей художественной подготовкой, ни с соответствующими знаниями панегирической символики. Поэтому обращение Голицына к украинцам кажется весьма естественным. Лазарь Баранович (как мы уже отмечали, близкий друг Мазепы) готовил панегирики в честь Софьи, и именно по его приказу был изготовлен знаменитый портрет Голицына. Теперь, после приезда очередной украинской делегации с подношением панегириков царям, Шакловитый заказал портрет Софьи соответственного содержания. Для этой цели Баранович рекомендовал выдающегося украинского гравера Леонтия Тарасевича, недавно вернувшегося после обучения в Европе. В черниговской типографии Барановича Тарасевич вырезал гравюру, матрицу которой он весной 1689 года доставил в Москву. Невозможно предположить, чтобы это все осуществлялось без ведома и непосредственного участия Мазепы.

Хотя гравюры были впоследствии уничтожены, известно, что на них была изображена Софья, в короне, с державой и скипетром в руках, окруженная семьёю добродетелей. Надпись гласила: «София Алексеевна Божию Милостию Благочестивейшая и Вседержавнейшая Великая Государыня Царевна и Великая княжна... Отечественных дедичеств го-

сударыня и наследница и обладательница»⁷⁷. Ниже были помещены портреты двух деятелей ее правления: Голицын и... Мазепа.

Тарасевич оставался в Москве всю весну и лето, проживая у думного дьяка, начальника Стрелецкого приказа Федора Шакловитого. Всего было изготовлено более 100 оттисков портрета.

Этот эпизод, имевший огромное значение для России, тесно связан и с другими событиями, в которых также участвовал Мазепа. В августе 1688 года в Украину приезжает архимандрит афонского монастыря грек Исайя. Посоветовавшись с Неплюевым, Мазепа отпустил его в Москву⁷⁸. В конце октября к Мазепе приехал высокий гость — Федор Шакловитый⁷⁹, по сути являвшийся главным соправителем и единомышленником Голицына. Сам гетман писал князю Василию, что с Шакловитым он разговаривал о «монарших делах»⁸⁰.

В статейном списке Шакловитого, который он представил в виде отчета боярам, говорилось, что в Москве было получено послание мунтянского господаря Шербана, переданное через архимандрита Исайю. Православные Балкан предлагали план освобождения их от турецкого владычества, согласно которому поход русских войск вплоть до Константинополя должен был превратиться в победоносную прогулку в окружении восторженно встречающих их православных. Голицын с Софьей увлеклись идеей «третьего Рима», считая, что подобное богоугодное дело станет великолепным предлогом для укрепления их власти и для объявления Софьи — освободительницы православия — самодержицей. В связи с этим Шакловитый спрашивал мнение Мазепы как эксперта в данном регионе.

На этот раз Иван Степанович отказался от обычной манеры «говорить, ничего не говоря». Вероятно, он был несколько ошеломлен амбициозностью и вместе с тем некомпетентностью своих высоких покровителей. Ответы Мазепы выглядят как нравоучение учителя своим слабым ученикам.

Он начал с объяснения, что патриарх Иаков, подписавший обращение к русским царям как «Константинопольский», был к этому моменту уже отставлен от своего сана. Кроме того, он категорически опроверг утверждения, что с Украины имеется «удобный и свободный путь» на Балканы. Мазепа объяснял, что если идти по направлению Днепр — Дунай, то препятствием станут сильные турецкие крепости. Сухой путь от Буга — трудный, безлесный и безводный, в этом гетман ссылался на свой личный опыт пребывания в тех ме-

стах. Кроме того, подобный поход привел бы русско-украинские войска к столкновению с белгородской ордой, которая, как пояснял Мазепа, во много раз превосходила крымскую. Он делал вывод, что, затеявая такую авантюру, они и господарю Шербану не помогут, и сами не вернуться, а в качестве примера вспоминал недавний поход Яна Собеского в тот регион, завершившийся полным провалом. Да и о самом государе Мазепа имел весьма нелестные сведения. Например, что тот уже принял протекторат цесаря, а истинной целью его было получение греческого царства. И гетман спрашивал: пристойно ли царям защищать цесарского вассала?⁸¹

Опубликовавший этот статейный список А. Востоков совершенно справедливо отмечал, что Мазепа был гораздо лучше осведомлен о положении соседних держав, чем московское правительство, а потому «в международных вопросах всегда был дорогим и полезным советником Москвы»⁸².

Иван Степанович не случайно, вопреки своему обыкновению, столь резко и безапелляционно вылил на Шакловитого ушат холодной воды. Он понимал, что речь шла о его жизни. В случае неудачи похода Голицын, как было с Самойловичем, не постеснялся бы пожертвовать своим ставленником. Поэтому, видя в Шакловитом более благодарного слушателя, Мазепа убеждал его, что поход на Крым следует начинать рано, «по первому зимнему пути», стремительным ударом предупредив возможное нападение татар на украинские города.

Мазепу на этот раз послушали. Был дан указ боярам собираться в поход в феврале. Мазепа (в виде награды за ценные советы) получил право видаться со своим зятем из Польши, а племянник его (сын сестры) Обидовский был пожалован в стольники. Это лишний раз подчеркивает то, что правительство Софьи доверяло Мазепе.

Но вот тут-то и возникает главный вопрос: неужели Федор Шакловитый лично приехал к гетману только для разговора о Крымском походе, в который сам не собирался идти? Не ближний путь и слишком высокая честь для Мазепы. Скорее бы военную стратегию стал оговаривать будущий главнокомандующий — Голицын или на худой конец Неплюев.

На самом деле князь Василий и все сторонники Софьи связывали с приездом Исая гораздо более далеко идущие планы. Два года спустя греческий архимандрит рассказал следующее: при отпуске с Москвы князь Голицын пригласил его к себе для какого-то «тайного дела». Прощаясь с патриархом Иоакимом, Исая заикнулся об этом, и патриарх заявил, что он знает, о чем идет речь, но запретил в это вя-

зываться. Однако на обратном пути из Москвы Исая встретился с Неплюевым, который передал просьбу царевны Софьи и Голицына исходатайствовать грамоту от святейших вселенских патриархов, чтобы Софья могла носить царскую корону и в церковных правилах имела поминовение наряду с царями. Исая обещал просьбу передать, но сомневался в благополучном исходе, так как всеми «московскими делами», по его словам, ведал московский патриарх Иоаким. На это Неплюев заявил: «Плюнь на него»⁸³.

Именно эти усилия Голицына и Неплюева добиться для Софьи нового титула станут впоследствии главной причиной их опалы. В данном случае можно не сомневаться, что появление у Мазепы Шакловитого осенью 1688 года, сразу после приезда на Украину Исая, обсуждение с гетманом ситуации в православных Балканах, отправка Мазепой весной 1689 года к Шакловитому гравера Тарасевича были звеньями одной цепи, в которой гетман играл далеко не последнюю роль.

Не менее активную роль играл Мазепа и во второй проблеме, с которой столкнулся Голицын, — церковной.

Мы неоднократно отмечали, что князь Василий для допетровской эпохи был фигурой революционной. Иностранцев поражал его роскошный дом в Охотном ряду с прекрасной библиотекой. Он первым начал принимать послов у себя дома, говорил с ними по-латыни, привлек иностранцев на офицерские должности в армии⁸⁴. Он разрешил пребывание иезуитов в Москве; среди иностранцев ходили слухи, что Голицын не чужд идеи церковной унии. Все это вызвало яростное сопротивление ряда русских церковных деятелей, прежде всего патриарха Иоакима.

Идеологом правительства Софьи становится Сильвестр Медведев, ученик белорусского богослова Симеона Полоцкого, который, как мы отмечали, оказал большое влияние на изменения дворцового уклада при царе Алексее Михайловиче. При поддержке Полоцкого Медведев стал «главным справщиком» Печатного двора в Кремле. Именно он разработал идеологическую концепцию, доказывавшую законность власти Софьи. В частности, он написал знаменитое «Созерцание краткое», в котором изобразил царевну спасительницей России в годы стрельецких бунтов. Творение это было одновременно и политическим памфлетом, и серьезным историческим исследованием, основанным на свидетельствах очевидцев.

Одним из главных направлений усилий Медведева было распространение на Руси просвещения. С этой целью еще

при жизни царя Федора Медведев открывает славянско-латинское училище, которое должно было стать основой академии (по аналогии с Киево-Могилянской). Голицын поддерживал эти идеи старца («чернец великого ума и остроты ученой», как говорили о нем современники), но патриарх Иоаким выступил категорическим противником. В результате яростной борьбы в 1683 году была закрыта типография в Кремле, после чего украинские типографии становятся единственным местом, свободным от цензуры.

Еще более жесткая борьба разгорелась за будущую академию. Иоаким желал создания чисто церковной школы, без «латинистов» и, по сути, без просвещения. Весной 1685 года в Москву прибыли греки братья Лихуды, которые возглавили кружок «мудроборцев», поддерживаемый патриархом. Вопрос о том, быть или не быть просвещению на Руси, перешел в богословскую плоскость дискуссии о «тайнстве евхаристии», до сих пор весьма острой в православии. Позиция Лихудов была категорической. В идеях Медведева они видели не заблуждение, не небольшое отступление от канона, но злостную ересь, заслуживающую строжайшей кары. Осенью 1687 года этот кружок издал книгу, в которой Медведева именовали «иезуитом или униатом», а все украинские сочинения, начиная с катехизиса Петра Могилы, объявлялись еретическими. Лихуды не слишком затруднились обращением к богословским первоисточникам, полагаясь на то, что «народ здесь неученый, а неученые люди и неистину почтут за истину, если ее украсит цветами красноречия и доводами философии»⁸⁵.

Медведев не сдавался. В 1687 году он издает «Книгу о манне хлеба животного», изящно оформленную по нормам эстетики барокко, украшенную стихами, эпиграфами и аллегорическими иллюстрациями и содержащую детальный разбор трудов Отцов Церкви. Он старался показать, что «мудроборцы» препятствовали развитию науки в России, запрещали «забавляться возле физики и философии»⁸⁶.

Разумеется, его идеи были очень близки украинскому православию и лично Мазепе. Обвинение в «ереси», по сути, их тоже затрагивало. Игумен Киевского Кирилловского монастыря Иннокентий Монастырский писал гетману, что работа Лихудов «ни правды, ни мудрости в себе не имеет»⁸⁷. В августе 1688 года Мазепа написал Голицыну, что узнал о богословском споре, проходившем в Москве. Он предлагал прислать «те письма спорные», а он призовет «искуснейших духовных людей» митрополии Киевской, чтобы рассудить эти работы и выдать свое мнение о них⁸⁸. В начале 1689 го-

да Мазепа прислал Голицыну книгу И. Монастырского против «мудроборцев».

Но в условиях, когда борьба за власть между Милославскими и Нарышкиными приобрела почти открытый характер, Софья не решилась противостоять Иоакиму. Он и так был недоволен ее приверженностью идеям С. Полоцкого, восстановлению доброго имени Никона и другими действиями правительницы⁸⁹. Теперь патриарх открыто обвинил Медведева в покушении на свою жизнь, и правительство Софьи решило пожертвовать своим идеологом. В марте 1689 года старца увольняют с Печатного двора, лишив его тем самым защиты. В преддверии начинавшегося Крымского похода, который был заранее обречен на неудачу, такое предательство Медведева со стороны Голицына должно было стать грозным предупреждением для Мазепы. Он понимал, что в борьбе за власть в Москве Голицын, не задумываясь, пожертвует своим ставленником в Украине. Но, как говорил Гораций, кто предупрежден, тот вооружен.

Глава 5

КРЫМСКИЙ ПОХОД И ПЕРЕВОРОТ НАРЫШКИНЫХ

Второй Крымский поход 1689 года оправдал мрачные предчувствия Мазепы. Выступить «ранней весной», как советовал гетман, так и не удалось из-за медленных сборов русского войска. Правда, на этот раз, благодаря усилиям гетмана, имелась база — Новобогородицкая крепость, от которой и начался поход.

На генеральном совещании в Сумах план Мазепы, изложенный Гордоном (гетман не считал возможным высказывать свое мнение Голицыну лично), был отклонен. Мазепа предлагал по мере продвижения вглубь Крыма через каждые четыре перехода строить у переправ степных рек небольшие крепости с гарнизонами и запасами, где можно было оставлять больных и раненых и обеспечивать себе тыл. Предлагалось также захватить нижнеднепровские турецкие городки¹.

Но Голицын был охвачен идеями покорения Крыма и рвался вперед. У него под командой было около ста тысяч человек, среди военачальников — Л. Неплюев, В. Змеев, А. Шеин, Гордон и другие. Мазепа выступил из Батурина 17 марта, имея 50 тысяч казаков.

24 апреля объединенная армия двинулась к Крыму. 15 мая в урочище Зеленая долина на походный табор напали татары. Неудачные действия думного дьяка Емельянова привели к страшным потерям среди слободских полков². Русские защищались огнем 350 орудий и 112 тысяч мушкетов. Татары дважды прорывали строй, и дважды Мазепа со своей гвардией спасал положение. 17 мая около Черной долины сражение возобновилось. В результате хан отвел войска, и они укрылись за Перекопом³.

20 мая войско Голицына подошло к Перекопу. Положение было крайне тяжелое. Уже четыре дня армия шла без воды и хлеба. Начавшаяся жара высушила всю траву в степях. Люди и лошади обессилели. Вот когда, видимо, Голицыну вспоминались слова Мазепы, что поход можно пред-

принимать только ранней весной. Вместо штурма сильных укреплений Перекопа начались переговоры⁴. Не добившись и в них никакого успеха, Голицын, к изумлению татар, 21 мая отступил от города.

Началось тяжелое возвращение, на протяжении которого татары непрерывно нападали на арьергард. Путь до Новобогородицкой крепости пришлось пройти в дыму и гари — татары жгли степь. 24 июня русские и украинские войска разошлись «по домам». Так закончился поход. По своей организации и замыслу он в принципе не мог завершиться победой. Русско-украинские войска бесславно гибли, обеспечивая тылы своим союзникам по Священной лиге.

Очень многие упрекают Голицына в бездействии, в том, что он не попытался взять Перекоп⁵. Во время розыска, устроенного Петром осенью того же года, пошли слухи, что Голицын за отступление от Перекопа получил от хана взятку. Слухи отражали настроение войска, которое желало драться, а не позорно, с потерями отступать. Военные историки полагают, что у Голицына не было другого выхода, как возвращаться. Даже если бы князь Василий взял Перекоп и остался в нем, войска погибли бы из-за отсутствия воды и пищи⁶. Он совершил глобальную ошибку раньше, когда настоял на походе в таком немыслимом виде. Но кроме военного существует и политический аспект. И именно с этой точки зрения нельзя было отступать, не взяв, не спалив Перекопа. Даже если бы потом пришлось его бросить.

Но Голицын не мог уже думать о поисках достойного выхода из сложившейся ситуации. Князя Василия заботило уже не завоевание Крыма, и тем более Константинополя, но удержание Кремля. Зная, какая тревожная ситуация в Москве, он предпочел все бросить и с позором вернуться домой.

Ситуация для правительства Софьи и в самом деле была крайне сложной. Свалить опять всю вину, как в случае похода 1687 года, на украинского гетмана? После того, как именно его сердюки спасли всех? Вероятно, даже царевне показалось это слишком. Впрочем, Мазепу не любила старшина, его ненавидели запорожцы, из-за своей бескомпромиссной борьбы за порядок не был он по душе и многим казакам. Так что козлом отпущения его вполне можно было сделать.

Для начала Софья постаралась представить неудачу своего фаворита как победу. Все русские воеводы, участвовавшие в походе, были щедро награждены. Голицыну были объявлены «особенные царские милости и награды»⁷. В этом списке «осыпанных щедротами» Мазепа не числился. И он

мог расценить это только как недобрый знак. Между прочим, при награждении князя Василия произошел весьма показательный инцидент. Молодой царь Петр отказывался подписать наградную грамоту, а когда в конечном счете уступил, то «сорвал сердце», не допустил к себе Голицына. Это было 27 июля.

В эти же дни Мазепа по приказу князя Василия отправляется в Москву⁸. Какие чувства должны были его охватывать при мысли об этой поездке? Весьма красноречиво, хотя и косвенно, говорят о них те слухи, которые ходили по Украине. Гетману пришлось лично писать в Запорожье, уверяя своих торжествующих недругов, что он отправляется в эту дорогу не по принуждению, «как некоторые о том лгут», но по доброй воле.

Наказным гетманом Мазепа оставил одного из немногих, на кого мог положиться, — генерального судью Михайла Воеховича, с которым вместе служил еще у Дорошенко. Следить за порядком поручалось и второму доверенному лицу — компанейскому полковнику И. Новицкому. Несмотря на крайне тревожную обстановку, Иван Степанович с искусством настоящего режиссера обставил поездку в Москву как въезд триумфатора. Только личная свита гетмана состояла из восьми дворян, семидесяти дворовых, пятидесяти драгун и двенадцати музыкантов. Среди прочих Мазепа взял и двух отцов-настоятелей: Иннокентия Монастырского, открытого противника «мудроборцев», и Дмитрия Ростовского⁹. Видимо, если он решил погибать, так с музыкой. Между прочим, это был первый случай, когда Иван Степанович открыто заявлял о своих амбициях. В Москву ехал не трясущийся от страха «марионеточный гетман», но могущественный правитель обширных территорий.

И еще любопытный момент: вперед себя Мазепа послал в Москву своего доверенного человека, дворецкого Романа Высоцкого, якобы для покупки нужных ему вещей¹⁰. Так уж ли были важны покупки, когда шла речь о власти и жизни? Мы можем только предполагать, какие и к кому давал поручения гетман своему дворецкому. Скорее всего, он готовился к борьбе. А к чему готовился Голицын? Почему с Мазепой ехала вся генеральная старшина, включая Василия Кочубея, полковников, значных товарищей, канцеляристов? Это не могло быть сделано без ведома или даже прямого приказа Голицына. Чтобы прямо в Москве провести выборы нового гетмана? Или князь Василий просто хотел наградить своего верного союзника? Второе сомнительно, тем более что Невилль прямо пишет: приказ Мазепе прибыть в

Москву был дан «совсем с другими намерениями». Также и авторы поздних подметных писем на гетмана в один голос утверждали, что он прибыл в Москву по приказу Голицына, чтобы участвовать в государственном перевороте.

Мазепа въезжает в Москву 10 августа. Софья устраивает торжественный прием гетману. За Спасскими воротами его встретил дьяк Посольского приказа Василий Бобинин в сопровождении шести рот стрельцов и двух рот подьячих разных приказов. Гетман сел в присланную «предорогую» (как писал сам Мазепа Новицкому) царскую карету, запряженную шестеркой лошадей, и проехал через Москву на Большой Посольский двор в Китай-городе, где ему были приготовлены палаты¹¹.

Мазепа и его свита еще не знали, что в ночь на 8 августа царь Петр Алексеевич бежал из села Преображенского в Троицкий монастырь. Начинались события знаменитого переворота, приведшего к власти Нарышкиных. Злой рок? Рок-овое стечение обстоятельств? Или совсем не случайное совпадение? Безусловно, переворот Нарышкиных — один из самых драматичных эпизодов в жизни Мазепы. Но еще и самый загадочный.

На следующий день после приезда, в самый разгар тревожных событий, 11 августа, Мазепа со старшиной были приглашены во дворец «видеть царские очи». Правда, увидел он только Софью и Иоанна. Прием был обставлен с подчёркнутым размахом. Мазепу представлял и «спрашивал о здоровье» сам Емельян Украинцев. Гетману были вручены богатые подарки. Затем Мазепа посетил патриарха Иоакима, который благословил его образом¹².

С кем еще общался гетман? В Москве у него были хорошие знакомые далеко не только из окружения Голицына.

Еще в 1679 году Мазепа имел долгие, смелые и откровенные разговоры с думным дьяком Ларионом Лопухиным. Нет оснований полагать, что эти контакты впоследствии прекратились. Между тем Лопухин был отцом Евдокии, жены Петра, и соответственно — сторонником нарышкинского лагеря. Когда в 1688 году на Мазепу был написан донос, он обращался за покровительством к П. И. Прозоровскому, дядьке царя Иоанна, и к Борису Голицыну¹³. Следовательно, у него имелись хорошие отношения и с этими двумя сторонниками Нарышкиных. Но это далеко не все. П. И. Прозоровский и Нарышкины считались противниками идеи Вечного мира и сторонниками И. Самойловича. В Москве ходили слухи, что Самойловича в его внешней политике поддерживала «партия царя Петра». Нарышкины даже пытались добиться, что-

бы Самойловича после его свержения привезли в Москву, где бы он смог отклонить обвинения в срыве Крымского похода¹⁴. Но ведь именно Мазепа отстаивал в Москве мнение Самойловича о вреде союза с Польшей. Иван Степанович был проводником этой идеи и в петровский период своего гетманства. То есть в своих внешнеполитических симпатиях он был скорее близок к Нарышкиным, чем к Голицыну. Во время второго Крымского похода Мазепа имел смелость писать патриарху Иоакиму, сообщая о трудностях похода и обстоятельствах отступления от Перекопа. Его послание заметно отличалось от тех, которые в те же дни посылал Иоакиму Голицын¹⁵. И Мазепа писал не только патриарху. Во время встречи с Голицыным Петр в сердцах крикнул князю, что тот мог бы взять Перекоп, как советовали Мазепа и другие генералы¹⁶. Значит, он знал о советах Мазепы.

Софья была в растерянности. Казалось, сила была еще на ее стороне, но стрельцы колебались, и послать их походом на Троицу не представлялось возможным. В этих условиях пятидесяти тысячная армия казаков, находившаяся в сборе на реке Сож, превращалась в грозное и заманчивое оружие¹⁷. Софья и Голицын проводят новые встречи с Мазепой, всячески его «обрабатывая». Князь Василий даже пригласил его в свое имение¹⁸. Хорошо вооруженные, отлично зарекомендовавшие себя во время Крымского похода сердюки и компанейцы Мазепы могли в кратчайший срок совершить марш на Москву и коренным образом изменить расстановку сил. В Москве это понимали оба лагеря.

У Голицына могла возникать и мысль использовать помощь польского короля, своего союзника по Священной лиге, из-за мира с которым он поссорился со многими боярами. Поляки не дремали. Посол польского короля де ла Невилль, переодевшись слугой, пробирался к гетману и заверял его в «покровительстве» Яна Собеского. И здесь опять же позиция Мазепы становилась решающей. Как должна была ненавидеть его вспыльчивая и решительная Софья, слушающая сладкие, осторожные речи гетмана, не говорящего ни «да», ни «нет»? Как должен был проклинать себя за свой выбор Голицын! Впрочем, князь Василий оказался не готовым к открытой борьбе, и все бремя непростых решений пало на царевну.

Срочно сменить Мазепу и обратиться за помощью к новому гетману правительство Софьи не решилось. Провоцировать бунт, когда и так все рушилось? К тому же в Украине гетман оставил верных себе людей, а все потенциальные оппозиционеры были с ним здесь, в Москве, и быстро прислать войска они никак не могли.

Софья тянула время. 16 августа в Троицу на переговоры с Петром отправляется Прозоровский. Выбор неудачный, так как боярин был уже душой на стороне Нарышкиных¹⁹. 19 августа поехали патриарх с двумя царевнами²⁰. Но и он уже сделал свой выбор не в пользу Софьи. Еще две недели ждала и надеялась царевна. Уговаривала стрельцов и Мазепу. Все напрасно.

29 августа она решается на отчаянный шаг и сама отправляется в Троицу. Но в дороге ей передают приказ Петра вернуться в Москву. Происходит перелом в настроении стрельцов, и большинство полковников являются в Троицу с предложением своих услуг. Это был конец правительницы. 3 сентября заседание Думы принимает решение выдать Шакловитого. Теперь уже тайным сторонникам Петра не имело смысла оставаться в Москве. 4 сентября уходят немцы во главе с Гордоном. 7 сентября в Троицу привозят Шакловитого, которого сразу же подвергают пытке. В тот же день к Петру приезжают Василий Голицын, Леонтий Неплюев, В. Змеев, Косагов и Украинцев. Но к царю князя Василия не пускают, а зачитывают приговор: лишение чести боярской и ссылка в Каргополь²¹. Та же судьба постигает и Неплюева. Змеев, чьи братья были близкими людьми Натальи Кирилловны, матери Петра, отделался ссылкой в свою деревню. Знаменитый полководец Косагов (прославившийся совместными походами с запорожцами) и думный дьяк Украинцев (известный дипломат) были прощены.

В эти же дни к Троице поехал и Мазепа в сопровождении дьяка Василия Бобыкина²². Он не случайно сделал паузу, выжидая, когда завершатся допросы и пытки. Появление Мазепы в Троице должно было стать триумфом его политической игры.

Мало кто в Украине догадывался об истинной, тайной роли Мазепы в происшедших событиях, о его контактах с Нарышкиными. После падения Голицына многие ожидали расправы над Мазепой. Старшины тайно совещались, кого предложить царю. Вероятно, Кочубей уже примерял себе булаву. Но торжествовали они рано. Для приверженцев Петра заслуги гетмана были очевидны. Позиция казацких войск в перевороте оказалась решающей.

На Троицком посаде гетмана встретил великолепный шафер, поставленный для его приема. Гордый и уверенный, в роскошном кунтуше, окруженный своей старшиной, вошел Мазепа к Петру. Казаки несли богатые дары: золотой крест, осыпанный драгоценными камнями, саблю в дорогой оправе, золотой аксамит царице Наталье Кирилловне, а для ца-

рицы Евдокии — золотые ожерелья с алмазами. Казалось, он продумал все, был готов к такой встрече, словно все происходило по заранее просчитанному им сценарию. Мазепа понимал, что от этой встречи с новым царем зависело очень многое, гораздо больше, чем его собственная жизнь. И в этом гордом появлении среди торжествующих сторонников Нарышкиных было сознание того, что он олицетворяет собой всю Украину, всю Гетманщину, «войско Запорожское и народ Малороссийский», как говорил сам Мазепа.

Думный дьяк Емельян Украинцев объявил гетману и старшине похвалу за военные походы с Голицыным, подчеркнув таким образом, что немилость их не касалась.

Историки не любят разбираться в сути того, что происходило между Мазепой и Петром в Троице²³. Между тем это интереснейший эпизод, ключевой для понимания дальнейших событий. Разве можно поверить, что Петр не только поощрил Мазепу, но и осыпал его наградами, просто подавшись умению гетмана «обольщать»? Общеизвестный, признанный всеми факт, что Мазепа в 1687 году получил булаву из рук Голицына, ненавистного Петру фаворита Софьи, который теперь сам избежал казни только благодаря заступничеству брата — Бориса Голицына, влиятельного человека в партии Нарышкиных. Сам гетман никогда не скрывал роли князя Василия в своей судьбе. Он так и писал Голицыну (возможно, несколько преувеличивая), что все монаршие милости изливаются на него исключительно по ходатайству и влиянию его, князя²⁴. Мазепа принимал самое непосредственное участие в изготовлении «царских» портретов Софьи, стоивших Голицыну и Неплюеву состояний, а Шакловитому — головы. Мазепа был непосредственно связан с украинским духовенством, открыто поддержавшим Сильвестра Медведева в его борьбе с патриархом Иоакимом. Только очень серьезная причина могла позволить игнорировать все эти факты.

12 сентября у стен Троице-Сергиева монастыря были казнены Шакловитый и его сообщники²⁵. Вслед за этим был схвачен Сильвестр Медведев, лишен церковной неприкосновенности и подвергнут страшным пыткам. Его заставили признаться в ереси, опять пытали и наконец казнили. Ужасная судьба. Но почему она не затронула Мазепу? Ведь старец прямо говорил в расспросе, что свою «Книгу о манне хлеба животного» он послал к гетману, к Ивану Степановичу, к киевским властям для свидетельства, и в ответ в Украине была написана «обличительная книга греческой неправде», то есть в защиту Медведева²⁶. Более того, Сильвестр показал,

что передал часть своих работ и книг Иннокентию Монастырскому, после чего Мазепе был послан указ их «сыскать». Гетман приказал отдать полученные от Медведева работы, но Иннокентий Монастырский заявил, что у него имеются только книги (а не рукописи), которые и были отосланы в Москву²⁷. В январе 1690 года «хлебопеклонная ересь» была осуждена на соборе, который также осудил практически все основные произведения киевской богословской учености. Однако никаких дальнейших «розысков» и репрессий не последовало²⁸. Это при общеизвестной мстительности патриарха Иоакима, с которым Мазепа не раз спорил.

Розыски по делу Голицына и Шакловитого продолжались всю осень и зиму. Был получен «извет» В. Сапогова, что князь Василий отступил от Перекопа, получив «взятку» от хана. Начались новые допросы. Устанавливали, как именно принималось решение об отступлении от Перекопа. Тинбаев, татарин на службе у Голицына, показал, что на ночном совете (продолжавшемся три часа) кроме князя Василия присутствовали А. И. Шеин, Б. П. Шереметев, В. Д. Долгоруков, Л. Неплюев, В. А. Змеев и «гетман Иван Степанович Мазепа»²⁹. Был допрошен и В. Змеев, находившийся в ссылке в Костроме. Он рассказал, что по приказу Голицына лично ездил к Мазепе советоваться, следует ли отступать³⁰. 8 января 1690 года был дан указ взять письменные показания со всех присутствовавших на переговорах бояр и думных дьяков. Список включал более двадцати человек, в том числе служивших уже к этому времени Петру В. Б. Шереметева, Г. И. Косагова, Е. Украинцева и других. Мазепу допрашивать не стали³¹.

Иными словами, имя гетмана красной линией проходило через все розыскные дела, стоившие всем другим участникам головы, званий или как минимум крупных неприятностей. Мазепа же совершенно невероятным образом выходил сухим из воды. У вспыльчивого молодого царя, ненавидящего все, что связано с именем сестры и ее фаворита, должна была быть очень веская причина, чтобы становиться добрым гением Ивана Степановича. Конечно, партии Петра, находившейся в очень шатком положении, были необходимы мир и постоянство в Украине. Но главной причиной триумфа Мазепы в Троице несомненно была та роль, которую он тайно, как настоящий «серый кардинал», играл в нарышкинском перевороте³².

Голицын, уже находясь в ссылке и имея достаточно времени, чтобы обдумать все происшедшие события, тоже это хорошо понимал. Видимо, его душа была ярость, особенно

сильная от сознания ее бесплодности. В своих показаниях в феврале 1690 года он многократно упоминал имя своего бывшего фаворита. Говорил, что именно с ним обсуждал письмо крымского хана, что именно его просил сделать книги о святой Евхаристии для Медведева³³. Это, однако, уже не могло повредить Мазепе. Но не меньше его ненавидели и в другом стане обманутых им врагов: в Варшаве. Ян Собеский всегда считал Мазепу неудобной фигурой в роли гетмана — слишком умный и знающий. А теперь тот стал еще и косвенным виновником падения Голицына, столь верного поклонника «польской культуры» и принципов Священной лиги. Плоды этой ненависти уже очень скоро дали о себе знать.

А что же Петр? О чем говорил он с Мазепой, когда тот впервые «очаровал» его? Они были очень разные — юный, восемнадцатилетний царь, малообразованный, но полный мечтаний, амбиций, стремлений, планов, и пятидесятилетний Мазепа, интеллектуал, прошедший жестокую школу жизни, сумевший сохранить свою гордость и идеалы. Но одно у них было общее: нарышкинский переворот стал для них триумфом, победой над врагами, недоброжелателями, скептиками. А еще — для обоих он означал начало исполнения их амбициозных планов. Разумеется, был не только официальный прием у царя. И в этих встречах Петра должны были поразить знания, опыт, острый ум Мазепы — все то, что он так умел ценить в людях. Он видел в нем надежного советника, эксперта военного и внешнеполитического, соратника и помощника. Друзьями они никогда не станут. Судя по их переписке, Мазепа никогда не переходил известной дистанции (это не Меншиков, Нарышкин или Лефорт). Петр всегда именовал Мазепу «господин гетман», а тот его — исключительно «государем» (не фамильярные «господин полковник», «бомбардир», «Min herz» и пр.). По своей натуре Иван Степанович, скорее скрытный интеллектуал-одиночка, не мог влиться в шумную и веселую дружину царя, на равных делившую с ним радости и испытания. Но Петр будет уважать и ценить советы гетмана, восхищаться его тонким юмором. А потом ненавидеть и помнить до последних дней своей жизни.

Тогда, в момент их общего триумфа и первого знакомства, Петр наверняка делился своими планами, военными увлечениями, мечтами о море и Западе. Возможно, гетман рассказывал о своих юношеских впечатлениях про Голландию и Францию. Мазепа предупреждал Петра о враждебных ему силах, спешил показать, насколько может быть полез-

ным и незаменимым. Рассказывал о планах поляков (о чем он, по понятным соображениям, не мог говорить Голицыну), об угрозе с юга после провального Крымского похода, усугубленного соглашением запорожцев с татарами. Скорее всего, о сугубо украинских делах речь не шла. Петр, вероятно, имел очень смутное представление о Гетманщине и ее проблемах. Но карт-бланш для себя и своей страны Мазепа, безусловно, получил.

Новые жалованные грамоты, выданные Мазепе, отменяли многие тяжелые положения Коломакских статей, укрепляли гетманскую власть и автономию. Впервые со времен Переяславской рады Москва решила опереться на сильную гетманскую власть, а не на массу анархических оппозиционеров. Если Голицын стремился установить полный контроль за Украиной, сделать ее послушной и слабой, ареной старшинских заговоров, то Петру нужен был сильный военный союзник, наделенный неограниченными полномочиями и властью. В этом цели царя и гетмана полностью совпадали. Гетманство Мазепы — это великолепный пример компромисса, не запечатленного на бумаге, но выполнявшегося неукоснительно. Петр безоговорочно и непоколебимо отвергал любые обвинения, доносы и доклады против Мазепы, выдавал и казнил всех его оппонентов. А гетман безотказно снабжал царя войсками для всех военных кампаний, столь многочисленных в царствование Петра.

Мазепа теперь мог уничтожить старшинскую оппозицию, добиться подчинения от запорожцев, экономического роста и усиления армии. А военные походы давали возможность накормить и занять бунтарей. Молодому царю, которому приходилось проводить свои глобальные реформы в условиях жесточайшей оппозиции и политической изоляции, рвущемуся к морям и вынужденному воевать, гетман был надежным военным союзником, обеспечивавшим спокойный тыл в Украине и успешно выполнявшим все дипломатические задачи.

5 октября Мазепа был уже в Батурине³⁴. Начинался самый счастливый период его жизни.

Глава 6 В НАЧАЛЕ СЛАВНЫХ ДЕЛ

Триумфальное возвращение Мазепы из Москвы стало для многих старшин крайне неприятной неожиданностью. Оппозиция, еще год назад предпринимавшая первые попытки избавиться от гетмана, который, как они считали, обманом завладел булавой, была разочарована. Казалось, что падение покровителя — Василия Голицына — должно было сделать Мазепу как минимум уязвимым для доносов. На деле все выходило иначе, и гетман не замедлил об этом заявить. Во все города Гетманщины им были отправлены гонцы, которые должны были зачитывать милостивые грамоты царей. Мазепа не жалел усилий, чтобы подчеркнуть расположение Петра к самому себе и ко всему народу Украины.

Иван Степанович умел заниматься пропагандой. Кроме того, позиция Петра, с одной стороны, отягощенного множеством внутренних российских проблем, а с другой — нуждавшегося в крепких тылах, во многом развязывала ему руки. Отношения между Батурином и Москвой начинают резко меняться. Мазепа уже не шлет сотни писем, детально излагающих мелкие проблемы Гетманщины, и не спрашивает совета по каждому поводу. У него теперь нет и местного надсмотрщика — Л. Неплюев в опале, а новому киевскому воеводе М. Г. Ромодановскому Мазепа сам отдает наставления, как лучше располагать войска для защиты от татар. Правда, такие новшества еще могли вызывать недоумение, и гетман просил Петра дать указ киевскому воеводе действовать согласно его, Мазепы, плану¹.

Главной внешнеполитической задачей, поставленной перед Иваном Степановичем молодым царем, были защита границ от татар и подготовка будущих наступлений на этом фронте. Полный энтузиазма и энергии Мазепа берется за это дело. Он предпринимает меры для защиты пограничного города Остра, разрабатывает план весенней кампании. План этот был полностью поддержан Петром. Севскому и

белгородскому воеводам был выслан указ встать на Коломаке, «как о том в статьях ево гетманских написано»². Именно в это время впервые во главе русских войск, направлявшихся в Украину, был назначен Борис Петрович Шереметев, будущий знаменитый фельдмаршал Петровской эпохи, друг и соратник Мазепы. Гетман знал Шереметева еще со времен переговоров о Вечном мире, и такое назначение должно было быть ему приятно.

Очень важной становилась задача привлечения запорожцев к борьбе с татарами. Как упоминалось выше, Запорожье заключило перемирие с Крымом и вело недвусмысленные переговоры с Речью Посполитой. Мазепа отправляет в Сечь гонцов с царской грамотой и собственными увещеваниями, призывая разорвать перемирие и возобновить военный промысел, обещая жалованье, деньги с Переволочного перевоза и разрешение свободной торговли с Левобережьем³. Правда, запорожцы упорно стояли на своем, заявляя, что разорвать перемирие не могут, так как их товарищи разошлись на промыслы и они не могут подвергать их опасности. Их не волновало, что из-за перемирия хан пошел в венгерскую землю, мимо Белой Церкви и Полесья «на христианскую шкоду»⁴. Запорожцы отправили своих посланцев в Москву, где жаловались на гетмана, но Петр поддержал предложение Мазепы не выплачивать им жалованья, пока не будет разорвано перемирие с Крымом⁵.

Гетман, как известно, имел старые счеты с запорожцами и все основания им не доверять. Через своих агентов — киевского купца и запорожского писаря — Мазепа узнал, что в ноябре 1689 года кошевой атаман Иван Гусак отправил в Польшу посланцев Прокопа Лазуку с двумя товарищами⁶. Хотя по условиям Вечного мира поляки не имели права вмешиваться в дела Запорожья, король принял посланцев милостиво, подарил 200 червонцев и обещал покровительство. Эти сведения, сообщенные Мазепой в Москву, полностью совпали с донесением русского резидента в Варшаве Волкова, что король Ян Собеский недоволен уступкой украинских городов и будет рад размолвке запорожцев с городскими казаками. Это, с одной стороны, сильно придало вес Мазепе как неоценимому источнику информации, а с другой — создало в Москве настороженное отношение к Речи Посполитой (в отличие от голицынских времен, когда полякам слепо доверяли). Оправдывались и старые предостережения Мазепы относительно Священной лиги. Его агенты в Турции сообщили, что в представленном проекте мирного договора с цесарем шла речь только о Речи Посполитой и

Венецианской республике, а Московское государство не упоминалось. Именно с этого времени Мазепа постепенно становится одним из наиболее осведомленных и доверенных фигур российской внешней политики. Эта его роль достигнет апогея несколькими годами позже, когда внешнеполитическое ведомство возглавит Ф. Головин.

Не менее активно и целенаправленно Мазепа занимался и внутренними делами. Еще будучи в Москве, он получил от Петра желаемый указ провести перепись казаков. Речь шла о том, чтобы ликвидировать порочную систему стихийного «показачивания», существовавшую в Украине со времен восстания Хмельницкого, которая порождала огромное количество людей, претендовавших на казацкие привилегии. Не получая жалованья и не имея постоянного источника доходов, они представляли собой взрывоопасный материал для всевозможных возмущений и бунтов. Завершения формирования социальной структуры общества Гетманщины — то есть запрета перехода в казаки из других сословий — добивались все гетманы, начиная с Богдана Хмельницкого, видя в этом залог социальной стабильности и преодоления гражданских смут.

Однако внешний успех и поддержка со стороны Петра не могли нейтрализовать смертельные опасности, нависшие над Мазепой: ненависть поляков, заговор старшин, продолжавшиеся розыски.

Мазепа-гетман — умный, знающий, целеустремленный — был очень опасен Речи Посполитой, продолжавшей лелеять мечты об Украине. После заключения Андрусовского перемирия на Правобережье начинается возвращение поляков, изгнанных оттуда в годы восстания Хмельницкого. Все это сопровождалось массовым террором и притеснением православия. В Москве закрывали глаза на обиды «братьев по вере», так как считали Речь Посполитую основным стратегическим союзником. Совсем по-другому вел себя Мазепа. Этому имелись очень различные причины: и семейные связи с Правобережьем, и собственная религиозность, и желание иметь влияние и авторитет среди жителей «другого берега», гетманом которого он продолжал числиться согласно своему титулу. Еще до нарышкинского переворота гетман писал Голицыну о притеснениях, которым подвергаются православные в польских владениях, и просил направить об этом посольство на гродненский сейм⁷. Мазепа не только давал материальную помощь и укрытие беглецам, но и открыто выступал перед польскими властями в защиту угнетенных⁸.

Еще в голицынский период ходили слухи о планах поляков отравить Мазепу. Теперь у них созрел более тонкий и опасный план. Инициаторами его были польский король Ян Собеский и коронный гетман Яблоновский. В союзники себе они избрали львовского православного епископа Иосифа Шумлянского, которому еще во время первого стрелецкого бунта 1682 года поручалось призывать жителей Левобережья переходить в подданство польского короля. В случае успеха Шумлянский рассчитывал получить кафедру киевского митрополита. В амбициях епископа сомневаться не приходится, так как он уже начал именовать себя в официальных документах «администратором киевской митрополии»⁹.

Начинается сложнейшая интрига «монаха Соломона» — одна из самых загадочных и запутанных за все гетманство Мазепы. До сих пор многие моменты в ней остаются неясными и таинственными. Ясно одно, что в этой интриге принимало участие сразу несколько сторон, заинтересованных в гибели гетмана.

В Польшу, к королю, прибывает некий монах Соломон, бывший в Крымском походе с образом Спаса. Монах привез письмо, якобы написанное Мазепой, в котором были изъясления верноподданства и стремление подчинить Украину Речи Посполитой. Монаха поселили в монастыре под Жолквой и стали размышлять, как лучше с ним поступить.

Самое интересное, что уже тогда у короля и его окружения имелись очень серьезные сомнения в подлинности письма. Русский резидент Волков через своих осведомителей узнал, что «подпись не гетманской руки», но печать войсковая большая. Волков совершенно логично сделал вывод, что речь идет о подделке. Если бы Мазепа действительно решился писать королю, то, разумеется, не стал бы посвящать в это тайное и опасное дело своих секретарей, а писал бы сам. К тому же не стал бы ставить войсковую печать¹⁰.

Напрашивается вывод, что подделка создавалась в среде казацкой старшины, имевшей доступ к войсковой печати.

Тем не менее в Польше решают, что эта игра может быть им выгодна. Соломона отпускают «к Мазепе», причем ему не дают писем, но приказывают на словах обнадеживать гетмана королевской милостью. Поручение к гетману было дано и правобережному полковнику Василию Искрицкому, дочь которого была замужем за миргородским полковником Даниилом Апостолом.

Одновременно был отдан приказ Иосифу Шумлянскому войти в сношения с Мазепой. Шумлянский, знавший о воз-

можной скорой вакансии митрополичьего кресла, с энтузиазмом принялся за дело и выслал к Мазепе своего посланца, шляхтича Доморацкого. В переданном им письме Шумлянский предлагал гетману открыто высказаться, какие шаги в пользу королевского величества он готов будет предпринять, чтобы снять «иго с вольной шеи народу своего»¹¹. В преддверии сейма момент казался особенно благоприятным, и епископ даже был готов, переодевшись купцом, тайно приехать к Мазепе в Батурин для дальнейших переговоров.

Доморацкий прибыл к гетману в феврале 1690 года, когда тот стоял с войском в Лубнах. Для гетмана это была очень опасная провокация, и Иван Степанович принял единственно верное решение — немедленно арестовал поляка и подверг его пытке. Вырвав признания в польских замыслах, он отправил письмо Шумлянского прямо к Петру. Особенно опасно для гетмана было то, что в письме епископа упоминался Соломон, якобы посланный Мазепой к польскому королю. Гетман сразу написал Петру, что Шумлянский своим «злокозненным пьянством» пытается его оклеветать. Он уверял, что никогда в глаза не видел Соломона, и высказывал предположение, что посылка монаха в Польшу — это дело «врага моего, пагубы моей ищущаго»¹².

Трудно сказать, как бы отнесся подозрительный царь к заверениям Мазепы, если бы сам не знал от своего польского резидента об интригах Собеского.

Поляки после провала замысла Шумлянского оказались в некрасивой ситуации. Их послу был представлен Доморацкий, подробно изложивший все замыслы о «прельщении» Мазепы. Таким образом, поляков уличали в нарушении статей Вечного мира, запрещавших польской стороне вмешиваться в дела Левобережной Украины. Немедленно был найден козел отпущения, на которого и свалили всю вину.

Соломон к марту 1690 года снова вернулся в Польшу. Считается, что именно там, в окрестностях Варшавы, он нанял некоего студента, который подделал очередные письма «от Мазепы» — одно к польскому королю, другое — к Шумлянскому. Третье письмо было адресовано к самому Соломону, с выражением желания быть в подданстве у Речи Посполитой¹³. Студент этот якобы вскоре по пьянке проговорился о своей подделке, об этом донесли королю, тот приказал схватить Соломона, который на очной ставке со студентом признался, что никогда Мазепу в глаза не видел. 6 мая 1690 года Ян Собеский писал Василию Искрицкому, что открылись замыслы «изменника чернеца», желавшего погубить гетмана и «нас с царями поссорить». Король заявлял,

что никогда не верил лжеписьмам Мазепы, так как «мы тотчас узнали, что то не был слог и манера гетмана Мазепы»¹⁴. Спрашивается, почему тогда поляки все-таки отправили к Мазепе Доморацкого? Вообще вся официальная польская версия событий слишком сложна, чтобы выглядеть правдоподобной. Скорее всего, она просто была выдумана, чтобы прикрыть короля, истинных отправителей Соломона и примирить Польшу с Москвой. Все оказывались невинными овцами, спровоцированными зловредным монахом.

Однако ввести в заблуждение Мазепу было не так-то просто. Он хорошо представлял, что его возвышение и усиление вызывали яростную ненависть врагов. Самой его сильной стороной всегда была информированность и четкое представление об окружающих его людях. Еще в голицынские времена он хорошо знал, кто был его смертельным врагом среди старшин. Знал, но молчал. Теперь, когда враги объявили открытую войну, молчать было нельзя. Надо было расправиться с лидерами, чтобы доказать свою невинность перед царем и чтобы запугать остальных.

Повод, чтобы нарушить негласное перемирие со старшиной, вскоре представился. 9 марта 1690 года в Киеве было подброшено подметное письмо, которое было подобрано стрельцами и отнесено к новому киевскому воеводе, князю Михайлу Ромодановскому. Воевода переслал письмо в Москву, откуда срочно был направлен дьяк Михайлов. В доносе, написанном якобы жителем Правобережья, говорилось, что Мазепа хочет отдать Левобережье под власть поляков, скупает земли в польской стороне для своей сестры. Говорилось в нем, между прочим, и о том, что в 1689 году Мазепа вместе с Голицыным якобы планировал заговор против Петра (имеются в виду обстоятельства нарышкинского переворота), а теперь взял в союзники себе Шумлянского на вред царскому величеству.

Борис Михайлов, прибывший в Батурин, объявил гетману, что наветам в Москве не придают значения, и в знак полного доверия вручил ему подметное письмо. Мазепа пять раз поклонился до земли, внимательно прочитал содержимое, прослезился и, подняв руки к небу и взирая на образ Богородицы, воскликнул: «Враги мои не спят, ищут, чем бы могли меня погубить!» Относительно того, кто мог быть автором письма, гетман высказал весьма логичные предположения. Он считал, что автор навета обязательно должен был знать о Соломоне, ведь именно по наущению того упомянутый в письме Шумлянский писал к Мазепе. «Если б этот враг не надеялся, что по наущению Соломона

Шумлянский будет ко мне писать, то для чего ему в своем пасквиле поминать о Шумлянском?» — справедливо вопрошал гетман.

Касаясь возможных авторов навета, Иван Степанович назвал племянника Самойловича, Михайла Гадяцкого, своего давнего оппонента. По словам Мазепы, Гадяцкий еще во времена Самойловича обвинил его в отравлении гетманских детей, надеясь самому стать гетманом. Иван Степанович просил, чтобы Гадяцкому было приказано жить подальше от Украины. Среди других подозреваемых он назвал Дмитрия Райчу и Леонтия Полуботка, близких друзей Гадяцкого. Полуботок имел неосторожность говорить новому киевскому воеводе Ромодановскому, что якобы Мазепа скупает собственность в Правобережье через свою живущую там сестру (это совпадало с текстом доноса). Говорил он ему также, что гетмана в Войске Запорожском не любят. Ромодановский факт наговоров подтвердил. Воспользовавшись челобитной переяславцев о злоупотреблениях Полуботка, Мазепа в июне 1690 года добился его отстранения от должности полковника и назначения на это место собственного ставленника — Лисенко¹⁵. При этом гетман, принимая такое ответственное решение, ссылаясь на невозможность оставить пограничный полк без полковника¹⁶.

Но для Москвы обвинения гетмана стали неожиданностью. Здесь полагали, по аналогии с Соломоном, что интрига шла с польской стороны, с Правобережной Украины. Среди подозреваемых Борис Михайлов назвал Василия Искрицкого (который действительно был связан с Соломоном) и корсунского священника Одорского, приехавшего в Киев. На это Мазепа резонно отвечал (продемонстрировав знание филологии и стилистики), что подметное письмо написано не поляком, о чем свидетельствует язык послания, но скорее жителем левого берега, к тому же часто бывавшим в Москве (отсюда знакомство с подробностями заговора Софьи). К тому же выражение «для милосердия Божия» часто любил использовать Райча, конфликт с которым у гетмана был еще в голицынский период.

Настойчивость Мазепы возымела действие. В мае он получил указ выслать Михайла Гадяцкого в Москву и просил допросить его об участии в деле Соломона. К этому времени были получены из Польши показания Соломона, что тот знал Михайла, бывал у него на дворе в Москве и имел от него всякую помощь¹⁷.

Мнение, которое начало складываться в окружении молодого царя о недружественных действиях поляков, все

больше укреплялось. Знания Мазепы оказываются все более востребованными. Он получает указание провести с генеральной старшиной совещание («помыслить») по поводу польских замыслов, а именно о посылке Шумлянским Доморацкого и о принятии в Варшаве запорожских посланцев. В результате проведенного совещания Мазепа от лица старшины советовал сделать внушение польскому резиденту в Москве, чтобы подобных «вредительных подсылок чинити вперед не дерзали». Однако, по его мнению, сделать это следовало по окончании сейма, чтобы депутаты не могли принять решение о какой-нибудь новой акции. А после сейма, даже если сенаторы и будут жаждать мести, то не смогут ничего предпринять.

Помимо этих советов гетман брался достать копии писем, полученных запорожцами от короля¹⁸, и к тому же выставил засады, чтобы перехватить запорожских гонцов по дороге из Польши. Его предостережения вскоре снова подтвердились, когда стало известно, что сейм решил заключить перемирие с Крымом и обратить военные действия на Украину¹⁹. Затем Мазепа перехватил и переслал в Москву двух польских лазутчиков, которые были пойманы в Чернигове и в киевском полку. На допросах они показали, что были посланы в Украину «для злобного в городах и селах вредительства»²⁰. Это были неоспоримые факты недружественной политики Речи Посполитой. Факты, которые свидетельствовали в пользу Мазепы.

Но дело с внутренней оппозицией шло не так быстро, как хотелось бы гетману. Гадяцкий прикинулся больным, и по настоянию врача его оставили в слободке Михайловке до зимы. Полуботок тем временем бросился в Москву и пытался добиться встречи с Петром, чтобы выгородить своего приятеля и обвинить Мазепу во всех смертных грехах. Но серьезных аргументов у него не было, гетман успел отличиться в сражениях с татарами. Петр Полуботка не принял и под стражей отправил обратно в Украину. Наконец осенью Шереметев получил указ арестовать Михайла и отправить его с детьми в Москву.

Еще целый год Мазепа находился в неприятном ожидании. В начале 1691 года Гадяцкого снова отпустили в Украину, а думной дьяк Украинцев дал тайное поручение Кочубею наблюдать за гетманом. И только когда поляки осенью выдали Соломона и тот под пыткой был допрошен в Москве, все сомнения в верности Ивана Степановича окончательно рассеялись. В Батурин прибыл царский гонец Языков, который привез Соломона для казни в гетманской

столице и сообщил, что Михайло Гадяцкий, на которого указал Соломон, был отправлен в Москву, жестоко пытан и сослан в Сибирь.

Мазепа мог торжествовать. Это был хороший урок всем его недоброжелателям. А победитель может проявить и милосердие. В частности, он подал прошение царю о помиловании Соломона. Того, впрочем, все же казнили.

Пока тянулось дело Соломона, желающих поносить гетмана находилось немало. В июне 1691 года во Флоровский киевский монастырь был подброшен очередной «извет» с польской стороны. Извет попал к матери Мазепы, настоятельнице другого киевского монастыря, которая и поспешила передать его сыну. В извете не было ничего нового: гетмана обвиняли в участии в заговоре Голицына и Софьи, в пропольских симпатиях, в стремлении уничтожить православие и присоединить Украину к Речи Посполитой²¹. Все попытки (в том числе митрополита) расследовать, как извет попал к Киеву, ни к чему не привели.

Примерно в это же время оскорбительные («плутовские») слова в адрес гетмана говорил в Глухове некий ротмистр Иван Сибилев²². Ротмистра приговорили к казни, но Мазепа заявил, что не хочет, чтобы тот из-за него был лишен жизни²³. Подобных мелких хулителей нашлось немало. Все они встретили категорический отпор в Москве и были милостиво прощены гетманом. Имея карт-бланш от царя и расправившись с верхушкой, он мог помиловать мелких дворян, не представлявших для него опасности.

И наоборот. Уже тогда, в самом начале своей силы и власти, Мазепа проявил себя яростным защитником своих сторонников. Так, он отрицал возможные недружественные действия Василия Искрицкого, ибо его дочь была замужем за Данилом Апостолом, занявшим прогетманскую позицию. Более того, когда все разрешилось и в Батурин приехал Языков, Иван Степанович поверил ему важные сведения, полученные им якобы от Апостола, относительно тайных замыслов Полуботка. Таким образом, он намеренно создавал в Москве благоприятное об Апостоле мнение. Щедрые награды получил компанейский полковник Илья Новицкий. К тому же он стал родственником гетмана — Мазепа дал разрешение на брак своего племянника Трошинского с дочерью компанейского полковника²⁴. Другой племянник Мазепы, Обидовский (сын его сестры, жившей в Польше), получил по его ходатайству от Петра имения в Рыльском уезде²⁵.

Помимо царя Мазепе, похоже, покровительствовали и высшие силы. Весной 1690 года умер киевский митрополит

Четвертинский, родственник Самойловича, с которым у гетмана никогда не было хороших отношений²⁶. Мазепа сразу активно включился в подготовку избрания нового митрополита, подчеркивая перед царем заслуги одного из кандидатов, Варлаама Ясинского, архимандрита Киево-Печерской лавры, «мужа в божественном писании и в добром житии искуснаго и у всех любовью имеющаго»²⁷. 12 июля Ясинский был избран митрополитом²⁸. Мазепа продолжал контролировать церковные дела в своем крае и ходатайствовал перед Петром, чтобы новый настоятель лавры (которого теперь должны были избрать взамен Ясинского) был свободно избран киевлянами и утвержден киевским митрополитом (а не московским патриархом), по «праву давнему лавры Печерския ставропигийному»²⁹.

Очень интересна та политика, которую вел Мазепа в отношениях между московской и украинской православными церквями. Воспользовавшись смертью патриарха Иоакима, он завуалированно, но настойчиво проводит линию на ослабление подчиненности украинской церкви Москве. В ноябре 1690 года новым архимандритом лавры в присутствии мирских лиц (в частности, черниговского полковника Якова Лизогуба, сторонника Мазепы) избирают генерального судью Михайлу Воехевича, с которым гетман служил вместе еще у Дорошенко. Назначение настоятелем главного украинского монастыря, располагавшего огромными материальными средствами и прославленной типографией, старшины, не духовного, а мирянина — было шагом весьма смелым. При этом Мазепа сразу же обратился к Петру с просьбой, чтобы Воехевич по слабости здоровья не ехал в Москву для принятия сана от патриарха Адриана, но получил бы его от киевского митрополита³⁰. Как мы видим, в этом Иван Степанович был совершенно солидарен с Ясинским. Отстаивая свое мнение и поддерживая интересы украинского духовенства, Мазепа на самом деле сильно рисковал. Ведь дело Соломона еще тогда не было закончено, а ссорясь с новым московским патриархом, он заводил себе врагов в Москве. В декабре 1690 года патриарх Адриан пишет гетману письмо, в котором выражает свое неудовольствие тем, что архимандритом лавры избран светский человек³¹. И только в октябре 1691 года Адриан дал согласие, чтобы Воехевич принял сан от Варлаама Ясинского³².

В этот непростой для него период Мазепа осуществлял покровительство и другим деятелям украинского православия, способствуя началу их блестящей карьеры. В частности, начинается продвижение будущего главы российского

Синода, а тогда иеромонаха Стефана Яворского, которого посылают с различными поручениями в Москву и о котором гетман ходатайствует перед Петром³³. Именно Мазепа обращается с просьбой к патриарху Адриану о посвящении в епископы Черниговские Феодосия Углицкого, будущего святого, и это ходатайство было удовлетворено³⁴. Продолжает свое покровительство гетман и другому будущему святому — Дмитрию Ростовскому. При его непосредственном участии и финансовой поддержке печатается вторая часть «Миней», которую Мазепа продвигал перед патриархом³⁵.

В это время начинается и славная летопись военных походов, совершавшихся украинскими казаками под руководством Мазепы. Составляя подробную инструкцию Новицкому о первых со времен Крымских походов В. В. Голицына военных действиях против татар, Иван Степанович с редким для его скрытной и сдержанной природы восторгом и увлечением писал: «Давно наше гетманское было намерение ординovati войска под Кизикирмен... и теперь горит о том сердце наше»³⁶. Мазепа и раньше имел план нападения на эту крепость, но тогда на него обрушился гнев князя за самовольство. У гетмана, хорошо знавшего расположение Кизикирмена, было два предложения: или напасть днем, когда погонщики возвращаются в город, — чтобы отбить стада, или ночью — тогда можно было бы пробраться к самой крепости и сжечь палисады. Лично он склонялся ко второму варианту, но предупреждал, что запорожцы, у которых продолжало действовать перемирие с Крымом, могли предупредить татар об этих планах. Поэтому следовало идти в поход тихо, никому ни о чем не говоря, и такими тайными тропами, чтобы ни запорожцы, ни татары не могли их увидеть³⁷.

Мазепа строго контролировал действия Новицкого, несмотря на то, что тот был опытным и испытанным командиром. Видимо, этому первому походу придавалось особое значение, он обязательно должен был быть победоносным. Когда Новицкий решил разбить свой отряд, оставив две тысячи в лагере, две послал на Кизикирмен и две для отгона стад, Мазепа немедленно его поправил, заявив, что основные силы должны быть брошены на город. Он пояснял, что большого отряда для отгона стад не требуется, ибо с ними не бывает сильной охраны, и наоборот, подвижный маленький загон гораздо успешнее справится с таким заданием³⁸.

В поход Мазепа отправил отборные силы — казаков компанейских полков Новицкого, Пашковского, Кузьмовича,

сердюков Кожуховского, Андреевича, Яворского, а также сотни Лубенского и Переяславского полков. Всего 4 тысячи человек. Каждый полк имел с собой по два орудия и месячный запас продовольствия. Под Чигирином отряд объединился с Палеем³⁹.

Поход начался 22 июля 1690 года, и только спустя неделю Мазепа написал запорожцам. Он предлагал поддержать кампанию «из своего коша», то есть из-за Запорожской Сечи, откуда столько веков совершались славные погромы неверных. Или, по крайней мере, выражал надежду, что среди них не найдется такого, кто даст знать о планах похода неприятелю⁴⁰.

Обращение Мазепы возымело действие. Скорее всего, сказала страсть запорожцев к авантюрам и наживе. В своем письме кошевой атаман Иван Гусак откровенно выставил в качестве условия разрыва своего союза с Крымом предоставление запорожцам материального «пособия»⁴¹. В результате, поддерживая поход на Кизикирмен, запорожцы напали в низовьях Днепра на татарские суда, захватив пленных и татарскую казну, предназначавшуюся для гарнизонов.

Все приготовления увенчались успехом. 16 августа отряд Новицкого вернулся с богатой добычей, уничтожив городской посад и захватив пленных. Все участники похода получили от царя денежное вознаграждение и награды. Авторитет Мазепы в глазах Петра в очень сложный для него период сильно возрос. Начало блестящим победам на азовском направлении было положено, что одновременно стало предвестником окончательного поражения оппозиции гетмана.

Глава 7

МАЗЕПА И «НАРОДНЫЕ ГЕРОИ» — ПАЛЕЙ И ПЕТРИК

Начиная активные военные действия на крымском направлении, Мазепа сталкивался с необходимостью искать компромисс с Запорожьем. В конечном счете от того, какую позицию займут «вольные рыцари», во многом зависел успех или неуспех всей будущей кампании. Как уже многократно подчеркивалось, Мазепа запорожцев, мягко выражаясь, не любил. В начале 90-х годов от него потребовалось все мастерство дипломата и политика, чтобы добиться нужных ему отношений. Тем более что поляки и внутренняя оппозиция, прекрасно зная о конфликтах гетмана с Запорожьем, тоже стремились разыграть эту карту во вред ему.

В начале петровского периода гетманства Мазепы отношения с запорожцами определялись двумя фактами: заключенным ими перемирием с Крымом и их переговорами с польским королем. Весной 1690 года Петр предложил гетману направить на Запорожье двух «разумных людей», чтобы предложить им деньги и уговорить разорвать перемирие. Иван Степанович послал своего доверенного батурицкого казака Сидора Горбаченко. Запорожцы в разговоре туманно обещали перемирие разорвать, но настаивали на выплате денег, борошного и на разрешении украинским купцам ездить с товарами в кош (то есть на снятии экономической блокады Запорожья)¹. В июне Мазепа отправляет им деньги и борошно. Посланцев его в кош не пустили, а обмен произвели у могилы Ивана Сирко, ссылаясь на моровое поветрие. Обозленный таким «гостеприимством», гетман приказал, чтобы «живого духа» через Днепр не пропускали, поставив заставы и караулы².

Жесткая политика Мазепы, с одной стороны, царские деньги и возможность получения добычи — с другой, возымели действие, и запорожцы, как мы видели в предыдущей главе, успешно содействовали походу казаков на Кизикирмен.

Осенью 1690 года в Запорожье была направлена царская казна, после чего запорожцы решили отправить в Москву

делегацию, включая представителя от каждого куреня. Мазепа спрашивал, пропускать ли их, а если нет, то как себя вести, если они станут «напирать, как всегда они привыкли»³. В этих словах помимо его воли проскальзывает нелюбовь гетмана к неуправляемым «рыцарям». Но ситуация вскоре сложилась так, что от позиции запорожцев в Гетманщине зависело слишком многое, чтобы можно было себе позволить предаваться эмоциям.

Мазепа продолжал борьбу с татарами. Это была главная задача, поставленная перед ним Петром. Татары чувствовали себя очень вольготно и всю осень и зиму нападали на пограничные местечки. Весной 1691 года многочисленные татарские чамбулы отправились за ясырем, в Чугуевском уезде (Слободской Украине) было убито почти сто человек, две тысячи попали в плен. Союзники требовали от Петра третьего Крымского похода, но тот понимал бесперспективность таких акций и совместно с Мазепой вынашивал другие планы действия на юге. Для сдерживания татар предпринимались ответные походы небольших отрядов казаков. Так, в апреле 1691 года знатный товарищ полтавского полка Антон Рудой совершил рейд на Кизикирменский шлях, разгромив татарские чамбулы и захватив языков⁴. Его успешные действия вызвали возмущение запорожцев, чьи посланцы в тот момент были в Крыму. У Антона отняли одного из языков и угрожали ему расправой. Мазепа выражал недоумение их поведением, писал, что Рудого хвалить бы следовало, а «вы его хулите»...⁵

Но большие планы на юге заставляли идти на мировую. И Мазепа, вопреки всем своим чувствам, старался всячески уладить запорожцев и наладить с ними взаимоотношения. По согласованию с Петром в Запорожье направили челны, смолу и железо. При этом гетман торопил новобородицкого воеводу, чтобы тот не задерживался с челнами. Лично от себя Иван Степанович пожертвовал средства на строящуюся в Запорожье церковь.

Но договориться со сварливым «рыцарством» было не так-то просто. Когда в апреле стольник А. Чубаров и подьячий В. Парфеньев вручали запорожцам очередное жалованье, те уже на следующий день заявили, что сукно им дано «бракованное». Русские требовали предъявить «брак», на это запорожцы отговаривались, что на двор выносить полотно нельзя (будет ссора среди черни), а в скарбнице (то есть кладовой) слишком тесно...⁶

Для того чтобы уладить отношения, следовало откровенно высказать взаимные претензии. Запорожцы написали статью, по каким пунктам они обвиняли гетмана. Тот пошел даже на то, что написал Низовому войску ответ, оправдываясь

и объясняя свои поступки. Запорожцы были недовольны тем, что Мазепа предпринимал частые походы на татар, не предупреждая их. С точки зрения военной стратегии, учитывая контакты запорожцев с Крымом и Речью Посполитой, правота Ивана Степановича была очевидной. Все остальные обвинения касались исключительно материальных вопросов. Запорожцы были недовольны раздачей собственности городской старшине (обычная логика: почему не мне), постройкой мельниц в Полтавском полку (конкуренция их промыслу), нерегулярной выплатой жалованья (это при их-то перемирии с Крымом!) и т. д. Гетман терпеливо оправдывался, но предупреждал, что из-за таких несправедливых претензий могла нарушиться их «общая любовь и приязнь»⁷.

В начале мая 1691 года Мазепе становится известна неприятная новость: некий Петро Иванович Иваненко (Петрик), свояк Василия Кочубея, старший канцелярист Генеральной войсковой канцелярии, бежал в Запорожье, где был избран писарем и начал активную агитацию против гетмана⁸. Это были и без того тревожные дни, когда не было еще завершено дело Соломона. Гетман знал об усилиях оппозиции свалить его во что бы то ни стало. И теперь, возбуждая Запорожье против него, враги Мазепы могли лишить его самого главного аргумента — возможности вести успешные военные действия на крымском фронте. То есть препятствовали ему выполнять основное задание Петра.

Петрик, как канцелярист, имевший доступ ко многим секретным документам, сразу же поведал запорожцам, что гетман отправил в Крым для переговоров своего посланца Радича. Низовое войско страшно обеспокоилось, видя в этом угрозу собственным планам и отношениям с татарами. Мазепа их успокаивал. Писал, что Радич по своему статусу ни о каком перемирии говорить не может, что запорожцы совершенно напрасно слушают «непристойные речи», что цари одинаково беспокоятся о войске городском (о реестровых) и о Низовом (о Запорожье). Гетман высказывал предположение, что эта ложная весть была сообщена им «плутом Петриком» с целью их поссорить («Лихорадка ему в живот, собачью сыну») ⁹. В заключение он требовал, чтобы изменника Петрика без всяких отговорок немедленно выдали в Батурин.

Кто же стоял за этим новоявленным народным героем, вошедшим в историю как Петрик? Многие историки, оценивая его действия, решались на сравнение его с самим Богданом Хмельницким: тоже, мол, бежал в Запорожье, начал там агитацию и нашел союзников в лице татар. Этими внешними сторонами сходство, однако, и заканчивается.

Петрик был связан с весьма определенными фигурами полтавской оппозиции, дружба которых с Запорожьем тоже была не случайной. Полтавский, самый южный полк Гетманщины, исторически имел тесную связь с Сечью и весьма отличался от других полков по своим экономическим условиям. Здесь по-прежнему основным доходом оставались скотоводство, промыслы и торговля, а не земледелие, как в других регионах Гетманщины. Самой эффективной и прибыльной для полтавцев была торговля с Крымом и Турцией, главным посредником в которой выступало как раз Запорожье, само сбывавшее в том направлении продукцию своих промыслов. Поэтому богатая полтавская старшина выступала против войны с Крымом (а соответственно — против внешней доктрины Москвы) и поддерживала запорожцев, заключивших с татарами перемирие. Мазепа, активно включившийся в планы Петра на юге, их раздражал и не устраивал.

То же самое относилось и к политике гетмана по отношению к Правобережью. Мазепа активно поддерживал православных «другого берега», покровительствовал переселенцам, но жестко боролся с теми недовольными новыми порядками, кто уезжал в «польскую Украину». Как мы неоднократно подчеркивали, Ивану Степановичу были не чужды идеи единой Украины. В этом он продолжал политику Самойловича, лелеял мечту, что его родные правобережные земли вернуться под власть гетманской булавы и Гетманщина воссоединится, как во времена великого Богдана¹⁰. Старшина северных и центральных полков, заинтересованная в людских ресурсах, поддерживала его в этом. А вот на Полтавщине — наоборот, жаловались на притеснения со стороны правобережных переселенцев. Таким образом, эта группировка старшины выступала против главных направлений внешней политики Мазепы. Возглавлял ее старый полтавский полковник Федор Жученко, занимавший эту должность с небольшими перерывами на протяжении десяти лет и имевший там огромные имения. Правой рукой у него был Иван Искра, внук знаменитого гетмана Острияницы. Тоже представитель старого, богатого и амбициозного левобережного рода. И у Жученков, и у Искр имелась многочисленная родня, поддерживавшая их в антигетманских настроениях. Зятем Жученко был сам генеральный писарь Василий Кочубей. Еще со времен Коломацкой рады он считал себя обойденным. Теперь, получив указ от Украинцева присматривать за Мазепой, Кочубей снова увидел перед собой перспективу получения заветной булавы. Казалось, нужно было совсем немного, чтобы свалить ненавистного чужака.

Петрик был женат на внучке полтавского полковника Федора Жученко, которая, таким образом, являлась племянницей Василия Кочубея (вся левобережная старшина имела тесные родственные связи). В том, что он был настроен полтавской оппозицией, современники не сомневались. Прибыв в Запорожье, Петрик поклялся кошевому, что если только они хотя бы с шестью тысячами орды вступят в Украину, к ним тотчас же присоединятся все «од самой Полтавы». При этом он прямо ссылаясь на своего «дедуса» (то есть деда жены, Ф. Жученко), который «не будет спать»¹¹.

Что ненавидели Петрик и его сторонники в Мазепе? Пусть не удивляется читатель — прежде всего верность Москве. Петрик полагал, что в случае удачи восстания гетман сразу убежит в Москву, «так как там вся душа его, а здесь только его тень». При этом логики в обвинениях не было: заявляли, что, вынашивая планы бегства в Москву, Мазепа увез свои сокровища к сестре, в Польшу...

Тут как раз и кроется загадка, разгадать которую никому из историков не удалось. Где заканчивалось влияние на Петрика полтавской оппозиции и где начиналась его собственная игра? Совершенно очевидно, что ряд идей был рожден в голове самого Петрика. Он с ненавистью высказывался об арендаторах и «дуках», получивших собственности (о старшине), а в городской Украине рассчитывал прежде всего на поддержку «голоколенников», которые сами «тех чертовых панов подавят»¹². Ни Кочубей, ни Жученко такие планы поддерживать не могли. Учитывая их огромные имения и богатства, такие социальные идеи им бы и в страшном сне не приснились. Дальнейшие планы Петрика были еще более фантастичными. После того как вся Украина ему поддается, он собирался идти в Слободской район и сгонять население оттуда, заселяя им буферную зону в районе Чигирина. А далее — идти на Московское государство¹³.

Петрик заявлял, что выступает за Войско Запорожское и весь народ Украины, которые терпят страшные обиды от русских и старшин. Это была демагогия, очень популярная в среде запорожцев и казацкой «голытьбы» еще со времен Сагайдачного. Именно на волне таких популистских лозунгов в свое время получил гетманскую булаву Иван Брюховецкий, устроив кровавую «черную раду» с резней старшин. Вопрос в том, был ли Петрик фанатиком или расчетливым карьеристом. Действовал ли он самостоятельно или использовать старые лозунги его надумали, чтобы поднять на юге бунт и лишить таким образом Мазепу контроля за ситуацией?

Вряд ли, не имея поддержки полтавских старшин, Пет-

рик мог достигнуть успеха в Крыму. Ведь надо было знать, к кому и как обращаться, что предлагать. Петрик тайно пробрался из Запорожья в Кизикирмен, где заключил с татарами соглашение. Информатор Мазепы, пересылая гетману статьи договора, весьма сомневался, что этот документ рожден в голове Петрика¹⁴. Это была весьма причудливая интерпретация идей украинских автономистов в руках юридически неграмотных людей. Согласно договору, создавалось удельное княжество Киевское и Черниговское, которое Крым обязывался защищать от поляков и от Москвы. Чигиринская сторона тоже переходила под власть княжества, куда переселялись Харьковский и Рыбинский слободские полки, чтобы открыть татарам путь на Москву. Плата Крыму предполагалась в виде добычи, полученной в московской стороне. А когда военные задачи будут решены, в княжестве должны были быть установлены такие порядки, какие они сами захотят. Таким образом, этот договор, хотя и использовал старую формулировку времен Выговского о создании украинского «княжества», в данной интерпретации был выгоден исключительно Крыму. По сути, Украина превращалась просто в плацдарм для набегов татар, причем без всяких гарантий собственной безопасности.

Соглашение с ханом было явно направлено против планов Мазепы и Петра относительно военных действий в азовском направлении. Татары и без того были агрессивны. Отказ Петра выплачивать «разменную казну», а попросту — дань (эта система так и сохранялась со времен татаро-монгольского ига), вызывал яростную реакцию в Крыму. В январе 1692 года чамбулы крымской и белгородской орд проникли в Переяславский полк, разграбив ряд сел под Золотоношей. Генеральный есаул Г. Гамалия гнал их до Буга, а самому Мазепе пришлось вплоть до февраля стоять в Переяславе, посылая отряды конницы против татар.

Предприятие Петрика было для гетмана крайне несвоевременным. Еще на рождественской старшинской раде совместно с царскими посланцами он разработал проект похода. Предполагалось в итоге взять Очаков, но сперва захватить турецкие крепости на Днестре, прежде всего Кизикирмен. Для этого планировалось выступить в мае авангардным отрядам казаков и занять переправу через Днепр. Основные силы с осадной техникой, опытными инженерами должны были идти на турецкие крепости двумя группами: одна в лодках по Днестру, другая правым берегом. Предполагалось, что запорожцы заблокируют своим флотом Буго-Днепровский лиман и окажут содействие всей кампании.

Из-за восстания Петрика военные планы пришлось отложить. В марте был предпринят только небольшой поход на Очаков. Казаки ограничились тем, что сожгли посады, захватили пленных и скот. А в мае крымская орда с Петриком уже подошла к Чигирину. Против нее гетман направил Новицкого.

Понимая, что нужно искать союзников, Петрик направился в Сечь. Кошевому он заявил, что Полтавский и Миргородский полки ему сразу сдадутся, после чего они побьют Мазепу, панов и арендаторов, изберут нового гетмана и установят в Войске Запорожском такие вольности, «как были при Богдане Хмельницком». Петрик кричал, что если они теперь «изпод ига московского не выбьются», то в дальнейшем это будет еще труднее сделать¹⁵. На запорожцев это, однако, не слишком подействовало. Они скинули кошевого, потакавшего Петрику, и к походу присоединилось только 500 человек¹⁶.

Для Петрика поддержка запорожцев была крайне важна. Он прибегал к любым уловкам, чтобы убедить их передумать и отправиться вместе с ним. Летом 1692 года он заявил, что якобы получил письма от Мазепы, в которых тот обещал при приближении сторонников Петрика к Самаре соединиться с ними и идти на Москву¹⁷. Хитрый новый кошевой Иван Гусак заметил, что человек, вдруг приехавший к Петрику «с письмами от гетмана», был на самом деле их старым запорожским вором, имевшим обыкновение совершать кражи по куреням. И вообще, если бы Мазепе действительно понадобилась защита от Москвы, то он написал бы напрямую Низовому войску, «а не к тому дураку» (то есть Петрику)¹⁸. Кошевой старался узнать наверняка, стоят ли за Петриком какие-нибудь авторитетные силы или это просто авантюрист, ищущий удачи. Он требовал, чтобы Петрик показал ему письма Мазепы или хотя бы присягнул, что таковые имеет. В конечном счете тот признался, что никаких писем у него нет «и ни кто его на то дело как из старших, так и из меньших не наговаривал», а на союз с татарами решился он «своим разумом»¹⁹.

Получив эти сведения, кошевой через посыльного Мазепы передал свою рекомендацию: покоя в Гетманщине не будет, пока гетман не отсечет головы троим — первому Полуботку, второму Михайле Галицкому, а третьему — «что всегда при нем живет, сам додумается кто». Был у Ивана Гусака и план, как попытаться захватить Петрика²⁰. Разумеется, такая «добрая воля» без благодарности со стороны Мазепы не осталась. Он послал кошевому подарком, а всем запорожцам — похвальное слово, что «бусурманским прелестьям и плута изменника Петрика обманом не дают веры»²¹.

Правда, осведомитель гетмана предупреждал, что среди запорожцев наметился раскол. «Гольтьба» выражала несогласие с позицией кошевого и явно склонялась к поддержке предприятия Петрика²². Перспектива совместного с Мазепой похода на турецкие крепости прельщала многих запорожцев. Но, с другой стороны, в Запорожье всегда были сильны анархические лозунги и ненависть к зажиточным реестровым казакам.

Таким образом, Мазепе удалось внести разлад в ряды своих недоброжелателей. Успешные походы на татар, принятые гетманом, поражение оппозиции (к этому времени «дело Соломона» было завершено) и твердая поддержка со стороны Петра убеждали в силе положения Ивана Степановича. И то, что Запорожье не пошло за Петриком, — было его большой победой.

Кого же имел в виду Гусак под третьим недоброжелателем Мазепы (помимо Полуботка и Михайла Галицкого)? В те же дни личный информатор предостерегал Мазепу, чтобы «ваша вельможность от своих близких некоторых имел осторожность»²³. Скорее всего, речь шла о Кочубее. Его имя как главного вдохновителя Петрика мелькает в десятках сообщений, которые получали как русские воеводы, так и сам гетман.

Мазепе трезво оценивал ситуацию и понимал, что среди старшин у него было множество завистников и соперников. Райча, Полуботок, Галицкий — все это были влиятельные люди из старого окружения Самойловича, на чьих глазах он превратился из пленника в гетмана. Они никак не могли смириться с таким ходом событий. Но Кочубей — другое дело. Тот сам попал на Левобережье от Дорошенко. Они вместе участвовали в заговоре против Самойловича. Став гетманом, Мазепа осыпал Кочубея пожалованиями, считал доверенным человеком, делился с ним своими переживаниями по случаю навета Соломона. Как оказалось, все было напрасно, и Кочубей все равно мечтал о булаве.

Всегда сдержанный гетман, хранящий свои эмоции в глубине души, не выдержал. Летом 1692 года, на обеде у стародубского полковника Миклашевского, когда стало известно, что Петрик прикрывается его именем и представляет запорожцам якобы написанные им, Мазепой, листы, Иван Степанович вскочил и начал бить Кочубея, обвиняя его в сговоре с Петриком. Правда, он тут же опомнился, помчался к русскому воеводе Батурину, рассказал о происшествии. Кочубей со своей стороны категорически отрицал все обвинения и обратился за помощью к киевскому митрополиту Варлааму Ясинскому, прекрасно зная, в каких отношениях

тот был с гетманом. Ясинский выступил в роли посредника²⁴. Русские тоже советовали помириться с Кочубеем. Так как прямых доказательств вины генерального писаря у Мазепы не было, он счел за лучшее помириться с ним. Начинать открытую войну с влиятельными полтавцами, когда и так внутреннее положение было чрезвычайно напряженным, гетман не мог. В письме к Петру он смиренно писал, что злобная клевета Петрика — кара Божья «за некие грехи мои», и только выражал надежду, что «премудрое величество» не даст веры ложным доносам.

Примкнувшие к Петрику запорожцы и его сторонники провели раду, на которой провозгласили его гетманом. Клейноды — булаву, бунчук и хоругвь — ему дал Калгасалтан. Приняв титул гетмана, Петрик назначил трех полковников и шесть сотников²⁵. Затем они направились на реку Самару (левый приток Днепра).

В июле 1692 года орда Калги-султана и Петрик с 20 тысячами вступили в Украину. Им удалось сжечь посад Новобородицкой крепости, захватить Китайгородку, Царычанку и села на юге Полтавского полка. Мазепа лично выступил во главе войск к Гадячу. Он послал к Петру с просьбой направить для соединения с ним Б. П. Шереметева²⁶ и выслал вперед Новицкого, который встал табором под Будищами. Под Самару он направил самых боеспособных казаков Миргородского, Прилуцкого, Гадячского и Лубенского полков. С остальными Мазепа, стоя под Полтавой, ожидал Шереметева²⁷. Не давая боя, орда с Петриком отступила и, разделившись на чамбулы, принялась грабить слободы. Против них пошел Новицкий, а Мазепа отошел к Лохвице, оставив на Самаре сторожей. В августе Мазепа со злорадством сообщал Новицкому, что в Запорожье последователей Петрика «поленом бьют», а некоторых насмерть убить хотят²⁸.

Последнюю попытку прорваться на Левобережье Петрик предпринял со стороны Чигирина. Его отбивали Новицкий, Рубан и Апостол — самые надежные соратники Мазепы. В боях ноября 1692 года татары были остановлены и отброшены назад.

В Москве были очень довольны таким оборотом событий. Мазепа получил в награду роскошную шубу, и примерно в эти же дни был казнен в Батурине Соломон. Фортуна, доставив гетману немало неприятных переживаний, снова обратила на него свою благосклонность.

Восстание Петрика выявило все те опасности, которые подстерегали Мазепу. Если с оппозицией старшины можно было бороться, опираясь на покровительство Петра, то хуже

дело обстояло с «народным недовольством». Чтобы выбить оружие у недругов, следовало прежде всего постараться ликвидировать возможные придирки. Одной из самых любимых было обвинение Мазепы в связях с поляками. Единственный аргумент — это то, что его родная сестра была замужем за поляком и проживала на польском Правобережье.

Чтобы решить эту проблему, Иван Степанович обращается за помощью к матери. Мария Магдалена, как уже упоминалось, была женщиной с решительным характером, недюжинным умом и энергией. В годы правления сына она прикладывала огромные усилия для расширения своего монастыря. Вела судебные споры с киевским Михайловским женским монастырем (разобраться в них гетман поручил митрополиту: «Понеже игуменья Печерского девичья монастыря мне мать»)²⁹. Весной 1692 года Мария Мазепа решила построить церковь Вознесения Христова. Для более успешного проведения строительных работ планировала соорудить по соседству кирпичный завод на землях мужского Выдубицкого монастыря, на что она получила соответствующее разрешение³⁰. В эти же годы она возглавляет второй, глуховский, монастырь и переносит его на новое место, к церкви Успения Богородицы, построенной ее сыном³¹.

В конце 1690 года сестра Мазепы, пани Войнаровская, впервые приехала «по обету» в Печерский монастырь. Без царского разрешения в условиях продолжающегося следствия по делу Соломона, когда гетмана обвиняли в связях с польской стороной, встречаться с сестрой он не мог. Разрешение было получено в январе, за что он покорно благодарил Петра. Правда, сестра к тому времени уже вернулась домой³². После этого Мазепа выхлопотал разрешение для сестры беспрепятственно приезжать для встреч с ним, матерью и сыном от первого брака — полковником Обидовским. В декабре 1691 года она приехала в Батурино и жила там почти год, общаясь с братом и матерью. После этого пани Войнаровская приняла решение оставить мужа-католика и уйти в монастырь к матери, приняв постриг. Она уехала в Киев вместе со своими падчерицами и Андреем Войнаровским — любимым племянником Мазепы.

Это был очень сильный ход, выбивавший оружие как у поляков, так и у внутренних недоброжелателей Мазепы. Поэтому сразу началось активное давление на гетмана. К нему писали помимо Войнаровского (мужа его сестры) гетман великий литовский Казимир Сапега, гетман польный литовский Иосиф Слушка и сам гетман великий коронный Станислав Яблоновский. Все они просили «вернуть детей», «не

разрушать семью» и заставить сестру выполнять супружеский долг³³. Однако такое негодование поляков, с одной стороны, и верность его семьи православию, с другой, только поднимали акции Мазепы в глазах Москвы. Разумеется, гетман поддерживал решение сестры, осыпал милостями племянников, и ни о каком возвращении их в Речь Посполитую не могло быть и речи. К тому же вскоре пани Войнаровская умерла.

Значительно сложнее было Мазепе поднять свой авторитет среди казаков. На Запорожье его открыто называли «не отцом, но отчимом Украины». «Народный герой» Петрик, использовавший популистские лозунги, старательно подчеркивал «антиказацкий» характер политики гетмана. Этому надо было противопоставить какой-нибудь пропагандистский шаг. И таковым для Мазепы стало покровительство другому «народному герою» — Палею.

Семен Палей родился в Борзне, казаковал сначала в Нежинском полку, затем, овдовев, на Запорожье. Потом, когда Ян Собеский для борьбы с турками восстановил казачества на Правобережье, Палей поступил на королевскую службу, собрал горячие головы из Молдавии и Поднестровья и засел с ними в Фастове, получив от короля титул полковника. Здесь он активно занимался заселением безлюдных территорий и стал практически правителем Белоцерковщины. Формируется так называемая Палеивщина, территория от Полесья до Дикого Поля, управляемая по «казацким законам». Крестьяне здесь чуть ли не поголовно «показывались», переставали платить налоги и работать на панщине. Нередко Палей со своими казаками занимал имения соседних польских панов. Многие из его людей просто разбойничали на дорогах, одним словом, вели образ жизни в стиле Запорожья. Палеивщина стала идеалом украинской вольницы, куда стекались крестьяне из всех районов Правобережья, а зачастую — и с левого берега, где жесткая политика Мазепы, направленная на установление государственных порядков, не нравилась многим.

Разумеется, очень скоро деятельность Палея стала вызывать сильное беспокойство и раздражение польских властей. Зная это, еще в 1688 году Палей впервые обратился к царям с просьбой разрешить переселиться в пределы Московского государства. Мазепа тогда, как мы говорили, отнесся к этому негативно, недолголюбивая Палея, как всех «самовольцев», и не возражал, когда Голицын решил, что покровительство правобережным казакам поставит под угрозу мир с Речью Посполитой. Другое дело было теперь, в 1690 году. Встать на

защиту своих братьев-казаков и к тому же досадить интриганам-полякам и тем самым повысить свой авторитет на Правобережье — все это было очень заманчиво.

У Палея к этому времени возникли большие неприятности с польскими властями. Дошло до того, что после неудачного нападения на Немиров его посадили в тюрьму. Пока он был в заключении, в Фастов явились униаты и попытались отобрать православную церковь, построенную им. Вернувшись, Палей не долго думая отрубил униатам головы, что, разумеется, не могло пройти безнаказанно. В конце мая 1690 года Палей писал Мазепе, что польское войско было направлено к Фастову, чтобы силой вынудить его к повиновению³⁴. Осведомитель Мазепы запорожец Проккоп Лазука предупредил Палея, что некоторые его товарищи обещали выдать его полякам³⁵. Трудно сказать, истинно ли было это предупреждение или это была уловка Мазепы. По крайней мере Палей во главе своего отряда присоединился к казакам гетмана и участвовал в успешном налете на Кизикирмен.

Награды участникам похода, разумеется, коснулись и Палея. Мазепа не поскупился в выражениях, подчеркивая его храбрость, и в Москве решили поддержать Палея. В начале 1691 года Мазепа по царскому указу посылает к нему своего человека с увещеванием оставаться в верности царю. Однако письменного подтверждения отправлено не было, гетман велел все сказать на словах, опасаясь повредить мирному договору с Речью Посполитой³⁶. Палей продолжал засыпать Батурин просьбами о разрешении переселиться в Левобережную Украину. Ответ из Москвы был прежний: пусть идет в Запорожье, а уж оттуда через некоторое время сможет перейти в Левобережье. Чтобы не отталкивать Палея, гетман обратился за поддержкой к своему доброму приятелю Льву Кирилловичу Нарышкину, и Палею тайно прислали бархат и соболей.

В марте 1692 года Палей вместе с левобережными казаками участвует в походе на Очаков. Казаки сожгли посады города и набрали богатую добычу³⁷. Этот поход принес Палею небывалую славу. Казаки увидели в нем идеального вождя — храброго и счастливого. То, что казакам только небольшую часть добычи удалось вывезти из Очакова из-за страшного бездорожья и потери лошадей, в расчет не принималось. В Запорожье слышались возгласы: «Дадим Палею гетманство, вручим ему все клейноды. Палей пойдет уже не Петриковой дорогой, он знает, как украинским панов к рукам прибирать». В Крыму Палея, в свою очередь, сравнивали с легендарным Сирко, в свое время наводившим ужас на татар, пытались привлечь на свою сторону, проро-

чили судьбу Хмельницкого. Заискивания татар и восторженное отношение казаков начали понемногу кружить Семену голову. При личной встрече с Мазепой он так и заявил, что если царь не примет его немедленно на службу, то он найдет себе другое место. Гетман снова и снова писал в Москву, предупреждая, что если Палей перейдет к татарам, то запорожцы последуют за ним и это будет иметь крайне негативные последствия для России.

Мазепа к этому времени уже понимал, насколько опасен ему может быть Палей в качестве соперника по булаве, однако пока считал возможным его поддерживать. Он был полезен в борьбе с татарами, к тому же сохранял казацкое влияние на Правобережье, получить которое под свою булаву с помощью московских властей рассчитывал и сам Мазепа. Кроме того, пока Палей был союзником Ивана Степановича, запорожцы отказывались поддерживать Петрика. Больше гетману хотелось столкнуть двух «народных героев». Случай не замедлил представиться.

В конце 1692 года Палей сообщил Мазепе о планах татар вновь напасть на Левобережье. И действительно, в январе 40-тысячная орда во главе с Нураддин-султаном вместе с остатками отряда Петрика подошла к Сечи, предлагая запорожцам присоединиться. Кош ответил отказом. Не решаясь штурмовать Сечь, татары обошли ее стороной и подошли к Переволочной.

Мазепа был готов к нападению. 6 февраля к нему прибыл Палей, из России шли 40 тысяч во главе с Шереметевым. Вдоль Днепра и границ Полтавского полка были расставлены заставы, усилены гарнизоны крепостей, налажена система оповещения. Сам гетман стоял в Лубнах. Татары, убедившись, что гарнизон Переволочной был готов к бою, ушли левым берегом Ворсклы, грабя села и забирая людей в полон. Им так и не удалось взять ни единого укрепления, и, получив известие о приближении Мазепы и Шереметева, они ушли в Крым.

Этот провал означал конец «предприятия Петрика», равно как и других смут. В конце февраля к Мазепе приехал дьяк Посольского приказа Андрей Виниус, доверенный человек Петра. Миссия имела стратегический характер. Виниус должен был обсудить со старшиной перспективы дальнейших военных действий и разобраться во внутренней ситуации в Украине, равно как и оценить положение Мазепы. Виниус сделал благоприятные выводы, убедившись в том, что большинство жителей твердо придерживались православия и хранили верность царю. В разговорах с Виниу-

сом они крайне негативно отзывались о татарах и поляках, равно как и о Петрике, ставшем причиной многих разорений крымцами. Стабилизация внутренней экономической жизни делала свое дело — теперь поднять людей на восстание в Гетманщине против Мазепы было не так-то просто.

На совещании с русскими гетман и старшина высказались за необходимость идти на турецкие днепровские крепости, прежде всего Кизикирмен. Но Виниус объяснил, что этот поход был отложен решением Петра до более благоприятного времени. Это шло вразрез с планами Мазепы. Запорожье не давало ему покоя. Шаткое соглашение, достигнутое с ними благодаря Палею, могло рухнуть в любую минуту. Кошевой атаман Гусак предупреждал гетмана, что в Сечи собралось множество гольтыббы — голодранцев без оружия. Единственный путь нейтрализовать их — начать широкомасштабные военные действия против Турции, куда все запорожцы устремились бы в надежде на добычу, а самые крикливые полегли бы в боях.

Отмена похода резко ухудшила отношения Мазепы с «вольным рыцарством». В конце июня гольтыбба скинула Гусака с атаманства и выбрала Рубана, сразу заключившего перемирие с Крымом. Из Москвы была направлена грамота, извещавшая о решении царя не предпринимать этим летом похода, но запорожцы все равно видели во всем злой умысел Мазепы. Они прямо заявляли: «Пока Мазепа будет гетманом, нам от него нечего добра чаять, потому что он всякого добра желает Москве и к Москве смотрит, а нам никакого добра не желает. Только тот гетман будет нам на руку, которого мы поставим в Черной раде»³⁸. В Сечи поговаривали, что, как только хан вернется из венгерской земли, они совместно устремятся на московские земли. В Гетманщине, мол, гольтыбба сама старшин да арендаторов побьет, а вот царям за все неправды счет предъявят запорожцы. Из Москвы срочно прислали богатое сукно, которое доставил в Сечь посланец Мазепы. Запорожцы остались довольны, горючили, что такого сукна еще не получали.

В конце сентября Палей вместе с Переяславским, Киевским и охочим полками были направлены Мазепой на Правобережье для совместных действий против татар. Но уже в походе Киевскому полку пришлось вернуться, так как крымская и белгородская орды двумя потоками хлынули в Украину. Мазепа объявил сбор войск в Батуристине и выслал на Коломак Полтавский, Гадячский, сердюцкий и компанейский полки. Узнав об этом, Нураддин-султан повернул в Слободскую Украину и, набрав ясырь, ушел в Крым.

Палею опять сопутствовала удача. Вместе с Мировичем и Пашковским они ускользнули от орды и напали на окрестности Тягина, нанеся большой урон туркам. К ним наперерез устремился белгородский султан Онита. После ряда боев с превосходящими силами противника казаки укрепились в таборе и уничтожили около четырех тысяч татар. Простояв сутки под табором, орда ушла, а Мирович в октябре благополучно вернулся домой.

Слава удачных походов все больше укреплялась за Палеем, что в данном случае позволяло Мазепе использовать запорожцев и контролировать развитие внутренней ситуации. Теперь уже Петрик был ему не страшен. Зимой 1694 года гетман планирует очередной поход на Кизикирмен. Туда были направлены Палей и Лубенский полк Свечки вместе с отборными охотничьими полками. 2 марта, разбив сторожевой отряд татар, они начали осаду крепости. Это была только репетиция того предприятия, которое уже несколько лет готовила старшина во главе с Мазепой. Русские войска и осадная техника в нападении на Кизикирмен задействованы не были. Был сожжен посад и уничтожены все поселения близ города. Вылазка гарнизона была отбита с большими потерями для турок, после чего казаки снова с большой добычей благополучно возвратились домой. Тылы им на этот раз прикрывали запорожцы. Отряд во главе с кошевым Шарпило предпринял отвлекающий налет под Перекоп.

В августе Мазепа организовал очередной поход на Очаков. В нем участвовали Киевский полк и компанейцы, которые соединились с Палеем. Под Очаковом им удалось выманить из крепости отряд конницы и под прикрытием горячей степи заманить их в ловушку. Татары были порублены, а казаки с добычей возвратились домой, пригнав в Батурин около трехсот языков.

В сентябре наказной гетман Мазепы Лизогуб с 20 тысячами казаков предпринял еще один удачный поход на буджацкую орду. Казаки опустошили села, набрали много ясыря и другой добычи. Союзником Лизогуба снова был Палей. Успех похода частично объяснялся тем, что орда была вместе с турецким войском в это время задействована на войне с цесарем.

Активизация на юге была очень выгодна Мазепе. Недовольство уменьшалось, шальные головы были заняты в походах, авторитет гетмана в глазах Москвы возрастал, а усиление роли Палея пока было ему не опасно. Разведка боем завершалась, запорожцы были нейтрализованы, бунты усмирены, и теперь наступала очередь великих военных достижений. Начинаясь период Азовских походов.

Глава 8

АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ

В Азовских походах совпало многое: стремление Петра выйти к морю (в данном случае — к Черному), убеждение Мазепы, что социальная нестабильность в Украине требует начала военных действий, постоянные татарские угрозы, ропот народа против царских «потех» и «немцев», требования союзников и т. д. Мнение Ивана Степановича о необходимости защитить границы Гетманщины сыграло в последнюю роль, ведь именно его план военных операций на юге был наконец использован российским командованием во время Азовских походов. Использован, замечу, триумфально.

В первом походе участвовала 30-тысячная армия, сформированная в Москве, в которую входили старые стрелецкие и новые регулярные полки (Преображенский, Семеновский, Бутырский и Лефортовский). Командовали генералы Гордон, Лефорт и Головин. Сам царь в качестве бомбардира Преображенского полка тоже участвовал в первом Азовском походе. Мазепа отправил казацкие полки во главе со своим племянником Обидовским. В июне войска на стругах по Дону подошли к Азову. Весь июль прошел в тяжелых боях. Два генеральных штурма в августе и сентябре не дали желаемого результата, и 29 сентября армия отступила к Черкасску.

Значительно более успешным был поход в низовье Днепра, который был частью кампании и рассматривался как составная удара на Северное Причерноморье. Штурмы Азова в этом году были, по сути, только отвлекающим маневром от днепровской кампании.

Российским войском командовал Шереметев. В состав его армии входили украинские слободские полки. Все вместе они соединялись у Днепра с полками Мазепы и двинулись правым берегом к Кизикирмену. Запорожцы на чайках блокировали крепости со стороны Днепра.

Шереметев выступил из Белгорода 10 мая, направившись под Коломак, а следом за ним из Батурина вышел и Мазепа. Оба отряда переправились через Днепр и 3 июля встретились у Омельнички. 11 июля начался поход на Кизикирмен. Мазепа выслал часть войска во главе с полковником Лизогубом на помощь запорожцам, которые уже к тому времени выступили по Днепру. Общее число совместных русско-украинских сил, участвовавших в походе на Кизикирмен, составляло до 120 тысяч человек.

Вечером 24 июля войско подошло к крепости, а на следующий день сердюки и городовые полки «с радостным сердцем» вступили в бой с янычарами и заняли позиции у стен Кизикирмена, построив себе шанцы для осады. Гетман руководствовался при осаде той тактикой, которую в свое время турки применяли при штурмах Чигирина. Под город подводили шанцы, все ближе приближаясь к крепостным стенам. На насыпанных валах, покрытых корзинами с землей, разместили пушки, расставили пехоту.

Через день Кизикирмен был уже в теснейшем кольце осады, и 26 июля начался ураганный обстрел крепости из пушек и мортир, продолжавшийся пять дней. Пушки казаков подавляли огонь противника, не позволяя ему делать ответные выстрелы. Казаки обстреливали каждое открывавшееся окно, уничтожая пушки, станки и пушкарей. Большие гранаты, которые попадали в город, причиняли огромный ущерб¹. Янычары обещали по сорок левов тому, кто осмелится открыть ответный огонь, но смельчаков не находилось². В городе разносился смрад от непогребенных трупов. К тому же запорожцы вошли в Днепр, окружили соседний Таванск и отрезали туркам путь к отступлению. Кизикирменская флотилия была захвачена, а татарские орды Нураддина и Ширин-бея отрезаны.

Несмотря на подавляющее моральное преимущество и большие потери среди гарнизона, крепким стенам Кизикирмена обстрел принесил мало повреждений. Поэтому, чтобы не оказаться перед необходимостью затяжной осады, Мазепа приказал ускорить приближение вала к крепостным стенам. Вал строили такой высокий и широкий, чтобы им можно было засыпать ров и без труда проникнуть в саму крепость.

Под прикрытием артиллерийских обстрелов под наружную башню был подведен глубокий подкоп. Заложенный в нем порох взорвался 30 июля в 5 утра, образовав огромный пролом в крепостной стене, в который под барабанный бой и рев боевых труб ринулись казаки и солдаты. Рукопашный бой на улицах продолжался пять часов. В городе начались

пожары. К вечеру верхний город готов был капитулировать. Среди казацкой старшины особо отличился Данило Апостол.

На шанцы прибыли Мазепа и Шереметев, а от турецкой стороны — Шабан Липка. По условиям сдачи вечером капитулировал верхний город, а утром следующего дня — нижний. Гарнизон Таванска тоже сдался. Гарнизоны Мубеуреккермена и Исламкермена, взорвав укрепления, ушли в степь с казной и пушками.

Петр получил известие о взятии крепости, находясь под Азовом, 19 августа. По случаю такой крупной победы были устроены большой банкет и фейерверк. Из захваченных пушек был вылит колокол Кизикирмен для Успенской церкви в Полтаве. Захваченных в Кизикирмене пленных Мазепа направил в Москву с преданными ему полковниками Иваном Миновичем, Константином Мокиевским и Михайлом Бороховичем. Все они получили «великую милость и жалованье» от Петра и были отпущены домой.

Эта победа имела огромный резонанс во всей Европе. Со времен Вены подобного удара туркам не наносили. К тому же Мазепа получил восторженные послания московского патриарха Адриана и киевского митрополита Варлаама Ясинского. Иннокентий Монастырский и Стефан Яворский написали ему польский панегирик. Они отмечали, что взятие Кизикирмена запишет «в книгу вечности рыцарскую несравненную храбрость Вашей Милости в делах воинских... Этим подвигам все рукоплещет христианство, а мы прибавляем к тому свои громогласные восклицания... ибо Ваша Милость притупил еси острый меч на выщербленный и мужественно сокрушив гордые рога кичливой басурманской спеси»³. В Чернигове был издан великолепный панегирик с гравюрами Тарасевича (того самого, что делал в свое время портрет Софьи Алексеевны). На гравюре был изображен Мазепа в латах, с булавой в руке с латинским девизом «*Hisce securus*». Под портретом был изображен Сатурн, который с плугом выпаживает булавы, чернильницу, печати и ключ, символизовавшие этапы на непростом пути его карьерного роста⁴.

Очень мало подробностей сохранилось о тех событиях под Кизикирменом. Впоследствии, после перехода Мазепы к шведам, о них старались забыть, а роль гетмана преуменьшить. Панегирики же величали его «первым рыцарем, Гектором Украины», что, безусловно, должно было иметь основания. Как справедливо писал И. Боршак, в казацкой стране, где доблесть и мужество считались наипервейшим достоинством, даже гетман не мог претендовать на такие лавры без достаточных на то обстоятельств.

Поврежденные укрепления Кизикирмена оказались непригодны к восстановлению, и Мазепа с Шереметевым приняли решение их разрушить, в других же крепостях остались казачьи гарнизоны⁵.

Зимой 1696 года татары в отместку за Кизикирмен предприняли опустошительный набег на Левобережье. От Самары двигались крымские и ногайские татары, от Кременчуга — белгородская орда с Петриком. Захватили посад у Китайгородки, сожгли Царычанку и двинулись к Голтве⁶. Мазепа лично с полками выступил из Батурина в направлении Прилука — Лохвица — Гадяч, а из Белгорода к нему спешил Шереметев. Узнав об этом, татары, разделившись и набирая ясырь, стали уходить из-под Голтвы в степь. Погоня была организована полковниками Новицким и Свечкой. Не решаясь бросить добычу, татары переправлялись с ней через Днепр. Подтаявший лед проломился, и множество татар утонуло. В этих столкновениях закончилась жизнь Петрика, которого копьем убил гадячский полковой есаул Вечирко.

После того как нападение татар было отражено, можно было заняться подготовкой очередного похода. Как раз в это время смерть Иоанна Алексеевича сделала Петра единовластным правителем России.

Планировался совместный поход под Очаков с участием полков Мазепы, Шереметева и запорожцев. Одновременно украинские полки, отличившиеся под Кизикирменом, переместились под Азов. Запорожцы также обвязывались «промышлять» против татар на Черном море, чтобы не дать возможности туркам послать помощь Азову.

В Воронеже для похода срочно строилась флотилия, в том числе первые российские 36-пушечные корабли «Апостол Петр» и «Апостол Павел». Именно эта флотилия (23 галеры, 1300 стругов и 4 брандера) заблокировала подходы с моря к Азову. Для прикрытия галер в устье Дона были возведены два земляных форта. В результате появившийся турецкий флот с боеприпасами и продовольствием, не приняв боя, ушел в Константинополь.

Петр очень рассчитывал на украинских казаков, великолепно проявивших себя в первой кампании. Он просил у Мазепы войско в двадцать тысяч. Но гетман убедил его, что, учитывая участие казаков в походе на Очаков, Гетманщина не сможет предоставить такое количество. И в марте 1696 года Мазепа выслал 15-тысячный отряд, состоявший из героев Кизикирмена, с пятимесячным запасом продовольствия. Наказным гетманом в этот раз был полковник Яков Лизогуб, а под его командой находились

Черниговский, Гадячский, Лубенский, Прилуцкий, компанейский и сердюцкий полки⁷.

17 июня они прибыли под Азов и расположились укрепленным табором, прикрывая весь российский лагерь со стороны степи, откуда могли прибывать татары, желающие помочь осажденному гарнизону. Этим они перерезали путь, по которому поставлялись запасы и осуществлялись контакты защитников Азова с ордой. Именно через казачий табор сделали попытку прорыва из крепости турки, надеясь соединиться со стоявшими в степи ордами Нураддин-султана крымского, Кубек-аги кубанского и Муртаза-паши кафинского. Однако эта вылазка была отбита казаками Лизогуба совместно со стоявшими рядом российскими войсками.

При осаде на этот раз «по просьбе нижних чинов» была использована та же тактика, как и год назад в Кизикирмене — то есть осадный вал. Подведенный вплотную к крепостной стене, засыпавший ров, этот вал сыграл решающую роль во взятии Азова. Как только он был готов, 15 июля на нем расположили артиллерию и в течение трех дней обстреливали крепость. В результате один из бастионов был разрушен. 17 июля началась атака татарской конницы со стороны степи одновременно с вылазкой турецкого гарнизона Азова. Казаки Лизогуба отбили обе эти атаки и, не дожидаясь приказа, равно как и результатов «немецких подкопов», сами «дерзновенною охотою» устремились через вал на крепость.

Целый день казаки провели в страшном огне, непрерывно обстреливая турок, взбираясь на стены с помощью копий. От стрельбы переходили в рукопашную, ломали стены, убивали, отбирали хоругви. Делали разломы, закидывая канаты на выступы городских стен. Турки кидали мешки с порохом, обжигая казаков, насыпали в городе вал, чтобы усложнить проникновение со стен. Но ничто уже не могло остановить казаков. Ночью они сделали подкоп в один из бастионов и захватили его вместе с пушками. Укрепившись в нем, казаки с подоспевшим отрядом Гордона отбили все попытки турок исправить положение.

Утром на генеральном совещании в штабе было решено через четыре дня начать общий штурм, используя успех, достигнутый казаками. Но уже к полудню гарнизон Азова запросил перемирия и на следующий день сдался воеводе Шеину и находившемуся там же Петру. По условиям сдачи Азов переходил к победителям со всеми крепостными орудиями. Гарнизону разрешалось сохранить личное оружие и имущество.

Все казаки получили награды — по рублю на рядового и по 15 червонцев на старшину. Особые награды достались Лизогубу и полковникам. Мазепа, воздавая благодарность небесам за особое к себе покровительство, на собственные средства заказал серебряный киот чудотворной иконе Пречистой Богородицы в Черниговском Свято-Троицком Ильинском монастыре⁸.

Запланированный поход под Очаков не состоялся. Предполагалось для блокады крепости с моря построить струги. Работа шла как на Левобережье, так и в порубежных российских городах. Однако работа затягивалась. Еще в июне ей не было видно конца. К тому же свои лучшие силы Мазепа отправил под Азов. В результате было решено, что гетман с Шереметевым выступят в район Коломак — Берестовой, препятствуя продвижению орд на помощь Азову и защищая южные границы. Особенную опасность представлял крымский хан, который стоял со своей ордой вдоль берега Азовского моря, готовый ударить в тыл армии под Азовом. Для охраны границ Гетманщины в Полтавском полку были расформированы охотничьи полки.

В конце июня 1696 года Мазепа назначил Илью Новицкого главным начальником всех пограничных городов и сел⁹. По Днепру он послал сторожами казаков Черниговского, Переяславского и Лубенского полков, которые следили за южными степями.

На Черном море должны были действовать запорожцы. Они перехватывали запасы, предназначенные для Очакова, татарскую разведку. Отряды Мороза на чайках совершали дерзкие нападения на турецкие флотилии, запорожцы Чалого уничтожали татарские селения.

Взятие Азова знаменовало новый этап в истории России. Петр начинал строить империю. Мазепа и его войска приняли в этом самое непосредственное участие. Но даже гетман с его ясным и дальновидным умом политика еще не мог предположить, какими бедами для его Гетманщины обернутся эти грандиозные планы.

А пока все было великолепно. Блестящие победы, восторг царя, бесчисленные награды, полное доверие. Осенью по приказу царя Мазепа прямо с дороги приехал к нему в Рибное. Гетмана принимали с необыкновенным почетом. Царь согласился прийти к нему в шатер на обед, весь день сидел с гетманом, не расставаясь, и «с лаской» отпустил его в Украину, а сам поехал в Москву¹⁰.

Мазепа полностью погружается в водоворот этих событий, стремясь обернуть победы к наибольшей выгоде Украины.

Заманчивые перспективы рисовали и пришедшие известия о смерти польского короля Яна Собеского и о начавшейся в Речи Посполитой смуте.

По возвращении из похода Петр издает знаменитый указ о строительстве регулярного флота. Начинается создание «кумпаний», обязательных для духовенства и дворян, а центром строительства становится река Воронеж, в непосредственной близости от Слободской Украины.

Строительство судов для похода под Очаков началось и в Украине. На собственные средства, безусловно, желая отличаться перед влюбленным в море царем, Мазепа построил 50 судов. Остальные старшины и казаки изготовили 70 морских стругов и 600 лодок. Всю зиму завозили необходимые боеприпасы и продовольствие запорожцам. В мае войска в плывав выступили по Днепру.

Главкомандующим был белгородский воевода Яков Долгоруков (Шереметев после Кизикирмена был направлен с посольством в Англию). Помимо прочего везли строительные материалы для укрепления Кизикирмена и Таванска. Оставив охрану Украины на попечение Даниила Апостола, Мазепа лично выступил в поход. Русская и украинская армии соединились под Коломаком и уже в начале июля были под Кодаком. Переправа через Днепр далась с трудом. Уровень воды на порогах был в тот период очень низкий, что затрудняло переправу. Немало судов погибло вместе с запасами и людьми. Было потеряно почти десять дней.

Войска были еще у Вольного порога, когда пришло известие от боярина Шеина, что тот, восстановив и укрепив Азов, оставил там гарнизон и направился в пределы Московского государства. Эта новость очень взволновала Мазепу. Он имел сведения от разведки, что крымский хан, выйдя к Каланчаку, намеревался напасть на Гетманщину и Слободскую Украину. В этих условиях отход главных русских сил открывал татарам путь на Левобережье, и оставленный на защиту Апостол явно не мог справиться с возможным вторжением.

Из-под Кизикирмена тоже приходили тревожные вести. Турецко-татарское войско захватило Исламкермен и обстреливало Мубеуреккермен. Мазепа выслал отряд в три тысячи казаков с Лизогубом, которые на стругах устремились в Сечь. Второй отряд во главе с Обидовским был направлен сушей по правому берегу Днепра. Сам Мазепа с Долгоруком на стругах с основными силами двигались водным путем. Запорожцы с кошевым Яковенко к тому времени уже подплыли к Таванску. Почти одновременно с ними под Кизи-

кирменом появились Лизогуб и Обидовский. Увидев приближение столь крупных сил, татары оставили Исламкермен и бежали в степь.

Прибытие Мазепы было встречено кошевым атаманом пальбой из мушкетов, вследствие чего, как писал современник, «помрачился воздух, хотя и солнце светило», и долго еще над Днепром стоял туман¹¹.

Воспользовавшись передышкой, связанной с бегством татар, командиры приняли решение взорвать Мубеуреккермен, так как укрепить его было невозможно. Зато в Кизикирмене и Таванске немедленно приступили к фортификационным работам, которые возглавил немецкий инженер. В частности, был заложен новый обширный таванский город. Тем временем запорожцы расположились южнее Кизикирмена, Обидовский — возле него, а Мазепа и Долгоруков — у Таванска.

На военном совете обсуждался план вытупления в Черное море. Однако разведка донесла о нахождении поблизости турецкого флота, что делало такое предприятие невозможным.

Через несколько дней подошли орда, хан, а также Алипаша с обозом, пушками и отрядами янычар. Немедленно начался штурм Мубеуреккермена, продолжавшийся три дня. Белгородская орда султана Кази-Гирея ударила на Таванск и Кизикирмен. Как писал Мазепа Апостолу, «в кровавом бою находимся». Обстрел велся из ручного оружия и пушек, причем обе стороны несли сильный урон. Огромные усилия белгородская орда направила против табора Обидовского. Понеся тяжелые потери, он со своими людьми был вынужден перейти в основной казацкий лагерь.

Укрепление крепостей было практически закончено, когда 10 августа кошевой атаман с низовья Кизикирмена сообщил, что турецкий флот вошел в устье Днепра.

Мазепа выслал приказ Лубенскому и Гадячскому полкам немедленно поспешить на помощь. Ночью украинско-русское войско на стругах отошло от берега, а утром показался турецкий флот и сразу же начал обстрел из 30 пушек. Бой длился пять дней. Не прекращая перестрелки, дено и ночью казаки завершали укрепление крепостей. Мазепа с Долгоруком лично руководили работами. В результате был построен новый большой таванский городок, с пушками, глубокими и широкими рвами, высокими каменными стенами. Гарнизон был пополнен российской пехотой, отрядом запорожцев во главе с кошевым атаманом Яковенко и казаками. В Кизикирмене Мазепа оставил тысячу удальцов во

главе с наказным нежинским полковником Левко Шрамченко и сердюцким полковником Лукьяном Шулгой со всеми необходимыми припасами.

После этого гетман с воеводой в ночь на 16 августа отплыли обратно. Мазепа в письме к Петру объяснял это угрозой вторжения в Левобережье. Кроме того, он не располагал достаточными средствами, чтобы давать битву в поле.

Надежды на запорожцев не оправдались. Большая их часть покинула Таванск и, вернувшись в Сечь, избрала себе нового атамана. Не помогли и щедрые выплаты жалованья, принятые Мазепой¹².

Несмотря на измену запорожцев, турецко-татарские войска еще два месяца безрезультатно вели осаду, предпринимая штурмы Кизикирмена и Таванска.

Между тем Мазепа, вернувшись в Гетманщину, выслал в Таванск подкрепление из казаков Полтавского полка (1800 человек), а на военном совете в Опошине 24 сентября было решено отправить туда 20-тысячное русско-украинское войско. Наказным гетманом назначался Иван Искра, и ему давались казаки Полтавского, Нежинского, Гадячского, Лубенского и сердюцкого полков. С русской стороны были откомандированы Севский полк и отряд генерала Гордона.

Этот отряд выступил степью в Сечь, откуда должен был двигаться в стругах и походным табором вдоль берега. Приближение крупных русско-украинских частей совпало с моментом, когда турецко-татарские войска насыпали вал выше таванского (копируя тем самым прием Мазепы, использованный при взятии Кизикирмена). Однако сообщение разведки о подходе крупных сил привело к тому, что Алипаша приказал янычарам сесть на корабли и отступить по Днепру, а татарам — степью.

В этих боях турецко-татарские войска потеряли до шести тысяч человек и, как писали современники, не успевали хоронить умерших. Потери же казаков насчитывали всего 253 человека убитыми. Но военные действия под днепровскими крепостями ложились на левобережные полки нелегким экономическим бременем. Их население поставляло строительные материалы, продовольствие, деньги, боеприпасы, подводы, лошадей, амуницию и многое другое. Многие из вернувшихся после осады казаков умирали вследствие перенесенных испытаний и полученных ран. В боях с татарами гибли не только казаки, но и гражданское население. Тем не менее, следуя царскому указу, на старшинской раде 1698 года было решено предпринять весной очередной водный поход на Таванск и Очаков.

Началось очередное строительство стругов, и к маю их было готово уже 430. В Киеве делали пушки для похода. В днепровских крепостях всю зиму шли восстановительные работы, и как только открылось судоходство по Днепру, туда были направлены караваны со строительными материалами и различными запасами.

Поход готовился очень серьезно. На генеральном совете Мазепа и Яков Долгорукий выработали стратегический план действий. В распоряжении русского воеводы помимо русских находились слободские полки — всего 83 тысячи человек. Гетман направил в Таванск четыре полка, а еще шесть и охотничьи были готовы к походу. Объединившись в конце мая под Коломаком, они выступили через Самару к Перекопу. Опасаясь быть вовлеченными в татарскую ловушку (как в свое время Голицын), они повернули к Кизикирмену, решив завершить укрепление этой крепости и уже оттуда идти на Очаков. Были заменены гарнизоны, завезены боеприпасы и оружие.

Тем временем подошел хан с конницей, дважды атаковал казачий обоз, но был отбит и вернулся в Крым. Отступая, хан передал послание Мазепе, в котором уговаривал разорвать союз с московским царем и не помогать русским против татар. Гетман, разумеется, ответил отказом и, завершив укрепление Кизикирмена и Таванска, переправился вместе с Долгоруким через Днепр.

Однако поход на Очаков пришлось отменить. Причиной этому было не появление возле Очакова турецкого флота, но известие о перемирии, достигнутом в Карловице между государствами Священной лиги и Турцией.

Перед Рождеством Мазепа опять встречался с царем — на этот раз в Воронеже, где шло строительство флота. Встреча снова прошла в дружественной обстановке, гетмана награждали, хвалили.

26 января 1699 года был подписан мирный договор на 25 лет. Порта оставляла себе Подолье, а Брацлавщину возвращала Речи Посполитой. В мае 1699 года Никита Зотов известил Мазепу о двухлетнем перемирии с турецким султаном и крымским ханом. Запорожцам следовало строго запретить любые «задоры»¹³.

Долгожданный мир на юге Украины стал истинным подарком для гетмана в год его шестидесятилетия. В честь Карловицкого мира он приказал известному украинскому мастеру Карпу Балашевичу изготовить специальный колокол для батуринской Воскресенской церкви. Колокол этот получил символическое имя «Голубь»¹⁴.

Летом того же 1699 года Петр выслал в Стамбул полномочное посольство Емельяна Украинцева, который в июне 1700 года подписал Константинопольский мир на 30 лет. Россия получала Азов, за ней признавалась власть над землями Гетманщины, и она освобождалась от уплаты ежегодной дани крымскому хану (!). Все крепости ниже Днепра должны были быть скрыты, и строить любые укрепления в том районе запрещалось. Территория по обоим берегам Днепра от границ Запорожской Сечи до Перекопа и Очакова должна была оставаться незаселенной, свободной для промыслов как для запорожских и донских казаков, так и для татар. При этом любые набеги на соседние государства запрещались.

Украина должна была получить долгожданный мир на своих южных границах, при этом запорожцы лишались возможности совершать свои традиционные набеги на Черное море, а Петр получал возможность для реализации дальнейших планов, связанных на этот раз с европейскими территориями. Оставалось уладить вопрос с турецкой границей. Этим должен был заниматься постоянный посол в Стамбуле Петр Толстой, действовавший в теснейшем контакте с Мазепой.

Глава 9

УЧЕНИК МАКИАВЕЛЛИ

Девяностые годы XVII века, первое десятилетие гетманства Мазепы при Петре, были временем, когда закладывались основы той процветающей Гетманщины, которая навсегда осталась в веках связанной с именем этого гетмана. Иван Степанович — хитрый, осторожный и умный политик, неуклонно и терпеливо создавал условия для превращения старой системы Гетманщины в налаженный и отлично работающий механизм. Ученик Макиавелли, по собственному признанию, восхищавшийся его «Государем», он за внешним спокойствием и любезной улыбкой скрывал свои истинные планы и намерения.

Перед ним стояла очень сложная задача: превратить структуру гетманской администрации, созданную еще в годы восстания Хмельницкого, в работоспособный механизм. Вырвать ее из хаоса Руины, гражданских смут и анархии и создать современную государственную систему.

Азовские походы полностью входили в его планы. Необходимость защиты южных рубежей от постоянной турецко-татарской угрозы, резко обострившейся в годы Руины, равно как и возможность занять делом горячие головы Запорожья — создавали яркий и успешный фон для этих лет его гетманства. Ореол героя-победителя сильно укреплял позицию Мазепы среди враждебной ему старшины, а еще больше — в глазах Петра и его окружения. Победы на юге выбивали оружие из рук врагов, делали бесполезными доносы и в небывалой степени укрепляли позиции гетмана. Помните, как у Макиавелли? «Ничто не возбудит такого почтения к государю, как военные кампании...»¹

Успех на внешнем фронте и усиление собственной власти позволяли решать назревшие внутренние проблемы. Главными были социально-политическая нестабильность общества и экономическая слабость гетманской администрации. Перед Мазепой стоял целый ряд проблем, справиться

ся с которыми не могли его предшественники на протяжении десятилетий. Правда, некоторые тенденции по ослаблению гражданских смут и началу экономического расцвета наметились еще при Самойловиче, политику которого во многом продолжал и Иван Степанович.

Одной из таких проблем были старые казацкие полки, привилегированные, вечно недовольные и своенравные, все больше превращавшиеся в отжившую структуру, создававшую реальную угрозу гетманской власти (в некотором роде их можно сравнить с русскими стрельцами).

В мае 1690 года казаки Миргородского полка отказались идти в поход на Самару, в 1693 году аналогичные выступления были в Нежинском полку. В июне 1694 года казаки Гадячского и Полтавского полков под страхом расправы над старшиной потребовали разрешения вернуться домой, и только гетманский универсал, отпустивший их из похода, снял напряжение. Во время похода 1695 года для «встряски своих вольцам» Мазепа был вынужден ставить по две виселицы возле табора. В 1696 году во время похода началось восстание казачков Киевского полка против полковника Мокиевского.

Запорожцы тоже оставались яблоком раздора. Но еще большую опасность представляли собой старшинские группировки, каждый из лидеров которых сам рвался к заветной гетманской булаве. Богатые и преуспевающие старшины являли разительный контраст с нищей войсковой казной.

Между тем главной опорой гетманской власти еще при Самойловиче становятся регулярные охотничьи войска — компанейские (конные) и сердюки (пешие). Эти полки получали жалованье из гетманской казны, подчинялись только ему и уже в Крымских и Азовских походах зарекомендовали себя как наиболее боеспособные части Гетманщины. Преимущество было и в том, что реестровые казаки требовали соблюдения «старых вольностей», выборности старшин, участия в управлении и т. д., на что наемные «охотники» претендовать не могли.

Как-то в разговоре с французским послом Жаном Балюзом Мазепа высказался о Речи Посполитой, заявив, что она, подобно Древнему Риму, идет к своему упадку. Соответственно, он не мог не понимать, что многие институты Гетманщины, созданные по образу и подобию Речи Посполитой, тоже требовали реорганизации. Однако для того, чтобы именно охотничьи войска стали заменой реестровых, требовались деньги.

При Голицыне Мазепа не решался поднимать вопрос о финансовом положении гетманской администрации, пре-

красно понимая свое шаткое положение ставленника фаворита, желавшего иметь «марионеточного» гетмана. Но сразу же после того, как власть перешла к Петру, Мазепа начинает исподволь намекать на необходимость перемен. Он пишет царю, что с трудом содержит стрелецкий полк в Батурине, «ибо отнюдь у меня на корм скудно»². Через год, в 1691-м, гетман выхлопотал в Москве деньги на кормление стрельцов и извинялся, что сделал это не из-за «непристойного мне скупства», но потому что «анбары наши войсковые вконец в хлебных запасах оскудели»³. Постоянные жалобы Мазепы на отсутствие средств были игрой только отчасти. В Гетманщине по-прежнему не было четкой системы налогов, и только имущество, полученное «в наследство» от Самойловича, позволило Ивану Степановичу почувствовать себя хотя бы немного финансово независимым.

В самом конце гетманства Ивана Самойловича, в 1686 году, была введена система аренд, доходы от которых должны были идти на содержание церквей, сердюков и компанейских полков. Аренды были введены на продажу хлебного вина, дегтя и табака, а также на мельницы. Кроме того, был введен налог на варение пива и на шинкование горилки. Только с Лубенского полка аренда приносила 17 тысяч злотых⁴. Коломакские статьи уничтожали аренду, лишая гетмана всякой финансовой самостоятельности.

Возобновление системы аренд стало главным экономическим завоеванием гетманства Мазепы, которое, безусловно, позволило укрепить административную власть, расшатанную в годы Руины, и стало основой того культурного расцвета, который произошел в эти годы в Гетманщине. Борьба за аренды проходила непросто и проявила все искусство и зрелость Мазепы-политика.

Постоянно исподволь поднимая вопрос о скудости гетманской казны, Мазепа тем самым вынуждал Петра выискивать средства на украинские нужды. В условиях, когда новые проекты и без того поглощали все имевшиеся в Москве деньги, это становилось особенно тягостно. Уже в конце 1689 года гетман проводит совещание старшины об «отмене поборов денежных, об установлении аренд». В результате все полковники, сотники и войты подали прошение к государям царям и была получена государственная грамота по этому предмету⁵. Но возобновление отмененных Голицыным аренд не могло произойти гладко.

Вопрос этот встал ребром во время восстания Петрика, когда его сторонники вместе с запорожцами выдвинули два экономических обвинения Москве, которые, по их мнению,

наносили наибольший ущерб Украине, — это система аренд и раздача имений старшине. Между прочим, очень серьезный аргумент для тех авторов, которые склонны видеть в Мазепе чуть ли не тайного сторонника Петрика. Никогда, даже в страшном сне, ему не могла прийти в голову идея отказать от добытых таким трудом имений (равно как и идея «казацкого равенства»). Точно так же вся его внутренняя политика была направлена на установление четкой системы налогообложения, а значит, он не мог разделять требования Петрика об отмене аренд.

Встревоженное восстанием Петрика петровское правительство, опасаясь срыва своих внешнеполитических планов на юге, обратилось к гетману за советом, нельзя ли нейтрализовать обвинения, из-за которых «происходят меж народом посполитым вопль и пререкания»⁶. Иван Степанович, разумеется, воспользовался моментом. Прежде всего он объявил, что будет сделан пересмотр розданных имений и они будут отняты у тех старшин, кто по разным обстоятельствам лишился своих званий. Первым в этот список попал Леонтий Полуботок, за ним — и ряд других оппозиционных гетману представителей старшины.

Что касается аренды, то Мазепа начал популистский опрос казачества, спрашивая, что лучше: ввести новую подать или наложить пошлину на шинки? Он объяснял русским воевам, что не столь страшна сама аренда, как память о польских временах, когда арендаторы-евреи вызвали всеобщую ненависть в народе. Согласно его универсалам, полковники должны были также наблюдать, чтобы арендаторы «не обижали людей». Например, разрешалось каждому жителю свободное беспошлинное винокурение в случае крестин или свадьбы. Кроме того, предполагалось найти какой-нибудь иной способ сбора денег на содержание охотничьих войск. С этой целью старшины должны были собрать мнение жителей, а до конца года сохранялось старое положение вещей. Помните, как у Макиавелли? «Интересоваться следует всем и слушать мнение всех, а решать самому и по своему усмотрению»⁷.

На Пасху, в мае 1693 года в Батурине состоялся съезд всех полковников, которым было приказано взять с собой всю полковую старшину, городских урядников, знатное войсковое товарищество и мещан. На съезде обсуждался вопрос аренды. Победили, однако, не здравые доводы, что аренда не вредит никому, кроме шинкарей, но, наоборот, приносит большие доходы в казну, а популистские лозунги, что «аренда издавна есть вещь ненавистная». Было ре-

шено заменить ее сборами с лиц, занимающихся шинкарным и винокурением промыслами. Через год следовало подвести результат этих новых сборов и принять окончательное решение⁸. Аренда, таким образом, отменялась временно, как эксперимент.

Разумеется, очень скоро начали поступать сообщения, что при сборе денег с шинков возникают различные споры. В результате недобор по сравнению с арендой оказался очень значительным. На традиционном рождественском съезде 1694 года старшины Мазепа объявил, что опыт не удался, и спрашивал совета, как быть дальше. Было высказано предложение обратиться в Москву, чтобы царь присылал на содержание охотничьего войска и на другие военные расходы свою казну, как это бывало до аренды во времена чигиринских походов. Мазепа не стал спорить и написал Льву Кирилловичу Нарышкину. Официального ответа не последовало, но на словах ему намекнули, что в условиях, когда все налоги в Украине собирались исключительно гетманской администрацией и Москва никаких доходов не получала, просить о деньгах на содержание охотничьих войск неуместно.

На Пасху Мазепа сообщил об этом ответе старшине. Те, поразмыслив, пришли к выводу, что следует снова вводить аренду. Она и доходов гетманской казне больше приносит, и не всех людей затрагивает. Иван Степанович для вида сопротивлялся, говорил, что, мол, опять запорожцы начнут кричать, что простой народ обижают. Старшина заявляла, что в самом Запорожье кошевой и куренные атаманы забирают себе треть доходов от вина. Но Мазепа все же настоял, чтобы во всех полках прошли обсуждения, чего придерживаться — налога или аренды. Единодушное мнение было за аренду. Именно такое прошение к царю и подал гетман. Аренда была восстановлена.

Историки почему-то очень мало задумывались о сути политики Мазепы. Расхожий миф о гетмане-изменнике привел к тому, что во всем двадцатилетнем периоде его правления искали только тайные знаки изначального коварства. Мазепу обвиняли в давних планах союза с Польшей, в стяжательстве и усилении «крепостного гнета». Между тем он делал то, что, в сущности, обязан делать правитель огромного края: стремился установить реальную власть, добиться порядка. Для этого ему нужны были деньги (которые дала аренда), карательные органы (сердюки), а также умные и преданные люди. Приписывая Мазепе различные фантастические планы, историки упускают из виду реальный факт: на самом деле он просто строил свою Гетманщину. Таковую,

как он себе представлял, будучи образованным и передовым человеком своего времени: просвещенную, экономически процветающую, без внутренних смут и конфликтов.

Именно при Мазепе наступает расцвет украинского барокко. Гетман-меценат не жалел денег на культуру. Совершенно справедливо писал о нем Антоний Стаховский (будущий митрополит Тобольский и Сибирский): подобного прежде не бывало и потом не будет. Действительно, размах строительства поражает даже сейчас. При его непосредственном участии были перестроены или построены заново Киево-Печерская лавра (в частности, Успенский собор), киевские Пустинно-Николаевский, Братский Богоявленский, Кирилловский, Михайло-Златоверховский и Межигорский монастыри. А также Черниговский Троицко-Ильинский, Лубенский Мгарский, Прилуцкий Густинский, Батурицкий, Крупницкий, Глуховский Петропавловский, Домницкий, Макошинский, Бахмацкий и Каменский. Именно усилиями Мазепы киевская София приобрела тот вид, который привычен нам теперь. При нем были построены такие шедевры украинского барокко, как Богоявленский собор Братского монастыря и собор Святого Николая Пустинно-Николаевского монастыря⁹. Отстроил он также соборы Переяслава, Чернигова, Батурина, Рыльска. Его финансовую помощь получали церкви в Вильно и Палестине.

Помимо формирования и расцвета собственного, украинского, барокко в Украине периода Мазепы все большее распространение получают черты западного искусства. Черниговская церковь и Лубенский Мгарский монастырь строились по проекту немецкого архитектора Ивана Баптиста.

Суммы, которые отпускались гетманом на церковное строительство, были огромны. Только на работы в Киево-Печерской лавре он отдал более миллиона золотых. Неисчислимыми были его пожертвования монастырям и церквям икон, крестов, чаш, митр, риз, колоколов, драгоценных евангелий. Занимался он и гражданским строительством. При нем построили новый корпус Киево-Могилянской академии («мазепинский»), киевскую ратушу, знаменитые крепостные стены Печерской лавры с воротами и башнями. Современников поражал его трехэтажный каменный дворец в Гончаривке (предместье Батурина), размером 15 на 20 метров, построенный в стиле западного барокко, которое позднее будет использоваться Петром при создании Петербурга.

Откуда брались такие финансовые возможности? Аренда при Мазепе была практически единственной формой «государственного» налога в Украине (кроме натурального чинша

на гетмана). Крепостного права в Гетманщине тоже по-прежнему не существовало, его ввели только в конце XVIII века при Екатерине II. Однако еще при Самойловиче возникает в зародышном состоянии панщина — в монастырских владениях. Остальные сборы — денежные и натуральные — собирались или частными владельцами собственности, или полковой старшиной. При этом размер их колебался в зависимости от традиций и «аппетита» полковника. Так, своими непомерными требованиями отличался прилуцкий полковник Дмитро Горленко, против которого были особенно яростные выступления крестьян и казаков.

Размеры поборов в гетманство Мазепы действительно выросли, но в этом нельзя винить одного гетмана. Во-первых, при нем на Левобережье наметился значительный рост благосостояния, во-вторых, нельзя не учитывать инфляцию и, наконец, ту тенденцию к увеличению поборов, которая была во всей России в Петровскую эпоху. Мазепа, прекрасно понимая опасность доведения народа до крайности, придерживался сдержанной налоговой политики. Он направлял универсалы киевскому и другим полковникам, запрещая налагать непомерные поборы на жителей. В 1701 году он издал знаменитый универсал, запрещавший панщину более двух дней в неделю. Сотник, нарушивший этот указ, был строго наказан.

Традиция изображать Мазепу угнетателем крестьян привела к тому, что даже его апологеты зачастую повторяют этот избитый тезис. При этом почти не задумываются о том, как сам Иван Степанович относился к этой проблеме.

Если брать во внимание те традиции, на которых он был воспитан, то однозначного мнения по крестьянскому вопросу у него не было. В Речи Посполитой уже несколько столетий доминировало фольварочное хозяйство с барщиной и зависимыми крестьянами. Казацкое восстание Хмельницкого уничтожило польскую традицию, сделав крестьян лично свободными. Юношеские воспоминания наверняка рисовали Мазепе картины процветающей Голландии со свободным трудом свободных людей. С другой стороны, он не мог открыто выступать против левобережной старшины, активно превращавшей крестьян своих маестностей в личных подданных. Даже сдерживающая политика в этом вопросе, безусловно, раздражала определенные круги старшины, стремившейся превратиться в полноправных помещиков. Но интересно другое: насколько искренне Мазепа был сторонником свободных экономических отношений, а насколько это была просто макиавеллиевская игра для удержания баланса в отношениях чернь — старшина.

Здесь следует отметить, что отношения крестьяне — землевладельцы в Гетманщине никогда не приобретали форму того крепостного права, которое получило распространение в Московском государстве. В этом отношении очень характерно знаменитое высказывание Мазепы, что грешно кого-либо отдавать поневоле или дарить, если этот человек не является басурманином или невольником. В этом он явно расходился в системе ценностей с российской элитой. Ярким примером взглядов Мазепы служит деятельность гетмана в его собственных имениях в России. Дело в том, что после окончания крымской войны, располагая крупными личными денежными средствами, Мазепа начал скупать земли в пограничных Рылском и Путивльском уездах. Скупал он пустующие земли русских помещиков, которые не были в состоянии эффективно управлять собственными имениями и крайне нуждались в деньгах из-за тяжести государственной службы. Скупив земли, Мазепа строил на них села и слободки и заселял их свободными людьми, приезжавшими из самых различных краев. Поселенцев он освобождал на пять лет от уплаты любых налогов, хотя они обязывались отбывать панщину. Последняя, впрочем, была не обременительна, и слободы бурно развивались, ширились, а население в них росло. В одном только селе Ивановском за пять лет добавилось 500 дворов (со 187 до 697)¹⁰. В нем было три церкви, дважды в год проводились ярмарки, имелось десять лавок, харчевня, две общественных бани, семь шинков. При этом Мазепа налога с этих заведений не брал. При церкви имелась школа. Аналогично этому строились и другие «русские» слободы Мазепы.

В его селах занимались земледелием, винокурением, заготовкой сена на заливных лугах реки Сейм. Для перемола зерна использовалось множество водяных мельниц. Степные имения специализировались на скотоводстве. Для переработки шерсти завели сукновальни, были и маслобойни. Не последнее место занимало и пчеловодство, с которого крестьяне отдавали владельцу десятый улей.

Одним словом, за девять лет хозяйствования было достигнуто столько, что окрестные помещики с завистью и злобой смотрели на гетмана, а поселенцы, напротив, тысячами стремились к нему. Как писал Плохинский, Мазепа управлял своим огромным хозяйством с любовью, энергией и недюжинным талантом. Учитывая то, сколько денег и времени он потратил на освоение этих земель (последние приобретались еще в 1708 году), хочется спросить сторонников теории «изначального плана измены»: зачем могло понадо-

биться Ивану Степановичу таким способом «убеждать царя» в своей верности?¹¹ Явно способ слишком дорогой, слишком надуманный и совершенно неправдоподобный.

Успешная колонизаторская деятельность Мазепы напоминает усилия Богдана Хмельницкого по заселению его Субботова (еще до восстания). При этом масштаб усилий и финансовых возможностей Ивана Степановича, разумеется, был несравнимо выше.

Во многом образцово-показательные имения Мазепы в России были его ответом Палею. Самым опасным для гетмана было расширявшееся бегство крестьян и казаков из Гетманщины в Правобережье, в Палеивщину. Мы уже неоднократно подчеркивали, что такое положение дел было крайне неприятным для гетманской власти. Именно поэтому взоры Мазепы все больше устремлялись на Правобережье, и все больше начинал он задумываться о том, как воплотить свой титул гетмана «обоих берегов» в жизнь. Рассчитывать на это он мог только при поддержке Петра.

Азовские походы стали переломным моментом. У Мазепы устанавливаются особо доверительные отношения со многими деятелями Петровской эпохи. Совместное участие в военных действиях, совместная походная жизнь, общие победы и поражения — все это, разумеется, наполняло новым содержанием старые знакомства. Иван Степанович не случайно в глазах рядовых казаков и запорожцев все больше превращался в верного союзника царя. Казаки кричали, что гетман постоянно ездит в Москву и получает там царские милости, а о них не заботится. Под этим прежде всего имелась в виду безоговорочная поддержка гетманом внешних стратегических планов Петра и его военных кампаний.

Взаимная симпатия и дружба связывали Мазепу с Борисом Петровичем Шереметевым, чему, безусловно, способствовал совместный триумф под Кизикирменом. Дружественные отношения были у него и с «князем-папой» Никитой Зотовым. Так, этот петровский фаворит направил своего сына на учебу в Киев, в Могилянскую академию, и просил в связи с этим гетмана о покровительстве¹². В 1696 году в Москву возвращается из китайской ссылки Федор Алексеевич Головин и сразу же занимает ведущее место среди петровских дипломатов, вместе с Лефортом возглавляя Великое посольство. Когда в марте 1699 года Лефорт умер, генерал-адмиралом был назначен Головин, получивший в свое ведение все иностранные дела. Именно с этого момента роль Ивана Степановича в разработке и осуществлении внешней политики петровской России приобретает особое значение,

прежде всего на первом этапе Северной войны. Но еще и до Головина Мазепа привлекался к решению внешнеполитических задач. В 1690 году по царскому указу гетман вел переговоры с крымским ханом¹³. В частности, Лев Кириллович Нарышкин осуществлял при содействии гетмана контакты с мунтянским (молдавским) господарем¹⁴. Емельян Украинцев вел консультации с Мазепой о межевании границ с Турцией по Константинопольскому миру¹⁵.

Парадокс внутренней политики Мазепы заключался в том, что, создавая процветающую Гетманщину, он вызывал недовольство практически всех слоев населения. Такое непонимание современниками своего правителя часто встречается в истории. Можно вспомнить, например, Ришелье или Людовика XI, которых ненавидели при жизни и славили после смерти. Глобальные замыслы зачастую видны только на расстоянии, а при ближайшем рассмотрении недоступны пониманию окружающих.

По выражению Жана Балюза, народ в Украине — свободолюбивый и гордый и мало любит тех, кто им управляет. Старшина считала, что Мазепа посягает на их права, на их стремление превратиться в полновластных помещиков по примеру российских или польских. Для большинства из них важны были личная власть и благосостояние, а не идеи государственного строительства. Казаки обвиняли Мазепу в нарушении старых привилегий и вольностей, в тяготе военной службы на фронтах петровских войн. Крестьяне были недовольны ростом налогов, запретом записываться в казаки, разорениями, связанными с переходами армий через территорию Украины. К хорошему привыкают быстро, и люди уже забыли страшные годы Руины, не обращали внимания на общий экономический рост и процветание.

Недаром в своей знаменитой думе «Все стремятся к миру»¹⁶ гетман с болью и гневом обвинял во всех несчастьях Украины внутренние раздоры и борьбу за власть. Жестко и откровенно заявлял он, что не каждому «дано пановать» и «управлять вещами», не «всем дано все знать». То есть отстаивал необходимость централизованной власти и государственного регулирования. Только в консолидации и объединении общих усилий, прежде всего полковников и старшины («без политики»), Мазепа видел возможность отстаивать интересы Украины. В своей думе он одинаково обвинял и тех, кто ради своей личной выгоды служит «поганым» (то есть Крыму и Турции), и тех, кто придерживался поляков. Тяжелой и неблагоприятной считал он и службу Москве, чьи воеводы называли казаков «мужиками» и зача-

стю вели себя в Украине как хозяева с подчиненными, а не равные с равными. Идеал сильного, современного государства с твердой властью все больше вырисовывался в представлении гетмана. Единая и сильная Украина будет способна противостоять врагам и саблей добиваться своих прав и вольностей¹⁷.

К сожалению, в этой своей политике Мазепа мог опираться только на просвещенное украинское духовенство и узкую группу интеллектуалов, для которых высокие материи не были пустым звуком. Таковых в Украине было немного. Не приходится удивляться тому, что, по выражению Орлика, гетман никому не верил и очень сложно было заслужить его доверие.

Как уже отмечалось выше, у Мазепы не было детей, его жена тихо проживала в своих имениях. Ее имя не упоминалось в источниках вплоть до ее смерти в 1702 году. Все свое внимание, нерастраченные отцовские чувства Иван Степанович отдал воспитанию племянников, сыновей своей сестры — Ивана Обидовского и Андрея Войнаровского. Будучи уже гетманом, Мазепа направил тринадцатилетнего Обидовского на обучение в Киево-Могилянскую академию, где тот проучился четыре года (1689—1693). В 1691 году Иван был послан дядей в Москву, к «царям», в составе делегации от Академии; он получил от Петра большие пожалования в Рыльском уезде. Вскоре Мазепа выхлопотал для него звание стольника, а потом и украинские имения опального Михаила Гадяцкого. В 1695 году, в девятнадцать лет, Обидовский стал полковником крупнейшего Нежинского полка. Участвовал в Азовских походах, отличался большими способностями и рассматривался как самый вероятный наследник Мазепы.

Андрей Войнаровский тоже учился в Киево-Могилянке. Видимо, гетман не считал его способным к военной карьере, а потому направил продолжать образование в Дрездене для будущей политической карьеры.

Особым человеком в окружении Мазепы был Филипп Орлик. Он происходил из чешского рода, хотя мать его была православной. Учился в Виленском иезуитском коллегииуме, а затем в Киево-Могилянке. Именно там его таланты заметил Стефан Яворский, тогда профессор академии. Кроме украинского, русского и церковнославянского, он свободно владел польским, болгарским, арабским, латинским, немецким, шведским и турецким языками. После получения образования Орлик работал писарем в киевской митрополии. Его имя и таланты были хорошо известны. Славился он своими способностями в написании писем, манифестов, панегири-

ков. Писал также стихи. Именно ему в 1698 году был заказан панегирик в честь свадьбы Обидовского: «*Hippomenes Sarmacki*». Мазепа стал главным покровителем Орлика, непосредственно участвовал в его карьере.

Среди полководников, близких Мазепе, были Даниил Апостол (Миргородский) и Дмитрий Горленко (Прилуцкий), украинские высокообразованные шляхтичи, разбиравшиеся в юриспруденции и военной стратегии¹⁸. Но это была немногочисленная элита, для которых высокие материи, понятия «Гетманщина», «отечество», «свобода» не были пустыми словами, прикрывавшими личные амбиции.

Им противостояла значительно более многочисленная оппозиция. Особенно остро опасность чувствовали городские казаки. Им было что терять. Со времен возникновения казачества именно они играли роль политической элиты Украины, принимая самое активное участие в жизни страны, в выборах старшины и прочем. Политика Мазепы, создававшего новую гвардию из охотничьих войск, была для них весьма опасна. Неудивительно, что именно в их среде возникает очередной заговор и готовится донос на гетмана.

Доносчиком стал некий стародубец Суслов, который заявил русскому резиденту в Польше дьяку Никитину, что поляки собираются вернуть себе Украину и с этой целью якобы ведут активную переписку с Мазепой. Обвинения, которые выдвигались против гетмана, недвусмысленно демонстрировали, из каких кругов они исходили. Суслов заявлял, что Мазепа окружил себя «поляками» («все начальные люди»), что у Обидовского нет ни одного слуги казака, что у «казаков жалоба великая», что все их прежние вольности отняли, а земли все разобрали, что в милости только компанейские полки, в которых нет ни одного «природного казака», все поляки. Обвинял Суслов и архимандрита Киевского Кирилловского монастыря Иннокентия Монастырского в сношениях с Иосифом Шумлянским, что, учитывая недавние события, выглядело совсем фантастичным. Суслов заявлял, что имеет и некую «иную» информацию, которую скажет только лично царю.

Его действительно направили в Москву, где выяснилось, что о недовольстве казаков он слышал от людей Палея, бежавших из Переяславского полка. Копию речей Суслова направили Мазепе, при этом Петр велел написать, что слухам не верит и в гетмане не сомневается. Вслед за этим в Батурин направили и самого доносчика с позволением его пытаться.

Примерно в это же время в Москве появились еще два доносчика — бунчуковый товарищ Данила Забелин и гет-

манский придворный Андрей Солонина. Оба они проворвались и теперь опасались войскового суда, а потому и решились попытать счастья в Москве. Любопытно, что обвинения у них были схожие с обвинениями Сулова: они заявляли, что Мазепа соединяется с поляками, и говорили хулительные слова в адрес его матери-игуменьи, называя ее ведьмой (то есть опять-таки критика была направлена в сторону союзного с Мазепой украинского духовенства).

Забелина и Солонину также выдали гетману, и в Батурине состоялся над ними войсковой суд, приговоривший их к казни за донос. Но Мазепа «проявил христианское милосердие» и сохранил им жизнь¹⁹. Во время допросов выяснилось, что обвинители не придерживались в своей клевете на гетмана никакой логики. С одной стороны, они заявляли, что Иван Степанович соединяется с поляками, а с другой — что тот сам направил в Крым Петрика и что во время Азовских походов вел тайные переговоры с султаном (в частности — под Кизикирменом). Под угрозой пытки Забелин сказал, что ехать в Москву с доносом ему посоветовали слуги Шереметева. Сам Борис Петрович при встрече в столице якобы порекомендовал ему ни к кому из бояр не обращаться, но дожидаться возвращения царя из похода, чтобы лично рассказать ему о своих обвинениях. Трудно сказать, говорил ли что-нибудь подобное Шереметев или, может быть, он таким образом пытался ограничить разрастание слухов о гетмане по Москве.

Это уже было так серьезно, что Забелин попал на дыбу, на которой он кричал, что все говорил пьяным и никто его не подговаривал. Эти свои слова он повторил многократно, и Мазепа приказал его пощадить.

Скорее всего, эти доносы были действительно следствием стихийного недовольства казачества и никакие политические группировки за ними не стояли. Поэтому гетман и мог так милостиво отнестись к своим врагам. Правда, такое христианское милосердие особенного впечатления на народ не оказывало. У восточных славян традиционно больше уважают тиранов-диктаторов, заливающих кровью свою страну, чем просвещенных интеллигентов. Что касается старшины, то ни в коем случае не следует упрощать ту ситуацию, в которой находился Мазепа даже в этот самый стабильный период своей жизни.

Отношения внутри элиты Гетманщины были крайне напряженными. При всей хитрости, ловкости и умении Мазепы маневрировать, смягчать острые углы и создавать баланс сил конфликты возникали даже между его ближайшим окружением.

Казалось, Иван Степанович сумел сделать очень сильный шаг, примиряя с фактом своего гетманства старую левобережную элиту: в январе 1698 года его любимый племянник Обидовский женился на дочери Кочубея Ганне. Венчал их сам Стефан Яворский²⁰. Учитывая то, что Обидовский готовился в преемники по булаве, такой брак значил очень многое. Но Обидовского не любили. Образованный, талантливый... Самым обидным для многих было то, что он не был бездарным протеже своего дяди, а вполне заслуживал своего высокого положения нежинского полковника. С другой стороны, Обидовский, родившийся в Правобережье и получивший прекрасное образование, обладал замашками шляхтича, что не могло не колоть глаз «природным» казакам. Постоянные ссоры возникали у него и с другим высокопоставленным родственником Мазепы — полковником киевским Мокиевским. На официальных банкетах у них доходило до открытых оскорблений, они хватались за сабли и не стеснялись в выражениях²¹.

Такое положение дел было, разумеется, очень неприятно гетману, которому помимо всех прочих проблем приходилось мирить собственных родственников. А у Мокиевского к тому же был конфликт с Кочубеями. Особенно досаждала ему жена Василия Кочубея — своенравная и истеричная Любовь. Документы того времени доносят до нас яркие сцены, великолепно характеризующие нравы старшины и царивший между ними разлад. Например, Василий Кочубей пригласил Мокиевского к себе домой на Пасхальную неделю. Но Любовь, как описывал киевский полковник, «так мене безчестила поганими словами», что он не помнил, как из дома вышел.

Надо заметить, что русские вельможи очень неплохо ориентировались в старшинских дрязгах и с удовольствием их разжигали. Когда в 1696 году Мокиевский вместе с гадячским полковником прибыл в Москву, между ними разгорелось словесное пререкание. Гадячский полковник Михайло Борокович отдал в Посольском приказе инструкцию от Мазепы и заявил: что нам тут еще говорить, мужикам? Мокиевский сразу возразил: может, ты и мужик, а я казак. Тот в ответ: ты шляхтич, а не казак. — А ты новокрещеный еврейский сын. Присутствовавший при этой перепалке Лев Кириллович Нарышкин моментально использовал ситуацию и осведомился у Мокиевского, почему к нему немилостив пан гетман, и написал первым в инструкции не его, а Бороковича. Мы, мол, всегда слышали про твою рыцарскую отвагу и службу, и у нас ты всегда первый в статьях. Нарышкину вторил и Украинцев — потому-де Мокиевского не написали

первым, что он родственник гетману. Лев Кириллович снова, с иезуитской хитростью: а почему ты не взял маетности, которые тебе давали в Москве? Мокиевский стойко отвечал, что без вельможного пана гетмана он ничего брать не смеет. Да и без этих маетностей он у пана гетмана, своего добродетеля, может получить все, что хочет, — и коней, и деньги, и сукно. Нарышкин в ответ: слышали мы, что ты какой-то чудесный панцирь взял у пана гетмана. Он просил, чтобы ты вернул, да так и не допросился. — И, превратя все в шутку, ударил Мокиевского по плечу, говоря со смехом: других перебили, поломали²², а ты такой вор, что тебе пан гетман ничего не сделал, даже про панцирь не посмел говорить.

Раздоры среди старшины в некоторых случаях были на руку Мазепе, так как они не позволяли им объединиться в единую сильную оппозицию его власти. С другой стороны, политика Москвы по науськиванию их друг на друга не могла его не беспокоить. При каждом удобном и неудобном случае в Посольском приказе задавали посланцам всевозможные вопросы, а гарантировать, что все посланцы полностью лояльны гетману и не скажут в пьяном виде лишнего, было невозможно. Помимо всего прочего, на Москве царствовали взятки. Украинцев без зазрения совести говорил Мокиевскому, что Михайло Гадяцкий обещал им много денег за булаву (видимо, поэтому-то Мазепе и стоило столько усилий расправиться с этим своим оппонентом). Иван Степанович это хорошо знал и во время своих многочисленных поездок (и даже без них) не забывал задаривать влиятельных персон петровского окружения. Его финансовые возможности это уже позволяли.

В историографии существует много спекуляций на тему отношения Мазепы к России и русским. Описания нравов московского двора этого периода дают весьма неприглядную картину. Знаменитый петровский генерал Гордон оставил яркие воспоминания о русских чиновниках. В частности, он писал, что в достижении почестей или повышения в чине «более пригодны добрые посредники и посредницы, либо деньги и взятки, нежели личные заслуги и достоинства... люди утрюмы, алчны, скаредны, вероломны, лживы, высокомерны и деспотичны — когда имеют власть, под властью же — смиренны и даже раболепны, неряшливы и подлы, однако при этом кичливы и мнят себя выше всех прочих народов»²³. Последнее замечание особенно важно для понимания событий периода Северной войны, всех тех конфликтов, которые будут постоянно происходить между казаками и русскими

офицерами. Следует обратить внимание, что эти слова принадлежат генералу, верно служившему Петру и ставшему одним из главных творцов новой российской армии.

Вполне вероятно, что схожие чувства мог испытывать в Москве и Мазепа — воспитанный, как и Гордон, на западных идеалах и ценностях. Но чувства — это одно, а долг политического или государственного деятеля — это совершенно иное. И мы будем наблюдать, как Иван Степанович всеми способами старался наладить дружественные отношения с Меншиковым, которого презирал и ненавидел, не брезгуя ни подкупом, ни лестью.

Окончание войны в Крыму, Константинопольский мир меняют статус Мазепы в Российской империи. Ему еще больше, чем раньше, верят, его еще больше, чем раньше, ценят. Поездка в Москву зимой 1700 года превращается в настоящий триумф.

7 января Федор Головин написал гетману, чтобы он приехал в Москву в сопровождении трех человек из генеральной старшины или полковников²⁴. Связано это было с тем, что в предыдущий раз Мазепа приехал в российскую столицу в сопровождении 551 человека (!), что вызвало большие проблемы в снабжении их всем необходимым. Поэтому на этот раз гетман взял только троих — зато самых близких ему людей, с которыми он хотел разделить торжество, — генерального есаула Ивана Ломиковского, бунчукового товарища Ивана Скоропадского и своего племянника нежинского полковника Ивана Обидовского. Для их встречи приготовили 350 подвод²⁵.

Мазепа прибыл в столицу 22 января. 8 февраля Петр лично возложил на него только что учрежденный орден Святого Андрея Первозванного — высшую награду в России. В указе говорилось: «...за многие его в воинских трудах знатные и усерднорядетельные верные службы... против Его Великого Государя неприятелей Салтана Сурсакого и Хана Крымскаго чрез тринадцать лет...»²⁶ Гетман стал вторым кавалером этого ордена, сразу после канцлера Головина. Сам царь и Меншиков получают его несколькими годами позже. Мазепе вручили и многочисленные дорогие подарки — в частности, венгерский золотой кафтан с алмазными запонками, подбитый собоями (старшине достались серебряные кубки и дорогие материи)²⁷. Но более ценным было для него получение в управление Новобогородицкой крепости, позволявшее ему теперь лично контролировать запорожцев.

«Кавалер славного чина святого апостола Андрея», как теперь официально должны были величать Мазепу согласно

царскому указу, становился недостижимым и неодолимым для врагов. Не случайно, что практически сразу после возвращения Мазепы из Москвы, на традиционном пасхальном съезде старшины, Василий Кочубей объявил, что слагает с себя звание генерального писаря, благодаря которому он долгие годы был вторым в Гетманщине человеком. Дело происходило в резиденции Мазепы в Гончаривке, в столовой, во время пира²⁸. Объясняя свое решение, Кочубей довольствовался краткой речью, в которой сказал, что долгие годы служил верой и правдой, повредил на этой службе здоровью (прежде всего глаза) и теперь хочет покоя.

Отставка стала полной неожиданностью для полковников и внешне — для гетмана тоже. Старшина начала шумно протестовать против такого решения Кочубея, но тот, не принимая возражений, сразу же уехал к себе домой. Как оказалось, это было его ошибкой. Оставшиеся на обеде у Мазепы полковники продолжали переживать по поводу того, что такой достойный человек лишился уряда. Обеды у Ивана Степановича всегда отличались роскошью и обилием угощения. Расчувствовавшаяся старшина стала думать, как использовать таланты Кочубея. Гетман (видимо, все-таки он благодаря своим осведомителям был готов к такому повороту событий) предложил дать ему звание генерального судьи. Встретив поддержку, он немедленно приказал найти в кладовой символ судейской власти («леску гибановую», оправленную в серебро).

На следующий день старшина снова собралась в Гончаривке на Божественную литургию в придворной Воскресенской церкви гетмана. Туда приехал и ничего не подозревавший Кочубей, которому Мазепа тотчас вручил судейские клейноды. Против требования всей старшины тот пойти не мог и был вынужден принять уряд. Кочубей делал это с «печалью и слезами», а вся старшина веселилась, что настояла на своем. На самом деле больше всех тайно должен был веселиться Иван Степанович, лично вручая своему врагу клейноды судьи. Вместо должности всемогущего писаря, контролировавшего всю внутреннюю и внешнюю переписку, вместо желанного отдыха и покоя Кочубей в результате получил крайне докучливую должность судьи, с огромным количеством постоянных тяжб и процессов. А новым писарем стал Филипп Орлик — чуть ли не единственный человек, которому Мазепа действительно доверял.

В это же время произошли события, которые еще больше укрепили положение Украины вообще и Мазепы в частности. В декабре 1700 года умер московский патриарх Адри-

ан, что стало своеобразным подарком для Петра. Теперь можно было сломать старую систему и взять административно-судебную деятельность церковных органов в свое оперативное управление. По именному царскому указу Стефану Яворскому поручалось вести религиозными вопросами, а для административного управления церковными делами восстанавливался Монастырский приказ. Ликвидация патриаршества совпала с решением Петра продвигать украинское образованное духовенство в противовес реакционному московскому. Главной его целью было, конечно, утверждение царского единовластия, хотя и распространение просвещения он тоже приветствовал. Украинцы могли стать естественными агентами вестернизации и модернизации в церковной сфере²⁹.

Вскоре Стефан Яворский возглавляет Греко-славянскую академию в Москве, которая еще со времен Василия Голицына находилась под влиянием Лихудов. Теперь она срочно переделывалась на манер Киево-Могилянской, с привлечением с Украины профессорских сил. В том же 1700 году ростовским митрополитом становится другой выдвиженец Мазепы — Дмитрий Туптало, который также в своей митрополии открывает училище и начинает обучение духовенства. Еще один украинский иерарх — Филофей Лещинский — стал митрополитом Сибирским. Воспользовавшись своей властью, Яворский активно продвигал на ключевые позиции Российской империи представителей украинского просвещенного духовенства, которые открывали школы, распространяли труды своих учителей, пропагандировали образование и науку³⁰. Мазепа не мог не воспринимать это как триумф собственной политики просвещенного мецената.

Медленно, но неуклонно Мазепа строил свою Гетманщину — управляемую и стабильную, притягательную для деятелей искусства и культуры. Ему было уже шестьдесят лет, и он достиг того возраста, когда каждый человек подводит определенные итоги и гордится достигнутым. Теперь он снова, как в юношеские годы, иногда позволял себе роскошь быть гордым и честолюбивым, любясь своей Гетманщиной и сознавая свою власть и силу.

За гетманом неспроста на многие столетия закрепилась слава мецената. Никто и никогда в Украине не уделял столь постоянного и щедрого внимания развитию образования и науки. Символично, что после своего триумфа в Москве, осенью 1702 года, Мазепа добивается от Петра грамоты, согласно которой Киево-Могилянский коллегиум юридически был признан академией. Именно при Иване Степановиче,

благодаря его неустанной заботе и финансовой поддержке, Киево-Могилянка достигает своего расцвета. В ее стенах в этот период обучалось более двух тысяч студентов. Профессорский состав возглавляли Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Варлаам Ясинский. Там впервые началось преподавание физики и математики. Поддерживая престиж Академии, Мазепа направил в свою альма-матер любимых племянников — Обидовского и Войнаровского. Там же учились дети генеральной старшины и полковников. Из стен Академии вышли будущие гетманы Филипп Орлик и Павло Полуботок³¹. Мазепа основал и так называемый «канцелярский курень» — двухгодичные курсы для выпускников Киево-Могилянской академии, которые готовили дипломатов, казначеев, юристов и государственных секретарей для высших должностей Гетманщины. Гетман обеспечил Академию маестностями, утвердил ежегодную дотацию в размере тысячи посещал Академию, принимал участие в научных дискуссиях, общался со студентами на латыни. Не случайно Феофан Прокопович называл Ивана Степановича «ктитором Могило-Мазепианской Академии».

Именно такое название Академии вошло тогда в обиход и казалось совершенно справедливым для современников. В 1700 году усилиями Мазепы открывается новый коллегиум в Чернигове — второе высшее учебное заведение в Восточной Европе. В результате в Украине активно и широко развивается литературная и культурная среда, воспитывается пишущая и читающая аудитория. Помните, как у Макиавелли? «Государю необходимо также проявить себя в качестве покровителя талантов, привлекать талантливых людей, помогать тем, кто искусен в каком-нибудь ремесле или искусстве»³².

При Мазепе возникает целая плеяда выдающихся украинских публицистов и писателей. Достаточно назвать такие имена, как Дмитрий Ростовский (Туптало), Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Антоний Стаховский, Иоанн Максимович, Иван Величковский. Все они — выпускники Киево-Могилянской академии и достигли выдающихся успехов в карьере благодаря непосредственной помощи и поддержке гетмана. Например, для написания второй книги Житий святых, над которой работал Дмитрий Туптало, Мазепа заказал и купил в Гданьске голландское издание Иоанна Болланда (за 100 талеров и 40 злотых). Этот подарок был бесценен для богослова, так как книга Болланда стала главным источником в его работе³³. Мазепа сыграл ведущую роль и в перенесении в 1691 году мощей святой Варвары в бату-

ринский монастырь, где был игуменом Дмитрий Туптало (ее житие он также описал). Перенесение мощей очень чтимой в Украине святой было совершено гетманом после того, как Дмитрий поделился с ним своим духовным видением³⁴.

В свою очередь, просвещенное украинское духовенство не оставалось в долгу и в своих произведениях воспевало заслуги Мазепы. Так, Дмитрий Ростовский посвятил ему свою книгу «Руно орошенное»³⁵. Стефан Яворский написал в его честь книгу «Виноград Христовый», именуя гетмана «правителем сиятельнейшим, величайшим, милостивейшим, воинственнейшим, славнейшим, непоколебимейшим, всепобеждающим». Антоний Стаховский посвятил Мазепе целый ряд своих произведений, таких как «Зерцало божественного писания», «Молитва за гетмана Мазепу» и других³⁶. В честь гетмана в лучших традициях украинского барокко сооружались из слов триумфальные арки, пирамиды-obelisks, капители, колоссы, монументы славы. Сравнение гетмана с Минервой, как покровительницей искусства, науки, ремесла и войны, было отнюдь не случайно, и в этих панегириках великих деятелей православия нельзя видеть только лесть своему государю. В послесловиях православных изданий того времени отмечалось, что они печатались при царях Иоанне и Петре «при счастливом правлении ясновельможного пана Ивана Мазепы»³⁷.

В этом заметно то представление о Мазепе и характере его власти, которое бытовало среди просвещенных кругов Гетманщины. Самым характерным здесь является знаменитый сборник «Зерцало от Писания Божественного», изданный в 1705 году Черниговским коллегиумом и содержавший церковнославянские, польские и латинские тексты. Мазепа представлен в них как «властелин земли Мало-Российской» (!), меценат, патрон и благодетель. Его прославляют за ратные заслуги и религиозные добродетели, за заботы о церковном строительстве и победы над врагами.

Мазепу прославляли не только богословы, но и известные украинские поэты того времени — шляхтич Самуил Мокревич, участник Чигиринских и Крымских походов, уроженец Чернигова Ян Орновский и другие³⁸. О нем писали в стихах и прозе, на церковнославянском и староукраинском, на польском и латинском, греческом и даже на арабском. Дело в том, что усилиями Мазепы и на его деньги в 1708 году в сирийском городе Хaleb было издано роскошное Евангелие на арабском языке³⁹.

Посол Франции Жан Балюз оставил яркие воспоминания о батуринском дворе, поразившем его восточной роско-

шью и западной просвещенностью одновременно. Сам гетман, пересыпавший свою речь латинскими цитатами, разговаривал по-немецки со своими врачами и по-итальянски со своими архитекторами. Мазепа, по наблюдению Балюза, прекрасно разбирался в политике, следил и знал, что происходило в соседних странах. Это особенно бросалось в глаза по сравнению с русскими вельможами того времени. И при этом Мазепа давал старшине роскошные приемы «в польском стиле», чтобы покорить их сердца.

Батурин все больше превращался в европейскую столицу, в которой покровительствовали иностранцам, господствовали просвещение и роскошь. В городе проживало более двадцати тысяч человек, имелось семь церквей, развивались ремесла и торговля, производили кирпичи для бурного в мазепинскую эпоху строительства, керамику. По проекту прусского военного инженера Адама Журникаю в Батурине возвели новые укрепления на манер голландских. В гетманской столице находили работу и многие другие иностранцы. Гетман, сам в юности получивший артиллерийское образование в Голландии, активно поддерживал развитие оружейного производства в Украине. Центром его стал Глухов. Одна из самых известных пушек эпохи Мазепы — получившая название «Лев», на которой имеется герб гетмана, — и ныне хранится в Московском Кремле.

Гетманский дом украшали предметы западного декоративного искусства. Библиотека Мазепы, насчитывавшая тысячи изданий, считалась одной из лучших для своего времени. «Драгоценные оправы с гетманским гербом, лучшие киевские издания, немецкие и латинские инкунабулы, богато иллюстрированные старинные рукописи» — так описывал ее в своих воспоминаниях Орлик.

В этот период на Левобережье широкое распространение получает портретное искусство. Изображали не только гетмана, полковников и старшин, но и их жен, матерей. Традиции фамильных портретов проникают в старшинские дома наряду с изображениями царя. В доме Мазепы висели и портреты иностранных государей, в частности французского короля Людовика XV. Западная культура проникала в Гетманщину даже в мелочах. Именно при Мазепе впервые в Украине стали использовать в столовых приборах вилки.

Глава 10

ГЕТМАН ОБОИХ БЕРЕГОВ

Начало XVIII века ознаменовалось крупными изменениями для Украины. Молодой царь Петр, едва вернувшись из Великого посольства и расправившись со стрельцами, задумывал всерьез заявить о российских притязаниях на место в Европе. Инициатором вовлечения Петра в войну со Шведией стал саксонский курфюрст и польский король Август, который в 1700 году начал военные действия против короля Карла XII в Ливонии.

Практически сразу после этого Мазепа получает приказ направить казацкие войска в помощь Августу. Россия еще не была готова к войне с таким серьезным противником, как Карл XII. Гетману приходили противоречивые указания — то идти самому, то направить лишь несколько полков. В конечном счете были собраны казаки нескольких полков и охотничьи, а во главе их наказным гетманом был назначен Обидовский. Племянник Мазепы попал в самое пекло под Нарвой. Полная катастрофа русских войск, потеря обоза и пушек... Борис Петрович Шереметев едва спасся, большое количество генералов попало в плен. Обидовский, стоя под Печорами, с трудом сдерживал шведские войска, так как русские рассеялись в беспорядке¹. Безуспешно он пытался добиться от Головина информации, куда ему двигаться со своим полком². Однако в середине декабря Обидовскому удалось одержать победу над шведами и взять пленных³.

В конце 1700 года Мазепе дается указ с восемью тысячами конницы и десятью тысячами пехоты прибыть в Псков. Панические слухи доносили, что шведы из-под Нарвы намерены идти в Польшу и именно это должен был предотвратить гетман⁴.

11 февраля 1701 года Мазепа получил уведомление из Москвы о смерти своего племянника Обидовского⁵. По одним сведениям, он скончался от ран, полученных в битвах со шведами, по другим — от простуды. Вместе с ним умерла и

надежда Мазепы передать булаву своему ближайшему родственнику⁶.

Неожиданная и нелепая гибель Обидовского стала грозным предзнаменованием: Северная война обернется трагедией для Украины. Начались и первые неприятности во взаимоотношениях гетманских офицеров и казаков с российским командованием. Служба оказалась очень тяжелой, фуража и продовольствия не было, в Псковской земле казаков, добывавших провиант и корма, избивали. Начались побег, неудовольствие. Мазепе пришлось пойти на самые крутые меры, угрожая нарушителям дисциплины виселицей. Разумеется, это не способствовало росту его популярности.

Между тем Петр оправился от страшного поражения и после нескольких встреч с Августом в Белоруссии заключил военный союз. Договор с Речью Посполитой не мог не коснуться украинского вопроса. Это был очень щекотливый момент. Петровское окружение обратилось за советом к лицу, наиболее компетентному (равно как и заинтересованному), — к Мазепе. В марте 1701 года к нему в Батурин приехал думный дяк Борис Михайлов. При встрече один на один он тайно объявил о «секретных Его Царского Величества делах», спрашивая совета.

Подобное участие гетмана в тайнах российской внешней политики не было явлением новым. Еще в апреле 1700 года Федор Головин подробно информировал Мазепу о польских ведомостях, которые были получены от московского резидента в Польше Судейкина. Тем не менее встреча Мазепы с Михайловым (равно как и его переписка с Головиным) ярко свидетельствует, насколько, с одной стороны, велико было доверие Петра к гетману, а с другой — какую серьезную роль Иван Степанович играл в Российском государстве. Михайлов вручил Мазепе списки всех договоренностей, которые были заключены между Петром и Августом. Гетман принял их с благодарностью и просил разрешения оставить у себя, чтобы «прочность спокойно самому наедине».

Мазепе сообщили, что Федор Алексеевич Головин предпринимал различные усилия, дабы склонить польских магнатов к войне со Швецией и добиться соответствующего решения сейма. В частности, планировалось пойти на подкуп. Но польский подканцлер Щука рекомендовал Головину дать от имени царя ряд обещаний, которые будут благосклонно приняты в Речи Посполитой. Эти обещания касались Правобережной Украины. Поляки хотели получить Трехтемиров, Стайки, Трипиле и ряд сел Стародубского полка, а также добиться разрешения заселять земли вокруг Чигирина. Михай-

лов подчеркнул, что полякам было заявлено о невозможности вернуть земли, которые «отданы по договорам во владение вечное Его Царского Величества Гетманом». Но все же он спрашивал, нельзя ли уступить эти области полякам, единственно, чтобы Речь Посполитая присоединилась к войне со Швецией. Михайлов, в частности, предлагал только сделать вид, что соглашаются отдать требуемые земли, а затем, «сыскав многое непостоянство Польское, от того им отказать».

Иван Степанович в осторожной и сдержанной манере высказался, что Трехтемиров, Стайки и Трипиле можно полякам отдать без особого ущерба. Но отдавать Чигирин, Канев и Черкассы (которые стояли пустыми) никак нельзя. Эти области, быстро заселившись, станут притягательными для всех недовольных, включая запорожцев, что затруднит управление пограничными областями Гетманщины. А Киев в этом случае останется единственным царским владением в Правобережье.

На второй встрече, которая состоялась на следующий день, Мазепа уже не был так сдержан. Он внимательно ознакомился с договорами Петра с Августом и счел их неразумными. По этим условиям Россия должна была предоставить Речи Посполитой деньги («казну») и войска. Обязанности же польской стороны в статьях вообще не были четко оговорены, что Мазепа не замедлил отметить. Кроме того, гетман весьма здраво полагал, что в отношениях с Августом можно было довольствоваться обещанием только денег или только войск. А уж в случае такой большой уступки (обещая и то и другое) — следовало настаивать на «великом знатном деле». Впрочем, Иван Степанович тут же заметил, что вообще никакого «добраго дела» он от поляков не ждет. Доказательств он привел этому множество, показав свою полную осведомленность в русско-польских внешнеполитических отношениях. В частности, он обвинял Речь Посполитую в том, что, получив большие территориальные уступки и денежное вознаграждение по условиям Вечного мира, поляки так и не утвердили его сеймом, не записали в его конституцию⁷. Много претензий Мазепа высказывал в адрес поляков и в связи с их покровительством униатам в Правобережной Украине. Например, в 1700 году поляки отдали униатам главный православный собор во Львове. Да и в недавних военных действиях гетман видел неискренность поляков, которые отступили от Риги, поставив тем самым русские войска под удар. Поэтому Иван Степанович советовал как максимально возможную уступку отдать полякам Трехтемиров, Стайки и Трипиле, но только если прежде сейм внесет в свою конституцию подтверждение Вечного мира.

Наконец, Мазепа, не стесняясь, продемонстрировал Михайлову его некомпетентность во внутренней польской ситуации. Он объяснил, что договор с поляками можно заключать, только если со стороны Речи Посполитой его подпишут главные сенаторы — архиепископ Гнезненский, коронный гетман и Любомирский. Во-первых, это были люди, обладавшие огромной властью в Речи Посполитой, а во-вторых, владельцы правобережных имений, о возвращении которых и шла речь. И наоборот, Мазепа считал «неприличным» договариваться с подканцлером литовским Шукой как с человеком, «опороченным» на сеймах, не имеющим шансов стать сенатором. Развеев гетман и иллюзии Михайлова относительно возможной помощи русским войскам в войне со Швецией со стороны литовского магната Огиньского. Хотя, по мнению Мазепы, литовцы были значительно более доброжелательны к русскому царю, чем собственно поляки, но отправиться в Лифляндию они все же не смогут.

Встреча завершилась взаимными любезностями. Михайлов уверил гетмана, что без его совета никакие решения об украинских территориях приниматься не будут. Головин, получив подробный отчет дьяка, остался весьма доволен. Он написал Мазепе благодарственные письма, в которых высоко оценил его советы⁸.

После поражения под Нарвой Петр, как известно, принимает активные меры для восстановления боеспособности армии, вводит немецкое платье для дворян и проводит ряд других реформ. Весной 1701 года Мазепа получает приказ выступить с казаками в Лифляндию. Подготавливая этот поход, Петр в конце мая лично писал Августу, чтобы Мазепе был обеспечен свободный проход «со всяким приятным вспомогательством»⁹. В июле Петр, находясь в Печорах, торопил гетмана с выступлением в Речь Посполитую¹⁰. Свой поход против шведов готовил и Борис Петрович Шереметев, находившийся в Новгороде. Он тоже писал Мазепе, чтобы тот поспешно выступал к Пскову¹¹. Иван Степанович с казаками успел прийти к реке Сож, когда получил новый царский указ, по которому он должен был вернуться и вместо себя направить пять полков во главе с наказным Павлом Апостолом.

Вызвано это было, с одной стороны, взрывоопасной обстановкой и серьезным недовольством в Левобережье русскими и гетманом, а с другой — активизировавшимися действиями хана. Он не только подговаривал запорожцев, но и посылал своих посланцев к самому Мазепе, уговаривая отстать от Петра и жить с ним в союзе, «как при Хмельницком»¹². И хотя объективная ситуация требовала присутствия

гетмана в Украине, Иван Степанович считал себя обиженным. Он писал Головину, что возвращается с «жалостию и стыдом», ибо отправился в поход «с сердечною охотою и немалым моим коштом», стремясь показать себя верным подданным «не на словах, не на бумаге, но самым делом»¹³.

Поход тем не менее оказался успешным. В сражении при Эрестферской мызе был разбит шведский генерал Шлиппенбах. Был взят Юрьев (Тарту)¹⁴. Казаки получили большую добычу. Шереметев, командовавший походом, очень внимательно следил, чтобы казаки остались довольны и «охочи»¹⁵. Но далеко не все командиры российской армии придерживались такой политики. Снова начались ссоры и раздоры с русскими офицерами. Полковники жаловались Мазепе на оскорбления, несправедливости. К тому же за время похода они понесли убытки в хозяйстве, которое некому было в их отсутствие вести. Многие казаки были побиты и потоплены, когда получали в псковских селах сено, и виновные не были наказаны. Перед возвращением в Украину у них отобрали пушки, не объяснив никак причину этого. Особенно остро казаки реагировали на то, что у них отбирали добычу. Испокон веков война служила средством обогащения для реестровых, и теперь они были очень недовольны службой на фронтах Северной войны, а значит, недовольны гетманом. Мазепа так и писал Петру: «Эти возвратившиеся войсковые люди поднимают на ропот оставшихся в Малороссии, все в один говор ропщут на меня, будто я за их права и вольности не стою...»¹⁶

Заканчивался только второй год войны, а массовые выступления казаков приобретали весьма угрожающий характер. Войска были оставлены зимовать в Лифляндии. Только Гадячский полк с Михаилом Буруховичем и Лубенский с Дмитрием Ецховетом были отпущены домой. Компанейцы и сердюки, как самые боеспособные, остались в Печорской крепости¹⁷.

В январе 1702 года последние полки Апостола вернулись в Украину, но многие рядовые казаки, не дождавшись этого, бежали и примкнули к шведам. Размах этого доселе невиданного явления был таков, что Петр издал специальную «увещательную» грамоту, в которой убеждал беглецов вернуться, обещая милость и щедрое жалованье. Если же они не послушаются и не отстанут от шведов, царь угрожал смертной казнью и проклятием¹⁸.

Мир с Турцией и тяжелые, не приносящие прибыли, в отличие от Азовских походов, кампании Северной войны — все это привело к новому обострению отношений Мазепы с

Запорожьем. Еще в 1701 году, направляясь в поход под Псков, запорожцы шли так медленно и лениво, что по дороге ограбили жителей Украины и России вплоть до Смоленска, так и не добравшись до фронта боевых действий. Летом того же года группа запорожцев напала на греческих купцов, направлявшихся из Царьграда в Батулин. Султан потребовал от Мазепы, чтобы немедленно были возвращены товары. Для Москвы это было крайне неприятно — не хватало добавить к шведской еще и турецкую войну. Петр направил к кошевому атаману Петру Сорочинскому толмача Посольского приказа для расследования обстоятельств этого происшествия¹⁹.

Головин написал Мазепе, прося его совета, что делать с запорожцами. Иван Степанович прямых ответов давать не хотел. «Имеешь, ваша вельможность, высокий разум... так можешь свободно без моего совета то рассудить, какого запорожцы наказания годны», — отвечал он адмиралу. И значительно более искренне добавлял: «Я бы им давно притер носы и унял их от сумасбродного своеволия... если б не боялся привести их в последнее отчаяние и отогнать от милости монаршей»²⁰. Головин сердился, что гетман отделывался комплиментами, но тот упорно не хотел брать на себя ответственность за решение, «чтоб не подать на себя большого подозрения, будто я действую из приватной моей к запорожцам какой-нибудь злости...». Как мы знаем, личный повод к нелюбви к запорожцам у Мазепы действительно был.

В Москве решили действовать самостоятельно и в начале 1702 года задержали запорожских посланцев во главе с Герасимом Крысой, которые приехали получать ежегодное жалованье. В Запорожье направили указ вернуть награбленное добро, иначе задержанных казнят, а выплата жалованья из казны будет прекращена. В ответ начался бунт, запорожцы обратились за помощью к хану. Многие стали переходить на сторону шведов. Те, которые летом были направлены на фронты Северной войны, по указу Б. П. Шереметева были срочно отосланы в Ладогу на строительство канала²¹.

К Мазепе приехал Курбатов для обсуждения дальнейших действий. Гетман советовал срочно прислать подкрепление в строящуюся вблизи Запорожья крепость Каменный Затон — на случай соединения с ханом, но считал невозможным разорить Сечь. Во-первых, чтобы достать запорожцев, придется на них идти большими силами — белгородских отрядов для этого не хватит. Во-вторых, запорожцы получают помощь от хана. А в-третьих, они могут выйти из Сечи и удалиться на низовье Днепра или к Черному морю, откуда будут совершать еще худшие разорения с благословения турок²².

В Запорожье тем временем новым кошевым атаманом избрали Костю Гордеенко, обвинив предыдущего, Сорочинского, в том, что тот неразумно вовлек их в дело с купцами. В ноябре 1702 года Апраксин уведомлял Петра, что, по сведениям белгородского воеводы, хан с запорожцами идет в Украину²³.

Внешние события, однако, не благоприятствовали замыслу запорожцев. В Турции великий визирь Алишан Гусейн, стремившийся разорвать мир с Россией, был задушен, а на его место взошел Мегемет-паша. Новый визирь придерживался гораздо более сдержанной политики. Он сразу же приложил все усилия, чтобы утвердить мирный договор с европейскими державами и прислал в Москву тайное послание, в котором заверил, что всеми средствами (имелись в виду деньги и «хитрости») усмирят татар²⁴.

В свою очередь, для восстановления мирных отношений с сицилийским пашой весной 1703 года Мазепа компенсировал ему понесенные убытки из жалованья запорожцев, добавив еще и собственные средства²⁵. Тогда же, в марте, в Запорожье был направлен стольник Ф. И. Протасьев для приведения запорожцев к присяге на верность царю. Присягать, однако, сечевики наотрез отказались, заявив, что и прежде целовали царю крест, а с тех пор ему не изменяли. С ханом вели переговоры исключительно для того, чтобы узнать, о чем он договаривается с Москвой и гетманом, так как их не ставят об этом в известность. И вообще, как условия для любой присяги выдвигали разрушение Каменного Затона. Мазепа был взбешен и писал Головину: «Вижу, дондеже того проклятого пса, кошевого Кости Гордеенка, не станет, по тех мест не надеяться к твердой и всецелой от запорожцев верности. Не знаю, какой другой изобрести способ, дабы не токмо того безбожного тот уряд, но и дни его прекратити»²⁶.

Летом 1703 года из Сечи продолжали приходиться тревожные вести, что запорожцы, соединяясь с ордой, намереваются идти на Мазепу²⁷. К тому же в июне запорожцы в районе Белгорода напали на русский разъезд, побили стрельцов и угнали лошадей²⁸.

Гетман прислал Петру подробные статьи, излагавшие его видение запорожской проблемы. Главная идея гетмана заключалась в том, чтобы решить проблему «ласково». Однако в случае крайней нужды (если запорожцы не захотят мирного урегулирования) Мазепа предлагал бросить в Запорожье «несколько десятков бомб»²⁹.

Только в июле Мазепа сообщал Головину: «Слава Господу Богу! Радением и неусыпным моим старанием проклятый

пес Костя кошевой если не испустил проклятой своей души, то по крайней мере с кошества с бесчестьем скинут»³⁰. После этого в августе 1703 года запорожцы, по выражению А. Курбатова, «укротились от своего злого намерения»³¹. Они подали грамоту, где просили царя сменить гнев на милость и отпустить их посланцев. Запорожцы уверяли, что уже возвратили грекам дорогие товары, а остальные им компенсировать было якобы нечем. Новым кошевым атаманом стал выпущенный из Москвы Герасим Крыса³². В ноябре запорожцам была дана царская грамота, которая подтверждала прежние вольности Запорожья и в свою очередь требовала наказания своевольников³³.

Правда, несмотря на это видимое урегулирование, запорожцы продолжали «шалить». Например, когда их посланцы находились в Москве, они предложили жившим там новокрещеным пленным татарам провести их «проселочными дорогами» в Крым, потребовав за это с каждого по 15 рублей. Мазепа, видимо, знал или догадывался и о более серьезных замыслах своих вечных недругов. Он писал обо всем этом адмиралу Головину, и тот в ответ предложил подыскать удобный способ, чтобы физически убраться кошевого атамана Гордеенко, которого они с Мазепой считали главным заводилой³⁴.

Между тем события Северной войны развивались стремительно. Саксонское войско Августа II было разгромлено под Ригой, и Карл XII вступил в пределы Речи Посполитой и взял Варшаву. Часть магнатов, во главе с Сапегами, присягнула Карлу. Летом ему сдался и Краков. Однако поведение победителей в коронных землях вызвало негодование поляков. Сандомирская конфедерация магнатов и шляхты поддержала Августа, и в конце лета он вернул себе Варшаву.

После того как шведские войска взяли Вильно и Жмудское воеводство, литовские магнаты просили Петра прислать им помощь. В июле Мазепе был дан указ отправить казаков в Белоруссию к Быхову и Могилеву, чтобы не дать польским сторонникам шведов укрепиться в них. К Быхову прибыл отряд стародубского полковника Миклашевского с 12 тысячами казаков. В Быхове находились сторонники Сапег, а также перебежчики-запорожцы. Осада шла удачно, и 12 октября комендант сдался, но не полякам, а русскому царю. Но после сдачи в город вошли польские войска и приняли присягу Августу. Мазепа был крайне недоволен этим обстоятельством, равно как и тем, что изменники-запорожцы не были казнены, но были амнистированы. Он уже успел доложить в Москву об успехе под Быховом и переслать статьи, по которым сдался город³⁵.

Действия Миклашевского ставили его в неудобное положение перед Петром.

Вскоре выяснилось, что за внешней небрежностью в исполнении условий сдачи могли скрываться далекоидущие планы. Мазепе стало известно, что Миклашевский установил контакты с троцким каштеляном Михайлом Казимиром Коцелем. Этот польский сенатор вынашивал план федеративного союза Украины с Польшей и Литвой. Для достижения этой цели Коцель предусматривал начало войны с Москвой и примирение со Швецией³⁶. Иван Степанович никогда не обольщался по поводу поляков и хорошо знал, что возвращение Украины всегда было краеугольным камнем всех их прожектов. Но вот действия стародубского полковника, начавшего собственную игру, были для него крайне опасны.

Тем более что практически одновременно Мазепа узнал о тайных переговорах другого полковника — Ивана Искры³⁷. Полтавский полковник вел переписку с крымским ханом и перекопским беем о заключении союза с Крымом, направленного в том числе и против Москвы³⁸.

В результате гетман добился разрешения сместить и Миклашевского, и Искру с их должностей полковников, однако при этом просил у Петра разрешения не отсылать их в Москву³⁹. Еще больше раздувать недовольство среди старшины Мазепа не хотел и не мог.

Не успели украинские войска вернуться с победой из Белоруссии, как уже в декабре 1702 года Головин пишет секретное послание Мазепе, чтобы тот начал тайную переписку с воеводой киевским Потоцким или отправил бы к нему своих верных посланцев⁴⁰. С этого момента по настоянию российских властей Иван Степанович постоянно имел при польском дворе своего резидента, с 1703 года вел переписку с коронными гетманами⁴¹. Кроме того, в связи с тяжелой ситуацией на фронтах Северной войны поляки объявили Петру о своем желании совместно с Мазепой воевать против шведов⁴².

Совершенно неожиданно Северная война обернулась привлекательной и интересной для Ивана Степановича стороной. Крайнее ослабление Речи Посполитой в войне со Швецией открывало заманчивую перспективу воплотить в жизнь его титул гетмана «обоих берегов». Ранее мы подчеркивали, что рожденный и выросший в Правобережной Украине Мазепа не мог без тоски думать о родных местах, отданных полякам. Его, как искреннего защитника православия, не могли не волновать и те репрессии, которые устраивались в Правобережье католиками и униатами. Подчинение Правобережья гетманской власти не только сделало

бы более защищенными границы Гетманщины, но и во многом упростило бы задачи государственного строительства, уничтожив рассадник своевольтва, каковым являлась Палеивщина.

Пора снова вспомнить об этом давнем сопернике Ивана Степановича, «народном герое» Семене Палее.

Можно не сомневаться, что Иван Степанович думал о нем постоянно. Исполдволь, как настоящий политик и дипломат, создавал он в Москве негативное мнение о Фастовском полковнике. Еще в октябре 1696 года Мазепа писал Петру о том, что к Семену Палеею бывают частые присылки от литовского гетмана Сапеги. Тот якобы остерегал Палея, чтобы он не верил Мазепе и не приезжал к нему в Батурин. Иван Степанович направил в Фастов своих резидентов, стараясь выведать планы Палея, в частности, не собирает ли он людей для какого-нибудь военного предприятия. В посланиях к царю он подчеркивал, что Палей относится к нему теперь не так «сердечно», как раньше, в частности, не пересылает писем, которые получает от поляков. Иван Степанович не советовал пускать Палея с вооруженными людьми в Киев, хотя сам еще совсем недавно «за собственные деньги» купил ему там двор, «приохочивая» его к царской службе. Вскоре стало известно, что польский король (Август II) прислал Палею 4 тысячи золотых червонцев на наем казаков. После этого Мазепа немедленно издал универсал, запрещающий казакам переходить на правый берег. Резиденты доносили из Фастова, что многие люди Палея высказывались за то, чтобы служить новому королю, «богатому деньгами», а не «на две стороны», как раньше. Палей пьянствовал и в разгуле попеременно пил то здоровье короля, то царя.

Ситуация на Правобережье резко обострилась в 1699 году, когда после заключения мира с Турцией польский сейм принял решение о ликвидации казачества в Речи Посполитой. Гетман Самусь, полковники Палей, Искра и другие правобережные старшины получили приказ распустить своих казаков и уйти из частных и королевских владений. Следить за исполнением этого распоряжения было поручено коронному гетману Яблоновскому.

Его посланцев Палей встретил категорическим отказом подчиниться. Фастов отбил атаку польских войск, после чего в руках Палея фактически оказались Брацлавское и Киевское воеводства. Открыто выступая против польского короля, Палей в условиях начавшейся Северной войны одновременно отказывался идти на царскую службу, ссылаясь на различные затруднения⁴³.

Летом 1702 года Подолию и Брацлавщину охватило массовое восстание. Крестьяне сжигали дома, убивали поляков и шли в казацкие полки Самуся и Искры. К осени они изгнали поляков вплоть до Львова. Палей сперва официально придерживался нейтралитета, желая добиться поддержки Москвы. Но 10 ноября 1702 года после семинедельной осады он вместе с Самусем берет Белую Церковь⁴⁴. После этого польская власть на Волыни была ликвидирована.

События восстания резко поставили вопрос об объединении Украины — вопрос, который и так возник в ходе Северной войны. Однако все было совсем не просто. С одной стороны, польский король Август был единственным внешнеполитическим союзником Петра, ссориться с ним совершенно не входило в его планы. С другой стороны, идеалы лидеров восстания коренным образом отличались от той системы Гетманщины, которую с таким трудом создавал Мазепа.

Положение гетмана и русского правительства было очень щекотливым. Восстание против поляков было необыкновенно популярно в Левобережье. Сотни человек перебежали на Правобережье, не говоря уже о запорожцах. Палей и Самусь представлялись им новыми Хмельницкими и героями Украины. Все в один голос утверждали, что восставших поддерживает царь. Мазепа на самом деле переслал повстанцам порох, опасаясь, что в противном случае потеряет всякий авторитет на Правобережье.

В конце 1702 года Г. Ф. Долгорукий предупреждал Мазепу, что шведский король по наущению своих польских сторонников распространял слух, будто гетман с 20 тысячами казаков перешел Днепр и двинулся на поддержку Самусю. Долгорукий настоятельно рекомендовал Ивану Степановичу, чтобы тот писал в Речь Посполитую, опровергая эти слухи⁴⁵.

В декабре 1702 года Петр приказал Мазепе поставить у Днепра «крепкие и частые караулы», чтобы никто не мог убежать к Палею — подданному Речи Посполитой и короля, и в начале 1703 года гетман издал соответствующие универсалы⁴⁶.

В начале 1703 года позиция Августа II в Польше укрепляется. Оба коронных гетмана и войско присягают ему на верность. В феврале 1703 года поляки обращаются к Петру с просьбой направить им в помощь против шведских войск Мазепу с казаками. При этом поляки хотели, чтобы Палей и его люди были в послушании у короля, о чем к нему были посланы соответствующие письма. Мазепа по приказу Головина активизирует свою переписку с польскими гетманами и направляет весной 1703 года в Белую Церковь (к Па-

лею) своего человека — в качестве резидента и «медиатора» в отношениях с поляками⁴⁷.

В Подолии и Брацлавщине полякам сопутствовал успех. Восстание было задушено. Казаки частично бежали в Молдавию, другие уходили к Палею. Тот спешно укреплял Белую Церковь и объявил, что сдаваться полякам не намерен.

Мазепа занимал выжидательную позицию, тем более что Петр был занят сражениями на Неве и основанием новой столицы. За взятие Ниеншанца и первую морскую победу над кораблями шведов сам Петр и поручик Меншиков были пожалованы Андреевскими кавалерами.

Среди этих важных и бурных событий Петр не забывал и об Иване Степановиче. В июне 1703 года он посылает Мазепе золотую булаву со своим портретом⁴⁸. Не отставали и поляки, для которых позиция украинского гетмана в деле с Палеем имела первостепенное значение. В октябре того же года Август жалует Мазепе орден Белого орла — высшую награду Речи Посполитой⁴⁹.

Тянуть с решением вопроса о Правобережной Украине в Москве больше не могли. В конце августа 1703 года Головин сообщал Г. Ф. Долгорукому, что Мазепа должен в октябре приехать в Москву для решения вопроса о Белой Церкви и Палее⁵⁰.

К этому времени и Иван Степанович уже имел готовый план, как ему дальше действовать. События, связанные с Миклашевским и Искрой, ясно показали, что его политика, основанная на компромиссе и лавировании, больше не была эффективной. Отдельные группировки старшины поднимали голову, стремясь в мутной среде военных действий Северной войны добиться усиления собственной власти. Смерть Обидовского и преклонный возраст самого гетмана (ему было тогда уже 64 года) открывали заманчивые возможности для честолюбивых стремлений старшины.

С другой стороны, крайнее ослабление Польши создавало условия для возобновления вопроса о возвращении Правобережья под власть украинского гетмана. Еще в марте 1703 года Мазепа сообщил Головину о намерении поляков избрать себе нового короля⁵¹.

После переговоров в Москве Мазепа перестает придерживаться нейтралитета и начинает активно участвовать в тех событиях, которые разворачивались в Речи Посполитой. Основным его союзником и соратником остается Федор Головин. Мазепа отсылает ему письма, в которых объявляет о недружественных намерениях Самуся, нарушающего мир между Петром и Августом⁵². Про Палея Мазепа писал Го-

ловину, что тот имел сношения с Любомирскими (сторонниками шведов) и решил быть в подданстве у поляков. Это были очень тревожные сведения, тем более что в Речи Посполитой все громче звучали голоса, что следует разорвать союз с Петром, помириться со шведами и вместе с теми идти на Москву.

Именно о планах такой войны уведомил Мазепа подьячего Илью Никифорова, приехавшего к нему в Батурин. Иван Степанович ссылался на сведения, полученные им от резидентов в Речи Посполитой. Он говорил подьячему, что коронный и польный гетман колеблются и думают избрать вместо Августа II сына Яна Собеского — Александра. Мазепа выражал обеспокоенность, что в случае польско-шведского союза и их совместного похода в Украину трудно будет сдержать разрастающиеся бунты.

В случае войны запорожцы немедленно прельстятся на денежные дачи поляков (Мазепа назвал их «тростью в поле, которая колеблется ветром и туда и сюда»), равно как и простой «малороссийский народ». Своих подданных Иван Степанович охарактеризовал следующим образом: народ «вольный, и глупый, и непостоянный». Даже среди близких ему людей он не видел «истинной и искренней верности» царю, и это были не пустые слова.

При этом, ссылаясь на опыт своего гетманства, Мазепа говорил, что нельзя этот вольный народ озлобить и пытаться суровостью привести к верности. Обходиться нужно с ним «только одной ласкою, а не иным чем». Для предотвращения возможных бунтов и установления должного контроля за ситуацией в условиях возможной войны Иван Степанович просил прислать российские войска. Но не такие, как из белгородского и севского разряда, которые сразу начинают «побираться», а многочисленные и хорошо снабженные.

Мазепа придерживался своего прежнего мнения о поляках — «неистовые и не правдивые, но злопоносные и ненавистные люди». Он сказал, что знает о постоянных наговорах на него со стороны поляков, что те выставляют перед Петром, будто он, Мазепа, поддерживает Палея с Самусем и Сапег. Иван Степанович сообщил и то, что во время его осенней поездки в Москву в Украине был распушен слух, что гетмана якобы арестовали⁵³.

Иван Степанович настаивал, чтобы царь дал ему ясные инструкции, как себя вести с Самусем и Палеем, когда те снова пришлют к нему: иметь ли с ними переписку, обращаться ли с ними ласково и т. д.

В феврале Петр направляет официальную грамоту Палею, чтобы тот вернул Белую Церковь полякам, угрожая в противном случае силой⁵⁴.

Но тут ситуация резко меняется. В конце марта Головин информирует Мазепу, что в Речи Посполитой готовится новая «элекция» короля. Ее инициаторами были сторонники шведской партии. Ивану Степановичу в связи с этим дается указ, чтобы он держал в готовности все свои полки⁵⁵.

После очередного отхода коронных гетманов от Августа Головин в марте 1704 года совместно с Мазепой решает использовать Палея. Головин просил Мазепу любыми способами снова возбудить Палея против поляков, чтобы коронные гетманы получили проблему в Правобережье («забаву»)⁵⁶. Мазепа в ответ предложил Головину, что отправится в Киев и либо выбьет Палея из Белой Церкви, либо снова возбудит его на поляков. В противном случае Палеивщина превращалась в могучий инструмент поляков, направленный против Гетманщины⁵⁷.

Но этот план Ивана Степановича был воплощен в действие уже по-другому, более масштабно. В апреле последовал указ о выступлении Мазепы с казацким войском к польским рубежам. Это решение следовало публично объявить, особенно в Литве и Польше⁵⁸.

В июне Мазепа во главе казацких войск перешел границу Гетманщины, установленную Вечным миром, и вступил в пределы Киевского воеводства. В распространенном им универсале говорилось, что он выступает не для того, чтобы разорвать мир между Россией и Речью Посполитой или нарушить шляхетские права. И тем более не для того, чтобы поддерживать или провоцировать бунты против панов, но с единственной целью помочь полякам против шведского короля. Он предлагал шляхте спокойно оставаться в своих имениях и строго приказывал крестьянам прекратить бунты и подчиниться установленному порядку.

Бунты действительно стали стихать, и к октябрю шляхта Киевского воеводства на сеймике выразила благодарность Мазепе за наведение порядка. Правда, король Август и коронный гетман Яблоновский засыпали Мазепу грамотами с требованием возвращения занятых Палеем крепостей⁵⁹. Эти послания пока что игнорировались.

Уже в середине июня Палей приезжает в табор Мазепы под Паволочью и сопровождает его в дальнейшем походе на запад. Время проходило в беседах, банкетах и попойках. Иван Степанович вел себя как радушный и щедрый хозяин и в то же время писал Головину: Палей «беспременно пьян, и день

и ночь, не видал я его трезвым. Я стараюсь обратить его против Любомирских... но он... все только отговаривается то болезнью, то другими предложениями»⁶⁰. Напившись, Палей открыто ругал Гетманщину и гетмана, все больше убеждая Мазепу в своей нелояльности. Между тем поляки засыпали Ивана Степановича жалобами на подчиненных Палея, продолжавших погромы в различных регионах Правобережья.

Согласовав это решение с Головиным, Мазепа намеревался отправить Палея в Москву, но тот почувствовал неладное и отказался ехать. Гетман красочно изображал обстановку в своем очередном донесении адмиралу: «Вот уже шестой день сидит Палей у меня в обозе. Он беспросыпно пьян, кажется, уже пропил последний ум, какой у него оставался. Это человек без совести и гультайство у себя держит такое же, каков сам: не знают они над собой ни царской, ни королевской власти и всегда только к грабегам и разбоям рвутся. Сам Палей даже не помнит, что говорит. Я предложил ему ехать в Москву, он отказался. Я через несколько дней стал упрекать его за это, а он мне сказал, что ничего не помнит, потому что был тогда пьян»⁶¹.

Тогда в конце июля под Бердичевом Мазепа арестовал Палея и 28-го числа отправил его в Батурин, где тот содержался в качестве пленника⁶². В народной памяти это событие осталось запечатленным в целом ряде вариаций казацких дум на тему «Мазепа и Палей», в которых Палей приезжает на банкет к гетману и тот его там арестовывает. Симпатии авторов при этом, несмотря на признание факта «пьянства» Палея, были исключительно на стороне фастовского полковника⁶³.

В универсале к жителям Фастова Мазепа назначил полковником на место Палея Михайло Омелянченко. Самое удивительное, что арест «народного героя» никаких бунтов против Мазепы не вызвал. Наоборот, Самусь, Шпак, З. Искра, Танский (зять Палея) и другие лидеры Правобережья перешли на его сторону и признали гетманскую власть Мазепы. Без всякой борьбы Мазепу признала и Белая Церковь.

В августе Головин изложил Мазепе секретную волю Петра, чтобы Белая Церковь оставалась под российским контролем⁶⁴. А 12 сентября Головин передал Мазепе распоряжение о конфискации имущества Палея. Это было выполнено в октябре. Среди десятков сабель, кунтушей и соболиных шуб не нашлось места ни единой книге⁶⁵.

Петр распорядился также, чтобы в Белой Церкви немедленно заменили старые медные пушки на современные чугунные из Киева⁶⁶. Это, безусловно, должно было убедить

Мазепу в серьезности планов Петра относительно дальнейшей судьбы Правобережной Украины.

Между тем гетман по-прежнему официально находился в этом регионе по приглашению польского короля с целью расправы над сторонниками шведов и унятия бунтов. Поэтому к Августу направили посланцев с вопросом, как поступать дальше. Король просил прислать к нему 30 тысяч казаков, а самому гетману предлагал расположиться в имениях Любомирского в наказание за их неверность. Мазепа поступил по-другому, отправив только 10 тысяч во главе с Мировичем.

В декабре Головин разрешил разместить палеевских казаков по квартирам в воеводстве Киевском. Мазепе надлежало принять решение, где расположить польские войска Любомирского — «чтобы было пристойнее и к целости Украины»⁶⁷. Титул Мазепы, гетмана «обоих берегов», все больше приобретал реальные очертания.

Закончив все эти распоряжения, в конце октября гетман вернулся в Батурин.

Какую позицию занимали российские власти в отношении Правобережья? Как ни удивительно, ответ на этот вопрос историками не дан. Безусловно, Мазепа не мог самостоятельно принимать решение о распространении своей власти на правом берегу. Для этого он должен был иметь тайное согласие Петра. Вплоть до критического 1707 года российские власти будут придерживаться именно такого сценария развития событий: распространение гетманской власти на Правобережье в условиях гражданских войн в Речи Посполитой. Территория Украины рассматривалась Петром как плацдарм для будущей войны с Турцией. К тому же было очень полезно лишить поляков возможности вмешиваться в украинские дела и провоцировать конфликты с Крымом.

Получив тайный карт-бланш, Мазепа с большим энтузиазмом строил планы новой Гетманщины — в тех границах, какие она достигала во времена Богдана Хмельницкого. Он сохраняет ту полковую организацию, которая еще существовала со старых времен, и добавляет новые территориальные подразделения: Белоцерковский, Богуславский, Корсунский, Чигиринский, Уманский, Брацлавский, Черкасский, Каневский полки⁶⁸. Генеральный есаул Гамалия был назначен в Белую Церковь, которой предстояло стать столицей нового края. Возможно, Иван Степанович даже планировал и более блестящую судьбу для этого города, который был расположен по соседству с семейным гнездом Мазеп — Колединских. Можно не сомневаться, что престарелая, но еще

Гетман Иван Мазепа. Офорт Норблена де ла Гордена. XVIII в.

Гетман Иван Мазепа
с орденом и лентой
Андрея Первозванного.
Картина неизвестного
художника. XVIII в.

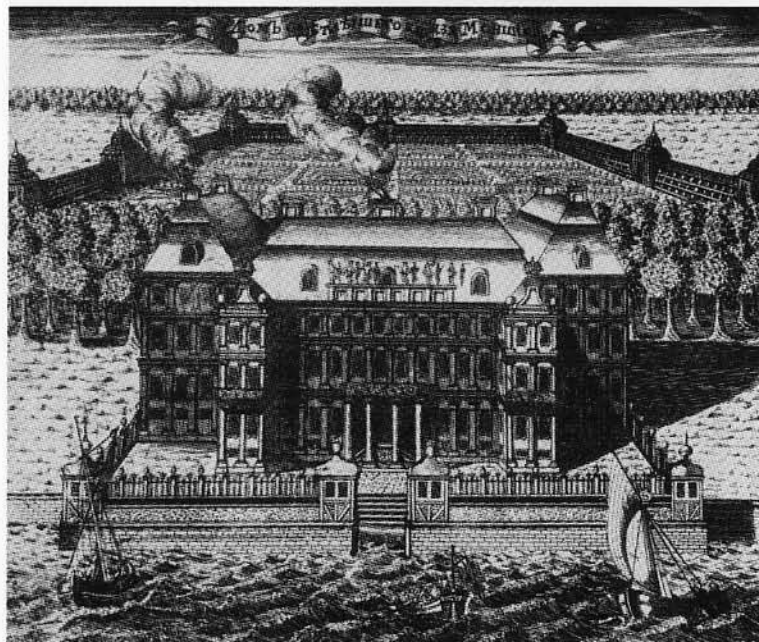
Дом полковника
Я. Лизогуба
(так называемый
дворец Мазепы)
в Чернигове. 1690-е гг.
Современное фото.

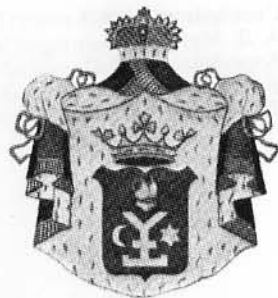

Светлейший князь
А. Д. Меншиков.
Бронзовый бюст
Б. К. Растрелли
После 1716—1720 гг.

Дворец А. Д. Меншикова
в Санкт-Петербурге.
Гравюра А. И. Ростовцева.
1716 г.

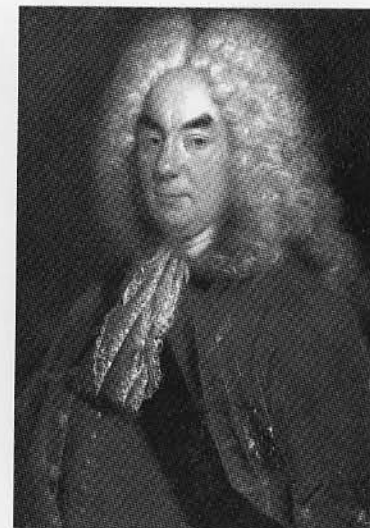
Княжеский герб
Мазепы.

Генерал-фельдмаршал
Б. П. Шереметев.
*Гравюра А. Шхонебека.
1702 г.*

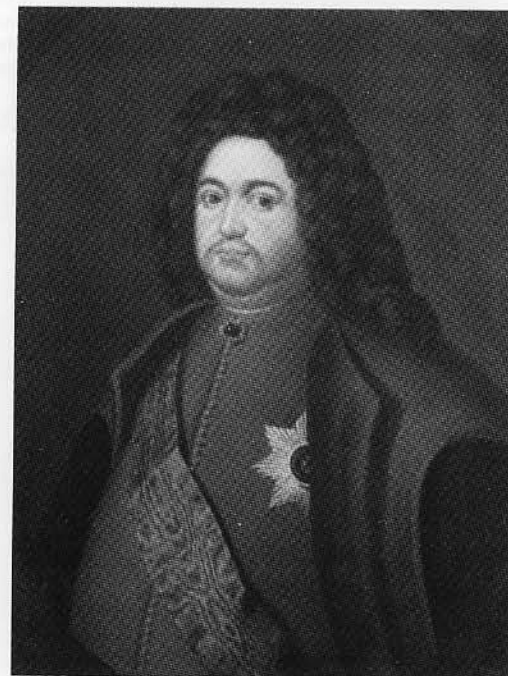
Икона с изображением
Петра I, Екатерины
Алексеевны и Ивана
Мазепы. *Начало XVIII в.*

Канцлер Г. И. Головкин.
И. Н. Никитин. 1720-е гг.

Граф П. А. Толстой.
Г. Гель. 1722—1729 гг.

Адмирал
Ф. А. Головин.
XVIII в.

Главный вход Богоявленской церкви Братского монастыря.
Конец XVII в.

Стефан Яворский.
Гравюра XVIII в.

Освящение казацкой хоругви.
Изображение (слева направо)
Лазаря Барановича, гетмана
и генеральной старшины.
Миниатюра из служебника
Л. Барановича. 1665 г.

Митрополит
Дмитрий Ростовский
(Туптало).
Портрет XVIII в.

Святые ворота Киево-
Печерской лавры. Конец XVII в.

Военно-Никольский собор
в Киеве. 1694 г.

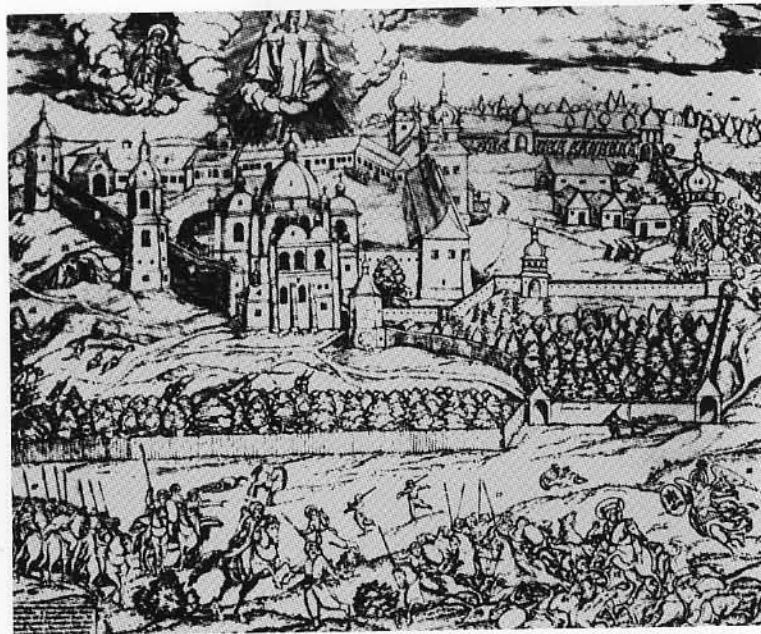
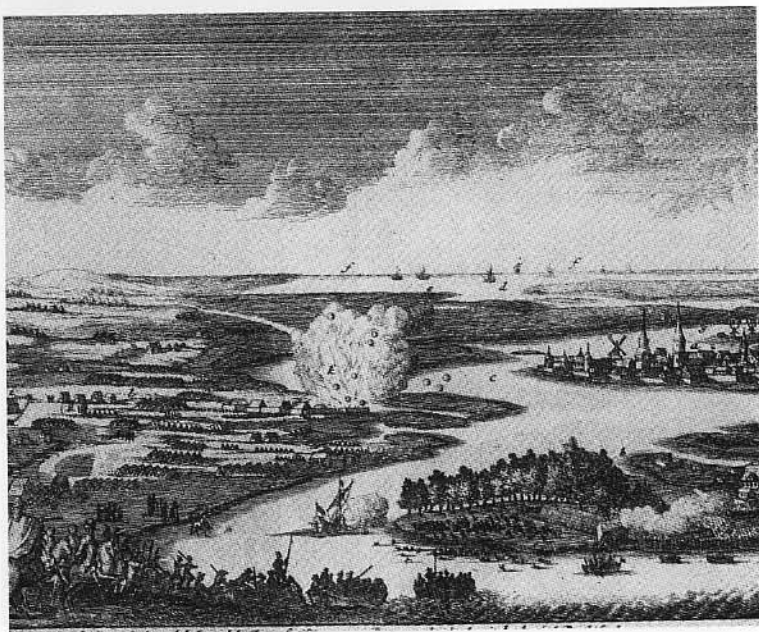
Станислав
Лещинский.
XVIII в.

Август II Сильный,
король польский
и курфюрст
саксонский.
Л. де Сильвестр
Младший. XVIII в.

Битва на Двине
между шведской
и саксонской
армиями в 1701 году.
Гравюра И. Литена.
1705 г.

Осада турками
Почаевской лавры.
Гравюра Н. Зубрицкого.
1704 г.

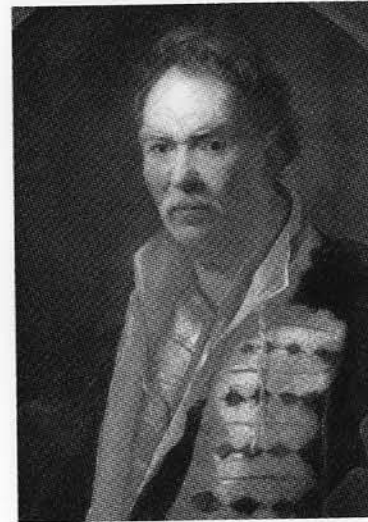

Генеральный судья
Василий Кочубей.
Портрет неизвестного
художника XVIII в.

Подписи на доносе старшины
против гетмана И. Самойловича
в 1687 году.

Филипп Орлик (?).
Портрет работы И. Никитина.
1720-е гг.

Гетман Данило Апостол.
Неизвестный художник. XVIII в.

Мазепа удаляется от места казни Кочубея и Искры.
Рисунок Н. С. Самокиша. 1901 г.

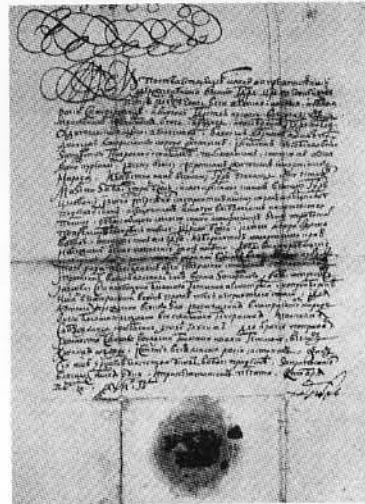
Музей гетманства в Киеве. Здание построено на средства Мазепы
в конце XVII — начале XVIII века.

Карл XII.
Гравюра
Фритиша
Крафта.
1717 г.

Шведская
армия.
Рисунок начала
XVIII в.

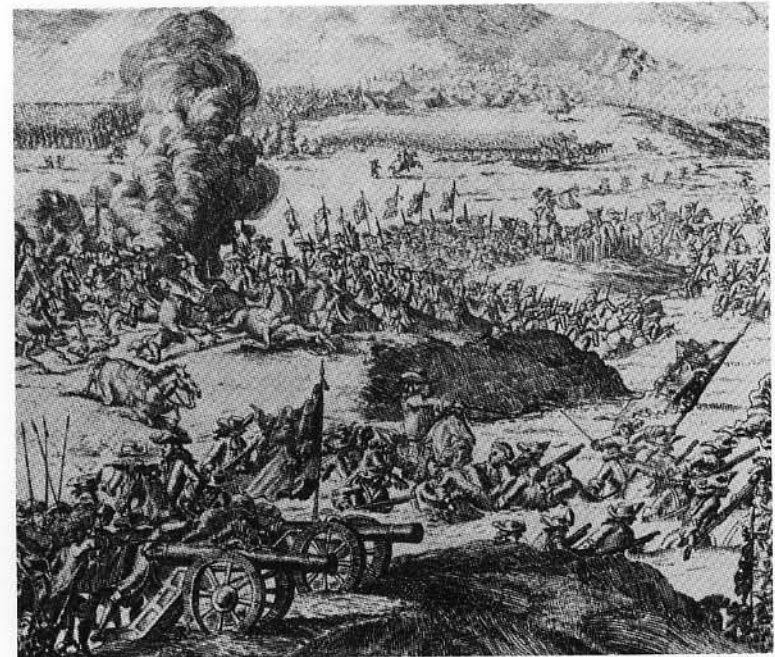

Универсал И. Мазепы.

И. Мазепа.
Гравюра Даниеля Беля. XVIII в.

Полтавская битва. Гравюра А. Ф. Зубова и П. Пикара (фрагмент).

Пленные шведы. Гравюра Ф. Зубова «Торжественное вступление русских войск в Москву после Полтавской победы 21 декабря 1709 года» (фрагмент).

А. Д. Меншиков на коне. Гравюра П. Пикара. 1707 г.

Медаль в честь Полтавской победы. С. Юдин и И. К. Йегер. 1770 г.

Петр I.
Конная статуя Б. К. Растрелли
(фрагмент). 1716—1744 гг.

Смерть гетмана Мазепы. Рисунок О. Г. Сластиона. Конец XIX в.

Освящение Успенского собора Киево-Печерской лавры.
Гравюра Л. Тарасевича. 1702 г.

Портрет Мазепы на современной украинской купюре 10 гривен.

весьма энергичная мать гетмана Мария Магдалена благословила это начинание сына.

А за дело он взялся с присущим ему размахом. Как истинный сын эпохи украинского барокко, Мазепа придавал большое значение внешним атрибутам и символам. Поэтому еще в 1701 году он начинает «духовную» экспансию на Правобережье, в регион, остававшийся пустым по решениям Вечного мира, но чрезвычайно важный и священный для любого казака. С подачи гетмана была восстановлена кафедра епископа Переяславского, которую занял Захарий Корнилович, близкий друг Мазепы. Восстановленная кафедра сразу же получила большие земельные пожалования «по обоим сторонам Днепра»⁶⁹. Следующим этапом гетман восстановил стоявший десятилетиями заброшенный правобережный Трехтемировский монастырь — место, где еще в XVI веке начиналось реестровое казачество и где находилась первая официальная резиденция гетмана. Универсалом Мазепы монастырь этот был теперь включен в Переяславскую епископию, и Захарии Корниловичу было поручено заняться его восстановлением⁷⁰. Наряду с воссозданием Чигиринского полка, возрождение Трехтемирова было истинно знаковым событием для украинского казачества вообще и правобережного в частности.

Это был один из лучших моментов в жизни Мазепы. Самые смелые его мечты начинали сбываться. Устранение Палей, установление гетманской власти в Правобережье создавали прекрасные возможности для подчинения Запорожья. А когда не станет этих очагов бунтарства, можно будет довести до логического конца создание административно-государственной системы. Гетманщина приобретет наконец законченные формы. Такое наследие можно будет спокойно передать потомкам.

Именно в этот период происходит один из самых известных эпизодов жизни Мазепы: его роман с Мотрей Кочубей. Эпизод столь известный, столько раз использованный писателями и поэтами, что не уделить ему внимание совершенно невозможно.

Возвращение Мазепы в Батурин после подчинения Правобережья, безусловно, носило черты триумфа. Старшина, особенно те, для кого идеи Гетманщины не были пустым звуком, встречала гетмана с восторгом. И сам он, как умный политик и зрелый человек, не мог не осознавать величия происшедших событий. Осуществление заветных мечтаний должно было наполнять его душу торжеством. Вместе с этим силы утраивались, а желания возрастали.

В эти золотые дни осени 1704 года Мазепа, конечно, не раз бывал в доме своего кума и соседа генерального судьи Василия Кочубея. Имение Ивана Степановича Гончариха под Батурином располагалось всего лишь в нескольких верстах от имения Кочубея. Как уже упоминалось, одна из дочерей Кочубея, Ганна, была замужем за Иваном Обидовским, племянником гетмана (соответственно, теперь была его вдовой). Младшая, Мотря, крестница Ивана Степановича, к моменту описываемых событий была еще очень юной.

Как вспыхнул этот роман, угадать несложно. В 1702 году у Мазепы умерла жена, тихая и незаметная Фридрикевич. Хотя она не играла никакой заметной роли в Гетманщине и ее имя никогда не упоминалось в описаниях официальных церемоний⁷¹, но тем не менее гетман, славившийся своей популярностью у женского пола, хранил ей верность — по крайней мере никаких фактов романов Мазепы при жизни его жены историками не обнаружено. Теперь было другое дело — вдовец, невероятно богатый, влиятельный государь огромного края, чувствовавший подъем жизненных сил и огромное воодушевление от достигнутого. Дряхлым стариком в свои 65 лет Мазепа отнюдь не был. Многократно уже упоминавшийся Жан Балюз, побывавший в Батурине как раз в месяцы, когда развивался роман с Мотрей, оставил следующее описание гетмана: «Взгляд у него суровый, глаза блестящие, руки тонкие и белые, как у женщины, хотя тело его сильней, чем тело немецкого рейтара, и он прекрасный наездник»⁷².

Такое сочетание мужской силы, огромной воли, ясного ума, безмерной власти и богатства с легкостью покорило Мотрю. К тому же Кочубеевна была девушкой образованной, разбирающейся в литературе (одним из подарков гетмана к ней станет «книжечка»), так что эрудиция, начитанность Мазепы тоже оказали свое воздействие. Наконец, еще один фактор, который мне представляется очень важным: Иван Степанович был искренне влюблен. А страсть со стороны столь выдающегося человека не могла не льстить самолюбию девушки. К тому же ухаживал он очень красиво.

Сохранившиеся письма Мазепы к Мотре, его переписка с Кочубеем позволяют весьма подробно восстановить события, разыгравшиеся в Батурине в конце 1704 года. Между гетманом и девушкой вспыхнул нешуточный роман. Предания, сохранившиеся в Батурине до сих пор, указывают на старинный дуб по соседству с имениями Кочубеев и Мазепы, в дупле которого влюбленные прятали тайную переписку. Помимо большой разницы в возрасте ситуацию осложняло то, что Мотря, как уже говорилось, была крестницей

Ивана Степановича, и по церковным канонам они не могли пожениться. Правда, для всемогущего Мазепы, крупнейшего церковного мецената и личного друга всей украинской духовной иерархии, это была решаемая проблема. Другой, нерешаемой, оказалась позиция родителей Мотри, которые категорически отказались давать свое благословение.

Роковую роль здесь сыграла Любовь Кочубей, женщина с сильным, но склочным характером, имя которой уже упоминалось в связи с конфликтами между старшиной. Любовь была дочерью старого полтавского полковника Жученко, с детства привыкла к власти, любила, чтобы все подчинялось ее воле. Но тут коса нашла на камень. Мотря стояла на своем. Любовь (Мазепа в своих письмах именуется ее мучительницей за тиранское обхождение с дочкой) третировала Мотрю, по некоторым свидетельствам — даже била. И все закончилось тем, что в один прекрасный вечер девушка убежала к гетману.

Сколько она пробыла у Мазепы — неизвестно, но вскоре он отослал ее обратно к родителям в сопровождении стрелецкого полковника Григория Анненкова. Прощаясь в «покое мурованном», Мотря поклялась, «что хоть так, хоть этак будет, но любовь наша не изменится». Мазепа подарил возлюбленной брильянтовый перстень, «лучше и дороже которого у меня не имеется». Гетман целовал «беленькие ручки» и уверял, что «если жив буду, то тебя не забуду».

Мотря была огорчена решением Мазепы отправить ее обратно домой. Тот объяснял, что, во-первых, Кочубеи «по всему свету объявили, что я взял у них дочку ночью силой и держу у себя вместо наложницы». Во-вторых, гетман откровенно признавался, что, если бы Мотря оставалась у него в доме, «я бы не смог никоим образом выдержать, да и Ваша милость тоже. Стали бы мы с тобой жить так, как супружество велит».

Несмотря на всю силу любовного влечения («Моя сердечная любимая, наймилейшая, наилюбезнейшая Мотроненько!»; «Сама знаешь, как я сердечно, страстно люблю вашу милость. Еще никого на свете я не любил так»), Мазепа поступил благородно. Но это ему в заслугу никто не поставил.

Пожалуй, самое яркое художественное изображение этого эпизода представлено в опере «Мазепа» Чайковского. Но то, что происходило на самом деле, было ничуть не менее драматично. В Батурине разгорелись нешуточные страсти. Кочубей написал гетману письмо, заявив, что предпочел бы смерть, чем постигший его позор («О! горе мне мизерному и от всех оплеванному»). Он вопил, что «надежды о дочери

моей, будущей моей утехе, обернулись в плач», что его покрывает «горький срам и поношение» и он не может смотреть в лица людские. В ответ Мазепа тоже не стеснялся. Он писал, что единственная причина печали — это жена Василия Кочубея. Что следовало бы на нее наложить хорошую узду и мундштук, как кладут на кобыл. Сравнивал Мотрю со святой Варварой, которая тоже бежала от тиранства отца — и не в дом гетманский, но в менее презентабельное место — на овчарню. Советовал вырвать из сердца бунтарский дух, навеянный женщиной. И с возмущением спрашивал, о каком блюде может идти речь. Впервые за все свое гетманство Мазепа открыто писал Кочубею, что шестнадцать лет прощал и закрывал глаза на многие его большие «смерти достойные» проступки.

Речь, безусловно, шла о восстании Петрика и других интригах, в которых принимал участие генеральный судья, — «однако ничего хорошего, как вижу, ни терпеливость, ни доброта моя не могли сделать»⁷³.

Гетман пылал жадной мести («знал бы я, как врагам отомстить»), но Мотря запретила ему это делать. Некоторое время они еще переписывались (в течение декабря 1704 года). Гетман посылал девушке книгу, брильянтовое кольцо. Посредниками в их переговорах были некая Милашка и Демьян. Мазепа советовал Мотре, от которой отвернулись все ее родные, идти в монастырь, «а я буду знать, что тогда с вашей милостью делать». Мотря сходила с ума, как писал сам Кочубей, «плевала» на отца и мать.

Не меньше мучился и Мазепа («Сердечно от того болею, что... не могу очей твоих и личика беленького видеть»). В это время он пишет одну из двух дошедших до наших дней дум — «Старик с телом беседует». В ней он рассуждал о седых волосах и молодых желаниях тела, о плотских утехах и мучениях ада⁷⁴. При этом мне представляется несправедливым считать Мазепу «старым греховодником», а Мотрю «очень ограниченным женским существом», как это делал Н. Костомаров. Почему-то никто не укоряет Богдана Хмельницкого за его поздний роман с Еленой Чаплинской, а в уста престарелого генерала Гремина Пушкин вложил прекрасные слова, что «любви все возрасты покорны». Позволю себе сделать предположение, что, если бы Мазепа счастливо женился на Мотре, судьба народов Восточной Европы могла сложиться по-другому.

Почему же так категорически были настроены Кочубей? Некоторые историки⁷⁵ склонны объяснять бескомпромиссную позицию Любви Кочубей тем, что якобы у нее самой

был роман с Мазепой. Еще более фантастичным представляется объяснение, что Кочубей знали о тайных замыслах Мазепы и боялись за судьбу своей дочери. Ни одному историку не удалось найти ни единого документа, который говорил бы о том, что у гетмана до 1706 года имелись «замыслы будущей измены». И уж совершенно невозможно представить туповатого Кочубея и его истеричную супругу в роли тонких политиков, просчитывающих замыслы гетмана на долгие годы вперед. К тому же Мазепа был очень немолод и спокойно мог умереть до «измены», оставив их дочери огромные богатства...

С точки зрения автора, здесь напрашивается другое объяснение. Любовь явно руководила своим мужем (Мазепа не случайно писал Василию, что тот «под пихтой» ходит) и наверняка разжигала его амбиции. Много лет Кочубей вел интриги, стараясь свалить своего соперника и занять его место. Любовь уже не раз представляла себя в роли гетманши и теперь не могла смириться с мыслью, что это место займет вместо нее ее дочь. Кочубей, распаленный женой, считал себя оскорбленным прежде всего тем, что гетман дал ему почувствовать свою власть. Возвращая Мотрю, полковник Анненков, начальник стрельцов из охраны гетмана, якобы заявил Кочубею: «Не только дочь может гетман взять, но и жену твою отнять у тебя может».

Как бы ни были привлекательны эмоции, владевшие сильными мира сего три столетия назад, хотелось бы в заключение подчеркнуть другое: явное несоответствие, которое переходит из работы в работу. Роман с Мотрей, почему-то, как аксиома, считается преддверием и причиной доноса Кочубея. Между тем эти события разделяло более двух с половиной лет, весьма драматичных для судеб Украины и России. Мотря за это время успела выйти замуж за близкого Мазепе человека — генерального судью Василия Чуйкевича. Он был не просто старшиной, но бывшим дворским Ивана Степановича, возведенным им сперва в звание регента генеральной войсковой канцелярии, а потом уже генерального судьи. Кстати, Чуйкевич не покинет гетмана вплоть до Полтавской битвы. Так что причиной казни своего отца Мотря ни в коем случае не была. И разум от горя она не теряла, но наоборот — разделила судьбу своего мужа и была отправлена Петром в 1710 году в Сибирь (несмотря на «реабилитацию» своего отца), где, по-видимому, и умерла. Вот такой печальный конец, но совершенно иной, чем у Пушкина.

Глава 11 ТРИУМФ ПЕРЕД КРАХОМ

В январе 1705 года Мазепа в сопровождении генерального есаула Ивана Скоропадского, десятка войсковых товарищей и многочисленной свиты снова прибыл в Москву. Его ждали, к его приезду готовились. Еще с Нового года запасали продовольствие, корма и припасы. Во время своего пребывания в столице гетман много раз бывал на пирах у Петра, беседовал с его окружением.

С каким настроением Иван Степанович ехал в Москву? Скорее всего, с неважным. Неудачное сватовство, разрушившее внезапно вспыхнувшие надежды на личное счастье, открытая ссора с Кочубеем — своим давним врагом, с которым он, как прилежный ученик Макиавелли, много лет пытался искренне дружить. Да и перспективы Северной войны, о которой только и была речь в Москве, Мазепу не слишком привлекали. В поляков, как союзников, он не верил и только смутно надеялся сохранить за Гетманщиной Правобережье.

Иван Степанович лучше, чем кто-либо из петровского окружения, представлял все сложности союза с Августом. Резиденты Мазепы доносили из Польши, что зимовка «саксонских войск»¹ в коронных областях вызвала «великое роптание» со стороны шляхты. Польские паны, по выражению современника, толпмы вместе со своими женами и детьми переходили в ряды шведских сторонников². Те же, кто оставался верным Августу, требовали от Мазепы и Петра возвращения Белой Церкви и умирения правобережных жителей. В частности, коронный гетман Любомирский жаловался на Самуся, занявшего староство Богуславское³.

В конце марта к Мазепе от Любомирского прибыл пан Радзиевский. Он требовал возвращения Правобережья⁴. Согласно инструкциям Головина, гетман отговаривался сложностями военного времени, тем, что возвращение Белой Церкви вызовет бунты среди местного украинского населе-

ния, особенно теперь, когда в Речи Посполитой и так неспокойно, а король находится в походе⁵.

Планы самой военной кампании постоянно менялись, что, конечно, также раздражало Мазепу. Первоначально планировалось, что казацкие войска соединятся с саксонской армией в районе Киева и направятся в Литву и Лифляндию. Петр тоже должен был идти на соединение с Августом или осадить Ригу⁶. Но в мае Головин передал указ Мазепе идти с войском к Брест-Литовскому, чтобы по дороге разорять маетности Потоцких, сторонников шведов. Казаки должны были, в частности, забирать весь скот и отсылать его в расположение царских войск⁷. Это распоряжение еще не успели принять к исполнению, как царская грамота оповестила о новой диспозиции. Теперь Мазепа должен был выслать три тысячи казаков к Полоцку на соединение с русской армией, а сам с 30 тысячами перейти Днепр и вступить в Польшу «прошлогодним путем», а не идти к Брест-Литовскому, как думали раньше. Имения Потоцких предписывалось разорять всеми мерами, не щадя ни жилища, ни имущество, ни людей⁸. Чуть позже маршрут движения гетмана был уточнен: на Львов, а затем к Сандомиру, «поспешая»⁹.

В конце мая Прилуцкий и Киевский полки во главе с полковником Дмитрием Горленко направились в Литву и в июле были уже под Вильно¹⁰.

Сам Мазепа 24 июня с войсками переправился через Днепр¹¹. Он мог выступить еще месяц назад (согласно первоначальному плану, идти следовало «по первой траве»¹²), но направлявшийся вместе с ним русский отряд под командой Неплюева оказался неготовым к походу¹³. Левобережье гетман покидал с тяжелым чувством. В крае было неспокойно. Недовольство населения в связи с тяготами войны росло. Еще в первый год Северной эпопеи Мазепа подал Петру жалобу на притеснение «малороссийских жителей» от русских полков¹⁴. Стал ощущаться и серьезный экономический ущерб из-за нужд военного времени. Так, царский указ предписывал закупать в Чернигове, Нежине и Переяславе хлеб по самой низкой цене на три года. Любые попытки купцов перекупить хлеб для винокурения строго пресекались, что сильно подрывало доходы как мещан, так и казаков¹⁵.

К тому же снова началось своевольство запорожцев. Мазепа писал Головину о своем давнем недруге Косте Горденко: «Запорожцы ни послушания, ни чести мне не отдадут, что имею с теми собаками чинити? А все то приходит от проклятого пса кошевого... Для отмщения ему разных уже

искал я способов, чтоб не только в Сечи, но и на свете не был, но не могу найти...»¹⁶ Часть запорожцев была направлена для службы в новую строящуюся столицу Петербург. Губернатором там был Меншиков, и с марта 1705 года у Мазепы начинается активная переписка с ним о запорожцах, которые самовольно покидали службу. Как хорошо известно, условия для работы в холодном, сыром, болотистом климате будущей Северной столицы были крайне тяжелыми, особенно для выходцев из южных степей. Но и попали-то запорожцы в Петербург не случайно, а в результате своих постоянных своеволий.

Проблема эта, видимо, имела большое значение, так как адмирал Головин тоже писал Мазепе о бегстве запорожцев из Петербурга¹⁷. Для гетмана эта ситуация стала очередной серьезной головной болью. Поймать беглецов он мог. Но как их отправить обратно в Петербург? Под охраной своих казаков? Бессмысленно. Иван Степанович в послании к Меншикову объяснял, что нельзя запорожцев отсылать с украинскими конвоями — те все равно дадут им сбежать, так как «ворон ворону глаз не выклюет»¹⁸. В самом же Запорожье летом опять заговорили о союзе с Крымом¹⁹. Правда, Мазепа не слишком верил в возможность похода татар и запорожцев. Как он с оттенком презрения писал о сечевиках Меншикову, «набрехавшись губами», запорожцы на самом деле ничего делать не будут. Его осведомители из Запорожья тоже подчёркивали: у нас не всегда то случается, что на радах говорится, и теперь ничего из того не выйдет, так как уже почти все войско кто по соль, кто на рыбалку с Сечи разошлось²⁰. Несмотря на эти успокоительные заявления, на границе с Украиной шли открытые приготовления крымского хана и турецкого султана, которые намеревались совместно с запорожцами выступить в поход на украинские города²¹.

Кроме того, кошевой атаман Костя Гордеенко (тот самый, которого Мазепа с Головиным мечтали уничтожить) заявил о желании запорожцев иметь границу между Россией и Турцией не по Днепру (о чем шла речь на переговорах Украинцева в Константинополе), но по Бугу²². В Запорожье была послана царская грамота, требовавшая от казаков ни в чем не препятствовать работе межевой комиссии. Посланец Мазепы, прибывший в Сечь с этой грамотой, убеждал запорожцев, что установление границы с Турцией делается исключительно «для их же добра и всего малороссийского народа». За это кошевой Гордеенко «своими руками мало не до смерти перначом убил» посланца гетмана²³.

В поход Мазепа выступил с немалой помпой. С ним шли 40 тысяч казаков и 15-тысячный отряд Неплюева, который был «под генеральным командованием ясновельможного его милости пана гетмана». Войско сопровождали 23 пушки и 11 тысяч возов. Очевидец событий так описывал передвижение полков Мазепы: «Первым идет полк Фастовский Михайлов, он и место для табора выбирает, и встает на передней страже. Потом идут полки войска компанейцев и сердюков. Потом идет ясновельможный его милость пан гетман. Перед ним носят булаву, над ним бунчук с немалым и пристойным сопровождением. Потом идут городовые полки линией и на флангах. Пехота как московских полков, так и полк пеших сердюков идет с пушками, амуницией и табором, в резерве идут два полка, то есть Самуся и Искры; и так стоят в резерве. Потом идет группа Неплюева или на фланге, или сзади». Очевидец также отметил, что двор гетмана, и то, как он шел в поход — с серебряной посудой, шатрами, конями и прочим, — «во всем может равняться с королевским»²⁴.

13 июля войска Мазепы были уже под Константиновом. В конце июля Иван Степанович, переправившись через Случ, вошел в воеводство Волынское и прибыл под Збараж, где имел встречу с коронным подкоморием Любомирским, братом коронного гетмана²⁵. Тот приезжал якобы с «приветом», обедал у гетмана и просил об охранной грамоте на свои имения. Как сообщал Иван Степанович своим русским корреспондентам, Любомирский вел с ним длительные беседы, стремясь узнать его замыслы, «но ничего не мог из меня вытянуть, так как я поступал с ним осторожно как в словах, так и в деле»²⁶.

Получая тревожные сведения с границы, Мазепа чувствовал себя неуютно. Он писал 27 июля Меншикову: «О себе вашей вельможности сообщаю, что вошел сюда как агнец среди волков». Он отмечал, что практически никого нет благожелательного Августу — «разве что когда царского величества и королевского величества будет рука сильнее, они будут вынуждены не по добродетельности, но по принуждению быть благожелательными». Польская администрация и евреи бежали вглубь Польши.

Для поднятия настроения украинско-русского войска («оное потешу») Мазепа распорядился взять контрибуцию со Збаража и Брод. В середине августа²⁷ Львов добровольно отдался под защиту гетмана²⁸. Местные православные, посещавшие Мазепу с «хлебом-солью», предупреждали его: «...вся шляхта самые исконные враги наши» и предлагали, раз по-

ляки сами попали в руки казакам, «ни одного их отсюда из дома их не выпустить». Правобережные полки Самуся и Искры гетман направил от Павлочи в воеводство Винницкое грабить маестности Потоцких и Лещинского, брата короля. При этом им строго предписывалось не трогать крестьян.

Внешне польские власти приветствовали прибытие войска Мазепы. В августе оба польских главнокомандующих — Любомирский и Сенявский — направили к Ивану Степановичу послов с поздравлениями по поводу «вступления в пределы Речи Посполитой». Послы эти должны были оставаться в казацком войске «для совещания о военных действиях»²⁹. Любомирский торопил Мазепу, чтобы казацкое войско скорее соединилось с польским³⁰.

Но от Голицына и Петра приходили совершенно иные инструкции. Гетману приказывалось быть очень осторожным, стоять в «крепком месте», в бои с неприятелем не вступать, но только утомлять его набегами и подъездами³¹.

Мазепа, все дальше продвигаясь в коронные польские земли, сталкивался с огромным количеством трудностей. В частности, находясь под Люблином, он писал Головину о невозможности собрать контрибуцию «с непокорных поляков» и достать у них лошадей. От осведомителей приходили тревожные известия, что татары договариваются с Потоцким, чтобы никого не выпустить из Волыни. В середине августа стало известно о приходе шведского короля в Варшаву. В середине сентября, находясь в воеводстве Любельском, Мазепа просил адмирала прислать ему скорейший указ, куда идти дальше³².

Складывавшаяся ситуация вызывала у Ивана Степановича раздражение. Он писал Меншикову, что на свои письма ответов не получает, почта работает плохо, царского указа о дальнейших действиях нет. Между тем коронные гетманы повернули домой и собирались уже через пару недель встать на зимние квартиры. Про шведов было слышно, что они тоже не предпринимают никаких действий и планируют зимовать в Варшаве. Мазепа спрашивал, что же ему теперь делать, ведь идти на Варшаву и шведов он не может, так как во всех царских распоряжениях предписывалось не давать сражения. К тому же на конец октября планировалась коронация Лещинского, что делало положение казацких войск, призванных в Польшу Августом, особенно шекотливым³³.

Наконец пришел указ от Головина добывать сильнейшую польскую крепость Замостье, одновременно продолжая набеги на неприятеля и собирая с поляков провиант и лоша-

дей³⁴. Кроме того, предписывалось направить отряд под Варшаву, в целях демонстрации силы Карлу и его союзнику Лещинскому.

Мазепа послал под Варшаву черниговского полковника и наказного гадячского с девятью тысячами казаков. Что касается Замостья, то к идее взять эту крепость в условиях быстрого надвигающейся зимы Иван Степанович отнесся, мягко говоря, скептически. Напомню читателю, что в свое время по тому же пути, по которому теперь шел Мазепа, двигался Богдан Хмельницкий со своей победоносной армией в 1648 году. И тогда именно под Замостью это движение было остановлено и казацкие войска повернули домой. Мазепа достаточно откровенно писал Меншикову: «О Замостье, как я вижу, и мыслить нечего, так как уже остереглись...» К тому же начались сильные морозы, которые сменялись дождями, от чего войска, стоящее в голом поле, понесло крупные потери. Мазепа описывал и другие подробности: «Уже головы моей не хватает, Бог видит, иногда без ума остаюсь от постоянных докуч от сенаторов, урядников и другой местной шляхты, которые каждый день большими толпами приезжают, прося о справедливости, так как войска, будучи голодно, больше себе позволяет, чем им велют...» Гетман писал про случаи грабежей церковью и костелов, особенно частые среди людей полка Неплюева, которые пошли в поход без достаточного запаса провианта³⁵, и объяснял, что никакие наказания не могут остановить это явление³⁶.

Скептическое отношение к походу на Замостье у Мазепы еще больше усилилось, когда из Варшавы пришло известие, что Карл XII идет в Литву на российское войска, а Лещинский с польскими и шведскими отрядами направляется к Замостью с намерением подчинить себе Малую Польшу.

Подойдя к крепости, Мазепа направил ординату (коменданту) Замостья требование пустить в город его войска, присягнуть Августу и разместить у себя украинский гарнизон. Коронные гетманы располагались в трех милях, ожидая исхода переговоров. Ответ ордината был не слишком обнадеживающий: он заявлял, что готов присягнуть Августу и пустить в крепость королевскую пехоту, но с условием, что сам останется комендантом. Речи о вступлении в город украинских войск не шло. В это же время к Мазепе прибыл курьер от Августа, с предложением, чтобы гетман заплатил ординату якобы условленную за сдачу крепости сумму — 15 тысяч талеров. Иван Степанович объяснял в письмах к Головину и Меншикову, что требуемой суммы у него нет, есть только 3 тысячи золотых червонцев³⁷.

В этих и без того невеселых условиях в начале октября к Мазепе приезжает некий пан Францишек Вольский, направленный к нему от новоизбранного польского короля Станислава Лещинского. Это был первый известный факт контакта гетмана со сторонниками шведской партии. В секретной инструкции, данной Вольскому, Мазепе обещали княжество Малороссийское, «всякую вольность» и «освобождение из-под владения тиранского»³⁸. Лещинский предлагал предоставить любые гарантии от шведского короля, в частности, обязательство включить данное соглашение в будущий договор с Россией³⁹.

Появление Вольского в обозе у Мазепы, по соседству с русским отрядом Неплюева, было крайне опасно для гетмана. Как всегда в подобных ситуациях, Мазепа действовал решительно и четко. Он выслушал Вольского наедине на тайной аудиенции, а затем приказал арестовать его полковнику Григорию Ивановичу Анненкову (командиру его русской, стрелецкой гвардии, тому самому, который в свое время отвозил домой Мотрю). Вольского подвергли допросу с пыткой, а затем в кандалах направили в Киев, к Дмитрию Михайловичу Голицыну. Секретные инструкции и письма Лещинского Мазепа отослал Петру. В сопроводительном письме Мазепа сокрушался по поводу враждебных действий «не так от дьявола, как от враждебных недоброхотов», постоянно на протяжении всего его гетманства «покушающихся своими злохитрыми прелестями искусить, а найпаче изменить мою, никогда не переменную к вашему величеству подданную верность». Несмотря на искушения, он заверял, что продолжит «по должности моей гетманской» работать, «аки столп непоколебимый и аки адамант несокрушимый»⁴⁰.

В условиях, когда стояние под Замостьем затягивалось, Головин посылает указ Мазепе начать переговоры с коронными польскими гетманами⁴¹. 21 октября ординат в очередном письме заявил, что он сам способен защитить свою крепость и не может по ряду причин впустить в Замостье украинский гарнизон⁴². Однако почти сразу после этого в стан к Мазепе прибыл посланец Августа пан Накваский, который был опять направлен к ординату на переговоры. Его отъезд гетман сопровождал такими пожеланиями: «Дай Боже, чтобы что-нибудь хорошее там сделал». Надежды его на успех были тем более призрачными, что в те же дни в Замостье проник брат ордината, прибывший с известием о скором подходе шведов⁴³. В письмах Мазепы к ординату ставился ультиматум, что если гарнизон не будет впущен, то он предпримет штурм и будет опустошать предместья «огнем и мечом».

Накваский дважды ездил в Замостье, но ничего не добился. Ординат на угрозы отвечал, что будет защищаться. Правда, было заявлено, что к Августу и Петру послан шурина ордината с целью получения официальных писем за их подписью и печатями с требованием сдачи Замостья. Ординат объяснял, что такие документы ему нужны, чтобы в дальнейшем объяснить свой поступок Речи Посполитой⁴⁴.

Приближался ноябрь, и каждый день ожидания был крайне тягостным. Шурина ордината не возвращался. Мазепа начал переговоры с коронными гетманами, чтобы те оказали давление на коменданта Замостья. Без всякого энтузиазма он писал Меншикову, что если и гетманы не уговорят пустить царский гарнизон, — «то пустая надежда». Его волновал вопрос, что делать, если крепость добровольно не сдастся. В своих письмах Мазепа описывал весьма безрадостную картину: войско оголодало, в холод стоит в поле, для лошадей не достает даже соломы, не говоря уже о сене. Что касается крепости, то штурмовать ее, по мнению Ивана Степановича, было бы очень трудно, «так как очень мощная, как... сам я, объезжая, присмотрелся, пушек... двести штук с лишним, а у меня для штурма ни мжджеров, ни пушек ломовых нет». Окончательно настроение Мазепе портила возобновившаяся от холодов его давнишняя подагра⁴⁵.

Все закончилось, однако, неожиданным триумфом. Ординат сдался, и 17 ноября гарнизон Мазепы вступил в Замостье. После этого гетман принял решение об отступлении на Волынь, объявив Головину о невозможности его войскам зимовать в воеводстве Бельском или Холмской земле⁴⁶. Разумеется, он чувствовал себя гораздо уютнее в Правобережье, которое считал своей территорией, чем во враждебных польских областях.

Надо сказать, что к этому времени позиция Мазепы по отношению к правому берегу Украины вполне определилась. В ноябре он пишет пространное письмо Головину и излагает в нем свое мнение о затруднениях, которые не позволяют уступить во владение польскому королю городов, лежащих на Правобережье⁴⁷.

Правда, положение Мазепы было двойственным. С одной стороны, он получил в конце ноября приказ от Петра и Августа начать сбор в Правобережье волов для использования их под артиллерию в будущей кампании⁴⁸. С другой стороны, на Волыни его со всех сторон окружали враждебные польские войска. Под Киевом стояли 25 хоругвей коронных гетманов, в воеводствах Брацлавском и Подоль-

ском — войска Любомирских. Польские войска вели себя очень агрессивно: не позволяли казакам брать станции, избивали их. Мазепа писал Меншикову, что с трудом сдерживает своих, чтобы не начались вооруженные конфликты. В украинском войске, четыре года находящемся на фронтах Северной войны, все сильнее ощущалась нехватка кормов и продовольствия.

Ситуацию усложняло то, что под командой Ивана Степановича были все вновь образованные правобережные полки во главе с Самусем и Искрой. Учитывая их яркую антипольскую настроенность, возникал вопрос, с какой целью им было защищать интересы Августа, когда этот король и его сторонники настойчиво добивались возвращения Правобережья. Между тем в ситуации двоекоролья и страшной внутренней смуты, раздиравших Речь Посполитую, Мазепа полагал возможным и своевременным настаивать на объединении Гетманщины. В окружении Петра придерживались иного мнения.

Ставка царя была в Гродно, там же находился и Август. В декабре канцлер Радзивилл и коронный маршал Денгоф предложили Головину мемориал, в котором, в частности, настаивали на возвращении Белой Церкви и других правобережных крепостей. В итоге переговоров Петр подписал тайную резолюцию: «Государь соглашается отдать сии крепости, хотя к крайнему малороссийскому убытку, но должны прежде прощени быть тамошние жители»⁴⁹.

Знал ли об этом Мазепа? В его переписке с Головиным и Меншиковым нет и намека на это. Но ведь еще в июне он посылает к царю Войнаровского⁵⁰, который вместе с Иваном Чернышом неотлучно находился при ставке Петра в Гродно и через своих осведомителей мог догадываться, какие соглашения подписывались с польской стороной. В декабре Мазепа с заметным раздражением писал гадячскому полковнику Василию Велецкому в ответ на жалобы о плохих станциях: «Сам уж, ваша милость, позаботься о том, чтобы, как полагается, могло товарищество полка вашего довольно быть станциями, если им не можете удовлетвориться в назначенных вам воеводствах бельзком и волинском, то хоть воеводство руськое и часть земли львовской... занимайте», но только «нам больше о том не докучайте, когда и без того у нас каждый день столько проблем»⁵¹.

Иван Степанович сразу же после отхода от Замостья⁵² расположился в Дубно, надеясь в сносных условиях провести зиму и поправить здоровье. Но не тут-то было. Именно в это время начинаются все неприятности.

Мазепа получает с нарочным курьером письмо от прилуцкого полковника Дмитрия Горленко, который в качестве наказного гетмана командовал казаками, находившимися под Гродно с российскими войсками. В пространном послании Горленко излагал многие «обиды, поношения, уничтожения, досады, коней разграбление и смертные побои», которые казаки терпели от старших и средних русских командиров. Дошло до того, что самого Горленко, когда он ехал куда-то по делам со старшиной, сбросили с коня; русские забрали всех их лошадей в подводы.

Эти конфликты возникли не вдруг. Проблемы у казаков на службе в Литве начались еще в конце лета. В сентябре Горленко писал в Москву о нуждах казаков, находящихся под начальством генерала Рена. Тогда же было подано прошение от лица старшего и меньшего товарищества Прилуцкого и Киевского полков с просьбой об отпуске домой и с изложением понесенных ими обид и убытков⁵³. Реакции со стороны российского командования не последовало. Теперь Горленко наконец нашел способ уведомить обо всем непосредственно Мазепу.

Но это было не все. С тем же курьером гетман получил послание и от Ивана Черныша, находившегося при ставке Петра. Черныш переслал копию царского указа, согласно которому Киевский и Прилуцкий полки должны были отослать в Пруссию для муштры и переустройства их в регулярные части.

Как писал генеральный писарь Мазепы Орлик, он лично прочитал эти два послания гетману. Иван Степанович страшно разгневался и, не сдерживаясь, воскликнул: «Какого же нам добра впредь ждать за нашу верную службу?! И кто был бы таким дураком, как я, чтобы до сих пор не принял бы противную сторону на таких условиях, какие Станислав Лещинский ко мне прислал?!»⁵⁴

Почему последовала такая резкая реакция? Дело было не в конфликтах с русскими офицерами. Хотя, безусловно, раздражение казачьих войск на тяжелую, неблагодарную службу на фронтах Северной войны отчасти переходило на Мазепу и подрывало его авторитет и власть в Гетманщине. Усиление недовольства запорожцев было только одним из проявлений этого явления. Вообще Северная война оказалась совершенно иной для Украины в отличие от Азовских походов. Сражения с привычным и хорошо известным противником — татарами и турками — приносили победы, славу и добычу. Иное дело — шведы. Лучшая регулярная армия Европы была не под силу не только казакам, но и новым пе-

тровским полкам. Отсюда неудачи, разочарования и конфликты. Сражения приносили одно только экономическое разорение. Люди роптали. Ситуацию мог исправить триумфальный поход через Польшу. Но спасти Августа, а взамен потерять Правобережную Украину, население которой с восторгом встречало вступление казацких войск, — это было чересчур. Но мало того, переформирование казацких городских полков в драгунские грозило гораздо более серьезными последствиями. Ведь вся система административного управления Гетманщины строилась по полковому признаку (полки, сотни и т. д.), и полковая старшина выполняла роль администрации. Уничтожив городские полки, петровский указ тем самым ликвидировал гетманскую власть и автономию Украины.

Через некоторое время в Дубно приехал и сам Горленко. Он написал к Шафирову, прося отпустить его домой ввиду болезни ноги⁵⁵, и добился согласия на отъезд у генерала Рена, подарив ему несколько хороших коней и 300 ефимков. Уезжая, Горленко оставил полки под командой своего сына. Он объяснил Мазепе свой отъезд тем, что боится, как бы его не отослали в Пруссию. О чем гетман разговаривал с одним из самых талантливых и близких ему полковников — мы можем только догадываться.

Почти сразу после приезда Горленко Мазепа был приглашен в Белую Криницу, имение князя Вишневецкого, воеводы краковского. Князь просил гетмана быть крестным отцом его дочери. Крестной матерью новорожденной была княгиня Дольская. Сам факт кумовства Мазепы с польской элитой не был чем-то необыкновенным. Еще в Крылове он крестил сына волынского каштеляна пана Радзиминского⁵⁶. Годом позже та же Дольская будет крестить детей вместе с Б. П. Шереметевым и Реном⁵⁷. В дальнейших событиях знакомство с пани Дольской сыграет большую роль.

Несколько дней продолжались пиры и разговоры. Орлик называл княгиню «прелестницей». Скорее всего, дважды бывшая замужем, но все еще молодая и очаровательная Дольская была приятной собеседницей для Мазепы. Своим вниманием и обаянием она отвлекала его от невеселых мыслей и льстила его мужскому самолюбию. Но нет никаких оснований говорить о том, что княгиня, тайная сторонница Лещинского, уже в тот момент могла убедить гетмана изменить царю. Начало переписки, обмен шифрованными ключом тоже на самом деле ни о чем не говорят. Ведь хорошо известно, какая широкая осведомительская сеть была у Ивана Степановича. Он мог рассматривать «прелестницу» ис-

ключительно как удобного информатора непосредственно из лагеря Лещинского. Если бы уже тогда, зимой 1705/06 года, Мазепа имел в голове какой-то далекоидущий план, то, скорее всего, он не стал бы с первых шагов посвящать в него Орлика. Ведь он прекрасно мог найти способ переписываться с княгиней и без ведома своего генерального писаря.

Вернувшись в свою ставку в Дубно, Мазепа направил Дольской благодарственное письмо за оказанное внимание и сразу опять столкнулся с теми проблемами, которые так расстроили его перед отъездом в Белую Криницу.

Генеральный есаул Иван Скоропадский привез ему царский указ возвращаться в Украину. Мазепа догадывался, что его хотят удалить, чтобы проще было решить вопрос с Правобережьем. Уезжать в Батури в момент, когда решались ключевые для будущего Гетманщины вопросы, он не хотел. В своем послании к Петру гетман спрашивал, почему его отсылают — из-за пошатнувшегося ли здоровья или для дела. Ибо он «если будет монаршим интересам потребно, и умерети» готов на службе.

В результате Мазепа остался зимовать в Правобережье. Но до него дошла еще одна новость: уезжая из Гродно в Москву, Петр поручил верховное командование Меншикову. Иван Степанович направил Александру Даниловичу поздравления в связи с таким высоким назначением⁵⁸, но в глубине души не мог этому радоваться. Новый фаворит царя вызывал у него резкую антипатию. Может быть, Мазепа инстинктивно чувствовал, что именно Меншиков сыграет роковую роль в его судьбе?

Глава 12

НЕПРИЯТНОСТИ

1706 год начинался необычно для политической элиты Гетманщины. Вместо традиционной старшинской рады на Рождество в Батурине, вместо ставшей уже обязательной встречи Мазепы с Петром и его ближайшим окружением — тревожная зимовка в Правобережной Украине. Постоянные конфликты с поляками, двойственность положения, тревога за будущее.

В конце декабря гетман получил царский указ об отправке войска наказного полковника Черниговского в Польшу, к Кракову и Сандомиру, для соединения с саксонской армией¹. Подтверждений решения о реорганизации городских полков пока не было. Мазепа наверняка был в курсе манеры Петра скоропалительно принимать некоторые решения, а потом так же быстро их отменять. На этот раз все обошлось, но сам факт подобных замыслов был весьма тревожным. Также не был подтвержден указ о возвращении гетмана в Украину. Наоборот, в середине февраля, после получения «четвертого царского указа», Мазепа выступает со своим войском из Дубно в Литву², для продолжения военных операций — «хотя еще небольшую чувствую отраду в подагре моей и в болезнях облегчение»³.

Между тем дела союзников обстояли все хуже и хуже. Шведы вошли в Белоруссию, где местная шляхта, включая и польного литовского гетмана Огиньского, поспешила признать Станислава Лещинского. Войско Августа потерпело крупное поражение. Меншиков тем временем двинулся к Бресту и соединился со стоявшей в Гродно армией⁴, но шведы, находясь поблизости, затрудняли снабжение продовольствием. Петр был в Минске, ожидая подхода Шереметева и Хованского, которые шли от Смоленска⁵.

В марте гетман был уже в Минске. Войска при нем имелось немного, до 14 тысяч человек⁶. Ему было приказано совершать рейды против шведских войск. Для этой цели в Не-

свиже был поставлен отряд стародубского полковника Миклашевского, а в Ляховичах — переяславского Мировича. И тут случилось несчастье — шведы ночью напали на Несвиж и перебили сонных казаков. Миклашевский погиб. Почти одновременно в середине марта в Ляховичах был осажден Мирович.

Это был очень тяжелый удар. Бессмысленность гибели украинских войск на чужой земле в борьбе за чужие интересы была очевидна многим, не исключая Мазепу. Надо было спасти переяславцев. Гетман направил на выручку Мировичу отряд Неплюева, но по дороге те встретили шведов и узнали, что сам Карл XII идет к Ляховичам. Русские отступили, а Мазепе пришел указ идти к Быхову. Иван Степанович написал коронному литовскому гетману князю Вишневецкому (сыну княгини Дольской), прося его спасти Мировича, а сам пошел под Быхов. Но комендант этой крепости отказался пускать царский гарнизон. Что касается Вишневецкого, то он отговаривался всякими осложнениями. Вскоре выяснилось, что и коронный гетман литовский, как и многие местные магнаты, уже стал тайным сторонником Лещинского. Литва раскололась. Одновременно действовали два трибунала: один — короля Лещинского в Вильно, другой — короля Августа в Минске. И, как писал Мазепа, последний не пользовался у местной шляхты авторитетом.

У Ивана Степановича оставалось всего около двух тысяч человек. Предпринять что-либо в этих условиях он не мог и, поручив Мировича воле Божьей, начал отступать на Левобережье⁷. Перед отходом он дал приказ черниговскому полковнику Павлу Полуботку забрать все пушки из крепости Броды и отправить их в Киев. Действия казаков вызвали страшное недовольство в Литве, но Мазепу это уже не волновало⁸. По дороге домой его нагнало известие, что Ляховичи были взяты шведами. Часть казаков ушла через Белоруссию в Украину, а Мирович и другие старшины попали в плен. Это был второй удар, горем отозвавшийся по Украине. Впоследствии, несмотря на заступничество жены Лещинского, Мирович был отправлен в Стокгольм. Мазепа передал в Малороссийский приказ свыше тысячи ефимков для выкупа пленных, но ничто не помогло, и переяславский полковник так и умер в шведском плену.

Как позднее сообщал Орлик, пока Мазепа был еще в Минске, он получил от княгини Дольской шифрованное письмо, в котором та извещала о возвращении своего посланца от двора какого-то безымянного короля. Выслушав письмо, гетман якобы засмеялся (если верить Орлику) и

сказал: «Дурная баба! Хочет через меня обмануть царское величество, чтобы, отступя короля Августа, он принял в свою протекцию Станислава и помог ему получить королевство польское. За это он обещает предложить такие способы, благодаря которым царское величество сможет побить и победить шведов. Я уже говорил об этом ее дурачестве государю, и его царское величество смеялся»⁹.

Это сообщение наводит на серьезные размышления. Вряд ли можно предполагать, что Орлик, глубоко верующий человек, стал бы лгать своему духовному отцу в своей, по сути, исповеди. Кроме того, Яворский, будучи в 1721 году, когда писалось письмо, местоблюстителем Патриаршего престола и близким к императору человеком, мог легко проверить такие заявления. Из этого можно сделать вывод, что, когда Дольская вела первые переговоры с Мазепой, она действительно говорила только о возможности союза Петра с Лещинским. Если бы у гетмана к весне 1706 года имелось какое-нибудь соглашение со шведской партией против Петра, он наверняка нашел бы способ через того же Вишневецкого (сына Дольской) спасти своего верного полковника Мировича и вообще уклонить свои войска от кровавых столкновений со шведами. Поэтому позволю себе высказать предположение, что весной 1706 года Мазепа не только «не был склонен к измене царю», как безосновательно писал Костомаров, но и, наоборот, рассматривался Карлом как опасный противник, с которым нужно было жестко бороться.

В конце мая Иван Степанович наконец вернулся домой, как он писал Петру, «после годовой вашего царского величества службы, еле живой от многих трудов, волнений, печали и от приключившейся болезни»¹⁰.

Перспективы и надежды были смутные. Единственным отрядным событием мог стать планировавшийся приезд в Украину Петра. Царь должен был впервые прибыть в Гетманщину, в частности — в Киев, и к этому заранее готовились. Мазепа, безусловно, связывал с этим визитом большие надежды и возможность на месте обсудить животрепещущие вопросы.

Настроение гетмана в этот период — нервное, раздраженное и крайне настороженное — ярко характеризует следующий эпизод, известный из описания Орлика. Находясь уже в Киеве, Мазепа получил шифрованное письмо от княгини Дольской. Орлик перевел его в спальне гетмана и сразу же прочитал. Княгиня от имени Станислава Лещинского предлагала Мазепе начинать «дело намеренное», обещала

скорое прибытие из Волыни шведского корпуса и исполнение всех желаний Ивана Степановича, какие он только выдвинет. На это она обещала прислать подтверждение Лещинского и гарантию Карла. Гетман слушал это послание «с великим гневом», затем, разъяренный, вскочил с постели и принялся кричать: «...проклятая баба обезумела!» Мазепа в гневе повторял, что сперва Дольская предлагала уговорить Петра принять под свое покровительство Лещинского, а «теперь иное пишет». «Беснуется эта баба, хочет меня, ношеную и искусную птицу, обмануть. Беда была бы крайняя, если бы я позволил хоть одной бабе прельститься». Весьма характерны и следующие слова, которые, если верить Орлику, в гневе сказал Мазепа, — что Лещинский «сам не надежен своего королевства», то есть его положение очень шаткое, что Речь Посполитая раздвоена — так какой может быть фундамент для предложений Дольской? Исходя из этого, можно предположить, что летом 1706 года в глубине души Мазепа уже искал выход из складывавшейся ситуации, но в перспективы союза с Лещинским пока не верил. Неудивительно, что Мазепа сжег на глазах Орлика письмо Дольской и велел ему написать ответ с требованием прекратить эту корреспонденцию, которая «меня может погубить»¹¹.

Как чаще всего и бывает, большие надежды обернулись новыми крупными разочарованиями. Древняя столица не произвела на Петра особого впечатления. Возможно, он уже заранее был настроен Меншиковым, который писал, что и защищать город нет смысла — «там только одна соборная церковь да монастырь»¹².

Самая знаменитая сцена, описанная Орликом, произошла во время приема, который дал в Киеве Мазепа в честь приезда царя. На этом обеде Меншиков, «будучи маленко шумен и силен», взял гетмана под руку, сел с ним на лавку и громким шепотом, так, что стоявшие рядом старшины могли слышать, сказал ему на ухо: «Гетман Иван Степанович, пора ныне приниматься за этих врагов». Мазепа, рукой остановив тактично удалявшихся старшин, нарочно громко ответил на ухо Меншикову: «Не пора». Тот упорствовал: «Не может быть лучшего времени, как теперь, когда здесь сам царское величество с главной своей армией». Мазепа возражал: «Опасно будет, не закончив одной войны с неприятелем, начинать другую внутреннюю». А Меншиков свое: «Их ли, врагов, опасаться и щадить? Какая от них польза царскому величеству? Ты сам верен царскому величеству. Но тебе надо доказательство этой верности показать и память о

себе в вечные времена оставить, чтобы и впредь будущие государи знали и имя твое благословляли, что один был такой верный гетман Иван Степанович Мазепа, который такую пользу государству Российскому принес»¹³.

Разговор этот прервал Петр, который собрался уходить. Мазепа проводил царя и вернулся к старшине, спрашивая, все ли они слышали, что светлейший князь говорил. И добавил: «Всегда мне эту песенку поют, и на Москве, и на любом другом месте. Не допусти им только, Боже, исполнить то, что думают». Орлик писал, что «эти слова поразили страхом слышавших их».

Начался ропот среди полковников. Они собирались, совещались, негодовали на тяжелые и долгие походы, разорявшие казаков, в которые их отправляли по царскому указу. А за все потери и трудности не только нет к ним милости, но и наоборот — «ругают нас, и унижают, и бездельниками называют, и верную нашу службу и в полушку не ставят, а теперь и о гибели нашей промышляют»¹⁴.

Жалобы на оскорбления и притеснения от российских офицеров сыпались со всех концов — из Гродно, Почепа. Мазепа был вынужден доносить Головину о жалобах, поступивших от старшины Черниговского и Киевского полков¹⁵. О тяготах и оскорблениях гетману писали не только из старых реестровых полков, но и из охочего, который возглавлял Марк Леонович¹⁶.

Во время пребывания Петра в Киеве случился еще один инцидент, имевший большие последствия: царь осмотрел крепость и согласился с мнением Меншикова, что она очень плохо расположена. Было решено построить новую, на месте Печерского монастыря¹⁷.

Начинается эпопея строительства Печерской крепости, которая тяжелым бременем легла на Украину — как в переносном, так и в прямом смысле. Строительными работами занимались казаки. Надсмотрщиками были россияне. Они били казаков палками по голове, резали уши и «всякое поругание чинили». При этом из украинских городов доходили сведения, что рекруты и обозы, проходившие через территорию Украины в головную царскую армию, грабят и палят казацкие дома, забирают лошадей и скот, насилуют казацких жен и дочерей, а сопротивляющуюся старшину «бьют смертными побоями».

Ропот стоял страшный. Положение Мазепы было незавидным: все считали, что он, выполняя царские указы, подвергает разорению свой край. Особенную тревогу должен был вызвать у него протест, выраженный двумя самыми

влиятельными и близкими ему полковниками: миргородским Павлом Апостолом и прилуцким Дмитрием Горленко. Они прямо заявили: «Глаза всех на тебя смотрят и не дай Бог тебе умереть, мы все останемся в такой неволе, что и куры нас заклюют». «Как мы всегда Богу молимся за душу Хмельницкого и имя его благословляем за то, что он Украину от ига лядского освободил, так, наоборот, мы и дети наши в вечные времена душу и кости твои проклинать будем, если за гетманство свое после своей смерти в такой неволе нас оставишь».

Молча сносить создавшуюся ситуацию было уже невозможно. Мазепа предложил отправить делегацию во главе с Горленко и Орликом к царю с просьбой подтвердить права и вольности Гетманщины. Однако эта затея не удалась: гетман проконсультировался с Дмитрием Михайловичем Голицыным, киевским воеводой, и тот намекнул, что подобное обращение Петру будет неудобно, а сам Мазепа этим только навлечет на себя беду и погубит старшин¹⁸.

Мазепа тогда так и не написал царю о притеснениях и обидах казаков. Вероятно, предупреждение Голицына было обоснованным: и тот, и сам Мазепа прекрасно знали взрывной характер царя, который не считался с любыми потерями на избранном им пути. К тому же в это время гетман лишился своего друга и соратника: 31 июля 1706 года в небольшой деревушке на Киевщине от горячки скончался граф Федор Головин. Как говорили современники, он «один почти вел все важнейшие дела»¹⁹. Это была очень тяжелая потеря для Российского государства, для Петра. Но, как выяснилось позже, это стало и одним из главных трагических звеньев в цепи событий, изменивших судьбу Украины.

Смерть Головина еще больше укрепила позиции царского фаворита Александра Меншикова — фигуры роковой для Мазепы и Гетманщины. «Полудержавный властелин» был близок к зениту своей власти, славы и влияния, которое он оказывал на Петра. Меншиков был, бесспорно, личностью выдающейся. Из преданного денщика он сумел превратиться в бесстрашного полководца, ближайшего соратника и друга Петра. Насколько Александр Данилович разделял петровские идеи преобразования России? По крайней мере новая империя, открывавшая огромные возможности для таких самородков вырваться «из грязи в князи», была кровным делом для Меншикова. Другое дело, что, выйдя из низов благодаря своей смекалке и талантам²⁰, он был крайне ненасытен к деньгам и титулам. Со временем это превратилось в патологическую страсть к наживе. Известен случай,

когда Меншиков при передаче портрета Петра в дар польскому магнату выгащал из него все брильянты...

Внимательно следя за событиями в Москве, Мазепа был хорошо осведомлен о влиянии на царя тех или иных особ. Внешне приятельские отношения с Меншиковым он установил еще давно. В первые годы Северной войны между ними завязывается постоянная переписка — что не было явлением сверхординарным, так как Иван Степанович оживленно переписывался со всеми ведущими сановниками из петровского окружения. К 1705 году переписка с Меншиковым достигает у Мазепы уровня аналогичной с Головиным — то есть речь шла уже о десятках писем в месяц. Обращение было стандартным — «государь мой и любезный брат». Гетман прекрасно знал слабые стороны фаворита и не брезговал дорогими подарками «светлейшему». Он даже купил у него дом в Москве за 3 тысячи дукатов²¹. Но это не помогло.

В годы Северной войны, впервые познакомившись с Гетманщиной, Александр Данилович в своей неустанной погоне за наживой обратил свои взгляды на цветущую Украину. Его настойчивое желание уничтожить старшину, а следовательно, — и всю административную структуру Гетманщины сопровождалось амбициями на получение черниговского княжества. В выше приведенных речах полковников проскальзывала мысль о возможной скорой смерти Мазепы, которому уже было под семьдесят. Гетман, измученный тяжелыми походами, постоянно болел и перестал казаться вечной фигурой. Меншиков явно готовился принять самое активное участие в дележе наследства. Не случайно он уже несколько лет назад, в самом начале своего карьерного роста, сосватал свою сестру за племянника Мазепы Войнаровского. Но теперь положение Меншикова изменилось, и он надменно отказал гетману, заявив, что «царское величество сам хочет на сестре его... жениться»²². Мазепа, надо отметить, счел это личным оскорблением. Да и равнодушно слушать разговоры про «черниговское княжество» он не мог, хотя речь и шла о будущем, «постмазепинском» периоде.

К этой обиде добавились и другие. Меншиков не стеснялся, стремясь показать себя распорядителем в империи вообще и в Украине в частности. Например, находясь в Киеве, Петр приказал Меншикову идти с конницей на Волынь против шведов, а Мазепе выступить следом и находиться в подчинении у князя. Гетман был крайне оскорблен этим приказанием, заявлял, что это бесчестье после стольких лет верной службы получить такую награду. Мазепа считал, что весь по-

ход этот, учитывая отход шведов в Саксонию, не имел никакого смысла и придуман был Меншиковым исключительно с целью собственного возвышения, «чтобы показать всему свету, что имеет гетмана под своей командой». Иван Степанович с возмущением говорил Орлику, что не был бы оскорблен, если бы его отдали под команду Шереметева или какого-либо другого человека со славным именем и заслугами предков. Но вся его гордость шляхтича восставала от одной мысли подчиниться «безродному выскочке».

Не отправив депутацию к царю, Мазепа тем не менее не молчал. В конце сентября он пишет царю письмо. В нем, в частности, говорилось, что, видя Петра в Киеве «многими делами затрудненного и отягощенного», он не дерзал затруднять его проблемами украинских войск. Но теперь, после завершения строительства валов, начала дождей и осенних холодов, Мазепа предлагал отпустить войска, которые лишились на работах лошадей, брошенных запасов и прочего. Мазепа объяснял Петру, что, если и далее мучить людей, войско не будет пригодно ни на какую службу²³.

В конце октября Мазепа возвращается в Батурин. В связи с начавшимися холодами строительство Печерской крепости было приостановлено и войска распущены по домам.

Но тут снова начались неприятности в Запорожье. Мазепа сообщал царю о намерении запорожцев соединиться с крымским ханом и идти походом в Украину. Еще 29 августа Петр направил грамоту кошевому атаману с приказанием отправить запорожцев в русскую армию, находящуюся в Польше²⁴. 15 сентября кошевой атаман Лукьян Тимофеенко отпартовал Петру об отправке отряда запорожцев под предводительством полковника Галагина против шведов. Он также писал, что своевольцы наказаны и просил отпустить запорожцев с каторжных работ²⁵. В конце октября Мазепа виделся с полковником и тот требовал жалования для отправлявшихся на службу запорожцев²⁶. В ожидании денег запорожцы занимались разбоями и своевольством. Воеводам пограничного Каменного Затона направлялись дерзкие письма с угрозами. Только в середине декабря Мазепа сообщил о прекращении смут на Запорожье и о том, что возможный союз с Крымом не состоится²⁷.

Еще более грозные для единой Гетманщины события разворачивались на западе. Карл вступил в Саксонию, огнем и мечом уничтожая родной край Августа. Началась паника. Все, кто мог, бежали. Саксонские министры увозили казну и архив, дворяне — свое личное имущество. В этих условиях Август в глубокой тайне, не уведомив об этом своего союз-

ника Петра, прислал в шведский лагерь своих представителей и предложил королю перемирие. Переговоры комиссаров завершились в середине октября. Август II по Альтранштадтскому миру отрекся от польской короны в пользу Станислава Лещинского, оставив за собой свою наследную Саксонию.

Петр не знал этого и решил воспользоваться переносом военных действий в Саксонию. Из Киева он направился в Финляндию руководить осадой Выборга. Меншиков, ничего не подозревая об отречении Августа, уехал в Польшу для осуществления совместной с ним кампании. Бывший польский король соединился с русскими войсками под Люблином и, ни словом не обмолвившись о своем поступке, принял участие в битве под Калишем в конце октября, в которой был разгромлен шведский генерал Мардефельд. После этого Август направился в Варшаву, где объявил Василию Долгорукому, что корону не отдаст и союз не разорвет, а соглашение с Карлом подписал исключительно для того, чтобы спасти Саксонию от разорения. Это была игра. Чтобы искупить свою вину за участие в битве против Мардефельда, Август добился у Меншикова передачи ему всех шведских пленных якобы в обмен на русских. На самом деле он просто освободил шведов, а сам направился в Дрезден, где встретился с Карлом и Лещинским, обедал с ними и вел тайные разговоры²⁸.

Этот эпизод крайне важен по ряду причин. Во-первых, в нем можно усмотреть прямую параллель с событиями 1708 года, когда перед лицом разорения Украины тайный союз с Карлом заключит уже Мазепа. При этом надо отметить, что реакция Петра в первом и во втором случаях была прямо противоположной. Во-вторых, теперь, ввиду прямой угрозы потери единственного союзника, русская позиция в вопросе Правобережной Украины стала значительно более гибкой.

После отъезда Августа из Варшавы Долгорукий поехал в Краков, чтобы постараться удержать немногих сторонников отрекшегося короля.

Узнав о соглашении Августа с Карлом, Меншиков срочно вызвал Петра в Жолкву, где собрались также Головкин, возглавивший после смерти Головина Посольский приказ, и Григорий Долгорукий. Туда же приехал целый ряд ведущих польских политических деятелей: архиепископ Гнезненский, подканцлер Ян Шемберк, коронные гетманы и краковский воевода Ян Вишневецкий, объединявшиеся в так называемую Сандомирскую конфедерацию. Поляки подтвердили союз с Петром и подали статьи, одна из которых предусматривала возвращение Польше Белой Церкви и других крепостей, полученных от Палея.

Сложнее обстояло дело с другой частью Речи Посполитой — Литвой. Стало известно, что гетман литовский Михаил Вишневецкий издал универсал к жителям Великого княжества Литовского, в котором призывал подчиниться королю Станиславу. Вообще позиция Лещинского после отречения Августа очень усилилась. Практически он был теперь единственным законным королем, и его признали все ведущие государства Европы — Франция, Англия, Голландия и другие.

В этих условиях в середине января 1707 года Петр подтвердил предложенные сторонниками Августа статьи. Правда, сановникам Речи Посполитой указывалось, что возвращение Правобережья — дело опасное, и если за него немедленно взяты, могут начаться бунты, крайне нежелательные в условиях войны.

Угроза возможного скорого наступления шведов реально ставила перед Петром вместо сохранения Правобережья другой вопрос: как сохранить Левобережье? В этих условиях предлагаемая Меншиковым реорганизация полков начинала выглядеть как насущная военная необходимость. О Гетманщине, автономии и прочей, на его взгляд, вредной ерунде царь, разумеется, не задумывался.

В конце января он посылает Мазепе указ, чтобы «по самой первой траве» встать под Киевом, ибо в мае ожидается приход шведов. «И понеже ваша милость можете знать, что войско Малороссийское не регулярное и в поле против неприятеля стоять не может», то предлагалось использовать «лопатки и заступы» — то есть заняться строительством крепости, а также взять с собой артиллерию²⁹. Буквально следом вышел указ, чтобы казацкие войска были лучше вооружены³⁰. Мазепа должен был за собственные деньги (потом обещали их компенсировать из казны) приобрести две тысячи лошадей и вооружить пять тысяч войска³¹. Для усиления русского влияния губернатором Киева вместо Гулица был назначен Дмитрий Голицын.

В середине февраля в Жолкву приехало посольство от сейма. Речь снова шла об Украине. Послы требовали немедленного возвращения городов и ареста Самуся и Искры. Поляки также выражали опасение, что Мазепа «за тех бунтовщиков стоять будет». Петр обещал направить гетману указ о возвращении Правобережья, а относительно полковников — чтобы он их по возможности удерживал от бунтарства³².

В начале марта Мазепа получает приказ приехать на военный совет в Жолкву, так как «зело нужно»³³.

В рамках подготовки к отпору шведам готовились очень серьезные решения. В частности, Петр Шафиров, ставший

после смерти Головина вице-канцлером, составил указ о переводе Киева и «прочих Малороссийских городов» из ведомства Малороссийского приказа в Разряд. Соответствующие распоряжения были направлены Шафировым в оба приказа, с тем, однако, чтобы исполнение отложить до приезда «гетмана и кавалера Ивана Степановича Мазепы» в Жолкву³⁴. Речь шла, таким образом, о включении значительной части Гетманщины в состав России на общих условиях. Если раньше Мазепа мог только догадываться о тех планах, которые вынашивались в Москве, то теперь они превращались в реальность.

Роковой совет в Жолкве состоялся сразу после Пасхи, на Фоминой неделе в конце апреля 1707 года. Орлик писал, что по окончании совета Мазепа не пошел на обед к Петру, возвратился к себе расстроенный и целый день ничего не ел. Когда к нему в тот же день пришла генеральная старшина, гетман был очень сердит и сказал только: «Если бы я Богу так верно и радетьельно служил, то получил бы большее мздовоздаяние, а здесь хоть бы я в ангела переменялся — и тогда бы не мог службою и верностью своею никакого получить благодарения!» После этого он приказал старшине уходить по домам³⁵.

Что же произошло в Жолкве? Оправдались самые скверные подозрения Ивана Степановича. Во-первых, ему сообщили о переводе украинских городов в подчинение Разряда. Кроме того, был поднят вопрос о преобразовании всего казачьего войска — формировании «компаний», то есть отборе пятой части казаков для составления нового войска. Остальные должны были оставаться дома.

Внешне все это обставлялось как реформы, связанные с усилением обороноспособности ввиду угрозы наступления шведов. Мы много раз говорили, что Мазепа сам давно делал ставку на охотничьи войска, считая старые реестровые угрозы своей власти. Гетман понимал, что и с военной точки зрения казачьи полки отжили свое. Военная реформа в Украине была нужна. С этим он мог согласиться, но все свидетельствовало о том, что военной реформой Петр ограничиться не желал. В концепцию Российской империи, которая все больше вырисовывалась в голове царя, автономия Гетманщины никак не вписывалась. А еще меньше она вписывалась в представления новой волны его окружения — прежде всего Меншикова, Долгорукого, Головкина, для которых богатые украинские земли и города были очень заманчивой личной перспективой. Головина, который, вероятно, долго держивал эти планы в отношении Гетманщины, уже не было.

В Жолкве Петр также передал Мазепе указ отдать полякам Белую Церковь и прочие крепости в Правобережной Украине³⁶. Единственное, чего смог добиться гетман, это обещания царя, что, прежде чем начнет действовать русско-польская комиссия по отдаче земель, он будет заблаговременно поставлен об этом в известность, «дабы я вовремя мог народ украинный предостеречь» и дать возможность казакам покинуть правый берег, равно как и всем тем, кто не пожелает остаться «под игом ляцким»³⁷.

Для Мазепы то, что он услышал в Жолкве, было равносильно краху всей его двадцатилетней политики. Еще принимая тяжелые условия Коломакских статей, Мазепа надеялся, что его верность и личные отношения с сильными мира сего позволят прийти к компромиссу, как во времена великого Богдана Хмельницкого, когда по молчаливому согласию сторон многие пункты Переяславского соглашения не выполнялись. И уже казалось, что все так и случилось. Петр не только не запрещал Мазепе иметь контакты с иностранными государствами, но и часто просил его помощи в дипломатических сношениях. То же самое было и с арендой, отмененной Коломакскими статьями, — гетман снова ввел ее без всякого сопротивления со стороны российских властей. Надеялся он и на замалчивание страшного пункта о превращении Гетманщины из «гетманского реймента» автономного управления в обычную область единого Российского государства. Теперь стало ясно, что все надежды рухнули.

Очень важен вопрос о юридической правомочности тех изменений, которые предполагали провести Петр и его окружение в отношении Гетманщины. Понятно, что в России начала XVIII века не задумывались о таком пустяке, как соблюдение юридических формальностей. Но в случае с Украиной они имели дело с людьми, получившими западное образование и воспитанными на той системе ценностей, которая существовала в Европе в начале Нового времени. Не раз с уст Мазепы и его сторонников в момент гнева срывались фразы: «Имеем право», «Не саблей нас взяли». Речь, по сути, шла о природе отношений между Украиной и Россией, как их представляла себе украинская элита. Их не «завоевали» цари, но они добровольно, на основе соответствующих статей соглашения приняли «высокую руку» царя и присягнули ему на верность. Соответственно, нарушение положений договора одной стороной освобождало другую от своих обязательств.

Коломакские статьи, на условиях которых присягнул Мазепа, становясь гетманом, несмотря на все их недостатки и жесткие нововведения (по сравнению с 1654 годом), под-

тверждали казацкие «права и вольности» в том виде, в котором они были даны Богдану Хмельницкому. Прежде всего они сохраняли автономию Гетманщины и подчеркивали, что русские воеводы не должны вмешиваться «в права и вольности казацкие и в суды и ни в какие дела»³⁸. Отдельный, восьмой пункт Коломакских статей оговаривал, что в случае войны, во время прохождения российских войск через Украину казакам не должно чинить оскорблений и притеснений³⁹. Именно эти положения и были нарушены в годы Северной войны. Причем в пунктах, касавшихся «казацких вольностей», то есть внутренней автономии, они нарушались сознательно и целенаправленно.

На том же роковом военном совете в Жолкве Мазепа просил царя для защиты Украины от шведов послать хотя бы десять тысяч регулярного войска. На это Петр ответил: «Не только десять тысяч, но и десяти человек не могу дать. Как можете, сами обороняйтесь»⁴⁰. Это было еще одно прямое нарушение Коломакских статей, которые, о чем говорилось выше, прямо обязывали Россию защищать Украину в случае военной опасности. Мазепа не случайно просил помощи у Петра: большинство казацких войск было разбросано по фронтам Северной войны. Гетман имел право расценить это как нарушение вассальных отношений, согласно которым суверен был обязан защищать своего вассала⁴¹. За мечу, верного вассала.

Вместо плана защиты Украины Мазепе был представлен план «выжженной земли», который был принят как главная доктрина предстоящей военной кампании. От Пскова до Северной Украины на глубину 200 верст должна была возникнуть «мертвая зона», откуда эвакуировалось население; хлеб прятался в ямы, а все оставшееся предписывалось «жечь без остатку»⁴².

Если в эти трудные дни Мазепа перечитывал своего любимого Макиавелли, то ему должны были броситься в глаза следующие слова: государю «ради сохранения государства часто приходится нарушать свои обещания. Так что в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы изменить направление, если изменятся обстоятельства или ветер удачи начнет дуть в другую сторону»⁴³. После рокового совета в Жолкве Мазепа был внутренне готов «изменить направление». Другого пути для сохранения своего государства он уже не видел. В 68 лет начинать жизнь заново, согласиться, не просто, равно как бросаться с головой в омут. Это было очень тяжелое решение и еще пока отнюдь не окончательное. Но почва для начала переговоров была готова.

Глава 13

ПЕРЕГОВОРЫ СО ШВЕДСКОЙ ПАРТИЕЙ

Казалось, давно прошли юношеские времена, когда Мазепа давал волю гневу. Теперь он был политиком, прошедшим суровую школу жизни, сумевшим выстоять и победить не в одной сложнейшей ситуации. Он умел манипулировать людьми, разгадывать их тайные мысли и стремления. Он гордился своим умением скрывать собственные чувства, «говорить, не сказав ничего». Он был, как говорили, сказочно богат, сосредоточивал в своих руках огромную власть и влияние. Но теперь, весной 1707 года, все шло наперекосяк, все рушилось и разлеталось в прах. Мазепа все больше чувствовал себя немощным, обманутым стариком, на глазах которого погибало его любимое детище — Гетманщина. Именно поэтому он срывался, позволяя себе приступы ярости, чего практически никогда раньше с ним не бывало.

Там же, в роковой Жолкве, Мазепа случайно увидел у войскового товарища Думитрашка, которого он собирался послать в Киев, письмо к компанейскому полковнику Танскому, написанное Меншиковым. Гетман очень удивился, велел отдать письмо и прочитал его. Это оказался приказ собрать запасы провианта и казны на шесть месяцев и немедленно выступать со своим полком в распоряжение Меншикова. Как описывает Орлик, Мазепа, прочитав письмо, сорвался от гнева с места и разъяренно закричал: «Разве может быть большее поругание, посмеяние и унижение моей особе, чем это! Каждый день князь Александр Данилович со мной видится, каждый час со мной совещается и, не сказав мне ни единого слова, без моего ведома и согласия посылает приказы людям моего регимента! И кто же выдаст Танскому без моего указа месячные деньги и провиант и как он может без воли моей идти куда-нибудь с полком своим, которому я плачу? А если б пошел, то я б его велел, как пса, расстрелять. Боже мой, ты видишь мою обиду и унижение!»¹

Именно в этот момент гетману сообщили, что прибыл из Львова иезуит Заленский и ожидает в приемной. Мазепа «внезапно оставил гнев» и радостно спросил: «А он откуда явился?» После этого он велел его пригласить, заперся с ним наедине, а генеральному обозному Ломековскому и Орлику велел отправляться по своим квартирам. Орлик пишет, что в результате Мазепа послал этого иезуита в Саксонию к Лещинскому².

После того как Петр отпустил Мазепу из Жолквы, гетман выехал в сопровождении царевича Алексея. Но по дороге отправил царевича вперед, а сам свернул в один из дворцов княгини Дольской, где его ожидал присланный от нее ксендз. При этом старшина полагала, что речь шла просто о помощи княгине в выкупе какого-то ее имущества³.

Прибыв в Киев, Мазепа отправил царевича Алексея в Смоленск, а сам вернулся в Батурин. В это время он получил подробную инструкцию от Петра, как действовать в случае наступления Карла. В ней предписывалось укреплять всеми мерами Печерскую крепость, а во время наступления шведов отступить за Днепр, оставив гарнизон для обороны Печер. При этом «старый Киев» предполагалось «оставить пуст»⁴. Это было началом разработки военной доктрины петровского окружения, согласно которой на этом этапе Северной войны предстояло действовать по принципу «выжженной земли». Первым должен был превратиться в «выжженный край» старый Киев, вместе с Софией, братским монастырем, Киево-Могилянской академией и прочими, священными не только для Мазепы местами. Один Бог знает, что творилось у него в душе после получения этого указа.

Неизвестно, знал ли гетман о тех тайных переговорах, которые в этот период вели Петр и его окружение, пытаясь найти новую удобную кандидатуру на польский престол (ввиду отречения Августа) или новых союзников в войне с Карлом. В частности, переговоры велись с Англией, и герцогу Мальборо за посредничество предлагался доход с «княжества Киевского»⁵. Можно себе представить, какая была бы реакция в Украине, если бы подноготная этих контактов стала бы там известна.

В середине июля гетман выступил опять в Киев для наблюдения за завершением строительства Печерской крепости. По указу Петра он отправил своего племянника Войнаровского с 12 тысячами казаков для разъездов вдоль Вислы. В случае наступления шведов ему приказывалось отступать, уничтожая весь фураж⁶. Тяжелая служба на фронтах Север-

ной войны приводила к тому, что казаки разбежались. Около пяти тысяч человек бежало от Войнаровского. Это дало Петру лишний повод писать Мазепе, что казацкие полки, «некомпанейские», кроме «худа», никакого «добра» не приносят, так как, не имея определенного жалованья, они занимают только грабежами и норовят сразу вернуться домой⁷. В связи с этим пришло подтверждение указа о преобразовании к осени—зиме всех малороссийских полков в «компанейские»⁸. По сути, это было началом воплощения в жизнь тех принципиальных изменений структуры Гетманщины, о которых было объявлено в Жолкве.

Мазепа открыто не показывал своего недовольства этими реформами. Его чувства и недовольством-то трудно было назвать. Перед ним словно разверзлась пропасть, поглощавшая все его мечты и идеалы. По многолетней привычке он продолжал докладывать царю о выполнении поставленных задач. Бежавших от Войнаровского казаков ловили и заковывали в колодки. Относительно устройства «компаний» гетман обещал «со всяким тщательным прилежанием» стараться исполнить данный указ⁹.

Хотя Орлик потом писал, что гетман ни единым знаменем, ни словом, ни делом откровенных своих мыслей и намерений «никому не являл», было бы несправедливо сказать, что Мазепа полностью скрывал свои чувства и не говорил о них Петру. Еще во время все того же совета в Жолкве гетман высказывал крайнюю озабоченность в связи с тем, что от «непрестанных нынешних трудных служб и походов» Войску Запорожскому «наносятся немалые тяготы», равно как и жителям Украины от переходов войск. На это царь дал официальную грамоту, в которой выражалось «сожаление», но подчеркивалось, что в условиях войны со шведами без таких убытков «обойтись не возможно», и предлагалось «для общей государственной пользы... то снести». При этом Петр обещал по окончании войны «понесенные трудности и убытки» вознаградить¹⁰. Вряд ли такие заверения могли удовлетворить Мазепу, против которого, как исполнителя воли царя, все больше поднимался ропот в Украине. Все больше сомневался он и в целесообразности Северной войны для интересов Гетманщины.

Не поразовал Мазепу и полученный 1 сентября 1707 года от императора по рекомендации Петра титул князя Священной Римской империи¹¹. Как раз в это время гетману пришло письмо от Дольской, которая описывала следующую сцену, имевшую место во Львове. Княгиня была там крестной вместе с Борисом Петровичем Шереметевым и,

сидя за праздничным столом между Шереметевым и Реном, упомянула похвальным словом Мазепу. На это Рен тоже отозвался с похвалой о гетмане и добавил: «Смилуйся Бог над этим добрым и разумным Иваном! Он, бедный, не знает, что князь Александр Данилович яму под ним роет и хочет, его отставив, сам в Украине быть гетманом». На это якобы Дольская, удивившись, обратилась к Шереметеву. Но тот подтвердил сказанное Реном. Тогда Дольская спросила, почему же никто из «добрых приятелей» не предупредит Мазепу о таких замыслах Меншикова. Шереметев объяснил, что это невозможно, «мы и сами много терпим, но молчать принуждены».

Прочитав письмо Дольской, Иван Степанович сказал Орлику: «Знаю я сам очень хорошо, что они думают о вас (старшине. — *Т. Я.*) и о мне. Хотят меня удовлетворить княжеством римского государства, а гетманство взять, старшину всю убрать, города под свое управление отобрать и поставить в них воевод или губернаторов. А если будем сопротивляться, то перегнать за Волгу и своими людьми Украину осадить»¹².

В отличие от сдержанного Мазепы, полковники его были гораздо более эмоциональны. Орлик описывает, что после получения указа об устройстве «компаний» полковники и старшины были так напуганы и раздражены, что ни о чем ином не могли говорить. Они справедливо рассуждали, что выбор «пятаков» есть не что иное, как этап перед переустройством полков в «драгуны и солдаты», а соответственно — конец казацким вольностям. Недовольная старшина собиралась у генерального обозного Ломековского и миргородского полковника Апостола, где обсуждала, что делать и как защититься. Апостол принес из Печерской библиотеки текст старого Гадячского договора гетмана Выговского с Речью Посполитой¹³. Какие планы рождались на этих собраниях? Об этом мы можем только догадываться, хотя нетрудно предположить, в какую сторону обращались взгляды старшины.

Гетман даже написал Головкину, ссылаясь на мнение полковников, что быстро решить вопрос о «компаниях» вряд ли удастся. Предполагалось, что все лето и осень казаки будут задействованы на строительстве Печерской крепости, после чего, разумеется, захотят заняться своим «убогим господарством». Для проведения отбора, кто годен для компанейской службы, а кто нет, полковникам надо будет вывести весь свой полк в поле, пересмотреть казаков, лошадей, оружие. Сделать это в морозы и в снега — трудно и «не без-

бедно». Поэтому старшина предлагала хотя бы отложить реформу до весны¹⁴.

Ситуация складывалась для Мазепы крайне тревожная. Открытое недовольство выражала как раз та старшина, на которую он опирался все последние годы, в союзе с которой он строил свою Гетманщину — с сильной властью и государственной структурой. Еще год назад в Киеве Апостол и Горленко требовали от Мазепы принять меры по защите «казацких вольностей», унаследованных от Хмельницкого. Теперь эти требования должны были звучать еще громче, угрожая в случае бездействия лишить Мазепу поддержки его единомышленников.

Кроме того, действовать побуждала и владевшая всеми всеобщая паника перед лицом шведского наступления. Было бы несправедливо считать, что гетман проявил малодушие, преувеличивал возможности Карла или грозившую Украине опасность. Таково было мнение о шведах и в России, и в Европе. По приказу Петра началась срочная подготовка к обороне Москвы. В частности, предполагались эвакуация ценностей в район Белоозера, создание запасов продовольствия, укомплектование гарнизона и т. д. В Кремле должны были выкопать колодец, починить стены, выкопать рвы. Чтобы освободить пространство для стрельбы, предполагалось даже снести Гостиный ряд, Литейный двор и храм Василия Блаженного¹⁵. Не меньше боялись Карла и в Англии, где готовы были поступиться интересами своих купцов, лишь бы не раздражать шведского короля. Английское правительство не сомневалось в безнадежности положения Петра, как только на него обрушится мощь шведской армии¹⁶. В такой обстановке было бы трудно ожидать от Ивана Степановича, чтобы он по-иному смотрел на расстановку сил на фронтах Северной войны.

16 сентября 1707 года произошло событие, обозначившее перелом. Мазепа по-прежнему был в Киеве, наблюдая за строительством Печерской крепости. Орлик, находясь в доме гетмана, по его приказу писал длинное послание к Петру. Работа эта затянулась до ночи. Гетман проявлял нетерпение, несколько раз выходил из своей внутренней комнаты, спрашивая, скоро ли конец, и объясняя, что есть еще другое дело. Когда послание было завершено, Орлик запечатал его и положил перед Мазепой, а тот протянул для прочтения маленькое письмо. При этом он объяснил, что письмо это привез от Дольской некий Волошин, зашив его в шапку. Гетман ворчливо добавил: «Черт ее просит об этой корреспонденции. Когда-нибудь меня эта шальная баба по-

губит, не зря говорят — у девицы волос длинный, а разум короткий». Орлик вскрыл пакет, из которого извлек зашифрованное цифрами послание Дольской и второе письмо с отдельной печатью. Полагая, что и второе от княгини, он взломал печать и увидел подпись короля Станислава. Не говоря ни слова, Орлик прочел про себя этот листок. Мазепа с удивлением спросил, почему он не читает вслух, ведь Орлик умел без перевода читать зашифрованные письма, к которым имел ключ. На это генеральный писарь объяснил, что ключа вообще не надо, ибо письмо от Станислава Лещинского. «Не может быть!» — «Может, тут и подпись его, и печать». Мазепа взял письмо, прочитал, «ужаснулся и выпустил его из рук», произнеся: «О, проклятая баба, погубишь меня!»

Орлик описывал эти события по прошествии четырнадцати лет, но, видимо, все равно ясно помнил все детали той драматической ночи. Гетман долго сидел молча думая и наконец спросил, что делать с письмом — оставить или послать царю? Орлик отвечал: «Сам, ваша вельможность, изволишь рассудить высоким своим разумом, что нужно послать. Этим самым и верность свою непоколебимую объявишь, и большую милость у царского величества получишь»¹⁷.

В письме Дольской говорилось о возвращении ксендза, посланного ею в Саксонию. Станислав просил, чтобы Мазепа «намеренное дело начинал», когда шведские войска подойдут к украинским границам. Ксендз привез от короля Станислава и договор из 12 пунктов, который следовало как-нибудь переслать с надежным человеком. Пока Орлик читал письмо, он вспомнил о встрече Мазепы с этим ксендзом-иезуитом в Жолкве и сообразил, что речь шла о заранее продуманном плане.

Гетман между тем произнес: «С умом борюсь, посылать это письмо к царскому величеству или удержать?» В конечном счете он отложил решение до утра и отправил Орлика домой молиться Богу. На прощание Мазепа произнес весьма примечательную фразу: «Может, твоя молитва будет более привлекательная, чем моя, ибо ты по-христиански живешь. Бог знает, что я это не для себя делаю, но для вас всех, и жен и детей ваших». Потрясенный Орлик ушел и, взяв дома два рубля, отправился по богодельням раздавать милостыню.

Утром 17 сентября, придя к Мазепе, Орлик застал его сидящим за длинным столом. Перед ним лежал крест с животноворящим деревом. Гетман сказал, что не намеревался раньше времени открывать своего намерения и тайны. И не

потому, что опасался, что Орлик оплатит предательством за проявленную к нему любовь, милость и благодеяния, но потому, что считал его человеком разумным и с чистой совестью, но молодым и в подобных вещах неопытным, а потому способным неосторожным словом выдать замысел старшине или россиянам, что погубило бы его, Мазепу. Затем, взяв крест, гетман присягнул на следующем: «...что я не для приватной моей пользы, не для высших гоноров, не для большего обогащения и не для иных каких-нибудь прихотей, но для вас всех, под властью и рейментом моим находящихся, для жен и детей ваших, для общего блага матери моей отчизны бедной Украины, всего Войска Запорожского и народа малороссийского, и для поднятия и расширения прав и вольностей войсковых хочу я это при помощи Божией сделать, чтобы вы, с женами и детьми, и отчизна с Войском Запорожским как от московской, так и от шведской стороны не погибли. А если бы я для каких-нибудь личных моих прихотей это дерзал делать, побей меня, Боже, в Троице святой единый, и невинная страсть Христова, на душе и на теле»¹⁸.

После таких слов, поцеловав крест, гетман потребовал встречной клятвы от Орлика, что тот не выдаст его замысел. Зная религиозность Орлика, Мазепа правильно рассчитал, что такая присяга удержит его от любых необдуманных шагов — хотя, по собственным словам, надеялся, что «ни совесть твоя, ни честь, ни учтивость, ни врожденная кровь шляхетская не допустят, чтобы меня, пана и благодетеля своего, предал».

Несмотря на все потрясение, которое должен был испытать Орлик, узнав такую новость, он все же нашелся спросить, что будет, если удача отвернется от шведов — тогда ведь «и мы пропадем, и народ погубим». Ответ Мазепы ярко характеризует и его самого, и то, как детально продумал он ситуацию к сентябрю 1707 года. Он презрительно бросил генеральному писарю: «Яйца курицу учат! Или ж я дурак, чтобы преждевременно отступать, пока не увижу крайней нужды, когда царское величество не в состоянии будет не только Украины, но и государства своего от силы шведской оборонить». Слова гетмана лишний раз подчеркивают, что в его представлении Украина и Россия были разными государствами, хотя и связанными определенными договорными соглашениями (вассальными). Он так и сказал, что будет оставаться верен царскому величеству, «пока не увижу, с какой силой Станислав к границам украинским перейдет и какие будут успехи шведских войск в Московском государстве».

И если не в силах наших будет защищать Украины и себя, то для чего же мы должны сами в погибель лезть и отчизну губить? И сам Бог, и весь мир будет видеть, что мы это сделали по нужде и, как вольный, не завоеванный, народ стараемся мы о целостности нашей. А без крайней и последней нужды не изменю я верности моей к царскому величеству»¹⁹.

Орлик пишет, что Мазепа решил отослать письмо Станислава Петру и также написать к Головкину. Эти два письма якобы были написаны, но гетман оставил их у себя, сказав, что отправит их через свою мать к Войнаровскому, который уже лично вручит их царю. Но Мазепа будто бы обманул Орлика и писем пересылать не стал. Впоследствии, после Полтавы, он объяснил это тем, что Мария Магдалена отдала их святой старице в своем монастыре и той было откровение, что если письма переслать, то гетман погибнет. Возможно, гетман действительно советовался по этому вопросу с матерью — известно, какие доверительные отношения были у него с Марией Магдаленой, а шаг, на который он решился, был чрезвычайно важен и опасен.

Интересно, что в своей беседе с Орликом Мазепа объяснял свои переговоры с Лещинским исключительно военной угрозой. Те реформы Гетманщины, о которых шла речь выше, в их разговоре не фигурировали. Но еще более важен тот факт, что свои намерения Мазепа держал в строжайшей тайне от всех — включая ту старшину, которая была недовольна политикой Петра и могла быть союзницей в его планах. Впрочем, все факты говорят о том, что Мазепа действительно рассматривал союз с Лещинским исключительно как крайнее средство на случай вторжения шведов, а возможно — и в случае назревания бунта среди старшины в условиях реформирования Гетманщины.

В том же духе был составлен и ответ Лещинскому. Мазепа указывал королю Станиславу, что войска шведские находятся далеко от Украины в отличие от русских, расположенных в Польше, что сама Речь Посполитая раздвоена и находится в несогласии. Среди военных трудностей гетман видел следующие: во-первых, русские гарнизоны в Киеве и других основных городах Украины, «под которыми казаки, как перепелица под ястребом, не могут головы поднять». Мазепа напоминал Станиславу, как при гетмане Брюховецком во время восстания против Москвы русские гарнизоны «окрестные города и села огнем и мечем руйновали». Во-вторых, не меньшую проблему представляли собой и пять тысяч регулярного, хорошо обученного и вооруженного российского войска, которые постоянно находились при гетма-

не и «бодрым оком» смотрели на все его действия. Наконец, главную проблему (и в данном случае он не лукавил) Мазепа видел в том, что в Украине люди «начальные и подначальные, и духовные и мирские, как разные колеса, не в единомысленном суть согласии». Одни благоволят Москве, другие склоняются к турецкой протекции, третьи хотят побратимства с татарами — исключительно из «врожденной к полякам антипатии». Самусь и другие жители Правобережья опасаются мести со стороны поляков и вряд ли захотят подчиниться Речи Посполитой. Поэтому Мазепа предлагал сперва добиться единства мнений в Украине и объединения Речи Посполитой, а потом уже думать о союзе. Понятно, что такие благие пожелания могли быть только декларацией, рассчитанной на выигрыш времени²⁰.

На самом деле Станислав сам решений не принимал, а Карл XII в это время слишком верил в собственную звезду, чтобы думать о помощи со стороны казаков. Он рассчитывал своими силами изгнать русских из Польши, не делясь при этом ни с кем своей славой. Именно в таком духе он и высказался Лещинскому, когда тот сообщил о своих контактах с Мазепой. Карл сказал, что казаки могут пригодиться для погони, но в бою-де на них нельзя слишком полагаться. Помощь гетмана он думал использовать в будущем, когда придется воевать с Петром в московских землях. Поэтому Карл велел Станиславу передать Мазепе, что тому в нужное время будет дана инструкция, что делать, а пока надо все сохранить в тайне. Такая позиция шведов должна была еще больше насторожить гетмана. Хотя в тот момент, как мы уже отмечали, большинство военных и политических деятелей слепо верили в силу Карла.

Многие шведские историки склонны полагать, что Карл допустил большую ошибку, не попытавшись добиться союза с украинским гетманом. Если бы шведский король принял поход осенью 1707 года, то у Петра не было бы времени опустошать край, переводить войска. В Украине в тот момент было ярко негативное отношение к русским из-за намечаемых реформ. К антипетровской коалиции могли присоединиться донские казаки (там начинался Булавинский бунт), а сами шведские войска, вернувшиеся после отдыха в Саксонии, были полны сил и воодушевления. Годом позже ситуация была совершенно иной.

Именно 17 сентября 1707 года, в день, когда Мазепа открылся Орлику, в Монастырский приказ приехал севский монах Никанор с первым доносом от Кочубея. История взаимоотношений Мазепы, Кочубея и Искры обычно подается

историками в тесной связи с романом гетмана с Мотрей и зачастую представляется как донос верных «прорусских» подданных на «изменника» Мазепу. Донос Кочубея настолько стал литературным мифом, что даже серьезные исследователи поддаются его влиянию и повторяют многие избитые штампы²¹. Например, принято считать, что Мазепа делился своими планами с ближайшим окружением, в которое-де, несмотря на конфликт с Мотрей, входил и Кочубей. Узнав о замыслах гетмана, Кочубей якобы и написал донос.

Правда заключается в том, что к моменту первого доноса Мазепа еще ни с кем не делился своими планами, скрывая их даже от самых надежных людей. Например, не знал о них Войнаровский, племянник и ближайший гетману человек²². А Кочубею он, талантливый последователь Макиавелли, не верил никогда, с самых первых дней своего гетманства. Не только не верил, но и знал о его тайных мечтах о булаве, о его сношениях с Петриком, с Крымом, о честолюбивых амбициях Любви Кочубей.

Яркую характеристику этих отношений дал сам гетман в марте 1708 года в своем письме к Меншикову: «Извещаю вашей княжеской светлости для информации, что Кочубей исконный мой есть враг, который от начала моего хлопотливого гетманства всегда был мне противный и разные подмною рвы копал, советуясь непрестанно с враждебниками моими, которые иные уже давно, а иные в недавнем времени поумирали и исчезли. Писал он на меня пасквильные подметные письма, а будучи писарем генеральным, имеючи у себя печать войсковую и подписываясь за меня часто, так как я из-за хирогрической болезни не всегда могу подписывать письма и уневерсалы, издал ложные некоторые, именем моим рукой его подписанные и под печатью войсковою. За такое преступление велел я его за крепкий караул взять. Потом и во второй раз он же Кочубей по крикаму моему взят же был за караул в тот самый час, когда близкий его родственник проклятый Петрик передался до орды Крымской и великий мятеж в народе малороссийском учинил». Мазепа объяснял, что от казни и наказания он в свое время освободил Кочубея «по многому и неотступному прошению многих духовных и мирских особ, наипаче же на моление слезное отца пастыря и благодетеля моего великого, блаженной памяти митрополита Киевского Варлаама и покойной матушки моей, так же милосердствуя к женам и детям, плачущим и рыдающим...»²³.

Представляется совершенно невероятным, чтобы такой человек, как Мазепа, поддавшись «дружеским эмоциям»,

«старому знакомству» и прочим человеческим слабостям, раскрыл бы после всего этого Кочубею свои тайные планы. Факты это мое мнение подтверждают. Донос Кочубея ярко демонстрирует то, что он НИЧЕГО НЕ ЗНАЛ.

Показания монаха Никанора, которого Кочубей использовал как посланца, красочно изображают ситуацию, как он, прибыв в Батуриин по монастырским делам, буквально силой был затасан в дом к Кочубею его женой Любовью. Вообще жена Василия, чей несговорчивый характер стал причиной скандала вокруг Мотри, играла в доносе ведущую роль. Именно она выступала и инициатором и организатором доноса.

Время для атаки на Мазепу — последние числа августа 1707 года — было выбрано не случайно. Гетман находился в Киеве и в связи со строительством Печерской крепости должен был оставаться там до поздней осени. Кочубей был в Батурине, назначенный наказным гетманом. В своем доносе он настаивал, чтобы русские схватили Мазепу в Киеве и, таким образом, не дали бы ему убить его, Кочубея.

Традиционно считается, что поводом для доноса стала история с Мотрей. На самом деле это было скорее прикрытие. Мотря к тому времени уже вышла замуж, страсти несколько улеглись. Были гораздо более серьезные причины, побуждавшие Кочубеев к действию. Сама Любовь описывала одну сцену, безусловно, оказавшую на нее большое влияние. 1 января 1707 года, когда Мазепа был в Батурине, он присутствовал на именинах Василия Кочубея. В застольной беседе гетман бросил Любви: «Почему они их дочь за него не дали?» Та отвечала: «Полно-де тебе коварничать! Ты не только нашу дочь изнасиловал, но и с нас головы рвешь, будто мы с мужем с Крымом переписывались». Мазепа тут же поймал ее на слове: «Откуда вы знаете, что я об этом знаю?» Любовь начала рассказывать путаную историю про писаря, который при смерти передал копию гетманских писем, и т. д. Гетман даже не стал себя затруднять своими обычными ловкими приемами и прямо заявил, что нечего на мертвого лгать, к тому же он все равно им не верит.

Эпизод этот ярко характеризует те отношения, которые установились между Мазепой и Кочубеем после истории с Мотрей. Глубоко заблуждаются те, кто полагает, что гетман все забыл, равно как и те, кто полагает, что Кочубеи переживали за «опороченную честь дочери» (какая же она опороченная, если гетман предлагал на ней жениться, к тому же Мотря уже успела выйти замуж за генерального судью). А вот чего Кочубеи действительно могли бояться, так это того, что гет-

ман, не простив обиды и узнав о переговорах с Крымом (которые Кочубей, видимо, вел через Искру, о чем говорилось выше), добьется от Петра разрешения с ними расправиться.

Кочубей, будучи генеральным судьей, разумеется, знал о том, какая непростая обстановка была в Гетманщине. Реальная угроза вторжения шведов, недовольство старшины и паника среди казаков в связи с предстоящей реформой полков, тяжелые экономические последствия Северной войны. Зная много лет Мазепу, нетрудно было предположить, что гетман станет по крайней мере искать пути, чтобы напрямую узнать о настроениях Лещинского и Карла. А раз так, можно было сблефовать и обвинить Мазепу в переговорах с поляками — там, на пытке, глядишь, и факты откроются. Но конкретного он ничего не знал и знать не мог. Отсюда и словоблудие в доносе: «...хочет изменить и отложиться к ляхам», и вообще — «бездельник, де он, блядин сын и беззаконник» (это Кочубей про Мазепу)²⁴.

Никакого хода первому доносу Кочубея не было дано. Возможно, оттого, что попал он в Монастырский приказ и пока в московской бюрократической машине добрался до Посольского, прошло много времени. Петр впоследствии писал, что узнал о появлении монаха перед самым своим отъездом из Москвы в Польшу — «и для того я сие дело отложил до свободного времени»²⁵. Но Мазепа не знал о доносе ни от кого из своих осведомителей в Москве и сношений с Лещинским не прекращал.

Петр на самом деле значения доносу не придавал. В середине декабря царь отправил к гетману А. В. Кикина. С ним были посланы подарки Мазепе (соболья шуба) и старшине — за их труды по строению Печерской крепости. Кикину приказывалось «разведывать подлинно о турецком приготовлении по гетманским ведомостям». Речь шла о распространившихся упорных слухах, что султан собирался выступить в коалиции со Станиславом и Карлом. Мазепа сообщил Головкину о полученных им из Ясс известиях о военных приготовлениях Порты и о ее сношениях с врагами России. Переписывался он и с Толстым касательно сношений крымского хана со Станиславом Лещинским²⁶. Срочная посылка Кикина доказывает, что сведениям Мазепы придавалось огромное значение. О доносе в наказе воеводе не упоминалось ни слова.

Тревожная осень 1707 года прошла под знаком борьбы за Правобережье. Мы уже упоминали, что в Жолкве Петр объявил Мазепе свое решение отдать эту территорию полякам, чтобы удержать хотя бы тех немногих магнатов, которые

еще придерживались Августа и союза с Россией. Гетману обещали только поставить его заранее в известность о начале работы комиссии по передаче земель.

В середине августа Мазепа писал Головкину о том, что, по его сведениям, каштелян волынский собирает войска, чтобы начать комиссию и под угрозой силы вернуть Белую Церковь и прочие правобережные крепости²⁷. 17 августа гетман был уже вынужден сообщать, что польские войска встали в Плоскирове и намереваются идти в Белую Церковь, куда и его приглашают. Мазепа с горечью писал, что это «совесть мою смущает, что я обнадеживал и обещал заблаговременно предостеречь бедных сегобочных людей», дабы они имели время перебраться на Левобережную Украину, спасаясь от мести шляхты, ксендзов и евреев. Немедленно уйти теперь, когда только что сделаны запасы на зиму, собран урожай, крайне тяжело, болезненно и практически невозможно. Снова и снова гетман напоминал об обещании Петра своевременно предупредить его о начале комиссии²⁸. Поляки со своей стороны давили на гетмана — ему, в частности, писали сам примас Станислав Шемберк, архиепископ Гнезненский, гетман великий коронный Сенявский и Станислав Денгоф, маршалок генеральной конфедерации, созданной в поддержку Августу²⁹.

Но вопли и крики Мазепы не прошли даром: в конце августа он получает распоряжение от Головкина выпроводить из Украины польских комиссаров. 20 сентября, лукавая, гетман писал полякам, что не может съехаться с ними для проведения комиссии до тех пор, пока не получит письменное подтверждение на сей предмет от Петра³⁰. Именно в таком плане предлагалось ему вести себя перед поляками согласно распоряжению Головкина, полученному в начале октября³¹. Примерно тогда же пришло и тайное письмо от Петра, в котором говорилось, что ни теперь, ни после завершения войны со Швецией царь и не думает отдавать Правобережье. Главными причинами этому выставлялись планы войны с Турцией, а также та опасность, которую таило приобретение поляками Правобережья — а именно возможность вести контакты с татарами и турками³². Если гетман и не слишком доверял этим заявлениям царя (забегая вперед, отмечу, что после окончания Северной войны Петр отдаст Правобережье полякам), то по крайней мере мог ими пользоваться.

Поляки злились, засыпали Мазепу жалобами, обвиняли в том, что он не исполняет царского указа об отдаче Правобережной Украины³³. Они заявляли, как писал Мазепа, «что я только один упрямо неподвижно стою и указу монарха мо-

его противлюсь, не желая для пользы будто моей личной Украины им, полякам, отдавать»³⁴. В том, что Правобережье не было отдано исключительно из-за позиции гетмана, поляки были правы.

В конце октября в ответ на предложение Головкина «объявить совет о Белой Церкви и прочих местах сегобочных украинных» Мазепа написал обширное послание, в котором подробно излагал свое мнение по данному вопросу. Он подчеркивал, что давать совет трудно, когда он не знает тех оснований, на которых формируется мнение Петра, — не знает его военных задач, не знает, нужна ли ему или нет дружба поляков, и т. д. Однако он полагал, что приближение поляков к Днестру и Днепру будет иметь последствием разрастание бунтов и мятежей, так как, имея прямые доступы в Крым, Запорожье и к Секер-паше (базирувавшемуся в Бендерах), они смогут посылать туда своих людей и подговаривать их на недружеские выпады. Гетман напоминал о той ситуации, которая возникла в 90-е годы, когда поляки активизировали свои контакты с запорожцами, подбивая их на выступления против гетмана. Не меньше проблем создавали и постоянные подсылки поляков на Левобережье, наветы и доносы. Разумеется, для сохранения стабильности в Гетманщине гетман желал отдалить границу и сделать такие «подсылки» более затруднительными. То же касалось и южной границы. Мазепа привел такой пример: заняв городок Ялгорлик на Правобережье неподалеку от Бендер, он перекрыл все пути для поляков и получил полный контроль за ситуацией и достоверную информацию о намерениях турок и татар. Если же отдать Ялгорлик полякам, то они «получат проход без всякого препятствия». Много беспокойства вызывало у Мазепы намерение поляков, опираясь на указ Петра, подписанный в Жолтве, вступить своими войсками в Правобережную Украину и расположиться там на зимние квартиры. Зная настроение местного украинского населения, гетман предупреждал, что это «без кровопролития обойтись не может». С другой стороны, он объяснял, что отпора польским войскам дать не имеет возможности — «понеже люди реймента моего на многие части разорваны и разделены» по фронтам Северной войны. Да и вообще в поле они не смогут успешно воевать с поляками, разве что, обороняясь в крепостях, «понеже, как многократно об этом к вашей милости писал, очень все обнищали, обессилили, больны и голодны, и наги и босы»³⁵.

Приходится заметить, что политика Мазепы по отношению к Правобережной Украине, проводимая в духе Доро-

шенко и Самойловича, не слишком сочеталась с идеей союза с Лещинским, который предусматривал возвращение поляков в эти области. Это лишний раз говорит о том, что союз с Лещинским Мазепа рассматривал исключительно как крайнюю меру в условиях тяжелой военной ситуации.

Тем временем постройка новой крепости в Киеве близилась к концу, и уже в сентябре Мазепа просил Шафирова исходатайствовать роспуск войск, задействованных в этих тяжелых работах. Головкину он описывал изнурение и обнищание работавших там казаков³⁶. В начале ноября строительство крепости было завершено. Петр, находившийся в Полоцке, прислал указ, чтобы войска были наконец распущены по домам. Гетману тоже разрешалось уехать в Батурин³⁷. Новая Печерская крепость была передана в ведение князя Д. М. Голицына, туда ввели русский гарнизон³⁸.

Иван Степанович задержался в Киеве еще почти на месяц в связи с болезнью своей матери. Марии Магдалене было уже около 90 лет, и последние тревожные события не могли не повлиять на резкое ухудшение ее здоровья. Гетман писал Головкину, что она «до кончины жития своего приближается»³⁹.

В последних числах ноября Мазепа вернулся в Батурин. Туда на Рождество, как выразился Орлик, «принес дьявол за колядой» иезуита Заленского. Он встал за две мили от гетманской резиденции, в селе Оленовце, и написал Ивану Степановичу, спрашивая, как быть дальше. Мазепа был недоволен, опасаясь, не без основания, что появление иезуита прямо у него в Батурине вызовет серьезные подозрения. Он приказал Орлику, единственному посвященному в суть переговоров, которые велись через Заленского с Лещинским, ехать к иезуиту и отвезти его в Бахмач, гетманский дворец. Орлик должен был выговаривать поляку, почему тот не остался в Виннице, а явился лично. Заленский был крайне удивлен тем, что Орлик был осведомлен о тайных переговорах, но пояснил, что имеет на руках универсал короля Станислава, выданный на имя всей Украины с обещаниями всяких вольностей и королевских милостей. Зная о том, что на Рождество в Батурин традиционно съедется вся старшина и полковники, Заленский спешил, чтобы Мазепа мог уже на этом собрании объявить универсал. Поселив иезуита в Бахмаче, Орлик дважды привозил его в Гончаривку, имение Мазепы. Место и время, как мы увидим ниже, было выбрано неудачно — слишком много свидетелей и слишком близко к имению Кочубея.

Универсал Лещинского был написан в традиционном для польских королей стиле — «гетману, наказному, полковни-

кам, атаманам, есаулам, молодцам и всей черни войска нашего Запорожского, Заднепрянского и всей Украине». В нем он призвал вернуть «оторванный под чужое и неизвестное перед тем господство православный казачий народ» под наивысшую опеку «дедичных украинских панов, наяснейших польских королей». Станислав обещал обращаться со своими украинскими подданными «как милосердный батько к блудным сынам»⁴⁰. Кроме того, иезуит сообщил о численности шведских войск, о том, что они планируют идти из Литвы на Москву, а Станислав с другой стороны — на Киев. С поляками должна была соединиться и орда согласно договоренности с турецким посланником⁴¹.

Мазепа, разумеется, универсал старшине читать не стал и отпустил Заленского без ответа, велел ему оставаться в Виннице для дальнейшей корреспонденции. Интересно, что в этот период гетман продолжал информировать Головкина и Шафирова о турецко-татарских планах, используя в том числе и информацию Заленского⁴². Он не догадывался, что в эти самые дни начала февраля 1708 года Кочубей отправил свой второй донос — на этот раз через некоего Павла Яценко, полтавского жителя. Бывший полтавский полковник, смещенный Мазепой, Иван Искра, действуя в согласии с Кочубеем, тоже отправил с доносом священника Ивана Светайло. Налицо коалиция все той же полтавской старшины, которая была в оппозиции к Ивану Степановичу с самых первых дней его гетманства.

На этот раз Мазепа узнал о доносе практически сразу. Он выслал к Петру депутацию старшины во главе с недавно назначенным стародубским полковником Иваном Скоропадским с просьбой отослать доносчиков в Киев, чтобы Д. М. Голицын произвел там розыск. До этого в подобных случаях гетман всегда довольствовался письмами к царю и его приближенным, не высылая никаких посольств. Но тут ситуация была совершенно иная. Даже если сперва Мазепа не знал, кто стоял за доносом, то все равно мог догадываться, что не обошлось без Кочубея. Гетман писал, что из-за «глубокой старости и обостримых отовсюду болезней и печалей» он приближается «к вратам смертным», но все же ревностно желает защитить свою честь, «дабы и по смерти моей не осталось в устах людских мерзкого, проклятого изменнического имени»⁴³.

Мазепа лукавил, так как знал, что впервые у доносчиков появились основания обвинять его в неверности Петру. Именно это обстоятельство побуждало его действовать с особенной энергией. Орлик пишет, что гетман был «великой

боязнью одержим» и каялся, что начал переговоры с Лещинским. Его страх усиливался тем, что польский гетман Сенявский написал ему о слухах, ходивших в Польше касательно контактов Мазепы с Дольской. В письме к Сенявскому Мазепа клялся, что ни ради Дольской, ни за что на свете не нарушит своей присяги царю. Любопытно, что письмо это писал из-за приступа болезни Ивана Степановича (у него отнималась рука) Войнаровский⁴⁴. Можно только гадать, был ли племянник к этому времени уже посвящен в истинный характер переписки с Дольской или нет.

Посылая Скоропадского, Мазепа прибегнул к давно испытанному им в общении с российскими чиновниками средству — взяткам. Согласно сохранившемуся списку, гетману пришлось серьезно раскошелиться: Петру — «подарок» в 2 тысячи дукатов, Меншикову — 1 тысячу и шесть больших серебряных бутылей, Головкину — 1 тысячу дукатов, Шереметеву — 500 и серебряные столовые приборы, Шафирову — 500 дукатов, Долгорукому — 600 и секретарю Посольского приказа Степанову — 100 дукатов⁴⁵. В это же время резко меняется и тон посланий гетмана к всеильному Меншикову. Если до этого переписка носила формально дружеский характер («брат и слуга»), то теперь Мазепа счел возможным использовать неприкрытую лесть («Светлейший и высокопочтеннейший Римского и Российского государств Ижерский князь господин, любезный мой брат и особенный благодетель»), зная, насколько новоявленный князь был неравнодушен к громким титулам и заискиванию.

Но уже 1 марта Петр лично написал гетману, «яко верному человеку», что авторами доноса являются Кочубей и Искра и что отдан приказ об их поимке. Пока же это будет исполняться, Мазепе следовало не показывать вида о своей осведомленности («о сем деле тихо держать»). Такое известие не могло не обрадовать Ивана Степановича, однако в письме содержались и тревожные новости: царь считал одним из зачинщиков доноса Павла Апостола⁴⁶.

Если бы Мазепа знал содержание доноса Кочубея, он чувствовал бы себя спокойнее. Единственным правдивым фактом в нем было известие о приезде ксендза Заленского, о том, что он поселился в Бахмаче и Орлик тайно привозил его к гетману. Как уже говорилось выше, место и время для этих контактов было выбрано неудачно — слишком близко к имени Кочубея. Все остальное в доносе представляло собой смесь лжи и извращенного истолкования фактов. Так, Василий заявлял, что Мазепа хотел заманить Петра в Батурин и там его убить. Представить, что верующий православ-

ный, стремившийся до последнего сохранять союз с Россией и отступить от него лишь в крайнем случае, когда обоснованность этого поступка будет очевидна для Европы, станет покушаться на подлое убийство — более чем невероятно. Никаких даже смутных намеков на подобный план не имеется ни в польских, ни в шведских источниках. Далее Кочубей писал, что в намерениях соединиться с Лещинским Мазепа опирался на правобережные полки, которые «на то ему давно присяжны, для того он их там и населил». Это заявление полностью извращало реальную ситуацию. Еще в послании Лещинскому гетман справедливо указывал на то, что в правобережных полках имеются сильные антипольские настроения. Старшина, участвовавшая в событиях Палеищины, всерьез опасалась расправы со стороны Речи Посполитой, и уговорить ее соединиться с Лещинским было бы более чем сложно. В этом заявлении видна и местечковая ограниченность взглядов Кочубея, для которого идеи единой Гетманщины, объединения Украины, защиты православия от гнета католиков были чужды и непонятны.

Наконец, в доносе имелись заявления, что Мазепа распространяет в Украине ложные слухи, «будто его царское величество повелел его рейменту казаков писать в солдаты», а также, что царь приказывает разорять и опустошать украинские города⁴⁷. Речь идет о реформе казацких полков и о политике «выжженной земли» в условиях наступления шведов. Как мы знаем, и то и другое было правдой, подлинными указами Петра, а не наговорами Мазепы.

В разгар тревог, связанных с доносом Кочубея, Мазепа по царскому указу выступил в Правобережье и в середине февраля был уже в Фастове⁴⁸. Ему предписывалось находиться в постоянном контакте с польскими гетманами и согласовывать с ними свои действия. Правда, одновременно Иван Степанович узнал, что, вопреки всем предыдущим заявлениям, Петр принял решение об окончательной передаче Правобережья полякам. Связано это было с тем, что царь и его окружение полагали, что, вернувшись из Саксонии в Польшу, Карл начнет поход на Россию. В этих условиях им казалось разумным пожертвовать частью Украины, лишь бы удовлетворить поляков.

В конце декабря коронный гетман Сенявский и маршалок коронный Денгоф прислали Петру меморандум, в котором высказывали опасения, что Карл двинется всеми силами из Литвы в Россию или, оставив один корпус у Лещинского, соединится с Левенгауптом и литовским гетманом Вишневецким и пойдет на Киев. Условием военной

помощи Петру в этих обстоятельствах они выдвигали передачу Правобережья. 20 января царь подписал именной указ, предписывавший Мазепе вывести свой гарнизон из Белой Церкви и впустить туда поляков⁴⁹.

Таким образом, Иван Степанович оказался в Правобережье в начале весны 1708 года, зная, что Петр и его окружение охвачено паникой перед лицом возможного наступления шведов, что никакие свои обещания они не собираются выполнять и что меньше всего они думают об интересах Гетманщины, Украины или православного населения правого берега.

Правда, передача полякам Правобережья опять задерживалась. Поляки хотели все города, Петр в универсале написал только о Белой Церкви⁵⁰. К тому же в начале мая снова речь зашла об отдаче земель только после возвращения короля (то есть Августа)⁵¹. Петр вообще дистанцировался от этой проблемы и отдал ее на решение Головкину. Тот, в свою очередь, заявил, что этот вопрос «заочно невозможно познать», и приказал Мазепе решать: если передача Белоцерковского уезда не вызовет «в малороссийском народе смятения», то отдать его полякам, а если «явятся какие в том трудности и опасности», то об этом писать⁵².

Мазепа в этих условиях занял позицию выжидания и проволочек. Он писал Сенявскому, что копия царского указа не совпадает с подлинником, что он имеет приказ готовить города к передаче, но не фактически их передавать и т. д. Точно так же медлил Мазепа и с соединением с польскими частями, ссылаясь на неполучение инструкций. Во всем он ссылался на выполнение царских приказаний.

В начале апреля гетман перебрался в Белую Церковь. 7 апреля там состоялся парад, сопровождавшийся салютом из пушек⁵³. Это была явная демонстрация полякам своего присутствия в Правобережье. Сенявскому Мазепа объяснял свое промедление тем, что его войскам, скорее всего, придется принимать участие в подавлении восстания Булавина, а в письмах Головкину ссылался на невозможность послать полки на Дон из-за скудости кормов и на угрозу начала гражданской войны в Украине в случае, если полякам отойдет Правобережье⁵⁴. Тогда же, в апреле, Сенявский получил анонимное письмо, в котором его призывали перейти на сторону Карла XII, «так как Мазепа это уже сделал». Скорее всего, это был пробный шар со стороны гетмана. Но раскрывать свои карты Иван Степанович не стал — прислал к Сенявскому своего посланца И. Максимовича, забрал «анонимное письмо» и переслал его Головкину⁵⁵.

Настроение у Мазепы было мрачное. Не раз он с сарказмом предупреждал Орлика, чтобы тот не вздумал его выдать: «Знаешь ты, в какой я у царского величества милости, не поменяют там меня на тебя. Я богат, а ты убог, а Москва деньги любит. Мне ничего не будет, а ты погибнешь»⁵⁶. Орлик мучился, страдал. Его христианская совесть не могла решить, что правильнее: выдать своего благодетеля или предупредить Петра. Но в самый разгар колебаний случились события, которые сделали невозможным любой донос.

В конце апреля Кочубей и Искра приезжают в Смоленск, поверив, что их доносу дан ход. Там их сразу арестовали и подвергли жестоким пыткам. Сразу же с этого момента Мазепа начинает «усердно просить» о выдаче Кочубея и Искры. Но пока тянулось следственное дело, сделать это было нельзя, а потому Мазепа нервничал. Да и военная ситуация не позволяла расслабиться.

Орлик пишет, что старшина, бывшая при гетмане в Белой Церкви, — прежде всего генеральный обозный Ломковский, полковники Апостол, Горленко и лубенский — «видя Мазепу в боязни и небезпеченстве», уговаривали его, чтобы «о своей и о общей всех целости промышлял». При этом обещали стоять до крови за него, гетмана, как своего вожда, за права и вольности. В этом смысле была ими составлена клятва, после чего в доме у гетмана они обменялись присягой на кресте.

До сих пор в литературе широко распространено мнение, что план Мазепы предусматривал исключительно союз с Лещинским, а через него — с Карлом. Как мы видели выше, действия Ивана Степановича в Правобережье ставят это предположение под сомнение. В присяге старшины (по крайней мере как передает ее Орлик) речь тоже шла об усилиях по сохранению целостности Гетманщины, о ее старых правах и вольностях. Формулировка достаточно расплывчатая, явно побуждавшая Мазепу к действию, поиску выхода, но не навязывавшая ему единственный путь.

Первоочередной задачей для гетмана становится спасение одного из наиболее близких ему людей — миргородского полковника Данила Апостола. На того, как на своего сообщника, на пытках указал Кочубей. Возможно, это была месть Мазепе, ибо Василий не мог не знать то, что Апостол — единомышленник гетмана. Кроме того, на мысль о соучастии миргородского полковника в доносе навел Петра тот факт, что Апостол якобы предупредил Кочубея о грядущем аресте и только по стечению обстоятельств Василию не

удалось бежать. Этот эпизод привел к тому, что ряд исследователей приписывают самому Мазепе план освобождения Кочубея. Несмотря на многие известные факты христианского милосердия Мазепы, позволю себе усомниться, что его добродетели простирались так далеко.

Что касается Апостола, тот тут позиция гетмана была совершенно иной. Он пишет Головкину, что взять миргородского полковника «прежде времени без обличения и уличения его воровства очною ставкою опасно». Мазепа пояснял, что Апостол «человек есть от отца своего заслуженный, воинский, знатный и от всех полковников нынешних древнейший и старейший», что арест его может вызвать в войске «великое смущение и мятеж»⁵⁷. Учитывая только что состоявшийся арест Кочубея, после которого никаких бунтов не последовало, аргументы Мазепы не выглядели убедительными. Поэтому Головкин опять писал, что, если «вящей опасности нет», Апостола взять за караул и отослать в Киев. Мазепа стоял на своем. Он отправил длинное послание «министрам» Петра, в котором опять объяснял невозможность ареста опасением бунтов, долго и подробно рассказывал обстоятельства, почему Апостол «случайно» предупредил Кочубея (настоящая «комедия ошибок») и т. д.⁵⁸ В связи с этим Головкин писал Петру, что многократно посылая гетману грамоты и письма об Апостоле, и «ежели, государь, своим писмом к нему о нем определить не изволишь, то он по нашим писмам делать ничего не будет»⁵⁹. Это продолжалось в течение всего мая.

Позиция Мазепы понятна. С одной стороны, миргородский полковник входил в число «старшин-государственников», близких ему по духу и идеалам, недовольных политической Петра и готовых искать альтернативу. Мазепа всегда защищал своих. Но с другой стороны, выдача Апостола русским властям угрожала раскрытием тайных переговоров и планов гетмана, а соответственно — была угрозой его собственной жизни. Поэтому его позиция и была столь твердой в данном вопросе.

Во всем остальном Мазепа по-прежнему выжидал. На упреки Сенявского о медленном приближении казацких войск на соединение с ним украинский гетман ссылался на конфликты с польской шляхтой и недостаток продовольствия⁶⁰. Те же причины он выставлял и Петру⁶¹. Наступление шведов временно поставило крест на вопросе о передаче Правобережья. В конце июля Петр писал Сенявскому, что передачу «учинить невозможно до скончания сего воинского походу»⁶².

К концу июля наконец завершилось дело Кочубея и Искры. Еще в мае Головкин извещал Петра, что затягивание расследования порождает в Украине множество неблагоприятных для гетмана слухов. В частности, говорили, что Кочубей отправлен в Петербург, что на Мазепу царь имеет «великий гнев». Некоторые прочили булаву Искре. В частности, у воеводы побили слугу со словами «полно уже вашего, гетманчики, панства, приедет-де на вашу всех погибель Кочубей»⁶³. Хотя некоторые источники уверяют, что Мазепа лично желал помилования Кочубея и Искры, но в своем письме к царю он признавал их достойными смерти⁶⁴. 26 июля нового стиля они были казнены в казацком таборе⁶⁵. В ответ на это известие Петр направил гетману грамоту, в которой обещал сохранять его в неперменной милости и не верить «никаким клеветникам»⁶⁶.

Так закончилось трагическое противостояние Мазепы и Кочубея, продолжавшееся с момента Коломацкой рады. Надменная Любовь Кочубей, подстрекавшая супруга к притязаниям на булаву, лишилась не только мужа, но и всего своего состояния. Эта была единственная публичная казнь, совершенная за двадцать лет гетманства Ивана Степановича. Один Бог знает, что творилось в его душе. Из доставшихся войсковой казне имений Кочубея он передал подворье и землю в Киеве Густинскому монастырю «на помин души небожчика» Кочубея⁶⁷.

Донес полтавской старшины не стал окончанием смут. На Дону полыхало восстание К. Булавина, и многие в Украине не оставались к нему равнодушны. Поводом к восстанию стало нарушение старинной казацкой привилегии: «С Дону выдачи нет». Это решение петровского правительства, как и в случае реформы Гетманщины, формально было вызвано реалиями Северной войны. На самом же деле реформы на Дону и реформы в Украине были звеньями одной цепи по ликвидации автономий и превращению их в области единой Российской империи. Неудивительно, что агитация, развернутая булавинцами («Чтоб над нами Русь не владела и общая наша казацья слава в посмеях не была»), находила горячий отклик среди запорожцев да и среди многих других украинцев⁶⁸. Мазепа сообщал Петру, что запорожцы хотят к Булавину⁶⁹. Как мы увидим ниже, Иван Степанович рассматривал донских казаков как возможных союзников в борьбе за автономию Гетманщины. Но резня старшины, учиненная булавинцами в Черкасске, должна была удержать его от возможных контактов с этим движением.

К тому же Мазепа попадает в ситуацию крайнего цейт-

нота, когда у него уже нет возможности продумывать, планировать свои шаги и искать более выгодные политические комбинации. Карл XII начинает «русский поход». В его распоряжении было 33 тысячи солдат главной армии; кроме того, он мог рассчитывать на 14 тысяч из корпуса А. Л. Левенгаупта и 16-тысячную армию Станислава Лещинского. Планы Карла были грандиозными: расчленив Россию на семь-восемь удельных княжеств, посадить на трон Якуба Собеского или царевича Алексея и установить строй, подобный польскому. Самое важное, что в Европе никто не сомневался, что поход завершится таким же успехом, как действия Карла в Дании, Саксонии и Польше. Мазепа, обладавший обширной резидентурой в Европе, не мог не знать об этих настроениях. Шведский король намеревался идти через Минск и Смоленск на Москву. В первой же битве при Головчине 2 июля 1708 года русская армия потерпела поражение и с невероятным трудом провела отступление. Вера во всемогущество шведов еще больше укрепилась.

В конце июля пан Грабя, представитель польского главнокомандующего Сенявского, находившийся при Мазепе, передал своему пану тайную информацию. Украинский гетман приказал проинформировать поляка, что король Август не вернется в Польшу, так как не любит Меншикова и не доверяет русским. В связи с этим Мазепа предлагал Сенявскому самому взять польскую корону⁷⁰. Иван Степанович считал логичным, что великий коронный польский гетман может стать королем, и приводил аналогию с Яном Собеским⁷¹.

Мазепа очень ловко прощупывал почву. Он намекал, что Петр тоже хорошо относится к Сенявскому и может поддержать его в планах получения польской короны. На самом деле (и скорее всего Мазепа это знал) Сенявскому от лица Петра действительно делались предложения короны. Любопытно, что на конец июля 1708 года украинский гетман, с одной стороны, по-прежнему сохраняет внешнюю верность царю — даже в тайных переговорах с поляками, а с другой — не хочет договариваться с Лещинским и ищет ему альтернативу. Фигура Лещинского всегда вызывала у Мазепы негативную реакцию. Вероятно, не слишком доверял он и шведам-протестантам, о повадках которых имелись весьма негативные воспоминания в Речи Посполитой со времен недавних польско-шведских войн.

Тон посланий Мазепы резко меняется к концу августа. Ситуация на фронте загоняет его в тупик, а достойного выхода он по-прежнему не видит. В панике он требует от Граби и Сенявского клятву о сохранении в тайне полученной

ими от него информации и сообщает, что русским верить нельзя, так как они заняты только сохранением собственной страны и забыли об интересах Августа и поляков. В частности, он приводил сведения, что Меншиков велел огласить в походной церкви, что вскоре будет заключен мир — о чем никто из союзников в известность поставлен не был. Мазепа говорил, в частности, что Петр, думая только о своих интересах, лишил его лучших казацких войск, что также было крайне опасно для сторонников Сандомирской конфедерации. Наконец, украинский гетман заявлял, что готов привести всю Украину и донских казаков (!) к Речи Посполитой даже без указа царя⁷².

Паника, охватившая Мазепу, становится понятной, если учесть, что Карл уже перешел Днепр. Из ставки Петра пришел указ послать несколько украинских полков в Пропойск и Смоленск⁷³. Следом пришло и распоряжение о введении в действие плана «выжженной земли» — сам Мазепа должен был жечь местечки и села в Стародубском полку⁷⁴. И тут произошло то, что уже давно назревало: полковники отказались выполнять приказ гетмана отправляться к царю и заявили, что лучше умрут в Украине, чем в другом месте⁷⁵. В разговорах с Грабей они, не скрываясь более, заявляли, что мечтают избавиться от московской власти, которую рассценивали как тяжкую неволю.

Орлик писал, что, получив приказ выступать в Стародубский полк, Мазепа собрал старшину — миргородского, прилуцкого и лубенского полковников с генеральными писарем и обозным — и спросил, идти ли ему туда. Те единогласно заявили, чтобы не шел, и советовали немедленно посылать к шведскому королю о протекции. При этом старшина просила сказать, на каких условиях Мазепа думал договориться с Карлом. Гетман страшно рассердился. С сарказмом и презрением он заявил: «Для чего вам о том прежде времени знать? Положитесь на мою совесть и на мой убогий разум⁷⁶, больше все равно не придумаете. Я, по милости Божьей, разума больше имею, чем вы все». Далее он бросил Ломековскому: «Ты уже свой разум по старости потерял» и Орлику: «У этого еще разум молодой, детский». Относительно посылки к Карлу Мазепа отрезал: «Сам я буду знать, когда посылать» и, с гневом вытащив из шкатулки универсал Станислава, присланный на прошлое Рождество, велел Орлику его зачитать⁷⁷.

Гнев гетмана понятен: он на самом деле не хотел спешить с посылкой к шведам, по-прежнему стараясь найти наилучший выход. В этих условиях Мазепа опять спрашивал

через Грабю у Сенявского, соглашается ли тот с планом присоединения Украины к Речи Посполитой (под короной Сенявского), заявляя, что в противном случае гетман останется под властью царя⁷⁸.

Ситуация складывалась совсем не так, как хотелось бы Мазепе. Вместо того чтобы идти на Смоленск и Москву, оставив Украину в тылу и избавив ее, таким образом, от участи «выжженной земли», Карл повернул на юг. Узнав об этом, украинский гетман произнес свою знаменитую фразу: «Дьявол его сюда несет!»⁷⁹ Это была не игра, как ошибочно считали многие историки, но искренняя досада. Изменившиеся планы шведов не позволяли Мазепе долее выдерживать паузу, сохраняя нейтралитет и выжидая развития событий. «Без крайней и последней нужды не переменю я верности моей к царскому величеству», — сказал он в свое время Орлику и очень надеялся, что эта «крайняя нужда» будет не скоро.

Карл повернул в Украину, отказавшись от своего плана похода на Смоленск и Москву, тоже не по доброй воле и вовсе не из расчета на соединение с Мазепой. «Последний викинг», как именовали шведского короля, столкнулся в Белоруссии с воплощенным Петром жолкевским планом. Кругом горели хлеба, села и деревни. Нигде невозможно было достать продовольствие, начались массовые заболевания дизентерией, не хватало фуража и пороха, артиллерия лишилась лучших тягловых саксонских лошадей. В довершение всего под местечком Добрым М. М. Голицыну удалось разгромить батальон генерала К. Г. Рооса⁸⁰. Именно эти обстоятельства и заставили Карла повернуть на истекающую «медом и молоком» Украину.

Мазепа направил к Петру генерального есаула Д. Максимовича с заявлением, в котором в обычном для Мазепы осторожном и сдержанном стиле говорилось, что «малороссийский народ имеет некоторое опасение о том, что знатная часть войск малороссийских взята из Украины» и когда шведы на нее нападут, то «боронити Украины будет некому»⁸¹. Заверения царя, что он отправит Шереметева для защиты Украины, служили слабым утешением. В письме к Головкину гетман описывал плачевное состояние русской пехоты, имевшейся в его распоряжении. К тому же под воздействием наступления шведов началась паника. Казаки из частей генерала Боура кричали, что шведы разгромили не только их, но и все великороссийские войска. Взрывоопасная вольница, которая всегда была большой бедой в Гетманщине, «пьяницы и гультаи», как писал о них Мазепа, соби-

рались большими компаниями по корчмам с ружьями: они силой забирают вино, «бочки рубят и людей побивают». Это происходило в Полтавском, Гадячском, Лубенском, Миргородском, Прилуцком полках и даже в «смирнейших» — Черниговском и Стародубском⁸².

Между тем Мазепу настойчиво приглашали в царскую ставку в Глухове, чтобы согласовать дальнейшие действия. Трудно сказать, что превалировало в рассуждениях гетмана: действительно ли он боялся, что его просто заманивают, как недавно Кочубея, с целью ареста (в Польше к тому времени стали широко известны его контакты с Лещинским)⁸³ или же он просто по-прежнему тянул время. Во всяком случае, Мазепа не едет и сказывается больным.

Гетман действительно плохо себя чувствовал — обострение старой «подагры и хирагры» началось еще после похода 1705 года. В феврале 1708 года Грабя, находившийся при Иване Степановиче, писал Сенявскому, что тот мучается от боли в руке⁸⁴. Но приступы подагры у него случались еще в 1687 году, при Голицыне, и если 69-летний Мазепа и чувствовал сильное недомогание осенью 1708 года, то все же был значительно дальше от своей кончины, чем представлял это Петру и его министрам. Меншиков информировал Петра, что у гетмана к прежней его болезни добавилась эпилепсия, что тот поехал в Борзну для освящения елема, куда должен был прибыть и киевский митрополит. Светлейший князь искренне верил, что Мазепа умирает. Это обстоятельство хотя и воспринималось с оттенком печали в связи с близкой потерей старого испытанного союзника («жаль таково доброго человека»), но заслонялось практическими рассуждениями («зело здесь нужен»)⁸⁵. В частности, Петр приказывал Головкину, что если «воля Божия» с Мазепой определится, — «чтоб, не мешкав, другого, для чего нехудо, чтоб Скоропадский недалеко был»⁸⁶. То есть с преемником гетмана в окружении Петра все уже было решено.

Старшина из ближайшего окружения гетмана продолжала торопить его с посылкой к шведам. После очередного совещания Орлик принес Мазепе решение старшин. От имени всех остальных Ломековский укорял гетмана за промедление. Они считали, что следовало посылать к Карлу, когда тот еще был далеко от границ, — это якобы спасло бы Украину от опустошения и кровопролития. А теперь, «когда уже под носом находятся шведы», Мазепа опять медлит «неизвестно почему». Получив эту резолюцию, Иван Степанович страшно разозлился: «Знаю я, что не кто иной это заявляет, но тот черт лысый Ломековский!» Вызвав старшину к

себе, он с великим гневом сказал: «Вы не советуете, только меня обсуждаете, бери вас черт! Я, взяв с собой Орлика, ко двору царского величества поеду, а вы хоть пропадите!» Затем, успокоившись, спросил, посылать ли к королю. «Как не посылать? Давно это надо было сделать и теперь не нужно откладывать».

Такая позиция старшины — единственной, на кого он реально мог опереться, — не оставляла Мазепе выбора. Была составлена на латыни инструкция графу Пиперу, которую перевел на немецкий язык врач гетмана, и в таком виде — без печати и подписи — она была отправлена в шведский лагерь. В инструкции Мазепа выражал радость по случаю пришествия Карла в Украину, просил себе, Войску Запорожскому и всему народу протекцию и освобождение от «тяжкого ига московского», обещал помощь и просил прислать войско для обороны. А для переправы шведов обещал приготовить паромы на Макошинской пристани на Днепре.

Вернувшийся посланец сообщил, что сам Карл обещал быть у пристани 22 октября. Однако в тот день король не появился. А на завтра прискакал Войнаровский с сообщением, что на следующий день в Борзну, где стоял Мазепа, приедет лично Меншиков и что, по слухам, их всех намереваются арестовать. Орлик сомневался, что это сообщение было правдой. Возможно, Войнаровский, находясь в створе со старшиной, нарочно привез такое известие, чтобы побудить Мазепу к решительному действию. В любом случае это сработало. Услышав, что утром Меншиков будет в Борзне, гетман сорвался с места, «как вихорь», и вечером был уже в Батурине. Затем переправился через Сейм, прибыл в Короп, а утром 24-го перешел Десну и ночью прибыл в расположение шведского короля. В этот же день Меншиков подошел к Батурину. Его встретил только полк Анненкова. Сердюки и жители города засели в замок, подняв мосты⁸⁷.

Глава 14 КАТАСТРОФА

Переход Мазепы к шведам стал хрестоматийной легендой, а для определенного рода литературы — образцом «измены». О моральной и юридической стороне этого поступка мы поговорим ниже. Для начала хотелось бы отметить тот факт, что предварительного письменного соглашения с Карлом XII у Мазепы никогда не существовало, по крайней мере до 1709 года, когда уже постфактум был заключен чисто формальный договор. Не было подписано и договора с Лещинским — имелся только универсал этого короля, привезенный Заленским и зачитанный Мазепой старшине через полгода после этого. До сих пор ни одному историку не удалось найти оригинал договора — ни в шведских архивах, ни во французских, куда попали документы Орлика. Не было найдено и копий — даже русских. Это можно объяснить, с одной стороны, тем, что гетман был крайне осторожен и все свои контакты тщательно конспирировал, а с другой — тем, что переход к шведам вовсе не был для него заранее спланированным и решенным делом. Иначе Мазепа — осторожный и опытный политик — не рискнул бы всем, бросаясь в этот омут без всякого письменного соглашения с Карлом.

В душе Иван Степанович интуитивно чувствовал безнадежность этой попытки. Он не верил полякам и Лещинскому, еще меньше шведам-протестантам и высокомерному юноше-королю. Еще в 1704 году он говорил **Жану Балюзу**, что Карл «слишком молодой»¹. С другой стороны, Мазепа понимал, что Гетманщина решением Петра обрекалась на превращение в «выжженный край» и должна была стать буферной зоной в войне со шведами. И даже в случае победного для Петра исхода кампании (в который никто в тот момент не верил, включая самого царя и его окружение) Украина предстояли тяжелые реформы, ликвидация автономии и «казацких вольностей». Поэтому старшина, сторонник «государственной идеи» настойчиво требовали от гетмана

посылки к шведам, и он, если не хотел остаться в изоляции, должен был согласиться с их мнением.

Выдающийся украинский историк М. Грушевский упрекал Мазепу за медлительность, нерешительность и колебания, считая, что тот «сам выкопал себе могилу» своей боязливостью. Правда, писал это он еще в конце XIX века и не повторял подобного мнения после 1918 года, когда сам побывал в роле главы государства, лишившегося власти из-за «нерешительности»². Легко обвинять руководителя в ошибках, значительно сложнее самому взять на себя роль лидера.

Долго колеблясь и взвешивая все «за» и «против», Мазепа ушел к Карлу. Он руководствовался не логикой «изменника» — о чем совершенно надуманно кричат определенного рода публикации, — но логикой политика. В пафосном заявлении Ивана Степановича, процитированном Орликом, что делал он это ради всех подданных, находящихся под его властью, их жен и детей, было много истины. Эти же слова повторяли и его ближайшие сторонники в своих обращениях к народу³. Хулители Мазепы, объясняя его переход к шведам, обвиняют его в честолюбии. Но такое обвинение явно нелогично: гетман в октябре 1708 года был в весьма преклонном возрасте (написанная им дума, дошедшая до нас, подтверждает, что он размышлял о смерти), обладал огромным богатством, домами и поместьями в Украине, имел дом в Москве и имения в Рыльском уезде, носил титул князя. Какие еще блага мог он искать у шведов, переходя к ним без всякого предварительного соглашения? Наоборот, он рисковал всем ради своих убеждений и идеалов.

Выше мы говорили, что ситуация, когда перед лицом наступления шведов Мазепа заключил с ними соглашение и тем самым пытался спасти Украину от разорения (как русскими, так и шведскими войсками), вполне сопоставима с ситуацией, когда Карл вошел в Саксонию. Мазепа, по сути, просто повторил путь Августа, поставив интересы своего края и своего народа выше союзнического долга. При этом морально гетман был гораздо более свободен в этом своем шаге, чем польский король. Ведь именно Август уговорил Петра начать Северную войну, именно он заварил кашу, а затем капитулировал, обрушив на Россию всю тяжесть противостояния шведской машине. Мазепа, наоборот, с самого начала выступал категорическим противником союза с Августом и войны со Швецией.

Отношения между государствами регулируются юридическими договорами. Украина продолжала оставаться автономным государством, признавая власть царя исключитель-

но на условиях Коломакских статей. Целый ряд пунктов этого договора был к октябрю 1708 год нарушен Петром. Почему-то представляется естественным и оправданным то, что при завершении Северной войны Петр добьется сохранения за собой финских земель и отдаст полякам православно Правобережье. Такая позиция, возможно, действительно соответствовала интересам Российской империи. Но очень странно обвинять при этом Мазепу в том, что он ставил интересы Украины выше интересов империи.

Существует и еще один прием, с помощью которого пытаются доказать правомочность обвинения Мазепы в «измене». Заявляется, что в случае перехода к шведам речь идет о военном преступлении, а следовательно, виновный (виновные) подлежал самому строгому приговору военного суда. Эта логика грешит очень многими натяжками. Никогда Петр и его окружение не считали гетмана военным чином, а Войско Запорожское всегда, начиная с 1654 года, рассматривалось в Москве исключительно как государственное понятие. Поэтому и присягали гетманы за «Войско Запорожское с городами и с землями»⁴. В сохранившихся до наших дней высказываниях Мазепы эта мысль отслеживается очень четко. Он рассматривал себя не как военачальника, но как «государя» подвластного ему края. Поэтому и заболелся о своих подданных, их «женах и детях». На самом деле, это была устойчивая традиция, которая имела место со времен Сагайдачного, боровшегося не за сословные казацкие интересы, но за восстановление православия в Украине. В своих универсалах начала XVIII века Мазепа постоянно подчеркивал, что заботится об «отчизне нашей малороссийской»⁵. То есть разделял интересы Украины и России, не считая себя обязанным заботиться об общеимперских интересах. Такое представление полностью вписывалось в общеевропейскую концепцию «государя» начала Нового времени.

Кроме этого, концепция «военного преступления» совершенно не соответствует реальным действиям, предпринятым петровским правительством, в частности — расправам над семьями «мазепинцев» и простыми мирными жителями, о чем речь пойдет ниже.

Самым ярким свидетельством того, насколько далеко было понимание Петром и его окружением психологии украинской элиты и их настроений, — это то, как они встретили известие о переходе Мазепы к шведам. Царь получил срочную депешу от Меншикова в ночь на 27 октября и тут же отослал ответ: «Письмо ваше о нечаянном никогда, злом случае измены гетманской мы получили с великим удивле-

нием». При этом Петр настолько не ориентировался в ситуации, что, предлагая Меншикову поспешно провести выборы нового гетмана, высказывался за кандидатуру миргородского полковника Данила Апостола. Он считал его врагом гетмана, в то время как тот был одним из наиболее близких единомышленников Мазепы и к тому времени тоже уже находился у шведов⁶.

Иван Степанович прибыл в лагерь Карла 28 октября. Въезд был обставлен торжественно, согласно казацким традициям. Перед гетманом несли длинный бунчук с позолоченным набалдашником и конскими хвостами, а также знамена. Состоялась аудиенция у короля, о содержании которой ничего не известно. Затем Мазепа и его ближайшее окружение были приглашены на обед. Обстановка была натянутой. За целый час Карл не произнес ни слова, хотя сидел напротив гетмана. Скорее всего, уже там, на аудиенции, наметились проблемы во взаимоотношениях юного, самоуверенного шведа с престарелым, опытным и осторожным гетманом. Яркое свидетельство тому — инцидент, произошедший по окончании обеда. Карл, видимо, смотрел на казаков и непривычные для него традиции как на своеобразные диковинки. Поэтому он приказал принести заинтересовавший его бунчук, чтобы получше рассмотреть его. Но Мазепа, видимо оценив такое поведение как оскорбительное, удалился к своим казакам, расположенным в соседних селах⁷.

Какие действия планировал Мазепа, соединяясь со шведами? Ничего документально закрепленного мы не имеем. Орлик вкладывал в уста гетмана следующее заявление: «Я не желал и не хотел христианского кровопролития, но намеревался, придя в Батуриин с шведским королем, писать к царскому величеству благодарственное за протекцию письмо, в нем описав все наши обиды прежние и теперешние, отнятие прав и вольностей, крайнее разорение и приговоренную всему народу гибель. И, наконец, заявить, что мы, как свободно под высокодержавную царского величества руку для православного восточного единоверия приклонились, так, будучи свободным народом, свободно теперь уходим, и, благодаря царское величество за протекцию, не хотим руки наши на кровопролитие простирать, но под протекцией короля шведского будем ожидать совершенного нашего освобождения». При этом якобы гетман надеялся добиться «освобождения» не войной, но миром, путем договора, уговорив шведского короля подписать соглашение с Петром. Орлик назвал этот план безумным⁸. Если план гетмана действительно был таковым, то уже после

первого общения с Карлом Мазепа должен был убедиться в своих заблуждениях.

Мазепа, которого многие историки обвиняют в планах измены чуть ли не с момента начала его гетманства, оказался настолько неподготовленным к этому шагу, что даже не издал официального универсала, объясняющего и оправдывающего его поступок. Для сравнения: в свое время гетман Иван Выговский, разорвав союз с Москвой в 1658 году, опубликовал «Манифест европейским державам», разъяснявший его позицию. Нечего и говорить, что и сам Мазепа, и его окружение были достаточно образованными и юридически грамотными людьми, чтобы иметь возможность подготовить подобный документ.

Тем временем российские власти начинают жесткую пропагандистскую войну, к которой Мазепа и его сторонники оказались не готовы. Уже ночью 27 октября Петр издал «Манифест», в котором извещал старшин и полковников, что «гетман Мазепа безвестно пропал», и приказывал им немедленно прибыть в обоз на Десне для совета⁹. А на следующий день пишется новый «Манифест», в котором уже заявлялось, что гетман «изменил и переехал к неприятелю нашему, королю шведскому». При этом декларировалось, что Мазепа сделал это с целью «малороссийскую землю поработить по-прежнему под владение Польское, и церкви Божии и славные монастыри отдать в унию»¹⁰. В этом не было ни слова правды, тем более что сам Петр распорядился передать полякам Правобережье, но в условиях пропагандистской войны это никого не волновало. Теперь Петр приказывал старшине ехать в Глухов уже для избрания нового гетмана. В тот же день, 28 октября, царский универсал отменил аренды, которые, как говорилось в документе, Мазепа ввел «ради обогащения своего»¹¹. Это был очередной популистский шаг, рассчитанный на самые «черные» силы казачества и к тому же подрывавший экономическую основу Гетманщины.

Но, безусловно, самым сильным и эффективным шагом российского правительства стало нападение Меншикова с корпусом российских войск на гетманскую столицу Батурин. Мазепа оставил в своей любимой резиденции гарнизон в восемь тысяч человек, почти 100 пушек, большой запас пороха, продовольствия и фуража. Имелись там, разумеется, и значительные материальные средства. Попытки взять хорошо укрепленный город штурмом не увенчались успехом. Тогда Александру Даниловичу удалось найти изменника, сотника И. Носа, который за хорошую награду показал под-

земный ход. Утром 2 ноября российские войска ворвались в Батурин. После двухчасового боя остатки гарнизона были перебиты вместе со всем гражданским населением. Всего в батуринской трагедии погибло около 15 тысяч украинцев, в том числе все женщины и дети, укрывавшиеся в замке. Современные исследования археологов рисуют страшную картину резни. После этого все дома, церкви и монастыри были разграблены и согласно царскому указу¹² сожжены. Меншиков успел вывезти часть артиллерии, гетманский архив, библиотеку Мазепы, равно как и другие ценности, хранившиеся в столице и загородной резиденции Гончаривке¹³. Вывезли даже мощи святой Варвары, подаренные Мазепой батуринскому монастырю по просьбе Дмитрия Туптало (Ростовского). Даже через двадцать лет после этой трагедии Батурин оставался «весь пуст».

Орлик писал, что когда гетман узнал об уничтожении своей столицы, то был крайне опечален и сказал: «Плохие и несчастливые наши начинания! Похоже, что Бог не благословляет моего намерения. Теперь в нынешнем нашем несчастливом состоянии все дела иначе пойдут и Украина, Батуриным утраченная, бояться будет вместе с нами держаться»¹⁴. 11 ноября Мазепа вместе со шведами подошел к своей разоренной столице. Картина, представшая им, была ужасна: «...задымленные мельницы, развалины зданий, человеческие трупы, которые были наполовину сожжены и залиты кровью»¹⁵.

Между тем окружение Петра бурно развивало наступление. Был отдан указ о конфискации всего имущества Мазепы. Были даже конфискованы его деньги, вложенные в Киево-Печерскую лавру¹⁶. Д. Голицын направился под Белую Церковь, где стоял полковник Бурляй с сердюками и хранилось большое количество имущества гетмана. Используя, как он выражался, «науку» Меншикова, Голицын обещал Бурляю 100 рублей, по 40 рублей сотникам и по 2 рубля всем казакам. После этого Белая Церковь без боя впустила отряд Голицына¹⁷. Из имущества Мазепы были захвачены серебряная посуда, соболя, деньги (в том числе 17 бочонков ефимков и 11 бочонков серебряных рублей)¹⁸. В руки Голицына попали и исторические реликвии Войска Запорожского — булава, бунчук и войсковая печать Богдана Хмельницкого, полученные им от Яна Казимира в 1649 году¹⁹.

Только после известия о Батурине, упустив время и инициативу, Мазепа, «по прошению полковников», написал универсалы в города и старшине, «что он не для приватной своей пользы, но для общего добра всей отчизны и Войска

Запорожского принял протекцию короля шведского»²⁰. Объясняя причины своего перехода к шведам, гетман писал, что Москва без всякого согласия с их стороны начала отбирать украинские города под свою власть, изгоняя людей и насаждая свои гарнизоны, что российские власти намереваются уничтожить само имя Войска Запорожского, казаков превратить в драгун и солдаты, а народ малороссийский поработить²¹.

Внезапность и неподготовленность перехода к шведам привели к тому, что многие из старшин, разделявших убеждения государственников, не смогли к ним присоединиться. Это прежде всего относится к генеральному есаулу Ивану Скоропадскому, человеку к тому времени уже немолодому (ему было около шестидесяти) и заслуженному, которому Мазепа доверял. Именно Скоропадский ездил в Москву, когда стало известно о доносе Кочубея. Гетман написал Скоропадскому только 30 октября, уже находясь у шведов. Он давал ему инструкцию: если не удастся засесть в Стародубе, то идти на соединение к Батурину. Письма генеральный есаул не получил, но, оказавшись в окружении русских войск, был вынужден ехать в Глухов.

После взятия Батурина партия Мазепы постоянно находилась в положении отстающего. Петр и Меншиков развили бурную деятельность, чтобы запугать население и сделать невозможным поддержку Мазепы. В Глухове в присутствии царя и тех немногих старшин, которые по разным причинам не уехали с гетманом²², состоялось представление, символизировавшее гражданскую казнь. Сценарий был разработан Петром, который вместе с Меншиковым был и непосредственным исполнителем. Казнь совершалась над чучелом Мазепы (за неимением его самого). С чучела был сорван орден Андрея Первозванного, затем палач на веревке протащил его до виселицы. Там был зачитан указ об «измене Мазепы», его герб был изодран и истоптан палачом, который также сломал саблю, после чего повесил чучело на виселице. По окончании этого действия состоялась казнь захваченных в Батурине старшин, а затем формальные выборы нового гетмана. При созданных условиях старшина просто утвердила представленного Петром Скоропадского.

Наконец 12 ноября была совершена церковная анафема. Послание, лично написанное Петром Яворскому, не оставляло сомнений, каким репрессиям могло подвергнуться духовенство, если бы оно не исполнило царскую волю. Анафема была оглашена сперва в Глухове киевским митрополитом, а затем в Москве, в соборной апостольской церкви Ус-

пения Пресвятой Богородицы, в присутствии бояр и царевича Алексея. Стефан Яворский лично читал поучение народу и провозгласил трижды: изменник Ивашка Мазепа за клятвопреступление и за измену к нему великому государю буди: анафема²³. Церковная анафема — явление невиданное в истории Украины²⁴ — была на самом деле совершена вразрез с канонами православия. Никакого преступления против церкви или религии Мазепа, разумеется, не совершал. Тем не менее традиция этой анафемы свято соблюдалась Православной церковью в Российской империи вплоть до 1917 года. Помните, как у Пушкина: «Раз в год анафемой донине, грозя, гремит о нем собор». И хотя теперь уже в соборах ничего не провозглашают, московский патриархат до сих пор не решил вопрос со снятием анафемы или признанием ее неправомочной.

В литературе имеется устойчивое представление, согласно которому многие старшины и церковные деятели искренне осуждали Мазепу, считая его поступок «изменой» царю и народу. Этот факт используют как доказательство того, насколько «отвратительно» было «предательство» Мазепы даже его близким друзьям и соратникам, каковыми, безусловно, являлись практически все лидеры украинского православия. В связи с этим очень интересно узнать, какие истинные чувства владели Яворским. На следующий день после «анафемы» он пишет проповедь, в которой осуждает царя, «пьющего из церковных сосудов», и предсказывает Божий гнев, который неминуемо должен был обрушиться на Россию за грехи ее правителя. Проповедь эту Яворский благоразумно не огласил, но, как пишет известный российский филолог В. Живов, «удержаться от протеста, по-видимому, не мог — трудно придумать более красноречивое свидетельство его тайной ненависти к Петру»²⁵.

Видимо, схожие чувства испытывали и многие из старшин. Например, Скоропадский тоже проводил политику скрытого протеста. В своих универсалах он именовал Мазепу не иначе как «бывший гетман» или «мой антецессор», но никогда «изменником», как того требовали российские власти²⁶. Схожая ситуация была и в Киево-Могилянской академии. Комендант Киева Д. Голицын писал, что не может узнать, учатся ли там подозрительные студенты, так как «все нас чуждаются»²⁷. Однако пойти на что-либо большее в условиях начавшегося по отношению к «мазепинцам» террора никто не решался, и это Иван Степанович предвидел.

Резня в Батурине, гражданская казнь и церковная анафема произвели угнетающее впечатление. Петр издал указы об

объявлении изменниками тех из старшины, кто не покинет Мазепу в течение месяца. Они будут лишены званий и имений, их имущество конфисковано, а их жены и дети сосланы в Сибирь. Неудивительно, что начинается массовый переход старшины к Скоропадскому. Среди тех, кто перешел, были миргородский полковник Д. Апостол, корсунский А. Кондиба, компанейский Г. Галаган, генеральный хорунжий И. Сулима и др.

Миф, созданный литературой, рисует восстание против гетмана-изменника. На самом деле имела место паника населения перед возможным повторением Батурина. К этому в дальнейшем добавилось и негативное отношение к шведам, с оружием в руках добывавшим провиант и корма.

Что переживал в это время Мазепа? Факты показывают, что он не сдавался и искал выход из сложившейся ситуации. Вероятнее всего, он понимал, что случилась непоправимая катастрофа. Его многолетняя верная служба царю теперь обернулась против него. Раздражение населения из-за тягот войны, недовольство казаков — теперь все это становилось козырем в руках петровского окружения для развития их пропаганды. В этих условиях Мазепа начинает переговоры с запорожцами и Лещинским. Теми, кого он всегда ненавидел и кому не доверял. Было ли это искренним шагом? Кто знает, может быть, Мазепа, понимая, что гибнет, намеревался утащить в эту пропасть и Запорожье, которое он всегда считал врагом Гетманщины?

По крайней мере спасти Апостола он в очередной раз попробовал. Миргородский полковник, как мы видели, был одним из самых яростных противников реформ, которые Петр планировал по отношению к Гетманщине. 16 ноября Апостол писал своим сотникам и обозному, что шведские войска встают «для защищения отчизны нашої от наступления московского», информировал, что сам с Мазепой и Карлом находится в Ромне и направляется в Гадяч, куда должны были ехать и все старшины²⁸. 20 ноября местечко Сорочинцы было занято Г. Волконским, а на следующий день туда приехал сам Апостол²⁹. В своих официальных заявлениях миргородский полковник декларировал, что был с Мазепой «по неволе», и выражал верность Петру. В этом же духе там же в Сорочинцах он составил и письмо Скоропадскому. Примерно неделю Волконский колебался, как поступить с Апостолом и наконец 28 ноября отправил его к Петру и Меншикову³⁰. И только там полковник поведал тайный наказ Мазепы, в котором гетман предлагал возобновить союз с царем и выдать Карла. Петр выслушал его лично «зе-

ло секретно» и «изволил принять зело желательно и весело». Согласились и на условия, которые выставлял Мазепа, «однако ж о гарантии не малая трудность явилась». Сомнения оставались по-прежнему большие, и только когда от Мазепы прибыл сначала цирюльник Войнаровского, а затем и сам полковник компанейский Галаган, Петр поверил намерениям Мазепы и приказал написать ему³¹. Письмо от 22 декабря было подписано Головкиным, который «крепчайшее обнадеживал» Ивана Степановича, обещал «прежний уряд» и еще большие награды. Головкин особенно настаивал, чтобы Мазепа «постарался» выдать или самого Карла, или хотя бы «прочих знатнейших»³².

Трудно сказать, насколько сам Мазепа верил в возможность примирения — это после Батурина, анафемы и прочего, зная вспылчивый и мстительный характер Петра, не прощавшего даже самых близких людей. Негативным фактором была, безусловно, и проволочка, связанная с принятием решения о контактах с Мазепой. Положение самого Ивана Степановича за прошедшие полтора месяца серьезно изменилось. То ли его переписка была перехвачена шведами, то ли нашелся предатель, но у Карла возникли большие опасения по поводу лояльности его союзника. Во второй половине декабря над Мазепой устанавливается строгий контроль на грани домашнего ареста. Он находился под караулом, и без разрешения ему нельзя было выходить³³. Караульные шведские драгуны буквально ни на шаг не отходили от Мазепы. Между прочим, они боялись, что он может покончить с собой³⁴. В этот же период, неизвестно, с согласия гетмана или нет, но Карл взял у него три бочки денег, которые раздал своим войскам.

Еще 1 января Апостол писал Головкину, что продолжает контакты с Мазепой³⁵. Но на самом деле в петровском окружении решение было уже принято. Военная ситуация складывалась таким образом, что тайные сношения с Мазепой были уже не нужны. Карл и не думал о походе на Москву, а его генералы все чаще обсуждали необходимость «уходить за Днепр». К тому же начался активный процесс дележа имущества опального гетмана. Меншиков и Голицын ругались за сокровища, захваченные в Белой Церкви³⁶. Александр Данилович потребовал за взятие Батурина все именина Мазепы.

Наконец в январе Петр принимает окончательное решение. Он распространил универсал, в котором заявлял о намерении Мазепы отдать Украину под «ярмо польское». При этом ссылались на перехваченное письмо Мазепы к Лещин-

скому, «открывшее его истинные намерения». На самом деле это все был блеф: письмо к Лещинскому перехватили еще в начале декабря, в ноябре о переговорах Мазепы с польским королем рассказывал и Апостол, но тогда все это не мешало вести переговоры с гетманом. Теперь письмо было просто использовано как предлог, чтобы окончательно разделиться с Мазепой. В середине января к Ивану Степановичу был подослан убийца. Его поймали и повесили³⁷. Возврата больше не было. В свою очередь, Мазепа издал универсал сотникам, атаманам и войтам с требованием немедленно прибыть в Гадяч³⁸.

Декабрь и январь выдались в Украине, как и во всей Европе, очень холодными. Шведы, не привычные к морозам, страдали и гибли. Офицеры были вынуждены бежать за саними, чтобы хоть как-то согреться; «выпущенная из уст слюна замерзала раньше, чем падала на землю»³⁹. Во время перехода под Гадяч, спровоцированного русскими, шведам пришлось выйти из теплых хат на лютый мороз. Более ста шведских солдат отморозили себе руки и ноги, несколько десятков погибло⁴⁰. Раздраженный Карл в начале января бросил свои войска на Веприк, не желавший пускать шведов. После ожесточенной обороны, когда порох кончился, город сдался. Шведская армия потеряла около двух тысяч человек и множество офицеров. Это был первый случай открытого сопротивления украинского города. Пленных отдали Мазепе, который приказал посадить их в яму⁴¹.

После этого Карл взял Зиньков, Опошню и Леблядин. Местечки сопротивления не оказывали. В основном они стояли пустые. Карл распорядился их грабить, дома жечь, жителей убивать. В конце января был предпринят поход на Слободскую Украину, в результате которого еще десятки сел и местечек были уничтожены. Такие действия шведов спровоцировали начало партизанской войны, которую вели прежде всего крестьяне и которая делала положение Карла еще более тяжелым. Его поход на Белгород тоже прерван внезапно начавшейся в середине февраля оттепелью. Реки разлились, снега растаяли. В этом паводке потонули возы с частью денег Мазепы⁴².

Что делал Иван Степанович в эти тревожные зимние месяцы? Как мы говорили, ведя в ноябре переговоры с Петром, Мазепа вряд ли серьезно рассчитывал на успех. Скорее, придерживаясь своей обычной тактики, гетман, видя крайне тяжелую ситуацию, пробовал любые пути. К Лещинскому он отправил своего слугу Нахимовского⁴³, вел переговоры и с запорожскими казаками. 24 ноября Запорожье ответило,

что готово быть под шведским королем, но для этого должны быть присланы послы для переговоров. Одним из главных условий запорожцы выставляли ликвидацию Каменного Затона и Самары — крепостей, задуманных и исполненных при непосредственном участии Мазепы для отпора татарам и контроля за своенравным Запорожьем⁴⁴.

Борьба за Запорожье продолжалась всю зиму. Посланец Скоропадского, извещавший Сечь о его избрании, был избит кошевым Гордеенко до полусмерти. Мазепа послал в Сечь генерального судью В. Чуйкевича, генерального бунчужного Ф. Мировича и чигиринского полковника К. Мокриевского — лучших из старшин, которые оставались с ним. Эти усилия увенчались успехом. 26 марта состоялась встреча Гордеенко с Мазепой в Диканьке, а на следующий день они вместе приехали к Карлу. Кошевой с запорожцами были удостоены аудиенции, приветствовали короля и присягнули ему на верность. Каждый был лично представлен Карлу и отвешивал ему низкий поклон⁴⁵. Был заключен договор: с одной стороны — Мазепа и Гордеенко, с другой — шведский король. По этому договору Запорожье присоединялось к шведско-украинскому союзу, а Карл давал обязательство не заключать мира с Петром без выполнения союзных обязательств. Мазепе этот договор дался непросто — и в моральном, и в физическом смысле. После трехдневного банкета с запорожцами он лежал совершенно больной⁴⁶.

Известие о присоединении Запорожья оказало большое влияние на Гетманщину. Полтавский полк (где влияние запорожцев было всегда очень сильно), Правобережье (прежде всего старые казацкие регионы, Чигирин) и даже часть Слободской Украины были охвачены огнем «смятения». Крестьяне и казаки объединялись в ватаги, повторяя путь, который в свое время прошел Петрик. Правда, не все то, что там произошло, могло нравиться Мазепе. В частности призывы Гордеенко «побивать старшину».

В Польше прорусская партия была крайне встревожена известием о переходе запорожцев на сторону Мазепы, в частности — Сенявский. Поэтому Петр и Меншиков предпринимали огромные усилия, чтобы не допустить присоединения Запорожья. Из сибирской ссылки был возвращен Палей, чье бывшее влияние на Правобережье планировалось теперь использовать против Мазепы. По указанию Петра было подготовлено посольство из «добрых казаков», снабженное значительными денежными суммами. Подбирал их лично Апостол. В задачу посланцев входило разойтись по куреням и там «диверсию учинить», то есть постараться

свергнуть Гордеенко. Несмотря на тщательный отбор кандидатов, миссия успехом не увенчалась: посланцев прикрутили к пушкам, им чудом удалось бежать из Сечи. Но в начале апреля Гордеенко все же был смещен и кошевым избрали Петра Сорочинского. Меншиков с радостью уведомлял об этом Петра, полагая, что новый кошевой был сторонником Москвы. Однако энтузиазм его оказался преждевременным: Сорочинский не только не переменял отношения к шведам, но и сам поехал в Крым, чтобы уговорить татар выступить против русских.

Проиграв заочный бой за Запорожье, Петр решил пойти по пути Батурина — уничтожить Сечь. Туда было направлено три пехотных полка во главе с полковником П. Яковлевым. Первой 16 апреля была взята и сожжена Келеберда. Упорный бой шел за Переволочную, где находилось три тысячи запорожцев с большой флотилией, обеспечивавшей положение союзников на Днестре и контакты с Правобережьем. На помощь Яковлеву пришел Волконский, и после двухчасового боя город был взят. Все запорожцы и жители были убиты (в плен живьем взяли только 12 человек), жгли и вырезали также соседние курени. Голову замешавшего кошевого атамана (так как Сорочинский был еще в Крыму) послали в Запорожье для устрашения.

Штурм Сечи продолжался четыре дня, после чего 19 мая 1709 года Запорожье перестало существовать. Казаков и старшин вешали, им рубили головы, оскверняли могилы старых запорожцев. Все постройки были уничтожены, как писал Меншиков: «Все их места разорить, дабы оно изменническое гнездо весма выкоренить».

Единственное, что мог теперь предпринять Мазепа, это уговорить Карла срочно осадить Полтаву. Это была последняя надежда переломить ход событий, удержать шведов в Украине и дожидаться подкрепления из Крыма. Тем более что войска Лещинского были отброшены от Львова, лишая Карла надежды на приход своего польского союзника.

В конце апреля началась осада Полтавы, которая продлилась три месяца. За это время внешнеполитическая ситуация серьезно изменилась. В начале июля Дания, Пруссия и Саксония заключили оборонительный союз. Османская империя занимала выжидательную позицию. Затяжная Русско-шведская война как нельзя больше ее устраивала. Пока она только разрешила запорожцам основать на своей территории Олешковскую Сечь на Нижнем Днестре.

Осада Полтавы шла вяло, хотя город регулярно бомбили шведские мортиры. Но казаки Мазепы просили Карла не

разрушать город, в котором жило много их родственников и где хранились большие богатства. Уверяли, что сопротивление полтавчан можно сломить голодом⁴⁷. К тому же у шведов была жесточайшая нехватка пороха — даже на караул заступали с незаряженными ружьями и набивали их только по тревоге. Тем не менее положение осажденных ухудшалось с каждым днем. Уже в мае горожане начали умирать от голода, более тысячи человек гарнизона выбыли из-за болезней и ран.

7 июня на военном совете Петр принял решение, что после нескольких отвлекающих маневров его армия переправится через Ворсклу и даст генеральное сражение шведам. 13 июня казаки Скоропадского совершили рейд по тылам противника. Одновременно были предприняты вылазки полтавчан и атаки небольших отрядов казаков. 16 июня в стычке с одним из этих отрядов под Нижними Млынами был ранен Карл XII. Находился он там вместе с Мазепой, а племянник гетмана, Войнаровский, командовал запорожцами, отражавшими нападение. Ранение короля имело много негативных последствий: суеверный страх дурного предзнаменования, невозможность оперативно командовать армией во время генерального сражения и т. д. Русские части располагались уже так близко к позициям шведов, что какие-то калмыки, желая отличиться, ворвались в дом, где размещался Мазепа, но были оттуда выбиты шведскими драгунами⁴⁸.

Не начав сражения, Карл его уже проигрывал. Не будучи уверен в планах Петра, он дал ему две недели, чтобы подготовиться к сражению. Никакие доводы разума король не желал принимать во внимание. Еще 11 июня Мазепа вместе с первым шведским министром графом Пипером ездил уговаривать Карла прекратить осаду Полтавы. Но тот упрямо заявил, что если Полтава не будет взята завтра, то послезавтра, если не через месяц, то через год, если не через пять лет, то через десять⁴⁹. Лихорадка, следствие ранения, еще больше усиливала упрямство Карла. К тому же он оттягивал сражение, рассчитывая на подход татар или Лещинского. И только когда он получил дезинформацию, что к Полтаве идет 30 тысяч калмыков (их шло всего три тысячи), он принял решение вступить в бой. С российской стороны в нем принимали участие 42 500 человек помимо казаков Скоропадского, у Карла было только 25 тысяч, а шесть тысяч по-прежнему штурмовали Полтаву.

В этом генеральном сражении 27 июня 1709 года решилась судьба и России, и Украины, и самого Мазепы. Последнему участвовать в нем не довелось. Как писал очеви-

дец, гетман прискакал рано утром на великолепной лошади, богато и красиво одетый. Скорее всего, он понимал, что настал момент истины, и хотел его встретить достойно казачьего гетмана. Однако Карл приказал ему вернуться к обозам, заявив, что у Мазепы и так слабое здоровье⁵⁰. Таким образом, ни гетман, ни его казаки участия в Полтавском сражении не приняли. Возможно, именно оттого, что Мазепа предчувствовал результат боя, и оказался гораздо более морально подготовленным к разгрому, чем Карл.

В битве под Полтавой шведы потеряли почти 10 тысяч человек, в плен попало три тысячи, в том числе граф Пипер. В то время как Петр оказывал любезности шведским генералам и пил «за учителей своих» — шведов, запорожцев, как писал шведский очевидец, колесовали и сажали на кол. В плен сдались и многие знаменитые мазепинцы: генеральный судья Чуйкевич, генеральный есаул Максимович, полковники Зеленский, Кожуховский, Я. Покотило, А. Гамаля, С. Лизогуб. Всех их ждала Сибирь.

Карл, у которого ядро разбило носилки и под которым дважды убивали лошадей, был в полном смятении и отчаянии. Король еще никогда не проигрывал и не умел это делать. Он хотел было пробираться в Подолье, чтобы там соединиться с Крассау и Лещинским, но Мазепа настойчиво требовал идти в Турцию.

Доктрина линейной тактики: «отступающему противнику — золотой мост», опасение контратаки со стороны шведов, безумная радость победы и начавшийся пир — все это вместе взятое спасло убежавших от немедленной погони⁵¹. Только утром в погоню бросился Меншиков. Больше всего Петр мечтал поймать Мазепу. 29 июня шведы и мазепинцы добрались до Переволочной. Предстояла переправа через Днепр. Казаки на лошадях справились с задачей, и Мазепа с двумя тысячами первый ушел за реку. В ночь на 30 июня запорожцы поставили колеса кареты Карла XII в две связанные между собой паромные лодки и переправили короля.

На Днепре разыгрывалась настоящая трагедия. Украинцы бежали со всем своим скарбом. 30 возов с серебром и деньгами Орлика погибли при переправе. Его жена «в одном платье» с детьми сумела захватить только шкатулку с драгоценностями и тысячей червонцев⁵². Орлик — поэт, панегирист и образец учености своего времени — метался в отчаянии и обещал казакам 300 талеров за переправу его возов⁵³.

Утром к Переволочной добралась измученная погоня. Поняв, что Мазепу и Карла уже не догнать, Голицын устремился за корпусом Левенгаупта, который направился к

Ворскле. Окруженный Голицыным и Меншиковым, Левенгаупт капитулировал, предварительно успев сжечь королевский архив⁵⁴. С ним сдались 13 тысяч деморализованных шведов и три тысячи мазепинцев. Несколько сотен запорожцев, догадываясь, какая их ожидает участь, бились до конца или кидались в Днепр.

Те же, кто сумел бежать с королем и гетманом, шли по территории, обезлюдившей еще со времен Руины. Одна группа шла с Мазепой, другая — с Карлом. Гетман ехал в карете, потрясенный последними событиями и совершенно разбитый. Его знания этого края были теперь спасением и для него самого, и для Карла. Этими, невидимыми для шведов тропами он ездил больше тридцати лет назад посланцем от Дорошенко, здесь попал в плен к запорожцам, которые теперь были ядром его многочисленной свиты. Судьба давала много пищи для размышлений.

Добравшись до Буга, Карл по совету Мазепы отправил посланца к очаковскому паше, с которым у гетмана были давние связи. Паша помог переправиться, и они оказались в турецких владениях. 23 июля Секер-паша прислал им приглашение в свою столицу, в Бендеры.

Прибыв в город, беглецы узнали, что Петр требовал от паши не принимать их и предлагал 300 тысяч червонцев за выдачу Мазепы. Иван Степанович не мог не тревожиться за свою судьбу. С одной стороны, он знал влияние золота в Османской империи, с другой — мстительность Петра. То, что ожидало бы его в Москве, попади он в руки царя, тоже представить было нетрудно. Впрочем, даже волноваться сил уже не было. Гетман с момента приезда в Бендеры был очень болен и не поднимался с постели. При нем постоянно находился Войнаровский, а затем и Орлик, который ездил в Яссы для устройства войсковой канцелярии.

В конце августа состояние гетмана ухудшилось. Послали в Яссы за православным священником. Мазепа попросил Карла прислать к нему надежного человека, чтобы проследить за исполнением его последней воли. Таким стал Г. Солтан, заведовавший всеми украинскими делами в шведском штабе. Гетман принял его с радостью. На смертельном одре он сохранял мужество и с полным присутствием духа шутил, что умирает, как Овидий, в тех же краях⁵⁵. Согласно легенде, ему еще хватило сил сделать распоряжение относительно тайных документов, которые были уничтожены.

Вечером 21 августа начались судороги, Мазепа потерял память и метался почти час. При нем были священник, Ор-

лик, Войнаровский и Солтан. Известие о близкой смерти гетмана распространилось по Бендерам, и к полудню к дому стали собираться казаки, шведы, поляки и турки. В 4 часа пришел Карл с представителями Англии и Голландии, чтобы попрощаться с Мазепой, но тот уже никого не узнавал. После ухода короля начался страшный ливень, который продолжался весь день и ночь. Под грохот стихии в 10 часов вечера 21 августа 1709 года (по старому стилю) Мазепа умер. Не имея об этом точных сведений, Петр вплоть до начала сентября продолжал посылать силистрийскому паше предложения выдать гетмана за деньги или обменять его на Пипера⁵⁶.

Легенда о сказочном богатстве гетмана имела под собой все основания. Несмотря на то, что, уходя к шведам, он смог взять с собой малую толику своего состояния, да и ту частично утратил и израсходовал за последние месяцы, сумма, переданная им Солтану, была очень внушительной: 160 тысяч червонцев. Это достояние стало затем предметом торга между его наследниками⁵⁷.

Мазепа был похоронен в предместье Бендер Варнице. Однако Орлик и другие старшины обратились к Карлу с прошением, в котором указывали, что подобные скромные похороны не подходят для гетмана, знаменитого на весь мир своими героическими делами. В результате в марте в Яссах состоялась повторная, на этот раз официальная церемония. Шведские фанфары и казацкие сурмы сменяли друг друга. Казацкая старшина несла перед гробом знаки гетманской власти: драгоценную булаву, знамя и бунчук. Гроб был покрыт алым оксамитом с широкой золотой отделкой, его везли шесть лошадей, на которых сидели казаки с обнаженными саблями. За ними следовали Карл со своими генералами, иностранные послы, представители турецкого султана, молдавского и волошского господарей. Верхом ехали Орлик и Войнаровский. Далее с опущенным оружием и знаменами шли королевская охрана и янычары⁵⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Смерть Мазепы и его похороны на далекой чужбине подвели итог двадцатилетнему периоду в истории Гетманщины, славному и трагичному одновременно. Поражение «бунта Мазепы», как его теперь именуют в серьезной российской историографии¹, сделало его уязвимым для критики. В результате все заслуги и достижения гетманства Мазепы зачастую забываются, а исследователи фокусируют свое внимание без всякого контекста и анализа только на одном факте — его переходе к шведам. Между тем Мазепа, жонглируя над пропастью, находясь между врагами, завистниками, бунтовщиками и доносчиками, двадцать лет управлял Гетманщиной. На его счету были десятки военных походов и побед. Он был обладателем титулов и несметного богатства. Щедрый меценат и просвещенный богослов. Политик и дипломат.

Петр воспользовался ситуацией и начал пропагандистскую кампанию, чтобы переломить ход военной кампании, а затем и создать предлог для ликвидации Гетманщины. Эта петровская акция была подхвачена идеологами империи, для которых важно было любые протесты автономистов прикрыть ярлыком «измены». Два столетия имя и дела Мазепы вымарывались как в прямом, так и в переносном смысле этого слова. Сбивали его гербы на построенных им храмах, замазывали его имя на книгах, изданных на его дотации. А ведь, по сути, для России переход Ивана Степановича на сторону шведов не изменил критически ход кампании. По крайней мере это не шло ни в какое сравнение с чудновской катастрофой 1660 года — гибелью в результате перехода гетмана Юрия Хмельницкого к полякам всей русской армии, пленением офицеров и потерей Правобережья. Между тем Юрия Хмельницкого очень долго никто не проклинал, даже изменником не решались назвать; наоборот, Алексей Михайлович более года надеялся на его «обраще-

ние» и вел с ним увещательные переговоры. Вообще, первое соглашение со шведами заключил еще Богдан Хмельницкий в 1656 году, вразрез решениям Переяславской рады. Этот договор был затем подтвержден его преемником Иваном Выговским в 1658 году. Но при этом, несмотря на шедшую тогда Русско-шведскую войну, тех гетманами же никто «изменниками» за союз со шведами не называл и проклятиями не осыпал. Кошевой атаман Иван Сирко раз двадцать за свою жизнь менял политическую ориентацию, выступая то за Москву, то за Польшу, то за Турцию. И с ним царское правительство обходилось весьма снисходительно. Несмотря на военный поход на Левобережье Дорошенко, его стычки с русскими войсками, союз с Турцией и независимую политику, с ним вели переговоры, предлагали гетманство, а затем дали российское воеводство. Мазепу же обвинили во всех смертных грехах, предали гражданской казни и церковной анафеме. М. С. Грушевский справедливо писал: «Политический шаг Мазепы был раздут как поступок небывалый и чрезвычайный. Но в действительности в этом поступке Мазепы и его единомышленников не было ничего чрезвычайного, ничего нового»².

Правда, и М. С. Грушевский, и Н. М. Костомаров обвиняли Мазепу в том, что его переход к Карлу стал поводом к ликвидации украинской автономии. Позволим себе с этим не согласиться. Ликвидация автономии шла непрерывно с момента второго Переяславского договора 1659 года. Самым активным образом она подготавливалась в 1706—1707 годах, что и стало одной из причин решения Мазепы. Представим на минуту, что гетман не начал бы переговоров с Карлом. В этом случае, скорее всего, группа Апостола его бы свергла, а Кочубей захватил бы власть. Ничто не могло остановить логику развития империи. Петр побеждал, а после победы уже не нуждался в Гетманщине: как и все автономии, она была обречена. Ни уговоры Орлика, ни слезы Скоропадского, ни просьбы Полуботка не могли изменить решения Петра по отношению к Украине и ход истории. Другое дело, что правительство Петра I воспользовалось предлогом, чтобы пристойно оправдать свои действия и разорвать договорные отношения с Гетманщиной.

Участь мазепинцев, их жен и детей была печальной. Одни вплоть до смерти Петра и Екатерины находились в Сибири, другие жили в Москве под строгим надзором. Орлик, Минович, Гордеенко и многие другие умерли на чужбине в Турции. Долго гонялись российские власти за Андреем Войнаровским, который отказался от политических амби-

ций и жил как частное лицо на деньги своего дяди. Он был арестован в Гамбурге в октябре 1716 года и сослан в Сибирь, где и умер в 1740 году³. Российской казне это обошлось почти в тысячу золотых червонцев⁴. Немногие уцелевшие из старшин «автономисты», как могли, продолжили дело Мазепы. Скоропадский до самой своей смерти сопротивлялся мероприятиям Петра по ликвидации Гетманщины. Апостол вместе с Полуботком ездил добиваться сохранения гетманского правления в Петербург, попал в Петропавловскую крепость, но затем, при Петре II, все же стал гетманом, и его правление еще на несколько лет сохранило автономию Украины.

Что же касается последствий разрыва с Мазепой, расправы над мазепинцами и уничтожения Запорожя для России, то они также были весьма печальными. Османская империя, так и не оказав помощи Карлу накануне Полтавской битвы, в 1710 году, поддавшись уговорам Орлика, решила начать активные военные действия. После триумфа над шведами Прутский поход русских войск, возглавленный самим Петром, обернулся полным провалом. Из-за падежа коней шесть тысяч драгун шли пешком. Татары перехватывали обозы с хлебом, водой и дровами, жгли степь. 45 тысяч русских было окружено 135 тысячами турецко-татарских войск. Только мужество Екатерины, собравшей выкуп, спасло царя от позорного плена. По условиям договора Россия потеряла Запорожье, пограничные крепости Самару, Северный Затон и Таганрог. Был сдан Азов и уничтожен азовский флот, возобновлена уплата дани Крыму. По итогам Северной войны Россия сохранила за собой Петербург и болотистые финские территории, но отдала православную Правобережную Украину, где в результате еще сто лет продолжалась кровавая война гайдамаков с поляками. Все плоды совместной десятилетней борьбы на юге Петра и Мазепы были безвозвратно утеряны. Такой провал объяснялся не только самоуверенностью окружения царя после победы над лучшей армией Европы («турок ставили за мало»)⁵, но прежде всего незнанием особенностей борьбы с татарами и турками. Петр, по сути, повторил ошибку В. Голицына с его Крымскими походами. Ошибка эта заключалась в том, что он проигнорировал многовековой опыт знатоков этого региона, каковыми были казаки и запорожцы и, безусловно, Мазепа. Когда в царствование Анны Иоанновны снова настала пора Русско-турецкой войны, российские власти были вынуждены не только сохранить Гетманщину, но и восстановить Запорожье.

В некотором роде прутский провал стал реваншем Мазепы, хотя и посмертным. Не приходится удивляться тому, что Петр никогда не забывал гетмана. По прошествии девяти лет после смерти Мазепы он в разговоре со Стефаном Яворским сравнил его слова с «языком Мазепы», отчего блюститель патриаршего престола слег на несколько дней в постель⁶.

Как бы ни представляли конец жизни Мазепы, он проиграл, сохраняя мужество, и умер достойно — хотя и в изгнании, но в окружении единомышленников, с воинскими почестями, которые воздал ему Карл, чьим военным гением восхищался сам Петр. Умер Мазепа своей смертью, не в застенке и не на плахе. Его бывших сподвижников и врагов постигла не лучшая участь. Палей так и не сумел воспользоваться своим возвращением из Сибири и умер в январе 1710 года. Меншиков, которому достались имения Мазепы, взлетел на вершину власти, чуть не став тестем императора, и затем рухнул на землю, лишившись всего. Умер он в нищете, пережив гибель своей дочери и собственное забвение. Что касается Петра, то помимо Прутского похода он пережил страшную личную трагедию — казнь собственного сына.

Но имя Мазепы по-прежнему помнят и знают. Ему посвящали и посвящают литературные произведения, его образ волнует художников и кинематографистов, его имя гремит на подмостках лучших театров мира.

Давно уже пора отказаться от политических анафем и проклятий в адрес Мазепы и постараться извлечь урок из трагедий наших предков. Не стоит следовать пропагандистским штампам, которые пытались объяснить русско-украинский конфликт начала XVIII века корыстью одного «изменника-гетмана». Надо набраться мужества и признать, что интересы и цели молодой Российской империи и ослабленной Гетманщины были очень различными. В некотором роде Украина стала заложницей геополитических планов России. Петр стремился создать новое государство, способное как в военном, так и в экономическом плане соперничать с европейскими державами. Эта политика была возможна только при жесточайшей централизации. Военная и экономическая ситуация позволяла провести объединение Украины и вырвать из страшной бездны Руины Правобережье. Однако эти планы были принесены в жертву дипломатической игре. Перед лицом шведского наступления Левобережье должно было превратиться в выжженную землю, арену военных действий. Именно эти два фактора, наряду с лич-

ными обидами, и вынудили Мазепу на попытку союза с Карлом XII.

Еще одним фактором был план ликвидации Гетманщины и включения ее в общую структуру Российской империи. Что бы ни говорили о Мазепе, но ему было далеко не безразличен этот план, и не только потому, что он не хотел менять реальную власть гетманской булавы на пустой титул князя. Ему действительно было дорого то, что являлось частицей и его двадцатилетнего труда, иначе бы он почил на лаврах своего огромного богатства. Правда заключалась в том, что многие старшины спокойно восприняли перспективу превращения в мирных русских дворян-помещиков, кем они и стали впоследствии. Именно эти люди из старшины и не поддерживали Мазепу. Но были и такие, кому Гетманщина, дитя Хмельнитчины, была дорога, например Д. Апостол, Д. Горленко, которые были искренне готовы сражаться за «стародавние вольности».

Мы говорим о «верхушке», элите Гетманщины. Что же касается простого народа, то его ждала перспектива закрепощения и подчинения жесткой политике русских властей. Но народ никогда, даже при Б. Хмельником, не понимал и не разделял идей старшин-автономистов.

Самой страшной трагедией Гетманщины являлось то, что у нее не было альтернативы. Все попытки договоров с Польшей и Крымом заканчивались провалом. Швеция же была слишком далеко. Поэтому все политические лидеры Гетманщины, включая даже Мазепу, рано или поздно вынуждены были возвращаться к идее союза с Россией, каждый раз надеясь на «хорошие условия» и «милость» царя.

*Комарово — Репино,
2005 год*

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

КАЗАЦКАЯ УКРАИНА. СЕМЬЯ МАЗЕП

¹ Шляхта — название дворянства в Речи Посполитой, имевшего право принимать участие в управлении государством, в частности, в работе местных сеймиков, избирать депутатов на сейм, принимать участие в выборе короля и т. д.

² Старшина — общее название для верхушки украинского казачества. Сюда входили «генеральная старшина» — генеральный писарь, обозный, есаул и т. д., а также полковники.

³ Ф. Мазепа не был соратником С. Наливайко и не был казнен в Варшаве: см. подробное исследование этого восстания: *Лепяво С. Козацькі війни кінця ХVІ ст. в Україні*. Чернівці, 1996.

⁴ Инфамия — наказание для шляхты в Речи Посполитой — бесчестье, сопровождавшееся лишением гражданских прав.

⁵ Наезд — вооруженное нападение шляхты, которая обычно таким образом решала в Речи Посполитой спорные вопросы со своими соседями.

⁶ Архив Юго-Западной России (далее — Архив ЮЗР). Т. 1. Ч. III. № СХ. С. 397—400.

⁷ Присяжная книга 1654 г. С. 40, 70.

⁸ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее — Акты ЮЗР). Т. X. № 7. С. 405.

⁹ Там же. № 4. С. 248. М. Грушевский писал по этому поводу: «Тем удивительнее, что такая совершенно ничтожная кучка имела смелость обратиться к царскому посольству с проектом распределения старых земских урядов...» — *Грушевский М.* К истории Переяславской рады 1654 года. С. 305.

¹⁰ Современный канадский историк О. Субтельный, автор блестящей работы о «Мазепинцах», и тот в некоторой степени поддался этому настроению и написал, что Мазепы олицетворяли симбиоз польской католической шляхты и украинского православного казацкого окружения.

¹¹ Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в. / Сост. Самоил Величко (далее — *Величко*). Т. II. С. 342.

Глава 2

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ МАЗЕПЫ

¹ Год рождения определен по письму Ф. Орлика, в котором он пишет: «...мне уже 70 лет, столько, сколько было покойному Мазепе в Бендерах», то есть в 1709 году. День и месяц рождения были определены Т. Падурой на основе записи в Кременешком иезуитском молитвеннике.

² *Величко*. Т. II. С. 342.

³ Между прочим, сам А. С. Пушкин в послесловии к поэме «Полтава» писал, что дума, написанная Мазепой, «примечательна не только в историческом смысле».

⁴ Большинство биографов Мазепы совершенно бездоказательно считают, что учиться на Запад Мазепу послал король. Так, И. Бугич пишет,

что это произошло в 1656 году. Но, учитывая, что его отец в это время был среди старшин Богдана Хмельницкого, это представляется совершенно невозможным. Гораздо вероятнее предположить, что Мазепа был послан на Запад через Киево-Могилянскую академию, тем более что многие ее студенты продолжали свое образование за границей.

⁵ *Універсали Івана Мазепи*. К.; Львів, 2002. С. 21.

⁶ Об этом писал Орлик в письме к своему сыну.

⁷ Об этом сказал сам Мазепа в разговоре с Жаном Балюзом.

⁸ *Величко*. Т. II. С. 342.

⁹ Впервые в документах И. Мазепа именуется «покоевым королем» в письмах И. Выговского от октября 1659 года, то есть уже после свержения Выговского с гетманства — Памятники Киевской Комиссии (далее — ПКК). Изд. 1. К.; 1852. Т. III. № LXXXII. С. 361.

¹⁰ *Іван Мазепа*. К., 1992. С. 76.

¹¹ *Pasek J. Pamiętniki*. S. 211—212.

¹² Там же. С. 321.

¹³ *Jemiotowski M. Pamiętnik*. Lwow, 1850. S. 135.

¹⁴ 26 февраля 1663 года И. Мазепа был отправлен Тетерей обратно к королю. — ПКК. Т. IV. № LIX. С. 271.

¹⁵ Инструкция И. Мазепе из коронной канцелярии, 31 марта 1663 г. — *Pisma do wieku Jana Sobieskiego*. № 49. S. 214—221.

¹⁶ Письмо П. Тетери королю, 2 мая 1663 г. — ПКК. Т. IV. № LXV. С. 295.

¹⁷ То, что Иван был во время похода при короле, не вызывает сомнения, так как сохранился «Реестр тех, кто был с королем е. м. за Днепром», подписанный лично Яном Казимиром. В нем значится Иван Мазепа (*Iwan Mazepa*) — показательно, что именно Иван, а не Ян или Иоанн — *Mwiat pogranicza*. Warszawa, 2003. S. 184.

¹⁸ Подробнее об этих событиях: *Яковлева Т.* Руїна Гетьманщини: від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659—1667 гг.). К., 2003.

¹⁹ По крайней мере, в конце ноября 1664 года С. Фридрикевич был жив и подписывал инструкцию казацким послан на сейм. — *Україна модерна*. 1999—2000. № 4—5. С. 407.

²⁰ Этот факт замужества второй дочери С. Половца и П. Дорошенко приводит американский исследователь казацкой генеалогии Г. Гайецкий. В новейшей работе о старшинских родах Ю. Кривошея говорит только о двух женах (дочери Яненко-Хмельницкого и Еропкиной). В Степанков говорит о тех женах, не называя их поименно. Поэтому полагаю, что данные Г. Гайецкого достоверны. — *Gajecki G. The Cossack Administration of the Hetmanate*. Harvard, 1978. V. 2. P. 571.

²¹ Имеется в виду первая победа Б. Хмельницкого над поляками в мае 1648 года.

²² Перевод на русский язык Т. Таировой-Яковлевой. Оригинал на украинском языке:

Всі покою ширю прагнуть,
А не в один гуж тягнуть,
Той направо, той наліво,
А всі браття, тото диво!
Нема ж любови, нема ж згоди
Од Жовтої взявши Води;
През незгоду всі пропали,
Самі себе своювали.

²³ Перевод на русский язык Т. Таировой-Яковлевой. Оригинал на украинском языке:

Од всіх сторон ворогують,
Огнем, мечем руйнують.
Од всіх нема ж зичливості,
Ані слушної учтивості;
Мужиками називають,
А підданством дорікають.

²⁴ А за віру хоч умріте,
І вольностей бороніте!

²⁵ «...для своей ростропности и цекавости». — *Величко*. Т. II. С. 342.

²⁶ Дневник польского посольства, 27 августа 1672 г. — *Pisma do wieku J. Sobieskiego*. Т. II. № 425. S. 1100.

²⁷ Сіверянський літопис. 2003. № 5—6. Док. № 6. С. 18. У Ю. Мышка это польское известие ошибочно датировано 1669 годом, хотя оно, видимо, относится к 1672 году.

²⁸ Акты ЮЗР. Т. XI. № 68. С. 231.

²⁹ То есть с переводчиком.

³⁰ Синбирский сборник. Малороссийские дела. № 13. С. 12—13.

³¹ Акты ЮЗР. Т. XII. № 112. С. 332.

³² Там же. № 133. С. 425.

³³ Диким Подем называли огромные незаселенные пространства, лежащие от границы Каменец—Винница—Умань вплоть до Крыма. Эти поля обычно были местом добычи вольных казаков и татарских чамбулов.

³⁴ Расспрос Мазепы в Москве. — Акты ЮЗР. Т. XI. № 170. С. 558—559.

³⁵ Там же.

³⁶ *Величко*. Т. II. С. 341—342.

³⁷ Акты ЮЗР. Т. XI. № 151. С. 496—498.

³⁸ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. IV. № 96. С. 315—316.

³⁹ Сам Г. Г. Ромодановский в своей отписке к царю не вдаётся в такие подробности. Но вот его подчиненный Е. Булычев, прибыв в Москву, дал подробный отчет, как обстояли дела с выдачей Мазепы. — Акты ЮЗР. Т. XI. № 174. С. 590—591.

⁴⁰ Письмо И. Сирко гетману И. Самойловичу. — Там же. № 173. С. 585—586.

⁴¹ Письмо гетмана И. Самойловича И. Мазепе. — Там же. № 160. С. 535.

⁴² Любопытно, что Алексей Карандеев, тоже бывший на допросе Мазепы, остался другого мнения, чем Ромодановский. Он весьма злобно писал про него боярину А. Матвееву: «И его... лукав ответ, творит себя невинным...» — Там же. № 171. С. 570.

⁴³ Письмо гетмана И. Самойловича И. Мазепе. — Там же. № 160. С. 535.

⁴⁴ Письма гетмана И. Самойловича царю. — Там же. № 173. С. 580—581.

⁴⁵ Расспрос Мазепы в Москве. — Там же. № 170. С. 557—558.

⁴⁶ Там же. № 178. С. 597.

⁴⁷ Там же. № 184. С. 610—611.

¹ *Горобець В.* Данило Апостол // История Украины в особах. К., 2000. С. 226—227.

² Сам Самойлович писал царю, что челядник Кочубей потерял письма, которые тот вез от султана, и Кочубей, не решившись вернуться к Дорошенко, «прямо на сю сторону пошол...» — Акты ЮЗР. Т. XII. № 84. С. 246.

³ А. Оглоблин приводит такие генеалогические данные: Ганна Мазепа была теткой по матери Д. Горленко, который был женат на родной племяннице супруги И. Самойловича.

⁴ ИР им. Вернадского. Ф. I. № 3893. Л. 5.

⁵ Идея создания гетманской династии не раз возникала в Украине. Сам Б. Хмельницкий стремился сделать своим наследником своего старшего сына Тимофея, а после гибели его завещал старшине избрать младшего сына Юрия, совершенно не способного к управлению. Последующие гетманы тоже стремились своими родственными связями подтвердить право на булаву. На дочери Б. Хмельницкого женился брат И. Выговского П. Теря, на родственнице Богдана был женат Д. Дорошенко и т. д. Одного из своих сыновей готовил в гетманы и И. Самойлович.

⁶ *Исторія Української культури*. Т. III. К., 2003. С. 578.

⁷ Войсковой товарищ — ранг в Войске Запорожском.

⁸ Акты ЮЗР. Т. XII. № 144. С. 490.

⁹ Там же. № 156. С. 555.

¹⁰ Письмо И. Самойловича царю. — Акты ЮЗР. Т. XIII. № 3. С. 8.

¹¹ Там же. С. 22, 24.

¹² Например, В. И. Буганов.

¹³ *Буганов В. И.* «Канцлер» предпетровской поры // Вопросы истории. 1971. № 10. С. 145—146.

¹⁴ Акты ЮЗР. Т. XIII. № 119. С. 83.

¹⁵ Письмо И. Самойловича И. Сирко. — Акты ЮЗР. Т. XIII. № 59. С. 230.

¹⁶ *Московия и Европа*. М., 2000. С. 249.

¹⁷ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 14 // *он же*. Сочинения. Кн. 7. М., 1991. С. 383.

¹⁸ *Россия глазами иностранцев*. С. 490.

¹⁹ Письмо И. Мазепы В. В. Голицыну. — Листи І. Мазепи. Т. I. К., 2002. № 100. С. 242.

²⁰ Письмо И. Мазепы В. В. Голицыну. — Там же. № 87. С. 221.

²¹ Акты ЮЗР. Т. XIII. № 83. С. 321.

²² *Воссоединение Украины с Россией*. Т. II. № 181. С. 425.

²³ *Духовная Ф. Криницкого, осень 1678 г.* — Сіверянський літопис. 2003. № 5—6. Док. № 7. С. 19—20.

²⁴ Чигирин был столицей Гетманщины со времен Богдана Хмельницкого.

²⁵ РГАДА. Малороссийский приказ. Оп. 229/1. Ст. 105—107.

²⁶ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 13. М., 1991. С. 208—209.

²⁷ *Книги разрядные*. Т. II. С. 1152—1153.

²⁸ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. IV. № 164. С. 482—484.

²⁹ *Хьюз Л.* Царевна Софья. СПб., 2001.

³⁰ *Богданов А. П.* Первые российские дипломаты. М., 1991. С. 36.

³¹ *Архив Куракина*. Ч. I. С. 54.

³² Например, Софья писала в письме Голицыну во время Крымского похода: «...как увижу в объятиях своих тебя» и признавала: «Я верна грешная пред Богом и недостойна». — *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Т. 1. СПб., 1858. С. 382—384. В связи с этим сомнения, высказанные Л. Хьюз о характере взаимоотношений Софьи и Голицына, выглядят попыткой уйти от старых шаблонов.

³³ Записки А. Матвеева // Рождение Империи. М., 1997. С. 400.

³⁴ *Буганов В. И.* «Канцлер» предпетровской поры. С. 149.

³⁵ Записки А. Матвеева. С. 379.

³⁶ Восстание в Москве 1682 г. М., 1976. № 63. С. 85.

³⁷ Там же. № 75, 76, 83, 84.

³⁸ В историографии преобладает мнение, что дума «Эй Иване, попывичу Гетмане» была написана Мазепой, поскольку из «ближайшего окружения» гетмана известно только про него, что он писал стихи. Да и по стилию она весьма схожа с теми произведениями, которые достоверно принадлежат Мазепе.

³⁹ *Величко Т. III.* С. 16—17.

⁴⁰ Там же. С. 21.

⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1139.

⁴² *Оглоблин О.* Гетьман Иван Мазепа та його доба. Н.-Й.; К.; Львів; Париж; Торонто (далее — *Оглоблин*). С. 75.

⁴³ ИР Вернадского. Ф. I. № 3893. Л. 4 об.

⁴⁴ *Богданов А. П.* Первые российские дипломаты. С. 50.

⁴⁵ Архив ЮЗР. Ч. I. Т. I. № XIV. С. 65—66.

⁴⁶ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 14. С. 374.

⁴⁷ Там же. С. 375.

⁴⁸ *Оглоблин О.* С. 171.

⁴⁹ ИР Вернадского. Ф. I. № 3893. Л. 8.

⁵⁰ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 14. С. 366.

⁵¹ Там же. С. 370.

⁵² Архив ЮЗР. Ч. I. Т. V. № XXX. С. 133.

⁵³ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Источники малороссийской истории. Ч. I. С. 289—296.

⁵⁴ Архив ЮЗР. Ч. I. Т. V. № XXXI. С. 135.

⁵⁵ Там же. № XXXIII. С. 141.

⁵⁶ Архив Куракина. Т. I. С. 51—52. По его словам, в Думе против мира с Польшей были П. И. Прозоровский, Ф. П. Салтыков и другие бояре. Во время переворота Нарышкиных П. И. Прозоровский был среди тех бояр, которые получили награды за поддержку Петра.

⁵⁷ Например, А. П. Богданов считает, что первый Крымский поход был чрезвычайно полезен для союзников. — *Богданов А. П.* Первые российские дипломаты. С. 56—57.

⁵⁸ Россия глазами иностранцев. С. 491.

⁵⁹ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 14. С. 384.

⁶⁰ *Gordon Tagebuch.* II. 177.

⁶¹ Согласно записке И. Мазепы, он послал Голицыну 5800 червонных золотых, 3 тысячи рублей в копейках, 1200 рублей в талерах битых, что составляло 10 тысяч рублей. — *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. I. Приложение № VIII. С. 356.

⁶² *Борщак И.* Людина й історичний діяч // Иван Мазепа. К., 1992. С. 57.

⁶³ Эта версия изложена в: *Хьюз Л.* Царевна Софья. С. 256; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 14. С. 382—383. Тре-

тья версия сводится к тому, что выступление старшины было организовано Голицыным: *Оглоблин О.* С. 73.

⁶⁴ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 14. С. 383.

⁶⁵ Опубликовано: *Bushkovitch P.* Р. 153.

⁶⁶ *Буганов В. И.* «Канцлер» предпетровской поры. С. 152 и др.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 124. Оп. 2. № 11. Л. 9 об.

⁶⁸ Подлинник доноса: РГАДА. Ф. 124. Оп. 2. № 11. Л. 3—9 об. Копия в современном переводе на русский язык с допущением ряда ошибок была опубликована Д. Бантыш-Каменским.

⁶⁹ *Величко Т. III.* С. 14.

⁷⁰ Там же. С. 15. У Невилля эту фразу сказал Д. Райча. — С. 494.

⁷¹ Листи I. Мазепи. Т. I. № 100. С. 242.

⁷² *Величко Т. III.* С. 15.

⁷³ *Оглоблин О.* С. 82.

⁷⁴ Акты, относящиеся к истории Западной России (далее — АЗР). Т. V. № 15. С. 189.

⁷⁵ По свидетельству Самойловича, аренды только с Лубенского полка давали 17 тысяч золотых.

⁷⁶ Рождение империи. С. 266—267.

⁷⁷ *Невилль С.* 509.

⁷⁸ Бендерская комиссия была составлена старшиной после смерти И. Мазепы для оценки его наследия.

⁷⁹ Например, думному дьяку Е. И. Украинцеву и дьякам Посольского приказа Мазепа посылал вино. — Листи I. Мазепи. Т. I. № 121. С. 286. О взятках периода доноса Кочубея будет говориться ниже.

⁸⁰ Присяга И. Мазепы на Каламаке. — Универсали Ивана Мазепи. С. 63.

⁸¹ Листи I. Мазепи. Т. I. № 55. С. 167.

Глава 4

НАЧАЛО ГЕТМАНСТВА: МАЗЕПА И ГОЛИЦЫН

¹ *Величко Т. III.* С. 53—54.

² *Невилль С.* 495.

³ *Bushkovitch P.* Peter the Great. Cambridge, 2001. P. 153—154.

⁴ *Невилль С.* 495.

⁵ Только денежные средства, переданные в гетманскую казну, составляли: 2458 червонных золотых, 23 716 талеров, 1143 левка, 1907 рублей 6 алтын серебряных копеек, 2 рубля 25 алтын турецких денег русским счетом, 2 полуталера с четвертью талера, 4 полулевка, 34 четвертки с полчетверткою, 3 орлянки, 15 404 рубля 4 алтын чехов. — Русская историческая библиотека. Т. VIII. С. 965—966.

⁶ Серебряные миски с гербом Самойловича оставались у Мазепы вплоть до его бегства в Бендеры. — *Оглоблин О.* С. 84.

⁷ Листи I. Мазепи. Т. I. № 29. С. 128.

⁸ Там же. № 70. С. 188.

⁹ Там же. № 22. С. 117.

¹⁰ Там же. № 35. С. 136.

¹¹ Там же. № 55. С. 166.

¹² Там же. № 136. С. 304.

¹³ Там же. № 153. С. 333.

¹⁴ Иван Мазепа. С. 77.

¹⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 68. № 69.

- 16 Архив СПбИИ РАН. Ф. 68. № 68.
 17 Листи І. Мазепи. Т. 1. № 7. С. 92—98.
 18 Там же. № 47. С. 153.
 19 Там же. № 74. С. 194.
 20 Там же. № 47. С. 153 и др.
 21 Там же. № 83. С. 213—214.
 22 Лобачев С. В. Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 256.
 23 Там же.
 24 Хьюз Л. Царевна Софья.
 25 Архив ЮЗР. Ч. 1. Т. V. № LXXIX. С. 280—284.
 26 Листи І. Мазепи. Т. 1. № 159. С. 347.
 27 Там же. № 60. С. 173.
 28 Там же. № 26. С. 124; № 29. С. 128—129 и др.
 29 Там же. № 43. С. 146.
 30 Там же. № 52. С. 161.
 31 Там же. № 29. С. 129.
 32 Там же. № 78. С. 201.
 33 Там же. № 81. С. 207.
 34 Там же. № 94. С. 234.
 35 Там же. № 107. С. 258.
 36 РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 569.
 37 Листи І. Мазепи. Т. 1. № 100. С. 243.
 38 Там же. № 111. С. 265, 267.
 39 Там же. № 146. С. 321.
 40 Там же. № 147. С. 323.
 41 Там же. № 150. С. 328.
 42 Там же. № 139. С. 311—312.
 43 Там же. № 157. С. 340—341.
 44 Там же. С. 342.
 45 Там же. С. 343.
 46 Там же. № 161. С. 351.
 47 Там же. № 163. С. 356.
 48 Там же. № 19. С. 112.
 49 Там же. № 79. С. 202—203.
 50 Там же. № 83. С. 213.
 51 Там же. № 107. С. 259.
 52 Там же. С. 214.
 53 Там же. № 117. С. 275—276.
 54 Там же. № 106. С. 257.
 55 Киевская старина. 1890. № 5. С. 224.
 56 Листи І. Мазепи. Т. 1. № 117. С. 266.
 57 Там же. № 36. С. 137.
 58 Там же. № 100. С. 241—243.
 59 Там же. № 126. С. 292—293.
 60 Там же. № 127. С. 293—294.
 61 Там же. № 140. С. 313.
 62 Там же. № 61. С. 175.
 63 Там же. № 62. С. 177—178.
 64 Эварницкий Д. Источники для истории запорожских казаков. Владимир, 1906. Т. 1. С. 161—165.
 65 Листи І. Мазепи. Т. 1. № 92. С. 226—227.
 66 З епістолярної спадщини гетьмана Івана Мазепи. К., 1996. С. 28.
 67 Листи І. Мазепи. Т. 1. № 93. С. 231—232.
 68 Там же. № 99. С. 240—241.

69 Листи І. Мазепи. Т. 1. № 71. С. 191 и др.

70 Там же. № 94. С. 233.

71 Там же. № 77. С. 200.

72 Там же. № 131. С. 298. Например, такой случай: русский гонец-стрелец убил своего украинского проводника. Мазепа просит «царей» дать указ, что делать. «Цари», то есть Софья, дает указ Голицыну, «чтобы он, переговора с гетманом, послал каво пригож и про то убивство велел розыскать...».

73 Там же. № 159. С. 346.

74 Там же. № 101. С. 245—246.

75 Там же. № 120. С. 282.

76 Невиль. С. 513.

77 Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв. Т. 1. СПб., 1895. С. 982—983.

78 Листи І. Мазепи. Т. 1. № 84. С. 215—216.

79 Там же. № 101. С. 245—247.

80 Исследователи Петровской эпохи отмахивались от голицынского периода, а биографы Мазепы не желали вникать в российскую историю. В результате интереснейший эпизод переговоров Шакловитого с гетманом так и не получил должной оценки. А. П. Богданов вообще расценил его как секретное совещание о военных планах и приписал Мазепе (которого он именует «увлекающимся человеком») планы захвата Константинополя. — Богданов А. П. Первые российские дипломаты. С. 57—58.

81 Востоков А. Посольство Шакловитого к Мазепе в 1688 г. // Киевская старина. 1890. № 5. С. 206—216.

82 Там же. С. 226.

83 Розыскные дела о Ф. Шакловитом. Т. III. С. III—IV.

84 Малоизвестный факт, что Ф. Лефорт получил свой чин полковника от Голицына, а Гордон стал генералом.

85 Богданов А. П. Сильвестр Медведев // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 93—94.

86 Там же. С. 94.

87 Там же. С. 94.

88 Листи І. Мазепи. Т. 1. № 87. С. 219.

89 Лобачев С. В. Патриарх Никон. С. 266—267 и др.

Глава 5

КРЫМСКИЙ ПОХОД И ПЕРЕВОРОТ НАРЫШКИНЫХ

¹ Заруба В. Н. Украинское казачье войско. С. 100.

² Из 1500 человек уцелело 150.

³ Заруба В. Н. Украинское казачье войско. С. 102—103; Богданов А. П. Первые российские дипломаты. С. 59.

⁴ Весьма показательный эпизод, характеризующий Голицына. Во время переговоров с татарами он запретил воеводам вставать и снимать шапки, приветствуя послов, заявив: «Я-де их обычай знаю: они-де и к Москве приезжают, а шапок не снимают». Среди тех, к кому были обращены эти слова, были Мазепа и Косагов, проводившие более трех десятков лет на татарской границе и знавшие не только обычай татар, но и их язык. — Розыскные дела о Ф. Шакловитом. Т. III. С. 950.

⁵ Например, Н. Устрялов. Впрочем, здесь видна тенденция противопоставлять «плохого» Голицына «хорошему» Петру.

- ⁶ Заруба В. Н. Украинское казачье войско. С. 103—104.
- ⁷ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. IV. № 199. С. 601—610.
- ⁸ В тот же день, 27 июля, Мазепа был в таборе на реке Сож. — Листи I. Мазепи. Т. I. № 161. С. 349—351.
- ⁹ Там же. № 158. С. 343.
- ¹⁰ Там же. № 162. С. 354.
- ¹¹ ИР Вернадского. Ф. VIII. № 223/96. Л. 559.
- ¹² Там же. Л. 560. Описание приезда в Москву имеется и в дневнике Д. Ростовского. — Древняя российская вивлиофика. Ч. VI. Декабрь. СПб., 1774. С. 355—356.
- ¹³ Листи I. Мазепи. Т. I. № 39,40.
- ¹⁴ Шведское донесение от 19 августа 1687 года. — *Bushkovitch P.* P. 153—154.
- ¹⁵ Переписка патриарха Иоакима. № IV. С. 21—22.
- ¹⁶ *Bushkovitch P.* P. 159.
- ¹⁷ Войска стояли в сборе вплоть до возвращения Мазепы из Москвы — «до святой Покрови». — Литопис Самовидця. К., 1971 (далее — Самовидец). С. 149.
- ¹⁸ *Bushkovitch P.* P. 163.
- ¹⁹ Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. М., 1999. С. 161—162.
- ²⁰ Донесение фон Кохена. — *Bushkovitch P.* P. 163.
- ²¹ Розыскные дела о Ф. Шакловитом. Т. III. С. 2—3. О Неплюеве см.: Там же. Т. II. С. 533—534.
- ²² Н. И. Костомаров писал, что Мазепа поехал 9 сентября. Он создал знаменитый штамп, изображающий гетмана «со страхом ожидающим, когда его позовет Петр». Фон Кохен сообщает, что Мазепа выехал 7 сентября. — *Bushkovitch P.* P. 167. Согласно Дмитрию Ростовскому, встреча с Петром произошла 10 сентября.
- ²³ В подробной биографии Мазепы, написанной А. Оглоблиным, на-рышкинскому перевороту уделен маленький абзац. Костомаров же все события свел к известному штампу, что Мазепа «очаровал» Петра во время их встречи. Но ведь шатер под Троицей был поставлен и похвальная речь была произнесена еще до момента, как гетман заговорил.
- ²⁴ Листи I. Мазепи. Т. I. № 124. С. 289.
- ²⁵ Гордон писал, что Петр хотел «всем злодеям» даровать жизнь, но по убеждению патриарха согласился на казнь троих. — Розыскные дела о Ф. Шакловитом. Т. III. С. VI.
- ²⁶ Там же. Т. I. С. 544—545.
- ²⁷ Листи I. Мазепи. Т. I. № 168. С. 367—368.
- ²⁸ Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого. М., 2004. С. 27—28.
- ²⁹ Розыскные дела о Ф. Шакловитом. Т. III. С. 950.
- ³⁰ Там же. С. 990—991.
- ³¹ Там же. С. 1036.
- ³² Автора всегда удивляло, что никто из историков не задавался этими вопросами. Все следовало за Н. Костомаровым, игнорируя очевидное. У историков России мысль, что Украина играла некую роль в перевороте Нарышкиных, тоже никогда не возникала. Задачу восстановления хода событий усложняет то, что многие ценные источники (например, воспоминания А. Матвеева) писались уже после перехода Мазепы на сторону шведов. Поэтому там его имя вообще не упоминается при опи-

сании событий в Троице. Василия Голицына спас от казни его брат. Венедикта Змеева от ссылки избавили тоже братья.

³³ Розыскные дела о Ф. Шакловитом. Т. I. № 172. С. 375—376; Т. III. С. 1172.

³⁴ Листи I. Мазепи. Т. I. № 165. С. 359—360.

Глава 6

В НАЧАЛЕ СЛАВНЫХ ДЕЛ

- ¹ Листи I. Мазепи. Т. I. № 167. С. 364—365.
- ² Там же. С. 382.
- ³ Там же. № 164. С. 358; № 165. С. 359—360.
- ⁴ Там же. № 169. С. 368—370.
- ⁵ Там же. № 174. С. 378—379.
- ⁶ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 609.
- ⁷ Там же. № 500.
- ⁸ *Perdenia J. Stanowisko Rzeczypospolitey...* S. 44.
- ⁹ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 652.
- ¹⁰ Некоторые украинские историки в последнее время бездоказательно утверждают, что Мазепа действительно сносился с королем через Соломона (то есть он никогда не был верен России). Можно только повторить вслед за А. Оглоблиным, что эти утверждения «стоят за рамками научной критики» (С. 192).
- ¹¹ *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. II. С. 478—479.
- ¹² Листи I. Мазепи. Т. I. № 172. С. 375—376.
- ¹³ *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. II. С. 480—482.
- ¹⁴ Там же. С. 483—484.
- ¹⁵ Листи I. Мазепи. Т. I. № 182. С. 393; РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 665, 674.
- ¹⁶ Листи I. Мазепи. Т. I. № 186. С. 401—402.
- ¹⁷ Там же. № 182. С. 393.
- ¹⁸ Там же. № 183. С. 395—396.
- ¹⁹ Там же. № 185. С. 399—400.
- ²⁰ Там же. № 205. С. 435.
- ²¹ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Источники. Ч. II. С. 1—4.
- ²² Листи I. Мазепи. Т. I. № 173. С. 378.
- ²³ Там же. № 180. С. 389.
- ²⁴ АЗР. Т. V. № 217. С. 244.
- ²⁵ Листи I. Мазепи. Т. I. № 199. С. 423.
- ²⁶ Например, в июне 1688 года митрополит Четвертинский был вынужден оправдываться перед Мазепой в возведенных на него обвинениях — РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 602.
- ²⁷ Листи I. Мазепи. Т. I. № 182. С. 392.
- ²⁸ Там же. № 190. С. 409.
- ²⁹ Там же. № 195. С. 416—417.
- ³⁰ Там же. № 201. С. 425—426.
- ³¹ Архив ЮЗР. Ч. I. Т. V. № LXXXIV. С. 296—298.
- ³² Там же. № XCVII. С. 325—327.
- ³³ Листи I. Мазепи. Т. I. № 211. С. 442—443.
- ³⁴ АЮЗР. Ч. I. Т. V. № CVIII. С. 348—349; № CXI. С. 356—357.
- ³⁵ Самовидец. С. 154.

- ³⁶ АЗР. Т. V. № 205. С. 233—235.
³⁷ Там же. № 205. С. 333—335.
³⁸ Там же. № 207. С. 237.
³⁹ Там же. № 210. С. 239.
⁴⁰ Листи І. Мазепи. Т. 1. № 194. С. 414—415.
⁴¹ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 646.

Глава 7

МАЗЕПА И «НАРОДНЫЕ ГЕРОИ» — ПАЛЕЙ И ПЕТРИК

- ¹ Листи І. Мазепи. Т. 1. № 184. С. 398.
² Там же. № 188. С. 406.
³ Там же. № 198. С. 421.
⁴ Там же. № 212. С. 443—444.
⁵ Там же. № 213. С. 444—445.
⁶ Там же. № 215. С. 449—450.
⁷ *Эварницкий Д.* Источники для истории запорожских казаков. Т. 1. № LVI. С. 297—302.
⁸ Там же. № LX. С. 307.
⁹ Листи І. Мазепи. Т. 1. № 214. С. 446—448.
¹⁰ Автор полагает, что именовать эти планы стремлением к «соборности Украины» — дань политиканству.
¹¹ *Эварницкий Д.* Источники для истории запорожских казаков. Т. 1. № LXIX. С. 324.
¹² Там же.
¹³ Там же. № LXXVII. С. 368.
¹⁴ Там же. С. 435—436.
¹⁵ Там же. № LXXVII. С. 366.
¹⁶ Там же. С. 367.
¹⁷ Там же. С. 423—424.
¹⁸ Там же. № LXXVIII. С. 394.
¹⁹ Там же. С. 413.
²⁰ Там же. С. 395—396.
²¹ Там же. № LXXVIII. С. 388.
²² Там же. С. 389.
²³ Там же. № LXIX. С. 324.
²⁴ *Величко. Т. III.* С. 123—125.
²⁵ *Эварницкий Д.* Источники для истории запорожских казаков. Т. 1. № LXXVII. С. 367.
²⁶ Там же. С. 410—411.
²⁷ Самовидец. С. 153.
²⁸ АЗР. Т. V. № 243. С. 259.
²⁹ Там же. № 209. С. 441.
³⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 68. № 97.
³¹ Архив ЮЗР. Ч. I. Т. V. № CVII. С. 345—348.
³² АЗР. Т. V. № 206. С. 436—437.
³³ Письма к гетману Ивану Мазепе об его сестре, госпоже Войнаровской // ЧОИДР. 1848. № 5.
³⁴ Листи І. Мазепи. Т. 1. № 184. С. 398—399.
³⁵ Там же. № 185. С. 399—400.
³⁶ Там же. № 206. С. 436.
³⁷ Самовидец. С. 152—153.
³⁸ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 14. С. 502.

Глава 8

АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ

- ¹ Самовидец. С. 155 и др.
² *Величко. Т. III.* С. 280—281.
³ Там же. С. 290.
⁴ *Ровинский Д. А.* Словарь гравиров. Т. II. С. 984—985.
⁵ Самовидец. С. 155.
⁶ АЗР. Т. V. № 264. С. 275.
⁷ Самовидец. С. 157.
⁸ *Величко. С. 348.*
⁹ АЗР. Т. V. № 269. С. 280.
¹⁰ Самовидец. С. 158.
¹¹ *Величко. С. 442.*
¹² Мазепа выдал запорожцам для защиты Таванска 7 тысяч золотых, а также сукно атаманам, и обещал дополнительные выплаты по возвращении из похода. В письме Петру I он очень сокрушался, что подобные выплаты, причинившие «убогой войсковой казне большой убыток», оказались напрасными. — *Величко. С. 453.*
¹³ СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 39—40.
¹⁴ *Оглоблин. С. 339—340.*

Глава 9

УЧЕНИК МАКИАВЕЛЛИ

- ¹ *Макиавелли Н.* Государь. М., 2005. С. 102.
² Листи І. Мазепи. Т. 1. № 182. С. 392.
³ Там же. № 204. С. 433.
⁴ АЗР. Т. V. № 158. С. 189.
⁵ РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. № 204.
⁶ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Источники. Ч. 2. С. 5.
⁷ *Макиавелли Н.* Государь. С. 109.
⁸ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Источники. Ч. 2. С. 10—14.
⁹ Оба эти собора были взорваны большевиками в 30-е годы XX века. Успенский собор Печерской лавры и Дмитриевский собор Златоверхого Михайловского монастыря, также уничтоженные, были воссозданы в последние годы.
¹⁰ *Плохинский М.* Гетман Мазепа в роли великорусского помещика. Харьков, 1892. С. 11.
¹¹ Об этом см.: *Борщак І.* Людина й історичний діяч. С. 56.
¹² Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 40.
¹³ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 688.
¹⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 39—40.
¹⁵ Там же. Л. 44.
¹⁶ «Всі покою ширю прагнуть».
¹⁷ В этом смысле Мазепа в своей думе апеллировал к польскому праву «през саблю», основополагающему в шляхетской демократии Речи Посполитой.
¹⁸ Сын Д. Горленко был женат на дочери Д. Апостола.
¹⁹ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Источники. Ч. 2. С. 23—24.
²⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 63. К. 16. № 147.
²¹ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Источники. Ч. 2. С. 29.

²² Имеется в виду расправа Мазепы над оппозицией — Михайло Гадяцким и др.

²³ Гордон П. Дневник. Т. 2. М., 2003. С. 106.

²⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 5.

²⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. № 19. Л. 1 об., 8—8 об.

²⁶ Там же. Л. 3—3 об.

²⁷ Там же. Л. 9, 11 об.

²⁸ Величко. Т. III. С. 553—554.

²⁹ Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого. С. 42—46.

³⁰ Любопытный и малоизвестный факт: М. Ломоносов поступил в холмогорскую школу, открытую выпускником Киево-Могилянской академии В. Волостковским, в которой преподавали также могилянцы. Именно там Ломоносов познакомился с «Грамматикой» М. Смотрицкого и «Арифметикой» Л. Магницкого, и у него возник интерес к более глубокому изучению наук.

³¹ Ф. Орлик был избран гетманом сторонниками Мазепы после его смерти, а П. Полуботок возглавлял Гетманщину после смерти И. Скоропадского. Петр отказался официально признать его гетманом и заключил в Петропавловскую крепость в Петербурге, где тот и умер в декабре 1724 года.

³² Макиавелли. Государь. С. 105.

³³ Федотова М. Биография Мазепы и творчество Дмитрия Ростовского // Мазера and His Time. Alessandria, 2004. P. 535.

³⁴ Там же. P. 536—537.

³⁵ А як Місяць і Зоря тут руно оросять,
То Мазепі на врага знак побід приносять.
(Иван Мазепа. С. 101).

³⁶ А що в домі цім наук праця всім креує,
То тобі Мінерва все радо зофірує... (Там же. С. 105).

³⁷ Сазонова Л. Гетман Мазепа как образ панегирический // Мазера and his time. P. 465. В подлиннике — «rapowanie».

³⁸ Там же. P. 463. Л. Сазонова, изучающая литературное наследие, посвященное Мазепе, отмечает, что после 1708 года огромное количество текстов уничтожалось, а имя Мазепы в лучших традициях «авторитарных систем» вымарывалось.

³⁹ Морозов Д. А. Арабское Евангелие Даниила // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 2. С. 193—194.

Глава 10

ГЕТМАН ОБОИХ БЕРЕГОВ

¹ Самовидец. С. 164.

² РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 1268.

³ Там же. № 1269.

⁴ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. № 346.

⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 53.

⁶ В феврале 1702 года вдове Обидовского была пожалована грамота на села и угодья, принадлежавшие ее мужу. — РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 1. 1702. № 17.

⁷ Конституцией в Речи Посполитой называлось официальное решение сейма, опубликованное соответствующим образом.

⁸ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 2. С. 589.

⁹ Там же. Т. 1. № 375.

¹⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. Л. 1—1 об.

¹¹ Там же. Л. 30.

¹² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 14. С. 612—613.

¹³ Там же. С. 613.

¹⁴ Самовидец. С. 166.

¹⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 14. С. 610.

¹⁶ Там же. С. 610.

¹⁷ СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 30 об—31.

¹⁸ Бантыш-Каменский Д. Н. Источники. Ч. 2. С. 35—36.

¹⁹ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 4. № 47.

²⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 14. С. 614.

²¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 30 об—31.

²² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 15. С. 119.

²³ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 2. С. 43.

²⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 48.

²⁵ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 2. С. 364—365.

²⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 15. С. 120.

²⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 4. № 1. Л. 70—73.

²⁸ Там же. К. 3. № 6.

²⁹ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 2. № 546. С. 213.

³⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 15. С. 120.

³¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 51.

³² РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 4. № 53.

³³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 3. № 9.

³⁴ Там же. К. 1. № 1. Л. 11.

³⁵ Там же. К. 3. № 2.

³⁶ Андрусак М. Звязки Мазепи з С. Лещинським і Карлом XII // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1933. Т. 152. С. 37—38.

³⁷ Речь идет о том самом Искре, который был казнен с Кочубеем в 1708 году и вошел в историю как «преданный царский слуга». На самом деле, как мы видим, он был сторонником крымской партии. Это само по себе неудивительно — Полтавский полк, близкий к Запорожью, всегда имел прокрымские симпатии, основанные прежде всего на тесных экономических связях. Предшественник Искры на должности полковника Ф. Жученко, как мы видели выше, поддерживал Петрика в его союзе с Крымом.

³⁸ Оглоблин. С. 248, 375.

³⁹ Письма и бумаги. Т. 2. № 546. С. 217.

⁴⁰ Там же. С. 420.

⁴¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 35 об—36.

⁴² Там же. Л. 36.

⁴³ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 1251.

⁴⁴ Там же. Оп. 1. 1702. № 36.

⁴⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 35 об.

⁴⁶ Письма и бумаги. Т. 2. С. 437.

⁴⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 6 об—7.

⁴⁸ Там же. Л. 48 об.

⁴⁹ Бантыш-Каменский Д. Н. Источники. Ч. 2. С. 41.

⁵⁰ Письма и бумаги. Т. 2. С. 547—548.

⁵¹ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 1314.

⁵² Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 12 об.

⁵³ Бантыш-Каменский Д. Н. Источники. Ч. 2. С. 44—47.

⁵⁴ Там же. С. 41.

⁵⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 15.

⁵⁶ Там же. Л. 14 об—15.

- ⁵⁷ *Оглоблин. С. 227.*
⁵⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 15—15 об.
⁵⁹ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 1355.
⁶⁰ *Костомаров Н. И. Иван Мазепа. С. 550.*
⁶¹ Там же. С. 551—552.
⁶² РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 1367.
⁶³ Скоро, скоро Семен Палій меду й вина упився,
 Да упився меда й вина, на скамю там звалився.
 Ой як крикне пес, пес Мазепа та на свої гайдари:
 Да возьміте Семена Палія закуйте в кайдани!
 Да посадіте Семена Палія в темную темницу... — Историчні пісні. К., 1961. С. 310.
⁶⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 16.
⁶⁵ *Величко. Т. IV. С. 113—114, 121—122.*
⁶⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 17.
⁶⁷ Там же. Л. 18 об—19.
⁶⁸ Письма и бумаги. Т. VII. Вып. 2. С. 709—710.
⁶⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 63. К. 2. № 156.
⁷⁰ Там же. № 158.
⁷¹ Любопытный момент: в списке адресатов подарков, которые направлялись из Москвы, упоминается помимо гетмана его мать, но не упоминается жена. — РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 4. № 39.
⁷² Иван Мазепа. С. 76.
⁷³ *Бантыш-Каменский Д. Н. Источники. Ч. 2. С. 127—132.*
⁷⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ч. 1. К. 1.
⁷⁵ Например, А. Оглоблин.

Глава 11

ТРИУМФ ПЕРЕД КРАХОМ

¹ Имеются в виду войска Августа II, польского короля, бывшего саксонского курфюрста. В Северной войне он опирался на саксонские войска, так как сейм не дал ему согласия на использование коронных польских.

- ² Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 6.
³ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 1388.
⁴ Там же. № 1397.
⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 22 об.
⁶ Сб. РИО. Т. 39. С. 55.
⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 24.
⁸ Там же. К. 3. № 16.
⁹ Письма и бумаги. Т. 3. № 839. С. 356.
¹⁰ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 1400, 1417.
¹¹ Там же. № 1410.
¹² *The Letters of Ivan Mazepa to Adam Sieniawski. New York, 1975. P. 115.*
¹³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 11.
¹⁴ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 1190.
¹⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 3. № 3.
¹⁶ *Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 15. С. 121.*
¹⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 21 об.
¹⁸ Там же. № 9.
¹⁹ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 1412.
²⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 13.

- ²¹ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 1420.
²² Там же. № 1413.
²³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 11.
²⁴ Отрывок из анонимной рукописной газеты. — *Сіверянський літопис. 2003. № 5—6. Дод. № 10. С. 22.*
²⁵ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 1419.
²⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 13.
²⁷ *Letters of Ivan Mazepa. P. 116.*
²⁸ Сб. РИО. Т. 39. С. 174—175.
²⁹ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 1425.
³⁰ Там же. № 1426.
³¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 26.
³² РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 1435, 1437.
³³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 14.
³⁴ Там же. № 1. Л. 27 об.
³⁵ В отличие от великороссийского отряда украинцы имели с собой полугодовой запас провианта.
³⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 16.
³⁷ Там же. № 15. Л. 1—1 об.
³⁸ Любопытно, что в секретной инструкции Вольскому речи о «Малороссийском княжестве» не шло, но об этом предложении Лещинского Мазепа говорит в письме к Меншикову.
³⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 18; *Бантыш-Каменский Д. Н. Источники. Ч. 2. С. 50.*
⁴⁰ *Бантыш-Каменский Д. Н. Источники. Ч. 2. С. 48—49.*
⁴¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 1. Л. 27.
⁴² РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 1458.
⁴³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 19.
⁴⁴ Там же. № 20.
⁴⁵ Там же. № 21.
⁴⁶ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 1466.
⁴⁷ Там же. № 1467.
⁴⁸ Письма и бумаги. Т. 3. С. 845.
⁴⁹ *Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 1. С. 23.*
⁵⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 10.
⁵¹ Киевская старина. 1901. Т. LXXIII. Апрель. С. 10—11.
⁵² 22 ноября нового стиля Мазепа был уже в Дубно — *Letters of Ivan Mazepa. P. 118.*
⁵³ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 1445, 1473.
⁵⁴ Письмо Орлика С. Яворскому // *Субтельний О. Мазепинци. К., 1994. С. 160.*
⁵⁵ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 1469.
⁵⁶ Отрывок из анонимной рукописной газеты. С. 22.
⁵⁷ Письмо Орлика. С. 162.
⁵⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. К. 1. № 22.

Глава 12

НЕПРИЯТНОСТИ

- ¹ Киевская старина. 1901. Т. LXXIII. Апрель. С. 11.
² *Letters of Ivan Mazepa. № XXII. P. 119.* — 20 февраля нового стиля Мазепа был еще в Дубно.

- ³ Письма и бумаги. Т. IV. Ч. 2. С. 575.
- ⁴ Сб. РИО. Т. 39. С. 267.
- ⁵ Letters of Ivan Mazepa. P. 119.
- ⁶ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 1480, 1481.
- ⁷ Letters of Ivan Mazepa. P. 120. 9 мая нового стиля. Мазепа писал Сенявскому, что направляется домой.
- ⁸ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 1482, 1486, 1488.
- ⁹ Письмо Орлика. С. 160—161.
- ¹⁰ Письма и бумаги. Т. IV. Ч. 2. С. 860.
- ¹¹ Письмо Орлика. С. 161—162.
- ¹² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 15. С. 142.
- ¹³ Письмо Орлика. С. 163—164.
- ¹⁴ Там же. С. 164.
- ¹⁵ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 1501, 1505, 1510, 1515.
- ¹⁶ Там же. № 1521.
- ¹⁷ Журнал или поденная записка императора Петра Великого. С. 137.
- ¹⁸ Письмо Орлика. С. 164—165.
- ¹⁹ Сб. РИО. Т. 39. С. 297, 299.
- ²⁰ Недавно была опубликована работа Ю. Н. Беспятых о Меншикове, где автор пытается доказать, что Меншиков происходил из польской шляхты. Это очень серьезное и зрелое исследование, к сожалению, не учитывает реалий Речи Посполитой и близких ей по культуре территорий. Отношение к Меншикову на Украине доказывает, что шляхтичем, даже самым захудалым, разоренным, а тем более лишившимся имений из-за плена, его отец не был. — *Беспятых Ю. Н.* Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность. СПб., 2005.
- ²¹ *Оглоблин*. С. 100.
- ²² Письмо Орлика. С. 163.
- ²³ Письма и бумаги. Т. IV. С. 1022.
- ²⁴ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Источники. Ч. 2. С. 54.
- ²⁵ РГАДА. Малороссийские дела. Оп. 3. № 1500.
- ²⁶ Там же. № 1512.
- ²⁷ Там же. № 1520, 1524 и др.
- ²⁸ *Павленко Н. И., Артамонов В. А.* 27 июня 1709. М., 1989. С. 131—137 и др.
- ²⁹ Письма и бумаги. Т. V. № 1532. С. 41—42.
- ³⁰ Там же. № 1548. С. 57.
- ³¹ Там же. № 1655. С. 168.
- ³² Там же. С. 477—478, 496.
- ³³ Там же. № 1613. С. 118.
- ³⁴ Там же. С. 581.
- ³⁵ Письмо Орлика. С. 165—166.
- ³⁶ Письма и бумаги. Т. VI. № 2067. С. 158.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 4. № 103. Л. 4.
- ³⁸ *Величко*. Т. III. С. 29—30.
- ³⁹ Там же. С. 39—40.
- ⁴⁰ Письмо Орлика. С. 171.
- ⁴¹ Эта концепция вассалитета была сформулирована ведущим канадским ученым О. Субтельным — *Субтельний О.* Мазепинці. Український сепаратизм на початку XVIII ст. К., 1994. С. 31.
- ⁴² *Павленко Н. И., Артамонов В. А.* 27 июня 1709. С. 155 и др.
- ⁴³ *Макиавелли Н.* Государь. С. 83.
- ¹ Письмо Орлика. С. 166.
- ² Там же. С. 167.
- ³ Там же.
- ⁴ Письма и бумаги. Т. V. № 1680. С. 189.
- ⁵ *Павленко Н. И., Артамонов В. А.* 27 июня 1709. С. 140.
- ⁶ Сб. РИО. Т. 39. С. 406.
- ⁷ Письма и бумаги. Т. VI. № 1901. С. 44.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 287.
- ¹⁰ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Источники. Ч. 2. С. 56—57.
- ¹¹ *Maskiv T.* Mazepa's title: Prince of the Holy Roman Empire // *Nationalities Papers*. 1979. V. VII. № 1. P. 95—100.
- ¹² Письмо Орлика. С. 162.
- ¹³ Там же. С. 167.
- ¹⁴ Письма и бумаги. Т. VI. С. 288—289.
- ¹⁵ *Павленко Н. И., Артамонов В. А.* 27 июня 1709. С. 145, 155 и др.
- ¹⁶ Там же. С. 141.
- ¹⁷ Письмо Орлика. С. 168.
- ¹⁸ Там же. С. 169—170.
- ¹⁹ Там же. С. 171.
- ²⁰ Там же. С. 172—173.
- ²¹ В частности, я имею в виду А. Оглоблина, автора одной из лучших работ о Мазепа.
- ²² Письмо Орлика. С. 174.
- ²³ Опубликовано: *Оглоблин*. С. 375—376.
- ²⁴ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Источники. Ч. 2. С. 61—68.
- ²⁵ Там же. С. 71.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 4. №. 135, 136.
- ²⁷ Там же. №. 103. Л. 2.
- ²⁸ Там же. №. 105.
- ²⁹ Там же. №. 106, 125 и др.
- ³⁰ Там же. №. 118.
- ³¹ Там же. №. 125. Л. 1—1 об.
- ³² *Кордт В.* Матеріали з Стокгольмського архіву до історії України XVII—XVIII вв. // Український археографічний збірник. Т. III. К., 1930. С. 32—33.
- ³³ РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 4. №. 132, 138 и др.
- ³⁴ Там же. №. 133. Л. 2 об.
- ³⁵ Там же. №. 130.
- ³⁶ Там же. №. 121—122.
- ³⁷ Там же. №. 133.
- ³⁸ Там же. №. 137.
- ³⁹ Там же. №. 133. Л. 1 об.
- ⁴⁰ *Андрусак М.* Звязки Мазепи з С. Лешинським і Карлом XII. С. 44—45.
- ⁴¹ Письмо Орлика. С. 174.
- ⁴² РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 4. №. 140, 141 и др.
- ⁴³ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Источники. Ч. 2. С. 68.
- ⁴⁴ Letters of Ivan Mazepa. № XXX. P. 65—66.
- ⁴⁵ *Оглоблин*. С. 269.
- ⁴⁶ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Источники. Ч. 2. С. 71.
- ⁴⁷ Там же. С. 86—89.

- ⁴⁸ Letters of Ivan Mazera. № XXXI.
- ⁴⁹ *Кордм В.* Матеріали з Стокгольмського архіву до історії України XVII—XVIII в. С. 36.
- ⁵⁰ Письма и бумаги. Т. VII. Вып. 2. С. 771—772.
- ⁵¹ Там же. С. 772.
- ⁵² Там же. С. 715.
- ⁵³ Letters of Ivan Mazera. P. 97.
- ⁵⁴ Там же. № XXXIV—XXXVII; Письма и бумаги. Т. VII. Вып. 2. С. 709—710.
- ⁵⁵ Letters of Ivan Mazera. P. 86—87.
- ⁵⁶ Письмо Орлика. С. 176.
- ⁵⁷ Письма и бумаги. Т. VII. Вып. 2. С. 774.
- ⁵⁸ Там же. С. 782—783.
- ⁵⁹ Там же. С. 780.
- ⁶⁰ Letters of Ivan Mazera. P. 86—87.
- ⁶¹ Письма и бумаги. Т. VIII. Ч. 1. № 2500. С. 43.
- ⁶² Там же. С. 44.
- ⁶³ Там же. Т. VII. Вып. 2. С. 715—716.
- ⁶⁴ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Источники. Ч. 2. С. 83—85.
- ⁶⁵ Letters of Ivan Mazera. P. 86—87.
- ⁶⁶ Письма и бумаги. Т. VIII. Ч. 1. № 2603. С. 116—117.
- ⁶⁷ Архив СПбИИ РАН. Киевская казенная палата. № 179.
- ⁶⁸ *Павленко Н. И., Артамонов В. А.* 27 июня 1709. С. 164—165 и др.
- ⁶⁹ Письма и бумаги. Т. VII. Вып. 2. С. 697—698.
- ⁷⁰ Letters of Ivan Mazera. P. 100—101.
- ⁷¹ Ян Собеский, великий коронный гетман, был избран королем Речи Посполитой.
- ⁷² Letters of Ivan Mazera. P. 102—105.
- ⁷³ Там же. P. 89.
- ⁷⁴ Там же; Письмо Орлика. С. 178.
- ⁷⁵ Letters of Ivan Mazera. P. 107.
- ⁷⁶ В подлиннике — «подлое розумешко».
- ⁷⁷ Письмо Орлика. С. 178—179.
- ⁷⁸ Letters of Ivan Mazera. P. 107.
- ⁷⁹ Письмо Орлика. С. 178.
- ⁸⁰ *Павленко Н. И., Артамонов В. А.* 27 июня 1709. М., 1989. С. 170.
- ⁸¹ Письма и бумаги. Т. VIII. Ч. 1. № 2654. С. 153—154.
- ⁸² *Бантыш-Каменский Д. Н.* Источники. Ч. 2. С. 163—166.
- ⁸³ Об этих слухах Головкину сообщал уже находившийся в Польше русский резидент. Кроме того, русскими войсками в начале октября был перехвачен польский шпион Яков Улашин, якобы посланный к Мазепе от С. Лещинского. — РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. № 49.
- ⁸⁴ Letters of Ivan Mazera. P. 93.
- ⁸⁵ Письма и бумаги. Т. VIII. Вып. 2. С. 846.
- ⁸⁶ Там же. Т. VIII. Вып. 1. № 2442. С. 227.
- ⁸⁷ Там же. Вып. 2. С. 864—865.

Глава 14 КАТАСТРОФА

¹ Письмо Ж. Балюза про Мазепу // Иван Мазепа. С. 77.

² М. Грушевский был председателем Генеральной рады в 1917—1918 годах.

³ Например, прилуцкий полковник Д. Горленко писал своей старшине, что действует «ни для какой приватной пользы, но для добра всего народа и их вольностей». — *Георгиевский М.* Мазепа и Меншиков. С. 81.

⁴ Воссоединение Украины с Россией. Т. III. С. 414.

⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 63. К. 16. № 167.

⁶ Письма и бумаги. Т. VIII. Ч. 1. С. 237 и др.

⁷ *Крман Д.* Подорожній щоденник. К., 1999. С. 36—37.

⁸ Письмо Орлика. С. 181.

⁹ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Источники. Ч. 2. С. 172.

¹⁰ Там же. С. 172—173.

¹¹ Письма и бумаги. Т. VIII. Ч. 1. С. 875.

¹² «...а Батурин в знак изменникам (понеже боронились) другим на приклад сжечь весь». — Письма и бумаги. Т. VIII. Ч. 1. С. 274.

¹³ *Коваленко В.* Батурин — гетьманська столиця // *Mazera and his Time.* P. 210—228.

¹⁴ Письмо Орлика. С. 181.

¹⁵ *Крман Д.* Подорожній щоденник. С. 43.

¹⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. № 2830.

¹⁷ Там же. № 2711. Л. 1—1 об.

¹⁸ Там же. № 2930. Л. 2.

¹⁹ Там же. № 2791. Л. 1 об. — 2.

²⁰ Письмо Орлика. С. 181.

²¹ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Источники. Ч. 2. С. 173—174.

²² В Глухове на избрании нового гетмана присутствовали, кроме Скоропадского, только черниговский полковник П. Полуботок и два наказных полковника — переяславский С. Томара и неженский Л. Жураковский. Остальные находились на Правобережье или, как полтавский полковник И. Левенец, выжидали, чья возьмет.

²³ ИР Вернадского. Ф. VIII. № 2675. Л. 1—1 об.

²⁴ В России анафеме потом еще предадут Е. Пугачева.

²⁵ *Живов В. М.* Из церковной истории времен Петра Великого. С. 126—127.

²⁶ *Оглоблин С.* 291. Скоропадский умер при известии о реформе Гетманщины, которая делала правителем председателя Малороссийской коллегии бригадира Вельяминова.

²⁷ РГАДА. Ф. 160. 1709. № 6. Л. 24—25.

²⁸ ИР Вернадского. Ф. VIII. № 2677. Л. 1—2.

²⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. № 2714. Л. 1 об.

³⁰ *Георгиевский Г. П.* Мазепа и Меншиков // Исторический журнал. 1940. № 12. С. 82—83.

³¹ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Источники. Ч. 2. С. 213.

³² Там же. С. 212—213.

³³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. № 2856. Л. 1 об. — 2.

³⁴ Там же. № 2822. Л. 1—1 об.

³⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1709. № 7.

³⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. № 2919. Л. 1—1 об.

³⁷ *Крман Д.* Подорожній щоденник. С. 59.

³⁸ ИР Вернадского. Ф. VIII. № 2677. Л. 3.

³⁹ *Крман Д.* Подорожній щоденник. С. 57.

⁴⁰ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 15. С. 243.

⁴¹ *Крман Д.* Подорожній щоденник. С. 52.

⁴² Там же. С. 52.

⁴³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. № 2714. Л. 2.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708. № 91.

- ⁴⁵ *Крман Д.* Подорожній щоденник. С. 68.
⁴⁶ Там же. С. 69.
⁴⁷ Там же. С. 76.
⁴⁸ Там же. С. 87.
⁴⁹ *Павленко Н. И., Артамонов В. А.* 27 июня 1709. С. 210.
⁵⁰ *Крман Д.* Подорожній щоденник. С. 89.
⁵¹ *Павленко Н. И., Артамонов В. А.* 27 июня 1709. С. 239—243.
⁵² Письмо Орлика. С. 172.
⁵³ *Крман Д.* Подорожній щоденник. С. 107.
⁵⁴ *Павленко Н. И., Артамонов В. А.* 27 июня 1709. С. 246.
⁵⁵ Овидий умер в Томах около Бендер.
⁵⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. № 3348.
⁵⁷ Эта история очень плохо известна. Суть ее была в серьезной ссоре между Войнаровским, который как племянник считал себя главным наследником, и Орликом, избранным гетманом после смерти Мазепы.
⁵⁸ *Луців В.* Життя і смерть гетьмана Мазепи на чужині // *Іван Мазепа.* С. 92—96.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹ См., напр.: *Павленко Н. И., Артамонов В. А.* 27 июня 1709.
² *Грушевский М.* Иллюстрированная история украинского народа. С. 253
³ Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России. Т. II. Ч. III. С. 1—17.
⁴ Там же. С. 42—43.
⁵ *Павленко Н. И., Артамонов В. А.* 27 июня 1709. С. 258—259.
⁶ Эпизод этот описан иностранным свидетелем при дворе Петра. Тот спросил Яворского, что он думает по поводу отъезда царевича Алексея под иностранное покровительство. Яворский предположил, что царевич хочет учиться. На это Петр грозно взглянул на митрополита и сказал: «Если ты говоришь это, чтобы успокоить меня, то ладно, иначе это истинный язык Мазепы». — *Bushkoviitch P.* Peter the Great. P. 384.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМА ИВАНА МАЗЕПЫ К МОТРЕ КОЧУБЕЙ (1704)

1

Мое серденко, мой квете рожаной! Сердечне на тое болею, що недалеко од мене едешь, а я не могу очиц твоих и личка беленкого видети. Через сее писмечко кланяюся и все члонки целую любезно.

2

Мое серденко! Зажурилемся, почувши от девки такое слово, же Ваша Милость за зле на мене маеш, иже Вашу Милость при себе не задержалем, але одослал до дому. Уваж сама, щоб с того виросло.

Першая: щоб твои родичи по всем свете розголосили, же взяв у нас дочку у ноце квалтом и держит у себе место наложнице.

Другая причина, же державши Вашу Милость у себе, я бым не могл жадною мерою витримати, да и Ваша Милость так же: муселибисмо из собою житии так, як малженство кажет, а потом пришло бы неблагословение од Церкви и клятва, жебы нам с собою не житии. Где ж бы я на тот час подел. И мне б же чрез тое Вашу Милость жаль, щоб есь на потом на мене не плакала.

3

Мое сердечнее коханье!

Прошу, и велце прошу, рачь зо мною обачитися для устной розмови. Коли мене любиш, не споминай же! Спомни свои слова, же любить обещала, на що ж мне и рученку беленкую дала.

И повторе и постокротне прошу, назначи хочь на одну минутку, коли маемо з собою видетися для общаго добра нашего, на которое сама ж преже сего соизволила есь была; а нем тое будет, пришли намисто з шии своей, прошу.

4

Мое сердечко!

Уже ти мене изсушила красным своим личком и своими обетницами.

Посилаю тепер до Вашей Милости Мелашку, щоб о всем розмовилася з Вашей Милостью. Не стережися ей не в чем, бо есь верная Вашей Милости и мне во всем.

Прошу и велце, за нужки Вашу Милость, мое серденко, облапивши, прошу, не одкладай своєї обетници!

5

Мое сердце коханое!

Сама знаеш, як я сердечне шалене люблю Вашу Милость. Еще некого на свете не любив так. Мое б тое счастье и радость, щоб нехай ехала, да жила у мене; тилко ж я уважив, який конец с того может бути, а злеща при такой злости и заедлости твоих родичов. Прошу, моя любенко, не одменяйся не в чом, яко юж не поеднокрот слово свое и рученку дала есь, а я взаимне, поки жив буду, тебе не забуду.

6

Мое серденко!

Не маючи ведомости о повоженью Вашей Милости, чи вже перестали Вашу Милость мучити и катовати, теперь теды одъезжаючи на тыждень на певние местца, посилаю Вашей Милости одъездного через Карла, которое прошу завдячне принятии, а мене в неотменной любви своей ховати!

7

Мое серденко!

Тяжко болею на тое, шо сам не могу з Вашей Милостью обширнее поговорити, шо за отраду Вашей Милости в теперешнем фрасунку учинити. Чого Вашей Милости по мне потребуеш, скажи все сий девце. В остатку, коли они, проклятии твои, тебе цураются, иди в монастыр, а я знатиму, шо на той час з Вашей Милостью чинити. Чого потреба, и повторне пишу, ознайми мене Ваша Милость!

8

Моя сердечнее коханая!

Тяжко зафрасовалемся, почувши, же тая катувка не перестает Вашу Милость мучити, яко и вчора тое учинила. Я сам не знаю, шо з нею, гадиною, чинити. То моя беда, шо з Вашей Милостью слушнаго не мам часу о всем переговорити. Болш од жалю не могу писати, тилко тое якож колвек станеться, я, поки жив буду, тебе сердечнее любити и зичити всего добра не перестану, и повторе пишу, не перестану, на злость моим и твоим ворогам.

9

Моя сердечнее коханая!

Вижу, же Ваша Милость во всем отменилася своею любовью прежнюю ку мне. Як себе знаеш; воля твоя, чини шо хочешь! Будеш на потум того жаловати. Припомни тилко слова свои, под клятвою мне дание на тот час, коли выходила есь з

покою мурованного од мене, коли далем тебе перстень дияментовий, над которий najlepшого, найдорогшого у себе не маю, же «хочь сьяк, хочь так будет, а любовь межи нами не одменится».

10

Мое серденко!

Бодай того Бог з душею розлучив, хто нас розлучает! Знав бы я, як над ворогами помститися, тилко ти мне руки звязала. И з великою сердечною тескницею жду от Вашей Милости ведомости, а в яком деле, сама добре знаеш; прошу теды велце учини мне скорий ответ на сее мое писанье, мое серденко!

11

Моя сердечнее коханая, наймильшая, найлюбезнейшая Мотрененько!

Вперед смерти на себе сподевався, неж такой в сердцу вашем отмени. Спомни тилко на свои слова, спомни на свою присягу, спомни на свои рученки, которые мне не поединократ давала, же мене, хочь будеш за мною, хочь не будеш, до смерти любити обещала.

Спомни на остаток любезную нашу беседу, коли есь бывала у мене на покою: «Нехай Бог неправдиваго карает, а я, хочь любишь, хочь не любишь мене, до смерти тебе, подлуг слова своего, любити и сердечнее кохати не перестану, на злость моим ворогам». Прошу, и велце, мое серденко, яким колвек способом обачься зо мною, шо маю с Вашей Милостью далее чинити; бою ж болш не буду ворогам своим терпети, конечно одомщение учиню, а якое, сама обачиш.

Щаслившии мои писма, шо в рученках твоих бувають, нежели мои бедние очи, шо тебе не оглядают.

12

Моя сердечне коханая Мотрененько!

Поклон мой отдаю Вашей Милости, мое серденко, а при поклоне посилаю Вашей Милости гостинца, книжечку и обручик дияментовий прошу тое завдячне принятии, а мене в любви своей неотменно ховати, нем дать Бог з лепшим привитаю. За Тим целую уста коралеви, ручки беленки и все члонки телця твого беленкого, моя любенко коханая!

Публикуется по: *Бантыш-Каменский Д. Н.*
Источники малороссийской истории.
Ч. 2. С. 127—130.

1

Мое сердце, мой розовый цветок! Сердце оттого болит, что недалеко от меня уезжаешь, а я не могу глаз твоих и личика беленького видеть. Через это письмецо кланяюсь и всю тебя целую любезно.

2

Мое сердечко! Расстроился я, услышав от девки, что Ваша Милость на меня сердится за то, что я Вашу Милость при себе не задержал, но отослал домой. Подумай сама, что бы с этого вышло.

Во-первых: твои родичи по всему свету объявили, что я силой ночью взял у них дочку и держу у себя вместо наложницы.

Вторая причина, что, держа Вашу Милость у себя, я бы не мог никоим образом выдержать, да и Ваша Милость тоже: стали бы вместе жить так, как супружество велит, а потом пришло бы неблагословение от Церкви и приказ, чтобы нам вместе не жить. Что бы я в этом случае делал? И потому я Вашу Милость жалел, чтобы потом из-за меня не плакала.

3

Моя искренняя любовь!

Прошу, и очень прошу, сумей со мной увидеться для устного разговора. Если меня любишь, не забывай же! Вспомни свои слова, что любить обещала, на что мне и рученьку беленькую дала.

И снова и стократно прошу, назначь хоть на одну минутку, когда мы можем увидеться для нашего общего добра, на которое сама ж прежде согласна была; а пока, пришли монисто с шеи своей, прошу.

4

Мое сердечко!

Ты меня уже иссушила своим прекрасным личиком и своими обещаниями.

Посылаю теперь к Вашей Милости Мелашку, чтобы все обсудила с Вашей Милостью. Не опасайся ее ни в чем, так как она верна Вашей Милости и мне.

Прошу и очень прошу, за ножки Вашу Милость, мое сердечко, обняв, не нарушай своего обещания!

5

Мое сердце любимое!

Сама знаешь, как я сердечно, страстно люблю Вашу Милость.

Еще никого на свете я не любил так. Я был бы счастлив и рад, если бы ты ехала да жила у меня; только я говорил, какой конец с этого может быть, а особенно при такой злости и упрямстве твоих родичей. Прошу, моя любимая, не изменяйся ни в чем, как уже неоднократно слово свое и рученьку давала, а я взаимно, пока жив буду, тебя не забуду.

6

Мое сердечко!

Не имею известия об обращении с Вашей Милостью, перестали ли Вашу Милость мучить и третировать, теперь уезжая на неделю в некоторые места, посылаю Вашей Милости подарок по случаю отъезда через Карла, который прошу благодарно принять, а меня в неотменной любви своей держать!

7

Мое сердечко!

Тяжко болею оттого, что сам не могу с Вашей Милостью подробно поговорить, что лучше для Вашей Милости в теперешнем положении сделать. Что Ваша Милость от меня требуешь, скажи все сей девке. В конце концов, если они, проклятые твои, тебя чураются, иди в монастырь, а я буду знать, что в этом случае с Вашей Милостью делать. И снова пишу: что требуется, уведоми меня, Ваша Милость!

8

Моя сердечно любимая!

Тяжко загоревал я, услышав, что эта мучительница не перестает Вашу Милость мучить, как и вчера это делала. Я сам не знаю, что с ней, гадиною, делать. То моя беда, что не имею нужного времени с Вашей Милостью обо всем переговорить. Больше от горя не могу писать, только то, что, что бы ни случилось, я, пока жив буду, тебя сердечно любить и желать всякого добра не перестану, и снова пишу, что не перестану, назло моим и твоим врагам.

9

Моя сердечно любимая!

Вижу, что Ваша Милость во всем отменилась в своей прежней любви ко мне. Как знаешь, воля твоя, делай, что хочешь! Будешь потом жалеть. Вспомни только слова свои, под клятвою мне данные, когда выходила от меня из покоя каменного, когда я дал тебе перстень брильянтовый, лучше и дороже которого у меня нет, что «что хоть так, хоть этак будет, но любовь наша не изменится».

Мое сердечко!

Пусть того Бог с душою разлучит, кто нас разлучает! Знал бы я, как врагам отомстить, только ты мне руки связала. С великой сердечной тоской жду я от Вашей Милости известия, а в каком деле, сама хорошо знаешь; очень прошу, дай мне скорый ответ на это мое письмо, мое сердечко!

Моя сердечно любимая, наимилейшая, наилюбезнейшая Мотроненько!

Я скорее смерти своей ждал, чем такой в сердце вашем перемены. Вспомни только свои слова, вспомни свою присягу, вспомни свои рученьки, которые мне неоднократно давала, что меня, хоть будешь за мной, хоть не будешь, до смерти любить обещала.

Вспомни наконец любезную нашу беседу, когда бывала у меня в покое: «Пусть Бог неправдивого карает, а я, хоть любишь, хоть не любишь меня, до смерти тебя, согласно слову своему, любить и сердечно лелеять не перестану, назло моим врагам». Прошу, очень прошу, мое сердечко, как-нибудь повидайся со мной, поведай, что мне с Вашей Милостью дальше делать; так как уж больше не буду терпеть от своих врагов, точно отмишу, а как, сама увидишь.

Намного счастливее мои письма, которые в рученьках твоих бывают, нежели мои бедные очи, которые тебя не видят.

Моя сердечно любимая Мотренько!

Поклон мой передаю Вашей Милости, мое сердечко, а с поклоном посылаю Вашей Милости гостинец, книжечку и колечко брильянтовое, прошу их с благодарностью принять, а меня в любви своей неотменно держать, потом, даст Бог, и лучшее поднесу. С этим целую уста коралловые, ручки беленькие и все тельце твое беленькое, моя нежно любимая!

Перевод Т. Г. Тауровой-Яковлевой

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИВАНА МАЗЕПЫ

1639, 20 марта — рождение Мазепы.

Начало 1650-х годов — обучение в Киево-Могилянском коллегиуме.

1657—1659 — обучение на Западе.

1660—1663 — покоевый польского короля Яна Казимира.

1668 — женитьба на Ганне Фридрикевич.

1672 — участие в военных походах П. Дорошенко.

1674 — Мазепа попадает в плен к И. Сирко и оказывается на Левобережье.

1687 — Коломацкая рада, на которой Мазепу избирают гетманом.

1689 — Мазепа принимает участие в нарышкинском перевороте.

1690 — первый поход на Кизикирмен.

1691—1692 — подавляет восстание Петрика.

1693—1694 — руководит походами на юг.

1695 — войска под руководством Мазепы берут Кизикирмен.

1696 — войска Мазепы вместе с русскими берут Азов.

1700 — Мазепа получает орден Андрея Первозванного.

1701 — поход Мазепы в Лифляндию, восстановление Переяславской епископии и Трехтемировского монастыря на Правобережье. Мазепа получает звание академии для Киево-Могилянского коллегиума.

1702 — подавление восстания запорожцев.

1703 — Мазепе вручают высшую награду Речи Посполитой орден Белого орла. На его средства сооружается корпус Киево-Могилянской академии.

1704 — поход Мазепы на Правобережье и подчинение его своей власти. Роман Мазепы с Мотрей Кочубей.

1705 — поход Мазепы на Польшу и взятие Замостья.

1706 — поход Мазепы в Белоруссию, он получает звание князя Священной Римской империи.

1707 — начало переговоров с Лещинским, донос Кочубея.

1708 — Мазепа переходит к Карлу XII.

1709, 21 августа — смерть Мазепы в Бендерах.

БИБЛИОГРАФИЯ

Основные источники

1. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. V. СПб., 1853.
2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. X. СПб., 1878; Т. XI. СПб., 1879; Т. XII. СПб., 1872; Т. XIII. СПб., 1885.
3. Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. I. СПб., 1890; Кн. II. СПб., 1891; Кн. III. СПб., 1892.
4. Архив Юго-Западной России. Ч. 3. Т. 1. К., 1863; Ч. 1. Т. 1. К., 1859; Ч. 1. Т. 5. К., 1875.
5. Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. Т. II—III. М., 1953.
6. Восстание в Москве 1682 года. Сб. документов. М., 1976.
7. Два письма гетмана Мазепы к галяцкому полковнику, писанные во время зимовки в Дубно в декабре 1705 года // Киевская старина. Т. LXXIII. 1901, апрель. С. 10—11.
8. Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 39. СПб., 1884.
9. Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время его пребывания в России. 1661—1678 // Московия и Европа. М., 2000.
10. Журнал или поденные Записки Государя императора Петра Великого. СПб., 1770.
11. Источники малороссийской истории, собранные Д. Бантыш-Каменским и изд. О.Боянским. Т. 1 // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 1. М., 1858; Кн. 2. М., 1859.
12. Книги разрядные. Т. II. СПб., 1855.
13. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке / Сост. Самоил Величико, бывший канцелярист канцелярии Войска Запорожского. Т. I—IV. К., 1848—1864.
14. Листи Івана Мазепи 1687—1691. Т. I. К., 2002.
15. Листи Івана Мазепи до Адама Синявського 1704—1708. Нью-Йорк, 1975 (The Letters of Ivan Mazepa to Adam Sieniawski. New York, 1975).
16. Літопис Самовидця. К., 1971.
17. Памятники, изданные Временною Комиссиею для разбора древних актов. Изд. 1-е. Т. 1—IV. К., 1845—1859; изд. 2-е. Т. I—III. К., 1897—1898.
18. Переписка патриарха Иоакима с воеводами, бывшими в Крымских походах 1687 и 1689 годов / Ред. Л. Саверов. Симферополь, 1906.
19. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I. СПб., 1887; Т. II. СПб., 1889; Т. III. СПб., 1893; Т. IV. СПб., 1900; Т. V. СПб., 1907; Т. VI. СПб., 1912; Т. VII. Вып. 1. Пг., 1918; Т. VII. Вып. 2. М.; Л., 1946; Т. VIII. Вып. 1. М., 1951; Т. VIII. Вып. 2. М., 1951.
20. Письма к гетману Ивану Мазепе об его сестре госпоже Войнаровской // Чтения в Московском Обществе истории и древностей российских. 1848. № 5. С. 1—4 (отд. оттиск).
21. Письмо Орлика С. Яворскому // *Субтельний О.* Мазепинці. Український сепаратизм на початку XVIII ст. К., 1994.
22. Присяжні книги 1654 р. Білоцерківський та Ніжинський полки. К., 2003.

23. Розыскные дела о Ф. Шаковитом. Т. 1. СПб., 1884; Т. 3. СПб., 1888.
24. Синбирский сборник. Т. 1. М., 1844.
25. Універсали Івана Мазепи 1687—1709. К.; Львів., 2002.
26. *Gordon P.* Tagebuch des Generals... wöhrend seiner Kreisdienste unter Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661, und seines Aufenthals in Russland vom Jahre 1661 bis 1699. Moscau, 1849.
27. *Pasek J. C.* Pamietniki. Wrocław; Warszawa; Gdansk, 1979.
28. Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego / Wyd. F. Kluczycki. T. I. Cz. I // Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. Krakow, 1880.

Основная литература

29. *Андрусак М.* Звязки Мазепи з Станиславом Лещинським і Карлом XII // Записки наукового товариства ім. Швеченка. Т. 152. Львів, 1933. С. 35—61.
30. *Богданов А. П.* Первые российские дипломаты. М., 1991.
31. *Богданов А. П.* Сильвестр Медведев // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 84—98.
32. *Борщак І., Мартель Р.* Іван Мазепа. К., 1991.
33. *Буганов В.И.* «Канцлер» предпетровской поры // Вопросы истории. 1971. № 10. С. 144—156.
34. *Воскобойникова Н. В.* К биографии В. В. Голицына // Архив русской истории. Вып. 6. М., 1995. С. 126—152.
35. *Востоков А.* Посольство Шаковитого к Мазепе в 1688 году // Киевская старина. 1890. № 5. С. 199—226.
36. *Георгиевский Г. П.* Мазепа и Меншиков. Новые материалы // Исторический журнал. М., 1940. № 12. С. 72—83.
37. Гетьмани України. Історичні портрети. Збірник. К., 1991.
38. *Грушевський М.* Виговський і Мазепа // Літературно-науковий вістник. К.; Львів, 1909. Т. XLVI. Год XII. Кн. VI. С. 417—428.
39. *Грушевський М.* Ілюстрована історія. СПб., 1913.
40. *Грушевський М.* К истории Переяславской рады 1654 г. // Доклады АН СССР. № 16. Л., 1929. С. 299—305.
41. *Живов В.* Из церковной истории времен Петра Великого. Исследования и материалы. М., 2004.
42. Іван Мазепа і Москва. 36 статей. К., 1994.
43. Історія України в особах. Козаччина. К., 2000.
44. *Кордт В.* Матеріали з Стокгольмського архіву до історії України п. XVII — початку XVIII вв. // Український археографічний збірник. Т. III. К., 1930. С. 17—55.
45. *Костомаров Н. И.* Мазепа // Актуальна історія Росії. «Руїна». М., 1995. С. 409—734.
46. *Костомаров Н. И.* Мазепинці // Там же. С. 737—1798.
47. *Крупницький Б.* Гетьман Пилип Орлик (огляд його політичної діяльності 1672—1742) // Праці Українського наукового інституту. Т. 47. Серія історична. 4. Варшава, 1937.
48. *Крупницький Б.* Гетьман Пилип Орлик (1672—1742), його життя і доля. К., 1991.
49. *Лавров А. С.* «Записки о Московии» де ла Невилля (преобразовательный план В. В. Голицына и его источники) // Вестник ЛГУ. Л., 1986. Сер. 2. Вып. 4. С. 88—91.

СОДЕРЖАНИЕ

50. *Лавров А. С.* Регенство царевны Софьи Алексеевны. М., 1999.
51. Мазепа — людина і історичний діяч. 36. ст. К., 1991.
52. *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990.
53. *Оглоблин О.* Гетьман Іван Мазепа і Москва // Іван Мазепа і Москва. К., 1994. С. 11—47.
54. *Оглоблин О.* Гетьман Іван Мазепа та його доба. Нью-Йорк; Київ; Львів; Париж; Торонто, 2001.
55. *Оглоблин О.* Договір Петра Іваненка (Петрика) з Кримом 1692 року // Ювіл. збірник на пошану Д. Багалія. К., 1927. С. 720—744.
56. *Павленко Н. И.* Александр Данилович Меншиков. М., 1983.
57. *Павленко Н. И., Артамонов В. А.* 27 июня 1709. М., 1989.
58. *Павленко С.* Іван Мазепа. К., 2003.
59. *Плохинский М. М.* Гетман Мазепа в роли великорусского помещика. Харьков, 1892.
60. *Погодин М. П.* Семнадцать первых лет в жизни Петра Великого. М., 1875.
61. Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России. Т. I—II. К., 1911—1916.
62. *Смолий В. С.* Іван Мазепа // Володарі гетьманської булави. К., 1995. С. 385—401.
63. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Сочинения. Кн. 7, 8. М., 1993.
64. *Соловьев С. М.* Чтения и рассказы по истории России. М., 1989.
65. *Ступак Ф. Я.* Добродійна діяльність гетьмана І. Мазепа // Український історичний журнал. 2005. № 1. С. 138—148.
66. *Субтельный О.* Мазепинці. Український сепаратизм на початку XVII ст. К., 1994.
67. *Уманец Ф. М.* Гетман Мазепа. Историческая монография. СПб., 1897.
68. *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. I—III. СПб., 1858.
69. *Чухліб Т.* Гетьмани і монархи. Українська держава в міжнародних відносинах 1648—1714 рр. К.; Нью-Йорк, 2003.
70. *Хьюз Л.* Царевна Софья. СПб., 2001.
71. *Brodgi Bercoff Giovanna.* Mazepa, lo zae e, il diavolo. Un inedito di Stefan Javorski.
72. *Bushkovitch Paul.* Peter the Great. The Struggle for Power, 1671—1725. Cambridge, 2001.
73. Mazepa and his Time. Alessandria, 2004.
74. *Perdenia Jan.* Stanowisko Rzeczypospolitej szlacheckiej wobec sprawy Ukrainy na przełomie XVII—XVIII w. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1963.
75. *Raczyński Edward.* Archivum tajne Augusta II. Wrocław, 1843.

Введение	5
<i>Глава 1.</i> Казачья Украина. Семья Мазеп	7
<i>Глава 2.</i> Детство и юность Мазепы	15
<i>Глава 3.</i> Путь к гетманской булаве	32
<i>Глава 4.</i> Начало гетманства: Мазепа и Голицын	55
<i>Глава 5.</i> Крымский поход и переворот Нарышкиных	76
<i>Глава 6.</i> В начале славных дел	86
<i>Глава 7.</i> Мазепа и «народные герои» — Палей и Петрик	98
<i>Глава 8.</i> Азовские походы	113
<i>Глава 9.</i> Ученик Макиавелли	124
<i>Глава 10.</i> Гетман обоих берегов	145
<i>Глава 11.</i> Триумф перед крахом	166
<i>Глава 12.</i> Неприятности	178
<i>Глава 13.</i> Переговоры со шведской партией	191
<i>Глава 14.</i> Катастрофа	218
Заключение	235
Примечания	240
Приложение. Письма Ивана Мазепы к Мотре Кочубей (1704) ...	261
Основные даты жизни и деятельности Ивана Мазепы	267
Библиография	268

Таирова-Яковлева Т. Г.
Т 14 Мазепа. — М.: Молодая гвардия, 2007. — 271[1] с.:
ил. — (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 1041).

ISBN 978-5-235-02966-8

В серии «ЖЗЛ» впервые выходит биография Ивана Мазепы (1639—1709), гетмана Украины, политического деятеля, дипломата и мецената. Автор рассказывает о культурной среде украинского возрождения конца XVII — начала XVIII века. Ярким ее представителем был Мазепа — поэт, покровитель архитектуры, книгоиздания, просвещения и богословия. Двадцать лет, на протяжении которых он возглавлял Украину, стали периодом экономического расцвета, укрепления государственного управления в рамках автономии и многочисленных военных походов, включая взятие Кизикирмена, Азова и Замостья.

Правление Мазепы — это период, когда нарастали противоречия между Гетманщиной и создававшейся Российской империей. Реформы Петра, усугубившиеся тяготами Северной войны, привели к трагическим для Украины и России событиям, в центре которых оказалась и судьба Мазепы.

**УДК 94(092)(477)“16”
ББК 63.3(4Укр) 511**

**Таирова-Яковлева Татьяна Геннадьевна
МАЗЕПА**

Главный редактор **А. В. Петров**
Редактор **И. А. Тихонюк**
Художественный редактор **А. Ю. Никулин**
Технический редактор **Н. И. Михайлова**
Корректоры **Л. С. Барышникова, Т. И. Маляренко,
Л. М. Марченко, Г. В. Платова**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 02.03.2006. Подписано в печать 19.12.2006. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л.
14,28+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 63356.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва,
Сущевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва,
Сущевская ул., 21.

ISBN 978-5-235-02966-8